

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КОМИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

МУЗЕИ И КРАЄВЕДЕНИЕ

ТРУДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Сыктывкар 2001

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КОМИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

**МУЗЕИ
И КРАЕВЕДЕНИЕ**

ТРУДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Выпуск 3

Сыктывкар 2001

МУЗЕИ И КРАЕВЕДЕНИЕ. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2001, 352 с. (Труды Национального музея Республики Коми; вып. 3)

Представленные в сборнике статьи освещают различные аспекты музейной деятельности, научных исследований по истории и культуре Коми края и соседних регионов. Авторы статей - сотрудники музеев Республики Коми, Архангельской, Кировской и Пермской областей, учёные Коми НЦ УрО РАН, преподаватели высших учебных заведений Республики Коми.

Сборник рассчитан на сотрудников музеев, научных и научно-образовательных учреждений, всех, кто интересуется историей и культурой родного края.

Редакционная коллегия: И.Л. Жеребцов, И.Н. Котылева, В.А. Сова, Э.В. Роттэ, Л.Д. Люсева, В.Л. Зеновская, Е.А. Томских.

© Национальный музей
Республики Коми 2001.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий выпуск сборника «Музеи и краеведение» посвящён юбилею Национального музея Республики Коми, 90-летию со дня основания.

Истории Национального музея и его коллекциям посвящён целый ряд статей в разделе «Музееведение: персоналии, коллекции, экспозиции, выставки». Здесь прежде всего надо отметить статьи В.М. Стрекаловой, В.А. Сова, Н.В. Титовой, С.В. Бандуры, Н.Е. Плаксиной, В.Ф. Паршукова, О.А. Трусовой, В.С. Зеленского. Значимо, что в юбилейном сборнике представлена обобщающая статья преподавателя СГУ Е.М. Патовой «Организация музейного дела на территории Европейского Севера (1917 - конец 20-х гг.)» и статьи представителей ненецкого окружного краеведческого музея Т.Ю. Журавлёвой и Т.Ю. Беловой о коллекциях музея.

Экспозиционная и выставочная работа музея представлена в работах О.Н. Смирновой, И.Н. Котылевой и А.Ю. Котылева, Л.Д. Люсовой, Р.И. Ларуковой и Е.Н. Потолицыной. Новые направления и тенденции в научно-просветительной работе НМРК обозначены в статьях Т.А. Пьянковой, Т.А. Косолаповой, Е.А. Усатовой.

Богато и разнообразно представлен раздел «Вопросы краеведения: археология, этнография, история, литературоведение». Материалы по археологии представлены в статье О.М. Селезнёвой. Самостоятельным блоком в этом разделе выступают материалы по традиционной культуре. Это статьи Г.И. Чудовой, А.А. Чувьурова, В.Э. Шарапова, И.Н. Котылевой.

Различным аспектам истории Республики Коми посвящены работы И.Л. Жеребцова, Е.Н. Боле, Е.Н. Потолицыной, Л.К. Рочевой, В.П. Носовой, М.В. Таскаева, Н.И. Суркова, А.А. Шишкина, А.В. Макеева, О.В. Золотарёва, Л.А. Наквасиной, И. Кривошеевой, А.В. Горской. Представляется, что для исследователей республики будет интересна статья сотрудника ненецкого окружного краеведческого музея Е.Г. Меньшаковой об истории бытования медного художественного литья среди русского и ненецкого населения Европейских тундр в XIX - нач. XX века.

Проблемы краеведческого литературоведения и искусствоведения освещены в статьях В.В. Кублицкого, Г.И. Тираспольского, А.Ю. Котылева, Л.А. Кызьюрова, Д.Г. Холоповой.

Авторами сборника являются сотрудники музеев, ученые Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкарского университета и пединститута. Благодаря предоставленным материалам, разнообразным по своему содержанию, сборник получился интересным и ёмким. Редакционная коллегия по мере возможности стремилась сохранить авторскую манеру изложения.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ: ПЕРСОНАЛИИ, КОЛЛЕКЦИИ, ЭКСПОЗИЦИИ, ВЫСТАВКИ

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Стрекалова В. М.

Национальный музей Республики Коми

История Национального музея Республики Коми тесно переплетается с историей страны и краеведения в Коми крае. Первые попытки организации музея представителями передовой интеллигенции относятся к 1872 и 1884 гг. Только в январе 1911 г. в Усть-Сысольске открывается отделение Архангельского общества изучения Русского Севера. Председатель отделения Андрей Андреевич Цембер в августе 1911 г. обращается с ходатайством в земскую управу: «Если земство даст помещение и ежегодную субсидию хотя бы по 100 рублей, то музей составится и может впоследствии стать гордостью и украшением города Усть-Сысольска». Однако ввиду отсутствия необходимых средств и помещения они не увенчались успехом. Земское собрание на заседании 4 октября (17 октября по новому стилю) того же года выносит постановление: «Ассигновать по смете с будущего 1912 г. пособие Усть-Сысольскому отделу общества изучения Русского Севера 100 рублей». Эту дату мы считаем днем образования нашего музея, хотя организуется музей в 1912 г. Руководителем его стал А.А. Цембер. В первые годы своего существования в коллекции находилось несколько десятков экспонатов по этнографии, археологии, небольшая библиотека. В музей поступали записанные любителями сказки, народные песни.

В 1916 г. после отъезда А.А. Цембера из Усть-Сысольска музей фактически приостанавливает свою деятельность, и только в 1918 г., несмотря на тяжелую обстановку в Коми крае, вновь открывается для посетителей. Был утвержден бюджет и два штатных работника, выделено помещение в доме Суворова по улице Набережной.

В мае 1919 г. музей переезжает в бывший дом купца Оплеснина (по ул. Коммунистической, 5) и занимает две комнаты площадью 16,5 квадратных метра, где было выставлено всего лишь 186 предметов. В 1922 г. создается Общество изучения Коми края, оказавшее большую поддержку музею.

В 1924 г. принято решение о передаче музею двухэтажного здания по ул. Республиканской (ныне ул. Орджоникидзе, 2). И уже в 1925 г. на первом этаже создается экспозиция. Увеличился штат работников, растет количество экспонатов и книг. В 1924 г. фонды музея значительно пополнились коллекцией профессора А.А. Чернова, культовыми предметами, книгами, привезенными из Ульяновского и Кытловского

монастырей, археологической коллекцией А.Н. Грена, предметами этнографии и быта, собранными А.С. Сидоровым в Ижмо-Печорском уезде в количестве 58 единиц.

В 1926 г. облисполком, поддержав инициативу общества изучения Коми края, возбуждает ходатайство перед ВЦИК о передаче Коми областному музею дубликатов печатных изданий, а также музейных экспонатов, касающихся Коми области как из центральных музеев и библиотек, так и местных.

На основании постановления Президиума ВЦИК от 29 марта 1926 г. в библиотеку музея поступило большое количество книг: из книгохранилищ Ленинграда - 2875 томов, из Государственной библиотеки им. В.И. Ленина в Москве - 2896 томов, а также из Перми, Великого Устюга, Вологды.

Из музейного фонда Главнауки поступила коллекция фарфора (около 300 предметов), картин, среди которых были работы Айвазовского, Венецианова и др. На ее основе был создан художественный отдел. В 1943 г. с созданием республиканского художественного музея коллекция картин была передана в его фонды. До 1946 г. оба музея располагались в одном здании.

В 1930 г. в музее работали уже четыре отдела: естественно-исторический, историко-культурный, общественно-экономический и художественный. К 1936 г. были созданы еще четыре новых отдела в соответствии с требованиями жизни и обстановки в стране: лесной и сельскохозяйственный, историко-революционный, политехнизации и антирелигиозный.

Большой заслугой музея можно назвать создание в начале 1930-х годов опытно-акклиматизационного участка, где выращивались разные культуры: просо, бобы, чечевица, табак, сахарная свекла, соя, укроп, пшеница и другие, заведовал участком бывший ссыльный агроном К.И. Ясенецкий. Летом устраивались выставки, где экспонировались образцы выращенной сельскохозяйственной продукции, орудия труда. Многие культуры затем распространялись по всей области. Эта работа продолжалась и в 40-е годы.

В 1933 г. музей поставил задачу организовать ботанический сад. В письме в Сыктывкарский городской Совет директор музея Г.А. Старцев просил выделить для этой цели участок в 35 гектаров у реки Дырнос около кирпичного завода. При этом отмечалось, что все работы будут выполнены за счет средств, заработанных сотрудниками музея по изданию карты Коми области в 1932 г.

Существенное влияние на деятельность музея оказало усиление в начале 1930-х годов административно-командной системы в стране и области и характерные для этой эпохи атмосфера подозрительности и постоянный поиск классовых врагов. Прежде всего это коснулось

руководства музея. В начале 1933 г. был снят с работы, а затем, в январе 1934 г., осужден директор музея Сергей Александрович Попов, реабилитированный посмертно лишь в 1989 г. Его сменил Георгий Афанасьевич Старцев. Но и он был снят в 1936 г. с работы «за бездействие в поиске врагов».

В 1936 г. музей возглавляет Василий Николаевич Подоров. В тезисах к докладу о работе музея за 1937 г. он называет деятельность А.А. Цембера, С.А. Попова, Д.А. Батиева, Г.А. Старцева контрреволюционной. В планах работы появляются пункты «Борьба партии и Советской власти с троцкистско-зиновьевскими бандами в деле строительства в Коми АССР»; «Партия в борьбе с врагами народа и извратителями учений Маркса-Ленина-Сталина» и т. д. Из библиотеки музея была изъята «троцкистско-бухаринская литература». Все чаще успехи республики и народа связываются с именем Сталина, все чаще в лекциях и экскурсиях научных сотрудников музея звучит его имя.

29 октября 1940 г. постановлением СНК Коми АССР музей был преобразован в Республиканский краеведческий музей.

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в жизнь музея: уходят на фронт сотрудники, почти вся просветительная работа переносится непосредственно на предприятия, в колхозы. В годы войны жизнь музея проходила в суровых условиях. Сотрудники сами заготавливали дрова для отопления зданий, температура в которых в период зимних холодов нередко держалась на уровне 2-3 градусов тепла. Кроме того, участвовали в сплавных работах, трудились на лесозаводе, в пригородном хозяйстве, на уборке урожая и т. д.

Несмотря на трудности военных лет, в музее продолжались научные исследования, велась активная собирательская работа. Именно тогда были заложены основы нынешней коллекции реликвий периода Великой Отечественной войны: большую ценность представляют, в частности, образцы продукции, выпускаемой промышленными предприятиями и кустарными артелями республики для нужд фронта и тыла.

Это позволило уже в 1945 г. построить экспозицию «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны», тематико-экспозиционный план которой был положительно оценен в Управлении музеев РСФСР.

За свой самоотверженный труд директор музея М.Е. Калинин, заместитель директора по науке Н.Н. Голикова, заведующая фондами А.А. Вязова, заведующая отделом природы А.А. Скрипова были награждены медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Послевоенные годы стали периодом настоящего творческого подъема коллектива музея. В 1946 г. Коми республика отмечала свой 25-летний юбилей. Музею было поручено организовать выставку до-

стижений народного хозяйства и культуры республики. Директором юбилейной выставки был назначен М.Е. Калинин.

Размах работы, которая велась по строительству выставки, поражает даже с позиций сегодняшнего дня. Был объявлен конкурс на ее художественное проектирование, а позднее утверждены проекты двух художников - В.А. Баусова и В.Г. Постникова. Над составлением тематического и тематико-экспозиционного планов выставки работали свыше 60 инженеров, архитекторов, агрономов, художников, научных работников. В разработке эскизов по ее художественному оформлению трудились 18 лучших художников и архитекторов города. Работали 9 фотографов и около 50 резчиков букв. Выставка разместилась в пяти зданиях на площади 2000 квадратных метров, два из которых были построены вновь. Основной павильон был каркасный, оштукатуренный снаружи и изнутри. Здесь разместился раздел промышленности. Он просуществовал до 1966 г.

Для сбора материалов на выставку и их обработки были выделены уполномоченные со всех организаций и предприятий, созданы специальные группы.

Постановлением Совета Министров Коми АССР от 7 января 1947 г. все экспонаты и здание главного павильона выставки были переданы музею. Фонды пополнились 7000 экспонатами, свидетельствующими об экономическом, социальном и культурном развитии республики. За организацию выставки М.Е. Калинин был награжден Почетной грамотой Верховного Совета Коми АССР.

В следующем, 1947 г., музей открывает еще одну выставку, посвященную 30-летию Великого Октября. На базе этих двух выставок в 1948 г. был создан отдел истории советского общества.

В 1946 г. в связи с предоставлением художественному музею самостоятельного помещения экспозиционные площади краеведческого музея расширились: второй этаж основного здания музея (по улице Орджоникидзе, 2) был отдан под экспозицию отдела природы. В 1958 г. на этой площади была развернута экспозиция «Человек в борьбе за преобразование природы Севера». На состоявшемся в 1963 г. на базе этой экспозиции всесоюзном семинаре научных сотрудников отделов природы отмечалось, что в Коми республиканском краеведческом музее впервые в истории музееведения была создана экспозиция, раскрывающая роль человека в борьбе за освоение богатств Севера. Экспозиция просуществовала до 1979 г. и была демонтирована в связи с капитальным ремонтом здания.

Значительно увеличились экспозиционные площади музея в 1968 г. в связи с предоставлением здания по улице Ленина, 57. В 1970 г., к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, здесь была открыта экспозиция отдела истории советского общества, которая дополнялась и пе-

рестраивалась вплоть до 1983 г., когда здание было закрыто на ремонт и на строительство новой экспозиции отдела истории.

Научная документация новой экспозиции была подготовлена коллективом научных сотрудников под руководством заместителя директора музея по научной работе, кандидата исторических наук Т.П. Раевской. В создании отдельных разделов экспозиции принимали участие Л.Л. Косинская, Л.Д. Люосева, Н.А. Митюшева, Т.А. Пьянкова. Открытие новой экспозиции было приурочено к началу VI Международного конгресса финно-угроведов, который состоялся в июле 1985 г. в Сыктывкаре. К этой же дате в помещении бывшей женской гимназии (по улице Орджоникидзе, 15) были развернуты две большие выставки: «Древнее и традиционное искусство финно-угорских народов» (экспозиционеры - В.П. Зеновская, Е.С. Самарина, Н.В. Титова, И.М. Уткина) и «Коми АССР в семье братских народов» (экспозиционеры - Н.А. Зинченко, Л.И. Исакова, Н.А. Пискун, Э.В. Роттэ, Н.И. Свистельник, Г.Ю. Ширяева).

Автором художественного решения и главным исполнителем художественно-оформительских работ был член Союза художников и Союза архитекторов СССР, художник Московского комбината декоративно-оформительского искусства (МКДОИ) В.П. Явшиц. Вся огромная организаторская работа по строительству экспозиций и выставок была проведена Е.В. Семичастновой, которая в то время возглавляла музей.

В 1987 г., к 70-летию Великого Октября, были завершены реставрационные работы на здании Вознесенской церкви в местечке Кируль. В начале 1989 г. здесь была открыта этнографическая экспозиция «Культура и быт народа коми» (экспозиционер - Н.В. Титова, художник - В.П. Явшиц). Несмотря на высокий уровень научного и художественного решения (проект экспозиции художника В.П. Явшица завоевал первое место на ежегодном творческом конкурсе проектов МКДОИ в 1989 г.), экспозиция просуществовала недолго. В 1991 г. по решению Совета Министров Коми ССР церковь передана православной общине города Сыктывкара. С 1993 г. отдел этнографии располагается в новом здании - отреставрированном памятнике истории и архитектуры.

В 1994 г. музей получил высокое звание Национального музея Республики Коми. Это было признанием его ведущего места в деле сохранения, изучения и пропаганды историко-культурного наследия республики. Из российских финно-угорских музеев только четыре имеют подобный статус: Марийский, Чувашский, Национальная галерея РК и наш. В 1999 г. единственный среди региональных музеев получил статус особо ценного объекта культурного достояния и наследия народа Республики Коми. Национальный музей РК обладает уникальной коллекцией, насчитывающей более 235 тысяч предметов по истории,

культуре, этнографии, искусству, природе родного края. Бесценна библиотека музея, собрание которой включает в себя и издания XIX века.

В последние годы деятельность музея была объединена общемузейной темой «Этнические и этнографические группы на территории Республики Коми: история и современность». И как результат этой работы - выставки: «Изьватас - коми ижемцы», «Пути мифов - пути народов» (авторы данной выставки стали лауреатами Государственной премии Республики Коми), создание новой этнографической экспозиции «Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла».

В настоящее время сотрудники музея работают над новой научной концепцией экспозиции отдела истории, одной из основных тем которой будет национальное измерение в гражданской истории.

Национальный музей РК прочно занял свое место в социокультурной жизни города и республики. Ежегодно экспозиции и выставки посещают около 60 тысяч человек, проводится более 2000 экскурсий, различные по тематике мероприятия. Работа с посетителями осуществляется через систему специализированных программ «Культура и музей», «Мир музея». На базе музея проходят городские олимпиады и республиканские краеведческие конференции, научно-практические конференции с участием ведущих специалистов научных учреждений, высших учебных заведений и российских музеев.

Расширяются связи с зарубежными финно-угорскими музеями. В 1992 г. был заключен договор о сотрудничестве с Эстонским этнографическим музеем, который успешно выполнен. Много лет Национальный музей РК сотрудничает с Финским и Венгерским национальными музеями, обществом Кастрена (Финляндия). Международное культурное сотрудничество не только расширяет границы территорий, принимающих в нем участие, но и дает возможность познакомиться с практикой реализации культурных проектов. Примером этому является участие нашего музея в реализации проекта по созданию в Венгрии музея, состоящего из усадебных комплексов финно-угорских народов.

Для реализации программ и проектов музей начинает успешно работать с различными грантами. В 2000 г. были получены 4 гранта: Президента России, Института «Открытое Общество» Сороса, Общества Кастрена и Министерства культуры РК.

Завершая краткий экскурс в историю Национального музея Республики Коми, хочется отметить, что музей достойно прошел свой путь, выполняя свою основную миссию сохранения материального и духовного наследия народов Республики Коми, воспитывая молодое поколение в лучших традициях, внося в культурное развитие республики свой весомый вклад.

ПОДВИЖНИК КРАЕВЕДЕНИЯ (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.А. ПОПОВА)

Сова В. А.

Национальный музей Республики Коми

С.А. Попов был достаточно известен в г. Усть-Сысольске в 1920-е - начале 1930-х гг. Участник археологических экспедиций, сподвижник и коллега в диалектологических экспедициях Василия Ильича Лыткина, один из первых директоров Коми областного музея - он органично вписался в когорту первого поколения коми советской интеллигенции. К сожалению, имя его сегодня известно лишь узкому кругу исследователей, а если быть совсем точными - незаслуженно забыто. Талантливый исследователь, музеевед, писатель и публицист более 50 лет прожил вдали от родных мест, и только последние месяцы своей жизни провел в Сыктывкаре.

Сергей Александрович родился 8 октября (25 сентября по ст. стилю) 1905 г. в с. Визинга Усть-Сысольского уезда, где в то время проходил службу его отец, полицейский урядник. Учился в церковно-приходской школе, затем в Усть-Сысольской гимназии, педагогическом техникуме повышенного типа, который окончил в 1925 г. по социально-историческому курсу. Проработав год в школе при техникуме в качестве преподавателя, поступил в 1-ый Московский государственный университет на этнографическое отделение историко-философского факультета.

Находясь в Москве, он много работал в архивах и библиотеках, собирая сведения и документы о Коми крае. Впоследствии эти материалы публиковались в журналах «Коми му» и «Записки Общества изучения Коми края». Некоторые свои статьи он публиковал под псевдонимом «Чожмор». Он одним из первых опубликовал заметку о неосуществленных планах промышленника Василия Николаевича Латкина, предание о богатыре Шипице, записанное им в с. Слобода, статьи «К происхождению языка и народа коми», «Избранное о зырянах» и ряд др. С 1927 по 1930 гг. Сергей Александрович был членом правления и председателем Московского филиала Общества изучения Коми края. В 1928 г. Василием Ильичом Лыткиным была организована при Московском филиале ОИЖК комиссия по собиранию словарного материала и изучению диалектов коми языка, в которую вошли А.С. Сидоров - преподаватель Ленинградского педагогического института им А.И. Герцена, и студенты Московского университета С.А. Попов и Е.А. Чеусова. Основной задачей своей работы комиссия считала подготовку и издание «Коми диалектологического словаря». Летом 1928 и 1929 гг. Попов побывал в селах Легка, Керчомья,

Вочь, Объячево, Вотча, Коквицы, в Зюздинском крае. После издания Словаря комиссия намеревалась подготовить к изданию полный академический словарь коми языка. Однако в 1932 г. комиссия распалась. Все свои черновые материалы для академического словаря С.А. Попов сдал в Коми областной архив, где они и находятся в настоящее время (ф.710).

Окончить университет Сергею Александровичу не удалось. В 1929 г. он выбыл с последнего 4-го курса «вследствие поездки на родину и невозвращения на академическую регистрацию», как писал сам в автобиографии. Существует и другая версия о недопуске к госэкзаменам из-за отца, «классового врага».

Вернувшись домой, С.А. Попов вел преподавательскую работу, а с сентября 1931 г. был назначен заведующим Коми областным музеем. За 2,5 года работы в этой должности ему удалось заметно оживить музейную жизнь. Сотрудники музея начали планомерно заниматься изучением и сбором этнографических материалов, изучались фондовые коллекции. Был открыт сельскохозяйственный отдел с опытным акклиматизационным участком. Строились планы об устройстве ботанического сада и природного заповедника, пасеки с посевом медоносных растений, искусственных водоемов для разведения рыбы и т.д. Активно формировалась корреспондентская сеть из числа молодежи, учителей и крестьян для сбора информации по этнографии и истории коми народа. Одним из таких корреспондентов был Василий Прокопьевич Кунгин - самородок, талантливый бытописатель, передавший музею 8 томов очерков, рассказов, стихов, пьес о жизни северного края. При музее функционировала экономо-географическая секция краеведов, в которой состояли С.А. Попов, Д.А. Батиев, Н.А. Соснин, С.М. Можяев, С.Ф. Матюшев.

Но в апреле 1933 г. С.А. Попов был неожиданно арестован. Как известно, это было время разгрома краеведческого движения, как в центре, так и на местах, под предлогом борьбы против национализма. После многочисленных арестов органами ОПТУ было заведено многотомное дело «О контрреволюционной организации национал-шовинистической организации в Коми области». В этот политический фарс было вовлечено около 30 человек: Д.А. Батиев, В.И. Лыткин, А.А. Чеусов. По постановлению коллегии ОПТУ Северного края от 21 января 1934 г. Сергей Александрович Попов был выслан на 3 года в Казахстан, несмотря на то, что следствие не установило его участие в «контрреволюционной» организации.

Ссылку Сергей Александрович отбывал в г. Алма-Ата, работая сначала корректором газеты «Казахстанская правда», а с ноября 1934 г. научным сотрудником центрального музея Казахстана. В мае 1938 г.

он был переведен в Петропавловск казахстанский, где также работал в местном краеведческом музее. В годы Великой Отечественной войны С.А. Попов был зачислен в строительный батальон и отправлен сначала в Томск, а затем в Челябинскую область на строительство плотины и гидростанции. Здесь он проработал до июля 1946 г. Был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Осенью этого же года он перебрался в Оренбург - центр обширнейшего во многом уникального по своему историко-географическому положению края. Проработав некоторое время в Оренбургском педагогическом институте, там же закончив филологический факультет, С.А. Попов в июле 1948 г. был зачислен в штат областного краеведческого музея на должность старшего научного сотрудника. Древности Оренбуржья не могли не увлечь краеведа. Изучение их, фактически, стало главным делом его жизни. Прожив в Оренбурге почти сорок лет, все эти годы Сергей Александрович с глубоким интересом занимался изучением истории, археологии и этнографии края и был признанным знатоком и авторитетом в этих вопросах.

Директор музея Сергей Яковлевич Борисов, увидев, оценив трудолюбие и увлеченность нового сотрудника, оказывал ему неизменную поддержку и помощь, понимая, что нелегко найти таких специалистов, которые при мизерной зарплате проводили бы столь интенсивную и многоплановую исследовательскую работу, связанную с частыми командировками, поездками и пешими походами по многим районам области. Именно директор музея помог устроиться Попову с жильем, как мог поощрял его подвижническую работу на ниве краеведения. Характерен в этом отношении праздничный приказ от 6 ноября 1948 г., где в § 3 говорилось: «Старшего научного сотрудника Попова Сергея Александровича за большую работу по организации раздела экспозиции «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война» и по оформлению выставки картин премирую ботинками...».

Ведущей темой, которой С.А. Попов занимался едва ли не с первых дней после приезда в Оренбург и которую разрабатывал до последних дней своих, было заселение Оренбургского края. Исследователь мыслил написать книгу на эту тему, где хотел собрать материал о возникновении всех населенных пунктов Оренбуржья. По крупицам собирался материал в архивах, составлялась обширная картотека выписок по многим селениям. С 1948 г. в местных газетах публиковались статьи Попова и краеведческие заметки о старинных селах края. В 1954 г. в сборнике «По родному краю» вышла большая статья Сер-

гея Александровича «По местам событий крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева в Оренбургском крае».

Собирая материал к названной статье, Сергей Александрович пешком прошел по маршрутам пугачевских повстанцев от Илека до Оренбурга. Причем краеведа интересовали не столько сложные теоретические проблемы, сколько конкретно-исторические события восстания, связанные с тем или иным населенным пунктом.

В сборнике «Под знаменем Пугачева», изданном в 1973 г. в Челябинске к 200-летию Крестьянской войны 1773-1775 гг., исследователь продолжил подробное описание, взяв маршрут от Оренбурга до Ореха. В связи с 200-летием Пугачевского восстания в г. Оренбурге в 1973 г. была проведена Академией наук крупная научная конференция, на которой в числе докладчиков и активных участников был и Сергей Александрович.

Не прошло мимо внимания краеведа и такое важное событие в культурно-исторической жизни края, как приезд в 1833 г. А.С. Пушкина. Скрупулезный поиск в архивах принес исследователю ряд находок и открытий. На основе ревизских сказок и духовных росписей С.А. Попов установил личность и биографические данные собеседницы Пушкина в Бердах - «Старухи в Бердах» Ирины Афанасьевны Бунтовой, ряда других собеседников поэта, отыскал данные о пугачевце по имени Степан Разин, уточнил сведения о лицах, с которыми встречался поэт.

Дважды издавался написанный Поповым буклет «Путешествие А.С. Пушкина в Оренбургский край», где он обобщил свои исследования по этой теме и сжато, последовательно изложил главные вехи и факты пушкинской поездки. Наиболее значимыми в научном отношении были статьи автора по этой теме в журнале «Советские архивы» (1969 г.) об оренбургских собеседниках Пушкина. Эти и другие работы С.А. Попова по «пушкинской» тематике нашли признание в академических кругах. Высоко отзывался о них крупнейший современный исследователь «пугачевско-пушкинской» проблематики, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР Академии наук СССР Р.В. Овчинников. Он лично знал Сергея Александровича, вел с ним оживленную переписку, учитывал его советы и обнаруженные им новые архивные материалы.

Интерес к Пушкину и его оренбургскому окружению привели краеведа к изучению пребывания В.И. Даля в Оренбургском крае. Заинтересовался исследователь и судьбой оренбургских литераторов, современников Пушкина - Александра Павловича Крюкова и Петра Михайловича Кудряшова - члена тайного общества декабристского направления. Результатом изучения истории этого общества стали

рукопись статьи «Оренбургское тайное общество» и под тем же названием буклет, изданный в 1976 г. местным отделением общества охраны памятников истории и культуры.

Характеристика исследовательской деятельности краеведа будет неполной, если не сказать о его занятиях этнографией. В этнографическом отношении Оренбургский край, где проживали представители многих национальностей, сохранивших особенности хозяйственного и бытового уклада, культуры и традиции, представлял для него большой интерес. Одежду, орудия труда, предметы быта, культуры, письменные, языковые, топонимические, фольклорные памятники выявлял, собирал и записывал он в своих многочисленных поездках и походах. Эта работа облегчалась знанием многих языков - коми, русского, немецкого, английского, финского, татарского, башкирского, казахского.

Деятельность С.А. Попова в качестве старшего научного сотрудника, а затем заведующего отделом истории досоветского периода - это целая эпоха в развитии Оренбургского областного краеведческого музея. Попов пришел в музей как раз в то время, когда он получил, наконец, постоянное пристанище - одно из лучших старинных зданий города, бывший купеческий дом. Благодаря неутомимым трудам Сергея Александровича, поискам и исследованиям музей рос, пополнялся новыми экспонатами и материалами, и постепенно стал одним из богатейших по количеству и составу коллекций среди музеев страны. При активном участии Сергея Александровича разрабатывалась научная документация экспозиций и выставок, велась собирательская и экскурсионно-массовая работа. В 1972 г. коллективом научных сотрудников, в числе которых был и С.А. Попов, был издан великолепный, богато иллюстрированный «Путеводитель» по залам Оренбургского музея.

Сергей Александрович Попов спланировал вокруг себя талантливых молодых краеведов, сотрудников музея. Многие из них сохранили о нем самые светлые воспоминания. Так, Н.М. Выставкина пишет в своих воспоминаниях: «В середине 70-х годов С.А. Попову было уже за 70 лет. Но ходил он еще быстро, бодро. И вообще, быстрыми движениями и подвижностью отнюдь не напоминал старика. Ценил в людях серьезность, основательность. Внешне был очень прост, небольшого роста, легкие седые волосы, простейшая одежда (какая-то коричневая куртка), толстые очки. Была своеобразная речь, умная и ироничная, часто употреблял древнерусские слова. Общительный, он удивительно мог разговорить собеседника. Была в нем настоящая интеллигентность, порядочность, доброта.

Все, знавшие С.А. Попова, отмечали его активность в обществен-

ной деятельности. Он активнейший член общества охраны памятников истории и культуры, много лет возглавлял историческую секцию городского отделения. Участвовал Сергей Александрович и в деятельности Географического общества «Знание», часто читал лекции в воскресном лектории при музее, выступал перед учителями, школьниками во время выездов в сельские районы области.

Сергей Александрович поддерживал научные контакты и связи со многими учеными и краеведами, ведя с ними оживленную переписку. В библиотеке краеведа было собрано около 30 книг с дарственными автографами авторов. Научно-краеведческая деятельность С.А. Попова получила высокую оценку общественности и ученых, на его работы ссылаются такие крупные ученые, как археолог К.Ф. Смирнов, литературоведы Н.В. Измайлов, Н.Е. Прянишников; историки Р.В. Овчинников, Н.М. Тарасов, П.Б. Матвиевский и др. Высоко ценил дружбу и совместную исследовательскую работу с Сергеем Александровичем Константин Федорович Смирнов (1917-1980), знаток сармато-савроматской археологии, автор около 100 научных трудов. В соавторстве ими было опубликовано около десятка статей, в основном о новых археологических открытиях, сделанных в ходе работ Оренбургской экспедиции.

Большой обобщающей работой С.А. Попова по истории археологического изучения Оренбургского края, его впечатлениях и воспоминаниях об экспедициях стала книга «Тайны Пятимаров», имевшая подзаголовок - Очерки по древней и средневековой истории Оренбургского края. Книга была издана в 1971 г. Южно-Уральским книжным издательством, получила широкое признание читателей и в 1982 г. вышла вторым, дополненным изданием.

В последние годы жизни особенно интенсивно занимался Сергей Александрович темой заселения края. Чувствуя, что слабеют силы, ухудшается здоровье (сильно болели ноги, катастрофически падало зрение, и нарастала угроза его полной потери), он продолжал напряженно работать. Об интенсивности и результатах этой работы свидетельствуют газетные публикации тех лет. Одна из последних публикаций - статья «Оренбургские сибиряки» - напечатана в газете «Южный Урал» 14 мая 1986 г., за три месяца до кончины краеведа, когда он, тяжело больной, находился у родственников в Сыктывкаре. С.А. Попов скончался 17 августа 1986 г. и был похоронен на городском кладбище в Сыктывкаре.

Многогранная научная и общественная работа исследователя отмечена орденом «Знак почета», медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», специальным знаком Министерства культуры РСФСР.

Обширнейший архив С.А. Попова разбросан в многочисленных учреждениях и архивах Москвы, Оренбурга, Сыктывкара, в Оренбургском краеведческом музее, Национальном музее Республики Коми. Очень хочется верить в то, что когда-нибудь они будут изучены, систематизированы и опубликованы.

***

1. Они любили край родной. Сыктывкар. 1992.
2. В.И.Лыткин и финно-угорский мир. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося коми поэта, философа и ученого В.И.Лыткина. (Сыктывкар, 6-9 февраля 1999г.).- Сыктывкар. 1999.
3. Подвижник краеведения. // История Оренбургского края. Советский период. - Оренбург. 1993. С.31-54.
4. Беляев Г.В. Чожмор пиой - таланой. // Коми му. 1996. 19 сентября.
5. Архив ФСБ РК: д№7848, л.50, д.9644, л.58.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сова В. А.

Национальный музей Республики Коми

Начало Великой Отечественной войны, навязанной нашей стране фашистской Германией, внесло значительные коррективы в экономику, промышленность, сельское хозяйство, культуру и социальную структуру Коми республики. Война внесла значительные изменения в работу и жизнь небольшого коллектива Коми республиканского краеведческого музея.

«С самого начала войны, - писала исполняющая обязанности директора музея Т. Н. Никольская, - музей начал перестраивать свою работу применительно к условиям военного времени.»¹ Пришлось отказаться от участия в ряде интереснейших экспедиций, запланированных совместно с Базой по изучению Севера, в том числе в верховья реки Вычегды в район предполагаемого затопления в связи с постройкой Ка-Арско-Вычегодского гидроузла и для исследования почв, флоры и фауны вдоль железнодорожной магистрали, а также с целью определения пригодности этой территории к заселению переселенцами. Были приостановлены работы по подготовке новых экспозиций отделов природы и истории.

В первую очередь началось осуществление большого выставочного проекта на героико-патриотическую тематику под названием «Борьба великого русского народа против иностранных интервентов». Уже в конце 1941 г. эта выставка, сформированная из фондовых материалов, фотографий и плакатов, из энциклопедических научно-популярных изданий и плакатов, была открыта. Выставка объединила 13 разделов, каждый из которых мог стать отдельной тематической выставкой: «На льду Чудского озера», «Народное ополчение Минина и Пожарского», «Суворов - великий русский полководец», «Отечественная война 1812 г.», «Героическая оборона Севастополя 1863-1866 гг.», «Разгром германских интервентов в 1918 г.», «Как мы били японских самураев и финских шюцкоровцев», «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма» и др. Трижды она обновлялась и дополнялась новыми материалами к знаменательным датам в истории нашего государства. Кроме того, была организована небольшая выставка «Коми республика в дни Отечественной войны», отражающая работу трудящихся республики в тылу и подготовку будущих бойцов Красной Армии.

2 ноября 1941 г., в воскресный день, музей посетил секретарь Коми обкома ВКП(б) А.Г. Тараненко. После осмотра экспозиций и выставок им были сделаны замечания по содержанию некоторых разделов и высказано пожелание усилить тему героизма русского народа. А 7 февраля 1942 на заседании Коми Совнаркома рассматривался вопрос о работе Коми республиканского музея, на котором было предложено «перестроить всю экспозицию в соответствии с требованиями военного времени...»². На этом же заседании был принят новый тематико-экспозиционный план отдела истории. Для облегчения музею осуществления данного плана Совнарком обязал Наркомлес, Наркомлеспром, Наркомздрав, Наркомторг, Наркомпрос, Управление по делам искусств, управление трудовых резервов, Комилес, Промсоюз, Коми издательство и другие организации принять участие в оформлении экспозиции через предоставление в распоряжение музея экспонатов и других выставочных материалов.

В период создания новой экспозиции музею помогали многие другие организации. Например, оборудование было изготовлено учащимися школы ФЗО №2 г. Сыктывкара. Научные сотрудники выезжали по сбору экспонатов в Княжпогост, Вожаель, Ухту на предприятия местной промышленности и лагпункты, которые передавали образцы продукции для музея. Показателен и такой пример. При монтаже экспозиционных конструкций столярам, работавшим в вечернее время, через секретаря обкома партии тов. Елькину удалось получить дополнительное питание: по 2 булки на день и 2 кг сыра.

Благодаря напряженной работе научных сотрудников, художников и технического персонала музея, 7 ноября 1942 г. правительственная комиссия приняла экспозицию нового отдела «Социалистическое строительство», с которой в тот же день ознакомились первые посетители.

С начала военных событий до конца 1942 г. трижды сменился состав научных сотрудников музея в связи «с мобилизацией в РККА», сменилось 3 директора.

«Первой ласточкой» надвигавшейся Великой Отечественной войны стал призыв директора музея Старцева А.А. на трехмесячные курсы переподготовки комсостава запаса в г. Могилев. Здесь он встретил войну. Участвовал в обороне Москвы, Сталинграда, в освобождении Ленинграда, закончил войну в Прибалтике.

Начавшаяся война прервала работу в музее Доронина П.Г. По состоянию здоровья он не призывался на военную службу и даже не состоял на воинском учете. Но 10 июля 1941 г. Павел Григорьевич расписался в ведомости на получение зарплаты и отпускных, а 11 июля

был мобилизован в армию. Первоначально он состоял в резерве начкомсостава при 34 стрелковом запасном полку в Архангельском военном округе. После окончания высших стрелково-тактических курсов «Выстрел» был назначен командиром роты 1259-го стрелкового полка 3-ей ударной армии на Калининском фронте, с жестокими боями в составе 2-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов шел на запад. В волости Хотча Илжевского уезда, что в Польше, капитан Доронин был назначен комендантом советской комендатуры, а позднее - помощником коменданта района Арнсвальде в Германии. В 1946 г. по ходатайству Президиума Верховного Совета Коми АССР П.Г. Доронин вернулся на родину и приступил к работе сотрудником Коми базы Академии наук СССР.

Научного сотрудника отдела истории Ф.В. Щербакова Сыктывкарский военкомат направил в конце 1941 г. начальником стрелково-спортивного клуба Осоавиахима Коми АССР. Однако он считал, что его место там, где идут бои. Закончив стрелковые курсы «Выстрел», лейтенант Федор Щербаков был назначен командиром взвода ПТР 37 отдельной стрелковой бригады 3-й танковой армии Воронежского фронта. 22 февраля 1943 г. в бою за станцию Александровка Харьковской области был тяжело ранен разрывной пулей. После излечения Федор Васильевич возвращается в Сыктывкар, а в 1945 г. вновь возвращается на работу в музей на должность заведующего отделом истории.

Кроме того, в 1941-1942 гг. коллектив музея расстался в связи с мобилизацией на фронт с двумя директорами - Бандуровским Андреем Калимовичем и Машезерским Виктором Ивановичем, научными сотрудниками Нахлупиным Павлом Ильичом, Берняковым, препараторщиком Радиявским Иваном Леонтьевичем, завхозом Дыгневым Дамбо Циденевичем. Их места занимали женщины. Обязанности директора исполняла молодая женщина, выпускница Московского государственного университета Т.Н. Никольская. Коми и русские, украинки и немки - они работали рядом, неся на своих плечах тяжелый груз забот, связанных с заготовкой дров и сена для музейной лошади, ремонтными работами, выездом в дальние районы республики с передвижными выставками и по сбору экспонатов. Они заслужили глубокое уважение и благодарность последующих поколений работников музея. Вот их имена: Вязова Анна Алексеевна - заведующая фондами, Братенкова Агния Алексеевна - зав. отделом природы, Лучкина Надежда Николаевна - зав. отделом соцстроительства, Фролова Людмила Андриановна - зав. отделом истории, Шкрябина Мария Александровна - зав. библиотекой, Латкина Марфа Николаевна - завхоз, и другие.

В январе 1943 г. директором музея назначается М.Е. Калинин - опытный музейный работник, фронтовик, комиссованный из армии по состоянию здоровья. Вот таким запомнился для него первый год работы: «Здания музея совершенно не отапливались и даже в рабочих комнатах температура колебалась от 0° до 5° тепла, в более морозные дни температура опускалась ниже 0°. Дров не было и о соблюдении температурного режима, определяемого соответствующими инструкциями, не могло быть и речи. Имевшаяся лошадь ввиду крайнего истощения и отсутствия кормов была отобрана и передана горкомхозу. Подвозка дров за 7-8 километров силами коллектива полностью не обеспечивала музей дровами... В течение года штаты музея не удалось довести до нормального уровня, частые мобилизации на оборонные работы создавали сильную текучесть (кадров - В.С.)».

Новому директору пришлось заниматься одновременно ремонтом зданий музея, строительством конюшни, организацией и подготовкой галереи знатных людей Коми АССР и экспозицией «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны», систематизацией и научным описанием экспонатов. Строительные и ремонтные работы велись рабочими Стройтреста и работниками музея, которые привлекались во внеурочное время. Руководство Стройтреста нашло возможным выделять несколько человек для работы в музее безвозмездно, а взамен директор и сотрудники проводили лекции, политинформации, зачитывали газетные статьи о положении на фронтах и устраивали передвижные выставки.

В 1943 г. удалось оформить и открыть для обозрения галерею знатных людей Коми АССР, выделив для нее отдельный зал. В экспозиции галереи были представлены 60 портретов участников войны и тружеников тыла, 4 сюжетные картины о подвигах коми героев, 35 фотографий, характеризующих работу трудящихся Коми АССР в годы войны. За неимением свободных выставочных площадей в музейных зданиях, количество новых выставок было незначительным (1941 г. – 1, 1942 г. – 5, 1943 г. – 6, 1944 г. – 3, 1945 г. – 1).

Вместе с тем, из года в год росло число передвижных выставок, представляемых непосредственно в учреждениях, учебных заведениях, в колхозах, в местах проведения общественно-политических мероприятий и научных конференций. (1941 г. – 2, 1942 г. – 4, 1943 г. – 17, 1944 г. – 9, 1945 г. – 13). Тематика выставок была самой разнообразной: к историческим датам страны («Отечественная война 1812 г.», «25 лет РККА»), «Памяти В.И. Ленина», «Героическая оборона Сталинграда», «Советские женщины в годы Великой Отечественной войны», «Мы их били, бьем и будем бить», «Молодежь в годы Отечественной вой-

ны», «Медали и награды XVII-XX веков») и практического назначения («Выльгортский плодово-ягодный питомник», «Дадим стране лекарственное сырье», «Подготовка к весеннему севу», «Шире используем местные удобрения», «Использование местных материалов в оформлении политпросветучреждений» и др.). Выставки позволяли вести большую пропагандистскую работу.

Перегруженность экспонатами экспозиционных залов и фондохранилища, что в свою очередь не позволяло кардинально изменить экспозиционные отделы, привела к мысли о необходимости выделения из структуры Республиканского музея художественной галереи. 4 декабря 1943 г. СНК Коми АССР своим постановлением «Об открытии в г. Сыктывкаре государственной картинной галереи Коми АССР» юридически закрепил это решение. Однако вопрос о предоставлении помещения для галереи и вывозе коллекции картин решался несколько лет.

Несмотря на тесноту в фондовом помещении, площадь которого равнялась 32 кв. м, сотрудники продолжили активно заниматься сбором экспонатов. С началом войны началось целенаправленное комплектование материалов, относящихся к военным событиям: письма коми бойцов с фронта, письма командиров и бойцов Красной Армии трудящимся организаций и учреждений, пионерам, школьникам и воспитанникам детских садов Коми АССР, материалы выступлений на антифашистских митингах молодежи, по сбору средств для строительства звена самолетов-истребителей «Коми пионер», танковой колонны «Коми комсомолец» и множества других. Национальный музей является обладателем живописных полотен, графических работ времен Отечественной войны, выполненных мастерами изобразительного искусства республики В.В. Поляковым, Н.Л. Жилиным, М.П. Безносовым, В.Г. Постниковым, Г.А. Стронком. Сегодня эти работы представляют ценность не только как произведения искусства, но и как документальные источники. Это экземпляры агитокон, появлявшиеся каждую субботу на улицах г. Сыктывкара, портреты фронтовиков, рабочих, колхозников, шахтеров, геологов, деятелей культуры, большая серия работ, запечатлевших строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали, новых промышленных предприятий, городов и поселков. Работы запечатлели яркие и неповторимые подробности сурового времени. В эти же годы удалось сформировать уникальную коллекцию образцов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями и кустарными артелями для нужд фронта и тыла. Значительно пополнились фонды музея экспонатами, поступившими в 1943 г. с республиканской выставки изобретателей и рационализаторов. Таким образом, с 1941 по 1945 гг. фонды музея

увеличились на 7086 единиц. Они составили ядро музейного собрания по Великой Отечественной войне.

Несмотря на то, что состав научных сотрудников постоянно менялся, особенно в первые три года войны, статистические отчеты показывают, что музей охотно посещался населением, и показатели массово-просветительной работы были выше предвоенных лет. Данные по просветительной работе отражены в таблице:

Год	Кол-во проведенных экскурсий	Кол-во человек, обслуженных экскурсиями	Кол-во проведенных лекций	Кол-во одиночных посетителей
1941	85	4073	54	1945
1942	102	2033	29	9472
1943	102	1907	103	11316
1944	39	3038	106	7073
1945	152	4061	91	7010
Всего:	480	15112	383	36816

Наряду с экскурсиями и лекциями, проводимыми в музее, музейные пропагандисты выходили с передвижными выставками в школы, к колхозникам, лесозаготовителям, строителям, служащим, обслуживали пассажиров на пароходах, выезжали в многодневные командировки с чтением лекций. О важности и нужности такой формы общения с трудящимися свидетельствуют многочисленные отзывы, приложенные к годовым отчетам музея за 1941-1945 гг. Для студентов Карело-финского университета проводились занятия по программе «Содержание, формы и методы музейно-краеведческой работы», рассчитанной на 132 часа. Продолжали работать при музее краеведческие кружки, организованные из числа учащихся школ № 1, 12, 14 г. Сыктывкара и студентов Коми пединститута. Особенно интересно была поставлена работа с учащимися школы №14. Только в 1944 г. ими было собрано 21 письмо бойцов и командиров с фронта, записано 16 частушек о Великой Отечественной войне и 6 сказок, сказ «Дмитрий Брянский и племянник короля Лимба». Учащимися издавался рукописный журнал «Юный краевед», описывались подвиги земляков в форме былин. Наиболее удачным было сочинение «Богатырь Оплеснин и нахвальщина немецкая» ученика 6 класса Виктора Каторгина, которое в настоящее время находится в фондах музея.

Учащиеся 12-й мужской средней школы подготовили сбор «Жизнь и деятельность Героя Советского Союза Н.В. Оплеснина». Краеведы разбились на группы и собрали материалы биографии, о семье героя, любимые песни и музыкальные произведения, о колхозе им. Н.В. Оплеснина, разучивали физкультурные упражнения и игры, которые нравились Н.В. Оплеснину. Кроме того, был оформлен альбом о Н. Оплеснине. В эту работу были также вовлечены учителя и пионервожатые. На сбор были приглашены мать и жена героя, артисты драматического театра, которые показали отрывки из пьесы «Герой Советского Союза Н.В. Оплеснин», представители колхоза им. Оплеснина.

Музей стал инициатором проведения республиканского мероприятия-похода «Краеведы и учащаяся молодежь, все на борьбу за высокие военные урожаи 1943 г.». Заручившись поддержкой Коми обкома комсомола, сотрудники музея выступали по радио и в печати с разъяснениями о делах и задачах похода, вели разъяснительные беседы, читали лекции в комсомольских организациях, школах. Молодежь и школьники, вовлеченные в эту акцию, помогали колхозам в сборе золы, органических удобрений, делали скворечники и вывешивали их рядом с огородами, участвовали в протравливании и сортировке семян, прополке сорняков и уборке урожая. На вечере-маскараде, состоявшемся 14 мая в г.Сыктывкаре, собралось свыше 400 передовиков, участвовавших в подготовке к весеннему севу. К вечеру была подготовлена выставка с информацией о шефской работе школьников г. Сыктывкара, а итоги работы прозвучали в докладе представителя Сыктывкарского горкома комсомола. Безусловно, такого размаха мероприятия требовали большой организационной и подготовительной работы со стороны сотрудников музея. Но они шли на это, в полной мере осознавая их необходимость.

В 1945 г. работа коллектива КРКМ была подчинена задаче создания новой экспозиции «Отечественная война советского народа». Уже 19 апреля тематико-экспозиционный план и экспозиционные графики были одобрены Обкомом ВКП(б), СНК Коми АССР и Управлением культпросветучреждений. Правительством республики было выделено 350 тысяч рублей. К работе над экспозицией было привлечено 14 художников, в том числе 9 человек из Москвы. Ими были выполнены 40 портретов: И.В. Сталина, маршалов Советского Союза, коми Героев Советского Союза и орденоносцев; порядка 70 работ с видами городов Сыктывкара, Ухты, Воркуты, 13 сюжетных картин, 8 диорам, 9 световых и фактурных карт. Всеми работами руководил московский художник С.Н. Пылаев. В силу разных причин, в т.ч. из-за несвоевременного финансирования, открытие экспозиции состоялось только в 1947 г.

Помимо своей основной работы, директор, научные сотрудники и технический персонал музея участвовали в общественной работе. В 1943 г. силами коллектива выполнено сверхурочных работ по государственным расценкам на сумму 8506 рублей, которые были переданы в фонд государства. В 1943-1944 гг. отработано 917 человеко-дней на лесозаготовках и сплавных работах, в пригородном хозяйстве, по устройству водопровода и в дорожном строительстве. К праздничным датам 1943 г. (25-летие Красной Армии, 1-е мая, 7-е ноября) коллективом музея были собраны и отправлены на фронт посылки. В ноябре 1943 г. (за другие годы нет сведений) Калинин М.Е., Вязова А.А. и Никольская Т.Н. подписались на государственный заем и денежно-вещевую лотерею на 400-450 рублей каждый, что составляло более половины месячного заработка. Производственная и общественная работа краеведческого музея в годы войны была отмечена правительственными наградами и ценными подарками. Накануне 27-ой годовщины Октябрьской революции за участие в общественных работах и выполнение производственного плана всем работникам было выделено по 2 кг яичного порошка. По итогам смотра культпросветучреждений республики в 1945 г. Вязова А.А., Калинин М.Е. и Лучкина Н.Н. получили премии в виде отрезков на костюмы.

Музейные работники с честью и достоинством выполнили свой профессиональный и гражданский долг: они сохранили и приумножили музейное собрание, привнесли много нового в работу с населением, построили новые экспозиции и выставки, с помощью которых поддерживали волю и дух народа в победе над фашизмом. Эта работа по достоинству была оценена государством. Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» были награждены директор музея М.Е. Калинин и научные сотрудники А.А. Вязова, Н.Н. Голикова и А.А. Скрипова.

***

1. Научный архив НМРК. Д. 2480. л. 8.
2. Национальный архив РК. ф. 605, оп.1, д. 141, л.л. 107, 108.

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Сова В.А.

Национальный музей Республики Коми

Одним из достопримечательных мест г. Сыктывкара, охотно посещаемых взрослыми и детьми, в 1930-е годы стал дворик, прилегающий к зданию Коми областного музея на ул. Республиканской (ныне ул. Орджоникидзе). Предметом их пристального внимания были необычные для здешних мест растения и цветы. Корреспондент газеты «За новый Север», побывавший здесь, весьма эмоционально описал увиденное: «Ярким солнцем блещут большеголовые подсолнухи, тихо шелестят исполинские стебли кукурузы. Большелистые табаки, наклонившись к друг другу, словно шепчутся о новой своей родине. Всеми цветами радуги переливаются десятки разнообразнейших цветов. Сладкодушистые запахи носятся в чистом осеннем воздухе. Растения теплого юга и Казахстана собраны здесь. 305 разных культур на маленьком участке - в несколько десятков метров...»¹.

Этот небольшой участок, получивший статус опытно-акклиматизационного участка, стал местом проведения первых научных опытов по адаптации южных культур на Севере. Организатором опытного участка был научный сотрудник сельскохозяйственного отдела музея К.И. Ясенецкий. Пятидесятилетний ученый-агроном, бывший административноссыльный, стал одним из немногих, кто стоял у истоков зарождения биологической науки в Коми республике.²

Кондрат Ильич Ясенецкий родился в 1879 г. в г. Умани на Украине в семье архитектора. Начальное образование получил дома, а в 1896 г. поступил в реальное училище в г. Киеве. С 1900 по 1903 годы учился в Венском университете на философском факультете по специальности «История и языкознание». Второе высшее образование он получил в Дублянской сельскохозяйственной академии, которую закончил в 1907 г. В том же году был принят на должность научного сотрудника в Краковский бактериологический институт, где специализировался на прививках и изготовлении сыворотки из крови лошадей. С 1908 по 1912 гг. Ясенецкий работал земским агрономом в Уманском уезде, а затем до 1917 г. возглавлял сельскохозяйственный отдел Уманского кредитного товарищества. В начале 1920-х годов К.И. Ясенецкий был назначен ученым секретарем Уманского филиала сельскохозяйственного научного комитета Украины при Наркомземе. Одновременно преподавал в школах географию, агрономию, рисование и языки. В анкете члена секции научных работников Рабпроса Ясенецкий указал, что свободно говорит на французском, немецком, польском и

украинском языке, самостоятельно переводит с английского и латинского. Тогда же он стал пожизненным членом Уманского музейного Совета³.

С 1929 по 1930-й год Ясенецкий преподавал при штабе кавалерийского дивизиона в г. Умани. Последующие пять лет жизни Ясенецкого уже были связаны с Сыктывкаром. Два года он отбывал административную ссылку по пресловутой 58 статье, п. 10 (контрреволюционная деятельность), работал в Комилесе строительным десятником, помощником техника.

По истечении срока ссылки Ясенецкий остался в Сыктывкаре, а местом работы выбрал музей. В августе 1931 г. он был принят заведующим сельхозотдела. Несколько месяцев ушло на изучение флоры в окрестностях города и составление ботанического справочника (т.н. ботанической коми терминологии) на русском и коми языках, на приобретение семян под весенние посадки, в основном из Умани.

В мае 1932 г. были произведены первые посадки на территории музейной усадьбы площадью 350 кв. метров. Было высажено более 30 культур, в том числе несколько видов гороха, просо, ячмень, гречиха, тыква, чечевица, бобы, фасоль, люпин белый, люцерна, горчица, подсолнух, лук сеянка, дыни, тыквы, арбузы, огурцы, помидоры, свекла и т.д. Рассада и семена высаживались непосредственно в открытый грунт и росли в самых обычных условиях, в каких им бы пришлось расти на грядках горожан или совхозных полях. Результаты первого года опытных работ были малорезультативными: сказались задержка в доставке семян и поздняя их посадка, резкие перепады температуры воздуха. Несмотря на то, что были полностью испорчены посадки фасоли, дыни, арбузов, был получен хороший урожай гороха, люцерны, люпина, салата, подсолнуха, свеклы египетской, лука сеянки и др. Из 120 шт. высаженной рассады огурцов 11 были уничтожены заморозками и только 9 прошли испытания холодом, дали плоды и были оставлены для созревания на семена. Большая часть рассады помидоров была «распространена среди горожан», и лишь незначительная часть высажена на грядках.

С 15 сентября по 1 октября в музее проходила выставка, ставшая своеобразным отчетом работы опытно-акклиматизационного участка и одновременно популяризовавшая новые огородные культуры. Выставку посетило более 1000 человек, среди которых были и рядовые обыватели, и специалисты сельского хозяйства, и руководители области.

Подводя итоги научной работы за 1932 г., К.И. Ясенецкий писал в отчете: «Уже первый год работы участка доказал возможность пополнения в Коми области ассортимента сельскохозяйственных культур южными культурами. При введении новых культур сельское хо-

зяйство Коми области сможет встать на путь снабжения государства не только хлебом, но и экспортными товарами. Они поднимут продуктивность и рентабельность совхозов и колхозов и увеличат благосостояние края»⁴.

К работе ученого агронома с пониманием относился директор музея С.А. Попов. Осознавая значимость и перспективы начатого дела, в соавторстве ими была составлена в начале 1933 г. программа по организации ботанического сада с рядом вспомогательных структур: заповедником, акклиматизационным участком и полями под посадочный материал, плодово-ягодным хозяйством. Для осуществления этой обширнейшей программы, безусловно, потребовались бы многие годы, но самое главное - нужны были большие площади земли, на которых можно продолжать начатые опытные работы и получать объективные результаты. В этом же году в Сыктывкарский городской Совет было направлено ходатайство за подписью С.А. Попова об отводе под ботанический сад 30 гектаров леса «по обоим берегам р. Дырнос около кирпичного завода и 5 гектаров пахотных угодий, прилегающих к этой территории, эксплуатировавшихся в 1932 г. огородным хозяйством ЦРК»⁴.

Авторы проекта видели практическое назначение ботанического сада в том, чтобы вести наблюдения за растениями, произрастающими на территории области и Северного края, за ростом деревьев в разных условиях произрастания, организацию правильной рубки лесов, изучение сорняков и поиск способов борьбы с ними и т.д. Создание ботанического сада позволило бы вести и большую образовательно-просветительную работу среди студентов и школьников, взрослого населения.

Уже в планах работы сельскохозяйственного отдела музея на 1933 г. предусматривались расходы по организации ботанического сада. На приобретение посадочного материала: 25 пудов картофеля, 2-х пудов лука, по пяти пудов овса и вики, а также на устройство 4 парников, на зарплату огороднику, двум караульщикам и рабочим требовалось 7555 рублей.

Однако весной этого года был арестован С.А. Попов. На должность директора музея назначается Г.А. Старцев - преподаватель Коми пединститута, член Общества изучения Коми края, сотрудничавший с музеем и знавший все его проблемы. Работы на акклиматизационном участке продолжались и при новом директоре.

1934 г. стал поистине триумфальным для К.И. Ясенецкого. На опытном участке удалось посадить свыше 300 видов растений; в пять раз была расширена площадь самого участка и составляла 1566,5 кв. метров. Под культуры было отведено 878 кв. м., под клумбы - 161,6 кв. м., под деревья и плодовые кустарники - 181,4 кв. м., под солнеч-

ные часы - 16 кв.м. На участке имелись также 2 парника и котлован для влаголюбивых растений. Благодаря стараниям Ясенецкого и рабочего-огородника, в конце лета был получен прекрасный урожай ячменя, овса, проса, гречихи, чины, чечевицы, клецвины, горчицы белой, конопли, вики, люпина, сафлора, канатника, корелана, бобов, гороха.

Из огородных культур порадовали урожаем сладкий и горький перец, укроп, петрушка, салат, помидоры, тыква, кабачки. Хорошо созрели и лекарственные травы: солодка, белена, шалфей, мята, пижма. Украшали участок желтоголовые подсолнухи, табак, декоративные цветы, заросли кукурузы и конопли.

Записи, оставленные в Книге отзывов посетителями этого маленького зеленого оазиса, также свидетельствуют о положительных результатах работы акклиматизационного участка:

«Музей организовал большой важности и значения дело - акклиматизацию южных, очень ценных культур. Уже опыт прошлых лет и превосходное состояние в этом году дает возможность судить о большой проделанной работе.

Необходимо уделить больше внимания этому участку, помочь расширить это дело. В ближайшем будущем наше сельское хозяйство потребует других форм и методов [работы - В.С.], новых культур.

То что проделано дает все основания говорить, что наши теперешние культуры не есть предел, а лишь наша некультурность, неинициативность, наследие старого стиля.

Культуры Казахстана, для Севера весьма южных, развести у нас - вещь весьма возможная.

Р.С. Ясенецкий знает свое дело и любит. Нужна поддержка.

М.П. Доронин»⁵.

6 июля 1934 г.

«После беглого знакомства с работой акклиматизационного участка, я пришел к заключению, что полезная, нужная работа Коми музея, осуществляемая ученым агрономом недостаточно обеспечена условиями, необходимыми для того, чтобы участок мог играть известную полезную роль для сельского хозяйства Коми области.

Следует предоставить большую территорию, обеспечить средствами работу, а так же соответственно обеспечить материально самого руководителя участка.

Целесообразно участку связаться по их обмену опытом с Усть-Цилемской с/х опытной станцией и Полярным отделением института растениеводства на станции Хибинской Мурманской железной дороги.

Необходимо научно-исследовательскому институту и Облзу перейти на конкретное усиление и распространение работы участка и издать отчет о работе.

24.IX.34 г. Старший экономист Бюро Академии наук по изучению Севера А.Ф. Брюханов»⁶.

За три года работы опытный участок музея приобрел широкую известность. Экскурсионные группы учащихся, колхозников, горожан ежедневно посещали этот уютный дворик. Многие посетители, заинтересованные результатами опытов, приобретали здесь семена и посадочный материал. Заказы на семена поступали из-за пределов Коми области.

Ежегодно осенью музей участвовал в республиканской сельскохозяйственной выставке, проходившей в Доме культуры Сыктывкара (с 1936 г. по настоящее время - драматический театр). Газета «За новый Север» от 12 октября 1934 г. опубликовала следующую информацию: «Особенно интересен на выставке отдел опытно-акклиматизационного участка Коми музея. Здесь показано, как южные растения пробивают дорогу к нам на север. Гречиха прекрасно созревает и дает до 2000 кг. урожая с гектара. Гималайский ячмень дал 4492 кг. с гектара. Горох «Виктория» - 2420 кг., а местный сорт гороха только 625 кг. Легкий табак не только созрел, но и приготовленные из него сигары не уступают по качеству привозным. Но еще больший интерес вызывает сахарная патока, приготовленная из свеклы, выращенной на опытном участке».

По решению областного выставочного комитета работа акклиматизационного участка была отмечена третьей премией и денежным вознаграждением в размере 300 рублей «для расширения своего опытного дела».

В отчете Г.А. Старцева о работе музея за 1934 г. отмечается, что музей поддерживает связь с Северо-Двинской селекционной опытной станцией, Московским и Кировским ботаническими садами, парком г. Умани. Наряду с проведением опытной работы музей принимал участие в планировке и организации парка культуры и отдыха на берегу р. Сысолы, официальное открытие которого состоялось 18 июня 1934 г.

В научном архиве музея хранятся письма-обращения К.И. Ясенецкого в Областное земельное управление, в сельскохозяйственную школу Ульяново, школу колхозной молодежи, агрономам области о предоставлении материалов для сельскохозяйственной экспозиции музея.

Летом 1934 г. в г. Сыктывкаре был образован Научно-исследовательский институт - первое научное учреждение Коми области. Некоторое время институт размещался в здании музея. Кадры для Института подбирались из числа преподавателей педагогического института, сотрудников музея, творческих работников. В книге приказов НИИ от 26 октября 1934 г. имеется следующая запись: «С 25 октября 1934 г. ученый агроном Ясенецкий Кондрат Ильич назначается научным сотрудником Института по отделу сельского хозяйства». Осенью 1934 г.

К.И. Ясенецкий был командирован на полтора месяца в музеи России и Казахстана для ознакомления с экспозициями сельскохозяйственных отделов, приобретения семенного материала и установления связей с учреждениями и лицами, способными «принести музею нашему пользу».

Маршрут поездки пролегал через Москву в города Семипалатинск и Каракалы. Сильное впечатление на Ясенецкого произвела экспозиция сельскохозяйственного отдела Государственного политехнического музея, которая уже в те годы была электрифицирована и имела много действующих моделей, новейшую сельскохозяйственную технику. Московские коллеги поделились с ним семенами сафлора, табака, кориандра, конопли, канатника, бука, кедра, марены, сорго, хлопка и др. В областном музее Семипалатинска и на сортоучастке зональной станции кормодобывания Всесоюзного института кормодобывания Кондрату Ильичу удалось приобрести семена донника, чины, несколько сортов кукурузы, проса, сорго, чечевицы и люцерны.

До города Каракалы, расположенного в 420 км от Семипалатинска, К.И. Ясенецкий добирался пешком или на попутных машинах. Здесь им был произведен сбор наиболее часто встречающихся растений: тмина, мускуса, кашки, ковыля. Кроме того, была сформирована коллекция горных минералов, в т.ч. малахита и аметиста. В Сыктывкар были привезены фрагмент шерстяного каната, серебряные украшения для седла и сбруи, деревянный черпак, несколько пейзажных зарисовок, выполненных в степях Казахстана. В общей сложности командировка продолжалась 35 дней и проводилась на собственные средства Ясенецкого⁷.

В научном архиве Коми научного центра УрО РАН находятся материалы, подготовленные Кондратом Ильичом, в которых обобщались результаты научной работы: «Продвижение южных сельскохозяйственных культур на север» (ф.1., оп.3, д.15), «Полевой дневник наблюдения над культурами опытно-акклиматизационного участка» (ф.1., оп.1, д.16), «Три года работы опытно-акклиматизационного участка в г. Сыктывкаре» (ф.1., оп.1, д.16). В них наряду с текстовыми материалами имеется 47 уникальных фотографий, наглядно демонстрирующих результаты опытов по адаптации южных растений.

В планах работы Ясенецкого на 1935 г. предполагалось начало работы над новыми сортами и видами растений, продолжение опытов по гибридизации, посадкам дикорастущих растений «для придания участку ботанического характера, необходимого для школьных экскурсий». Однако летом 1935 г. Научно-исследовательским институтом была проведена проверка работы акклиматизационного участка, а затем последовал приказ № 27 от 17 июня: «Проверка и ознакомление с состоянием акклиматизационного участка показала, что уча-

сток не имеет строго научной основы. На площади 5 га засеяно 336 культур. Участки под отдельными культурами очень маленькие ... Подбор культур случайный. Не применяются методы яровизации и фотографической реакции и т.д. Участок не акклиматизационного характера, а школьного»⁸. Спустя три месяца по истечении срока договора Ясенецкий был освобожден от работы в Институте и в музее. Временно исполняющим обязанности сотрудника опытного участка был назначен некто А.П. Строгов. Но и он в мае 1936 г. был уволен с работы в связи с передачей участка в ведение организационного бюро изучения Коми области.

Приказом по Коми научно-исследовательскому институту от 23 августа 1936 г. было объявлено о ликвидации и самого акклиматизационного участка. Это событие, однозначно, можно расценивать как следствие политики тоталитарного режима в отношении краеведческого движения в стране и регионах.

О дальнейшей судьбе К.И. Ясенецкого не удалось выяснить никаких сведений. Но в память о нем шумит зеленым прибоем состарившийся парк на берегу р. Сысолы. В фондах Национального музея хранится маленькая живописная работа «Разлив Сысолы», выставленная в 1988 г. на экспозиции литературного музея В.А. Савина. Собственно с этой небольшой работы и начался поиск материалов о ее авторе К.И. Ясенецком.

***

1. За новый Север. 1934. 24 сент.
2. Итоги биологических исследований в Коми АССР. // Труды Коми филиала АН СССР. Сыктывкар. 1968. № 18. С.3-4.
3. НАРК. ф.1636, оп.1. д.4, лл.15-17.
4. Первый год работы опытно-акклиматизационного участка при Сыктывкарском Коми областном музее. Научный архив НМРК. д.2360, л.29.
5. Планы и отчеты Коми областного музея. 1934 г. Научный архив НМРК. д.109. л.24. М.П. Доронин (1902-1939 гг.) - журналист, литературный критик, с 1934 г. - член Союза писателей СССР.
6. Там же, л.34.
7. Отчет о поездке в Казахстан научного сотрудника Сыктывкарского областного музея К.И.Ясенецкого. Научный архив НМРК. д.2360. лл.47-55.
8. Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф.й., оп.1, д.56, л.16

ОРГАНИЗАЦИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА (1917 - КОНЕЦ 20-Х ГГ.)

Патова Е. М.

Сыктывкарский государственный университет

Революция 1917 г. открыла новый этап в развитии музейного дела, качественно отличавшийся от всей его предшествующей истории. Отношение к культурному наследию стало одной из важных проблем, вставших в ходе культурного строительства. Уже в первые послереволюционные годы был принят ряд декретов и постановлений Советского правительства по вопросам охраны памятников, создана система руководящих музейных органов.

В мае 1918 г. при Народном Комиссариате Просвещения (Наркомпрос) возник музейный отдел, в обязанности которого входило: организация музейного дела на основе государственной политики, забота об охране памятников художественно-исторического значения, пресечение вывоза культурных ценностей за пределы Республики.¹ На местах с декабря 1918 г. создаются губернские подотделы по делам музеев и охране памятников.

Местные органы были автономны в пределах губернии, действовали под руководством центра, через особых инструкторов². По подсчетам Ю.Н. Жукова, за 1918-1920 гг. было образовано 47 губернских и областных подотделов³. Они возникли в Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерниях, Северо-Двинской губернии (образована в 1918 г.), как в центре, так и в некоторых уездных городах. Их деятельность не ограничивалась только спасением художественно-исторических ценностей и выразилась в создании новых либо пополнении существующих музеев, установлении контроля за раскопками, взятии под государственную охрану некоторых уникальных образцов древнерусского зодчества, создании губернских музейных фондов.

Сначала работа всех учреждений (столичных и провинциальных) носила чрезвычайный характер, обусловленный экстремальностью ситуации, порожденной революцией. Отсутствовали общие программы действий, единый подход при выявлении и оценке памятников, нуждающихся в заботе государства. Некоторые подотделы прерывали свою деятельность, упразднялись на прифронтовой и оккупированной территории. Но, несмотря на ряд трудностей, к концу 1918 г. сложилась сеть государственных учреждений управления музейным делом, центральное руководство которой сосредоточилось в Наркомпросе. Все части сети соподчинялись по восходящей линии и от центра до уездного отдела были связаны между собой.

Создание при Наркомпросе РСФСР отдела музеев и его местных органов являлось лишь одним из необходимых условий сохранения

культурного наследия страны. Столь же важным фактором стали декреты и постановления Советской власти, которые заложили качественно новое отношение к памятникам истории и искусства, обеспечили правовую основу их национализации. Декреты СНК «Об отделении церкви от государства» (1 января 1918 г.); «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» (10 сентября 1918 г.); «Об охране научных ценностей» (5 декабря 1918 г.) впервые в истории создали возможность концентрации в руках государства огромных культурно-исторических ценностей, независимо от того, кому они принадлежали⁴.

На основе принятых постановлений и законов по всей территории страны развернулась работа по национализации художественных ценностей. В 1917-1922 гг. было обследовано и взято на учет 520 усадеб, 1500 церквей, 200 монастырей. В 1918-1920 гг. на базе национализированного имущества, на территории РСФСР, по данным списка музеев 1920 г., было вновь создано 246 музеев (в Петрограде - 22, Москве - 38, на местах - 186), т.е. больше, чем за всю дореволюционную историю музейного дела⁵.

В ноябре 1920 г. при Наркомпросе РСФСР был учрежден Главполитпросвет, который начал жёстко контролировать деятельность музейного отдела (с февраля 1921 г. - Главмузей). В январе 1922 г. отдел был включен в Главнауку, что было результатом проводимого в стране сокращения аппарата, уменьшения количества «главков» в целях режима экономии⁶.

С созданием Главнауки и музейного отдела завершился процесс формирования управления музейным делом, создана сеть музеев, которые по своему значению были разделены на 3 категории: 1) центральные, их сфера деятельности не ограничивалась территориально; 2) областные, функционирующие в пределах губернии или области; 3) местные, в задачу которых входило собирание и демонстрация материалов узкоместного значения. При систематизации музейной сети были определены следующие виды музеев: историко-культурный, историко-бытовой, историко-археологический, историко-этнографический, историко-революционный, военно-исторический, сельскохозяйственный, политехнический, комплексный (краеведческий), мемориальный.

Музеи Европейского Севера относились ко II и III категориям и характеризовались как комплексные, т.е. краеведческие.

Самая многочисленная категория музеев Европейского Севера была создана на основе развернувшегося краеведческого движения. Первые послереволюционные годы характеризовались повсеместным возникновением краеведческих обществ, кружков, музеев, главным направлением которых стало изучение региональной истории,

связанное с выявлением, собиранием, учётом и охраной памятников, их использованием. Период 1917-1929 гг. С.О. Шмидт охарактеризовал «золотым десятилетием краеведения», движением, демократическим по своей сущности, народным, патриотическим⁷.

Местные краеведческие организации и краеведы-энтузиасты выступили инициаторами в организации Шенкурского, Печорского (Усть-Цилемского), Яренского, Грязовецкого, Онежского музеев⁸. Силами Соловецкого отделения Архангельского общества изучения Русского Севера был основан музей Соловецкого общества краеведения (1925 г.), в деятельности которого активное участие приняли заключенные⁹.

Вторая категория относится к музеям, организованным на основе национализированного и конфискованного имущества. В этой категории можно выделить две группы:

1. Музеи, образованные вследствие национализации церковных ценностей. Во исполнение декрета СНК (от 1 января 1918 г.) у церкви было отобрано 6000 храмов и монастырей как «особо ценные памятники» истории и архитектуры, подлежащие переходу под охрану государства¹⁰. На основе некоторых из них были созданы музейные коллекции. В мае 1919 г. на базе ценностей Благовещенского собора (золотое шитье, иконы Строгановского письма, изделия из серебра, кости, камня, священные облачения, книги) был образован Сольвычегодский музей¹¹.

2. Музеи, созданные на основе частных собраний. Основу Каргопольского музея составили предметы, собранные крестьянином, любителем старины К.Г. Колпаковым. Коллекция характеризовала историю и этнографию Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерний (предметы быта, старинная одежда, иконы, монеты, оружие и др.)¹². Вельский музей был образован в 1919 г. на базе разнородной коллекции В.Ф. Кулакова, представлявшей более 1000 предметов¹³.

8 ноября 1918 г. выставкой картин художника А.А. Борисова в Великом Устюге открылся музей Северо-Двинской культуры, в ведение которого перешло бывшее древнехранилище Православного Стефано-Прокопьевского братства (осн. в 1909 г.)¹⁴.

Основная заслуга в организации музейных учреждений принадлежала общественности: местным краеведческим организациям, обществам, краеведам-любителям. Отсутствие на Европейском Севере особняков, крупных помещичьих усадеб (за некоторым исключением Вологодской губернии), значительных личных коллекций высокохудожественного уровня привело к тому, что процесс национализации выразился главным образом в переходе в собственность государства культовых, религиозных сооружений и предметов церковной древности. В состав каждого музея вошли ценности, изъятые из ликвидированных церквей и монастырей.

Помимо организации новых музейных учреждений, существенное изменение претерпели и дореволюционные музеи, вошедшие в музейную сеть РСФСР после революции. Произошло объединение и укрупнение музеев. Например, если до революции (на 1917 г.) в Архангельской губернии существовало 4 музея (см. приложение), то в 20-е годы на их основе был образован единый Северный краевой музей¹⁵. Главной причиной объединения было то, что музеи находились в разных ведомствах, испытывали тяжелые материальные затруднения, а их собрания нередко дублировали друг друга. Интеграция музеев создала возможность образовать единое учреждение, отражающее все стороны жизни края. Процесс объединения музеев являлся одним из показателей регулирования музейной сети и определялся термином «филиализация» музеев, т.е. присоединение малых музеев к крупным того же профиля, в основе которого лежала «идея союза, а не великодержавства»¹⁶. Подобное объединение произошло в Вологодской и Олонецкой губерниях (приложение)¹⁷.

Музейная сеть Европейского Севера состояла из двух частей: музеев, перешедших от дореволюционного времени, и музеев, основанных на территории региона после 1917 г. Все собрания представляли собой коллекции краеведческого характера, зачастую отражавшие склонность и личные вкусы собирателей и основателей музеев.

Новым направлением в музейном строительстве РСФСР являлось создание историко-революционных музеев, которые не имели предшественников среди старых музейных учреждений (первый музей революции возник в г. Петрограде в 1919 г.). Ведущую роль в их создании сыграли комиссии по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б), организованные как в центре, так и на местах. Первые попытки организации музея революции на Европейском Севере относятся к 1921 г. В Вологде было принято решение о создании революционного музея, но образовать его не удалось из-за отсутствия средств и разобщенности материала¹⁸. Архангельский музей революции был открыт в 1927 г. на основе предметов, собранных губернским комитетом ВКП(б). Однако неоднократная смена руководства, денежные растраты и неудовлетворительная охрана экспонатов привели к закрытию музея. С 1929 г. музей прекратил свое существование и возобновил свою деятельность только в 1933 г. в качестве историко-революционного музея на о. Мудьюг¹⁹.

Музейная сеть Европейского Севера могла существовать только при наличии финансирования, необходимого для успешного развития музеев, расширения научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельности. Практически каждый музей отмечал скудность выделяемых средств. И все же по сравнению с XIX в. музеи получали денежную сумму, идущую не только на хозяйственные расходы, но и

на приобретение экспонатов, жалование служащим, покупку книг. Кроме того, если до революции музеи содержались на разные источники: за счет духовного ведомства, земств, губернских статистических комитетов и т.д., то после 1917 г. все музейные учреждения перешли на центральное финансирование и местный бюджет, доля которых была неодинаковой и зависела от значимости музея, его признания не только на местном уровне, но и в государственном масштабе.

В 1920-е гг. существовало 3 источника формирования финансовой базы музея: 1) средства, получаемые из госбюджета (центра); 2) местное обеспечение; 3) спецсредства. Основу последнего источника составляли суммы, получаемые путем взимания входной платы, продажи изданий, эксплуатации земельных участков, строений и проч., не имевших историко-художественного значения, но связанных с музеями.

Из государственных средств содержались Северный краевой музей, Вологодский государственный областной музей, музей Северо-Двинской культуры, Тотемский музей местного края, Сольвычегодский государственный музей. Денежная доля для каждого из них была различна, как в сумме, так и во временной протяженности.

Основная масса музейных учреждений существовала за счет местного бюджета (Карельский областной музей, Шенкурский, Каргопольский, Коми, Вельский, Грязовецкий, Яренский музеи). Научная и просветительная деятельность музеев финансировалась слабо, о чем говорит тот факт, что основным источником увеличения музейных коллекций являлась не покупка, а дар, пожертвование, а также предметы, поступившие в процессе национализации. В январе 1926 г. вышла специальная инструкция о реализации музейными учреждениями ненужного и ветхого имущества и госфондов не музейного значения, которое в дальнейшем привело к продаже музейных сокровищ за рубеж, что особенно развернулось в конце 20-х гг. после ликвидации в 1927 г. Государственного музейного фонда в Москве и Ленинграде. Немаловажную роль в судьбе культурных ценностей сыграли представления о «чуждом, вредном искусстве». Продажа «романовского хлама», церковных ценностей, имущества аристократии представлялась не только допустимой, но и необходимой для получения средств, идущих на нужды социалистического строительства²⁰.

Рассматривая вопрос создания музейной сети Европейского Севера, следует остановиться и на структуре музеев, дать характеристику ее внутренней организации, определить личный состав сотрудников.

Все музеи региона подчинялись отделу по делам музеев Главнауки, связь с которым осуществлялась через годовую отчетность, присылаемую в отдел, а также приказы и распоряжения центра. На местах руководящая роль музейными учреждениями закреплялась за

губмузеями (подотделами по делам музеев и охраны памятников при ГубОНО), которые выполняли функции административного характера и действовали в качестве исполнительного органа Главнауки.

Внутреннее управление музеями осуществлялось коллегией или советом, куда входили музейные сотрудники, представители отдела народного образования, местных организаций. На них заслушивались информационные доклады заведующих музеями, циркуляры и постановления Наркомпроса, обсуждались и принимались организационные планы музея, определялись задачи в административной, хозяйственной, научно-исследовательской и культурно-просветительной областях.

Музеи включали в себя не только коллекции экспонатов, но и вспомогательные учреждения: архив, библиотеку, лабораторию.

Библиотеки были характерны для всех музеев и представляли собой необходимый атрибут его структуры. Пополнялись они главным образом путем пожертвований, реже - покупкой. Наиболее крупные книжные собрания, содержащие несколько тысяч томов по различным вопросам истории, археологии, искусствознания, религии, были присущи Вологодскому, Тотемскому, Великоустюжскому музеям. Значительный библиотечный фонд был характерен для Коми музея²¹.

В отличие от библиотеки, научный архив был представлен не в каждом музее и, как правило, находился в стадии организации и систематизации материала. Данное положение относилось к музейным архивам Великого Устюга, Сольвычегодска, Тотьмы, Вельска, Грязовца, содержащих древние рукописи, материалы этнографического и фольклорного характера, документы полицейского управления, городской управы, духовного ведомства, архивные бумаги церквей и монастырей.

Структура музейных учреждений по сравнению с XIX в. достаточно усложнилась, что дало возможность шире развернуть исследовательскую работу, создать базу для научных разработок.

Определенный интерес представляет изучение личного персонала музеев. Практически каждый музей имел штатного работника, труд которого вознаграждался, в то время как для дореволюционного периода было характерно безвозмездное служение музейному делу. Кроме того, если до революции личный состав служащих характеризовался расплывчато, неопределенно, то после 1917 г. персонал музеев был представлен в лице заведующего, научных работников и технических служащих.

Анализируя состояние личного состава музейных учреждений, можно выявить несколько групп, где критерием выступает не только количественный признак, но и уровень организации штата, наличие четкого должностного подразделения.

К первой группе музейных учреждений относится Вологодский государственный музей, обладающий большим составом научных сотрудников, возрастающим год от года (в 1923 г. – 5 человек, в 1926 – 11)²².

Вторую группу составили музеи с наличием от 1-до 3 работников (Архангельский, Карельский, Великоустюжский, Коми, Каргопольский, Сольвычегодский, Тотемский и Вельский музеи). Данное деление можно назвать несколько условным, т.к. для некоторых музеев (Великий Устюг, Коми) в определенное время был присущ больший состав служащих.

Особую категорию составили музейные учреждения с «размытым составом», находящиеся при краеведческих обществах. К этой группе относятся Грязовецкий, Яренский, Шенкурский и Онежский музеи, не имеющие научного персонала и обслуживаемые членами краеведческих обществ безвозмездно, на добровольных началах²³.

Образовательный уровень музейных работников был достаточно высок. Среди руководящего состава преобладали люди с высшим и средним образованием, закончившие светские учреждения (университет, учительскую семинарию) и духовные академии. Многие научные сотрудники имели преподавательский стаж.

Социальное происхождение каждого из музейных работников определить сложно, но в основном это были служащие и выходцы из крестьянства и духовенства.

Рассматривая вопрос использования опыта и знаний старых музейных работников, необходимо отметить, что в первые послереволюционные годы многие из них возглавляли музейные учреждения Европейского Севера или входили в личный состав музея. Например, Вологодский музей иконописи (образованный в 1919 г.) возглавил В.П. Лузан, участвовавший в создании художественного музея при Северном кружке любителей изящных искусств г. Вологды. Музей древнерусского искусства (Архангельск), созданный в 1922 г. также на основе епархиального древнехранилища, до 1925 г. действовал под руководством И.М. Сибирцева - активного участника создания музея древностей, председателя церковно-археологического комитета, заведующего древнехранилищем. В работе Коми областного музея в 20-е гг. принимал участие А.А. Цембер - основатель Усть-Сысольского краеведческого общества и музея; Н.Б. Едемский и Н.В. Ильинский - организаторы Тотемского музея (1915 г.) участвовали в жизни музея и после революции, пополняли его экспонатами.

Кадровый состав музейных учреждений в целом представлял собой немногочисленное число сотрудников, которые отличались достаточно высоким образовательным уровнем и в основном исполняли свои обязанности, что нашло свое отражение в культурно-просветительской и научно-исследовательской деятельности. Но уже с конца 1920-х гг. происходят изменения в кадровой политике. В личных анкетах сотруд-

ников появляется графа о социальном происхождении и партийной принадлежности. Под лозунгом очищения «от элементов разложившихся, извращающих советские законы, срачивающихся с кулаком и нэпманом», происходило обновление кадрового состава музеев, на деле имевшее направленность против старых музейных кадров, не желающих заниматься вульгаризацией музейного дела. На повестку дня был поставлен вопрос о выдвигании работников из числа рабочих, батраков и бедняков²⁴. Необходимы были новые кадры, способные просвещать народ в духе господствующей идеологии, сблизить музейную деятельность с основными задачами социалистического строительства.

Постановление от 20 августа 1928 г. «О музейном строительстве в РСФСР» определило ведущие направления музея, среди которых были: развитие научно-исследовательской работы; широкое обслуживание культурно-просветительских потребностей трудящихся масс; участие музеев в изучении производительных сил страны, революционного и рабочего движения, быта трудящихся; содействие индустриализации страны, развитию сельского хозяйства и осуществление других важнейших задач социалистического строительства. Данные положения закрепил I Всероссийский музейный съезд (декабрь 1930 г.), определивший музей в первую очередь как политико-просветительское учреждение.

Таким образом, после 1917 г. музейное строительство на Европейском Севере проявилось в двух основных направлениях: реорганизации старых, дореволюционных музеев и создании новых. Данное обстоятельство было вызвано революционными преобразованиями в стране, выдвинувшими новые задачи в хозяйственном и культурном строительстве, что, безусловно, являлось первопричиной социальной активности масс, проявившейся не только в организации музеев, но и краеведческих обществ, кружков. Это был новый этап развития музейного дела, по сравнению с периодом буржуазных реформ 1860-1870 гг., вызвавших появление первых музейных учреждений на Европейском Севере. Организация централизованной системы управления, финансового обеспечения и наличие штата привело к усовершенствованию структуры музеев, созданию музейной сети, сохранившейся до настоящего времени, установлению связей с центральными научными и культурными организациями, в то время как для музеев XIX в. была характерна территориальная замкнутость, ограниченность в действиях. Кроме того, если в дореволюционных музеях ведущее место занимало научно-исследовательское направление, то после 1917 г. большое внимание стало уделяться культурно-просветительской работе, о чем говорит тот факт, что музейный отдел был образован при Наркомпросе РСФСР, а затем перешел в ведение Главнауки. Но уже с конца 1920-х гг. происходит политизация музейной деятельности, имевшая под собой идеологическую подоплеку и вызвавшая пересмотр государственной политики в области музейного дела.

Приложение

Музейная сеть Европейского Севера 1917-1929 гг.

		Территориальные изменения	
Архангельская губерния	<ol style="list-style-type: none"> 1. Архангельский городской публичный музей (1859 г.) 2. Архангельское епархиальное древнехранилище (1886 г.) 3. Рыбопромышленный музей Крайнего Севера (1909 г.) 4. Музей Архангельского общества изучения Русского Севера (1910 г.) 	Архангельская губерния	<ol style="list-style-type: none"> 1. Северный краевой музей 2. Шенкурский краеведческий музей (1921г.) 3. Этнографический музей в с. Усть-Цильма (1921 г.) 4. Онежский местный музей (1928 г.)
Вологодская губерния	<ol style="list-style-type: none"> 1. Домик Петра I (1885 г.) 2. Вологодское епархиальное древнехранилище (1896 г.) 3. Музей при Северном кружке изящных искусств (Вологда, 1909 г.) 4. Музей Вологодского общества изучения Северного края (1911 г.) 5. Музей Тотемского отдела ВОИСК (Тотьма, 1915 г.) 	Вологодская губерния	<ol style="list-style-type: none"> 1. Вологодский государственный областной музей 2. Тотемский музей местного края (1920г.) 3. Вельский музей (1919 г.) 4. Каргопольский музей местного края (1919г.) 5. Грязовецкий музей (1924 г.)
	<ol style="list-style-type: none"> 6. Великоустюжское епархиальное древнехранилище (1909 г.) 7. Музей учебных пособий (Никольск, 1912 г.) 	Северо-Двинская губерния	<ol style="list-style-type: none"> 1. Музей Северо-Двинской культуры (Великий Устюг, 1918 г.) 2. Музей Никольского педагогического техникума (1924 г.) 3. Яренский музей местного края (1919г.) 4. Сольвычегодский музей (1919 г.)
	8. Усть-Сысольский музей (1911 г.)	Коми автономная область	1. Коми областной музей
Олонецкая губерния	<ol style="list-style-type: none"> 1. Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей (Петрозаводск, 1873 г.) 2. Епархиальное древнехранилище (Петрозаводск, 1900 г.) 3. Музей общества изучения Олонецкого края (Петрозаводск, 1913 г.) 	Карельская АССР (с 1923 г.)	1. Карельский государственный музей

1. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917-1941гг. //Музей и власть. М.,1991, ч.1. С.106-112.
2. ГАРФ, ф.2306, оп.2, д.167, лл.64-66, 71-74.
3. Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры (1917-1920). М.,1989.
4. Декреты Советской власти. М.,1957-1986, т.1, С.373-374, т.3, С.352-354, т.4. С.146.
5. Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917-пер. пол.60-х гг.). М.,1988. С.25-27.
6. Равикович Д.А. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921-1925) //Очерки истории музейного дела в СССР. М.,1968, вып.6. С.101-103.
7. Шмидт С.О. Золотое десятилетие советского краеведения // Отечество. М.,1990, вып.1. С.11-27.
8. ГААО, ф.270, оп.1, д.36, лл.42-44; ф.1222, оп.1, д.24, лл.107-114; ОПИ ГИМ, ф.54, д.676, лл.101-106.
9. Серебряков А. Исторический очерк краеведческой работы на Соловках //Соловецкие острова. Архангельск,1926, N 2-3, с.103.
10. Поспеловский Д.А. Русская Православная церковь в XX в. М.,1995. С.50.
11. Архив Сольвычегодского музея. Записка об организации и деятельности Сольвычегодского государственного музея с 1919 по 1923 гг., л.1.
12. ГААО, ф.5239, оп.1, д.2, лл.78-82; оп.2, д.3, л.1.
13. ГААО, ф.2640, оп.1, д.107, лл.26-34.
14. Малкова О.А. Древнехранилище в Великом Устюге //Бысть на Устюге. Вологда, 1993. С.10.
15. ОПИ ГИМ, ф.54, д.676, л.21.
16. Равикович Д.А. Организация музейного дела. С.116-117.
17. ГАРФ, ф.2307, оп.10, д.83, л.2.
18. Хакимулина О.Н. Партийное руководство организацией и деятельностью музеев в период построения социализма (на материалах историко-революционных музеев северо-запада РСФСР). Диссертация на соискание учен. степени канд. истор. наук. Л.,1983. С.58
19. ГААО, ф.1222, оп.1, д.26, л.8-11.
20. Кузина Г.А. Указ. соч. С.128-129.
21. Стрекалова В.М. Из истории музея //Вестник культуры Коми ССР, Сыктывкар, 1991, 3, л.1.
22. Архив Вологодского музея, оп.1, д.6, лл.3-10.

23. ГААО, ф.1222, оп.1, д.7, л.27; д.24, лл.107, 222, 237.

24. Постановление Главполитпросвета от 06.01.1930 г. «О проведении работы по разъяснению чистки Соваппарата» //Бюллетень НКП, 1930, № 2. С.75.

Список сокращений

ГААО - Государственный архив Архангельской области.

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации.

ОПИ ГИМ - Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

ЧТО ИМЕЕМ - ТО ХРАНИМ

Титова Н.В.

Национальный музей Республики Коми

Каждый народ стремится познать себя, понять свою культуру, ее истоки и традиции. Помочь ему в этом - вот одна из главных просветительских задач музея. Прекрасно осознавая это, первые собиратели музея начали формировать этнографическую коллекцию, коллекцию предметов быта, в которую входили и традиционный костюм народа коми, и домашняя деревянная утварь, и посуда, орудия труда и средства передвижения. В 1911 г. в музей поступило 32 предмета.

В настоящее время собрание Национального музея РК насчитывает около 250 тысяч единиц хранения. Внушительную его часть составляет археологический материал, дающий представление об этногенезе коми - это 96 тысяч единиц хранения. Вторая по количеству и значимости, а также исторической ценности коллекция документов и фотоматериала по истории народа коми и истории республики - 78 тысяч единиц хранения. Это наиболее подвижная и востребованная посетителями музея часть собрания. Большой интерес вызывает она у исследователей-профессионалов и краеведов-любителей, а также у студентов и учащихся, так как содержит в себе бесценные материалы о разных периодах становления и развития Республики Коми, о людях, внесших свой вклад в и развитие нашего северного края.

Как уже говорилось выше, музей начинался с этнографической коллекции. Сейчас она насчитывает более 13 тысяч единиц хранения и представляет собой огромную ценность. Данная коллекция - не просто собрание этнографических памятников, безвозвратно уходящих в прошлое и в большинстве своем уже невозможных, - это история

коми народа, история его происхождения и расселения на территории края, история его взаимоотношений с соседними народами, его хозяйственный уклад и духовная культура, отражающая дух времени и отношение людей к миру и окружающей природе.

Хочется более подробно охарактеризовать эту коллекцию, эту «жемчужину» музейного собрания. Начало формированию ее положили такие известные в г. Усть-Сысольске люди, как А.А. Цембер и Г.Ф. Шипунова. Первый был организатором музея, а с именем Г.В. Шипуновой связан один из начальных периодов становления Коми областного краеведческого музея. Ею впервые в истории музея было начато научное комплектование фондов этнографическим материалом, научное описание коллекций и создание первой этнографической экспозиции. Закончив в 1928 г. Ленинградский государственный университет, Г.В. Шипунова вернулась на родину и с огромным энтузиазмом взялась за работу. За два года (1929-1930 гг.) молодой сотрудницей музея была обследована довольно обширная территория Коми края - это Усть-Куломский, Сысольский и Прилузский районы. Учитывая тот факт, что дорог в крае в те годы практически не было, то можно себе представить, сколько сил, желания, веры в свое дело нужно было иметь молодой девушке, чтобы выполнить поставленную перед собой задачу: создание этнографической коллекции. Ею было собрано более 300 ценнейших предметов, ставших сейчас раритетами.

Не меньший вклад в общее дело внес и Д.Т. Янович - этнограф, ученый секретарь Комитета Севера, который в 1925 г. побывал в Ижемском районе с целью изучения хозяйственного уклада оленеводов и сбора предметов для областного музея. До сих пор эти экспонаты по оленеводческому хозяйству, быту и культуре оленеводов-ижемцев являются основой коллекции по данному разделу.

Этнографическая коллекция постоянно пополнялась и в 40-е, 50-е и 60-е годы. Нельзя не сказать еще об одном человеке - энтузиасте, краеведе, сотруднике музея - А.М. Рубцове. В 1970-е годы им была собрана довольно большая и интересная коллекция бытовых предметов, орудий сельскохозяйственного производства, средств передвижения и мебели в Ижемском и Прилузском районах республики. А в 1971 г. состоялась большая экспедиция в Тюменскую область. А.М. Рубцов и фотограф Н. Клыков проехали по маршруту Печорско-Обдорской экспедиции 1913 г. В результате этой поездки фонды музеяполнились двумя сотнями предметов быта, фотографиями, отражающими оленеводческий быт наших северных соседей. С конца 1970-х годов, после тщательного изучения коллекции сотрудниками отделов этнографии, истории и фондов, был составлен план дальнейшего и скорейшего комплектования этнографического материала. А причи-

на была одна: старый, традиционный бытовой уклад стал очень быстро исчезать из нашей жизни, поэтому нужно было собрать как можно больше уходящих предметов. Каждый год в разные районы республики выезжали сотрудники музея; обследованы были практически все этнические группы; собран огромный материал - это заслуга таких людей, как Т.И. Кузнецова, Л.Н. Сырица, Л.Д. Люосева, Л.Л. Косинская, Н.В. Титова, В.Ф. Паршуков, И.М. Уткина, Л.Я. Другова и многие другие.

Этнографическая коллекция включает в себя все группы традиционного костюма коми, домашней утвари и посуды, орудий труда, средств передвижения и мебели. Большинство из этих предметов относится к концу XIX - нач. XX вв. - времени расцвета традиционных культур многих народов, населявших Россию. Многие предметы быта, а особенно одежда, хранят в себе самые древние традиции; большое количество информации о древних представлениях людей об окружающем мире, их верованиях заложено в элементах украшения одежды, в орнаменте, в резных и расписных узорах на бытовой утвари и орудиях труда.

В музейном собрании коллекция традиционной одежды является наиболее полной, отражающей все этнические группы коми, сложившиеся на территории края к XIX в. Она очень красочна и многообразна: есть и праздничная, и обрядовая, и повседневная, и рабочая одежда; некоторые элементы костюма могут служить образцами народного искусства, например, вязаные изделия. К этой же группе можно отнести и предметы браного ткачества.

В созидательном творчестве многих народов огромную роль играло дерево. И для коми было характерно универсальное применение дерева. Невозможно представить быт крестьянской семьи без легкой, прочной, красивой посуды и утвари, вырезанной из дерева, капа или сплетенной из бересты; без стройных расписных или резных прялок, швеек, веретен и других атрибутов женского ремесла; без прочной удобной мебели и многого другого, что делалось руками крестьян.

Есть в этнографической коллекции небольшая, но очень интересная группа предметов - это глиняная посуда и утварь. Глину человек узнал давно, поэтому традиции керамического производства очень древние. Наша керамика представляет собой неяркую, скромную, но совершенно необходимую в быту коми крестьян посуду. Ее делали в огромном количестве и разными способами женщины. Это было женское ремесло. Глиняная посуда служила в основном для приготовления и хранения пищи.

В состав этнографической коллекции входят и многие другие предметы, характеризующие не только традиционный крестьянский быт.

К ним можно отнести множество вещей, изготовленных кустарным способом, а также на российских заводах и фабриках и завозившихся в Коми край местными купцами - это мебель, одежда, различные приборы, украшения, посуда и многое другое, что можно было встретить в домах горожан, жителей заводских поселков и крупных селений.

Кроме этих крупных коллекций, в фондах музея хранятся немногочисленные, но уникальные по значимости собрания древнерусской живописи (иконы) и церковной утвари XVII - нач. XX вв., а также рукописной и старопечатной книги, насчитывающие вместе около 2 тысяч единиц хранения. Нумизматическая коллекция - это 11380 единиц хранения - представляет русские монеты со времен Петра I до наших дней; в нее же входят и многочисленные группы зарубежных монет, знаков, жетонов. Особую группу в ней составляют награды военного периода и современные, которыми награждались жители нашей республики за заслуги перед Родиной.

Экономическое развитие Республики Коми также нашло свое отражение в музейных предметах. К ним относятся образцы продукции разных предприятий, образцы техники, использовавшейся на этих предприятиях с 30 - 40-х годов и в более позднее время, модели транспортных средств разного периода и другие технические приспособления и механизмы.

Природу нашего края отражает довольно объемная - около 8500 единиц хранения - естественнонаучная коллекция, в которую входят образцы минералов, материалы исторической геологии и палеонтологии, чучела животных и влажные препараты, гербарии. Все это собиралось на протяжении десятилетий сотрудниками отдела природы В.Г. Копейкиным, Н.А. Зинченко, Н.И. Свистельник и другими.

Ежегодно фонды музея пополняются сотнями и тысячами новых предметов, например, за 1999 год они «выросли» на 1529 единиц хранения; еще большее количество предметов поступило в музей в текущем году.

На основе фондовых коллекций в настоящее время действует постоянная экспозиция отдела истории «Коми край с древнейших времен до 1945 г.»; экспозиция литературно-мемориального музея И.А. Куратова «Жизнь и творчество основоположника коми национальной литературы И.А. Куратова», а также экспозиции отделов природы и этнографии и самые разнообразные выставки.

В целом, все музейное собрание является уникальным, так как оно единственное, и в настоящее время невосполнимое, отражающее всю историю народа и республики.

НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Бандура С.В.

Национальный музей Республики Коми

Нумизматическая коллекция Национального музея РК является важной частью собрания музея. К ней относятся монеты, боны, жетоны, медали, ордена. Общее число предметов нумизматической коллекции на 2000 г. составило почти 10 тысяч единиц хранения.

Первые предметы нумизматики появились в собрании музея благодаря активной собирательской работе в 1910-20-х гг. Андрея Андреевича Цембера (1874-1959 гг.) - основателя и первого директора музея этнографии и археологии г. Усть-Сысольска (Сыктывкара). Тогда коллекция музея, основным направлением деятельности которого было собирание и изучение предметов традиционной культуры коми народа и археологических находок, пополнилась серебряными и медными монетами Российской империи, а также наградами I пол. XIX - н. XX вв. На протяжении почти 90 лет нумизматическая коллекция музея продолжала пополняться памятниками нумизматики и медальерного искусства разного времени.

Монеты составляют значительную часть нумизматической коллекции музея. Самой ранней монетой является денга Ивана III (1462-1505), появившаяся в собрании музея несколько лет назад с приобретением части нумизматической коллекции ухтинского коллекционера М.Н. Галицкого.

Среди монет царского периода преобладают копейки и деньги времен Ивана IV (1534-1584). Кроме единичных монет царского периода, в собрании музея хранится клад «рубленых» монет XVII в. Клад в берестяной посуде был найден в 1951 г. местным жителем на берегу р. Летки близ д. Черемуховка Прилузского района Коми АССР. Клад состоит из более 1500 монет времен правления Михаила Федоровича (1613-1645 гг.), Алексея Михайловича (1645-1676 гг.), Федора Алексеевича (1676-1682 гг.), Петра I (1682-1725 гг.).

Кроме названного, в коллекции имеется еще порядка 6 кладов серебряных и медных монет XVIII - н. XX вв.; обнаруженных в разных районах Республики.

Коллекция российских (от Петра I до Николая II) и советских монет в собрании НМРК достаточно полная. Несмотря на то, что в основном это монеты массового выпуска, встречаются некоторые экземпляры, попадающие под категории «не совсем обыкновенных» и

«редких» монет по шкале степени редкости.

Монеты, являясь достаточно сложным историческим источником, несомненно, дают массу возможностей по использованию их в экспозиционной, выставочной, научно-просветительской деятельности музея.

Первая нумизматическая выставка в стенах Коми Республиканского историко-краеведческого музея состоялась в 1968 г. И только спустя 30 лет, в 1998 г., посетители музея смогли познакомиться со значительно пополнившейся нумизматической коллекцией музея на выставке «Русские монеты и клады XV- нач. XX вв.» (из собрания НМРК). Так как нумизматический материал трудно воспринимается детьми, возникла необходимость разработать специальную экскурсию по выставке в игровой форме для младших школьников «Остров сокровищ».

Часть экспонируемых единичных монет и кладов после закрытия выставки влились в постоянную экспозицию отдела истории, существенно дополнив разделы по развитию торговли в Коми крае. Размещение монет на постоянной экспозиции позволило подготовить новую экскурсионную тему по истории Русской монетной системы.

В коллекцию нумизматики НМРК входят также ордена и медали. Коллекция наград досоветского периода невелика и представлена в основном медалями военных компаний II пол. XIX - н. XX вв., начиная с Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. Наиболее полная в собрании музея - коллекция орденов и медалей СССР. Коллекция наград послужила основой для создания выставки «На подвиг Отчизна зовет...» (к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.).

Почти все ордена и медали в собрании музея атрибутированы, что значительно обогащает нумизматический материал дополнительной информацией о наградах, о подвигах и о героях - уроженцах и жителях Коми Республики.

В последние годы в музее активизировалась работа по изучению фонда нумизматики, ведется составление рабочих каталогов предметов нумизматической коллекции НМРК. Эти и другие шаги в исследовании музейных предметов позволят глубже изучить фонды музея, лучше систематизировать коллекции, наметить планы комплектования в области нумизматики, активнее использовать памятники нумизматики в просветительной и экспозиционной музейной деятельности.

ИКОННЫЕ ПРОРИСИ С.Е. ШАРМОНОВА ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Плаксина Н.Е.

Национальная галерея Республики Коми

Термином «прорись» обычно называют «...контурный рисунок, «перевод», сделанный с оригинала... В более широком смысле - подготовительный контурный рисунок вообще»¹. Как правило, прориси создаются методом копирования и применяются как образцы в процессе создания художественного произведения, являясь неоценимым источником для изучения творческого метода художника. Традиция создания и собирания прорисей связана с художественной практикой, основанной на устойчивом иконографическом каноне, и характерной для культур, в которых «... идея образца пронизывает мировосприятие». Концепция подобия в данном случае «...является основой творческого метода и конкретным рабочим приемом»².

В православной России средневековые формы работы по образцам сохранились до начала 20 века. Существует предположение, что в древности, до распространения бумаги, образцы копировались при помощи рыбьего пузыря³. Прориси на бумаге, по мнению Г.В. Маркелова, появились уже в конце 15 века⁴, а в 16 - 17 вв. они получили повсеместное распространение.

Вероятно, именно русских иконописцев можно считать изобретателями оригинальной техники «снятия» копии с образца «на отлип», который В.Г. Брюсова назвала «особым видом гравюры» - чем-то вроде «гравюры по левкасу»⁵. Этот способ обстоятельно описан Ф.А. Каликиным: «Если художник-иконописец снимал с какой-либо иконы точную копию в натуре, для этого тонко растиралась черная краска на чесночном зелье (чесночный сок), затем беличьей кистью делалась контурная опись всей композиции копируемой иконы, причем контур описи не должен быть ни толще, ни тоньше оригинала. Когда опись будет закончена, берется чистый лист бумаги, накладывается на только что проконтуренную икону и придерживается левой рукой, а правой отворачивается часть наложенного листа и делается незначительное увлажнение дыханием какой-то части контурной описи иконы. Затем наложенная бумага притирается правой рукой в местах увлажнения, сделанного дыханием, отчего черная на чесночном зелье опись дает на бумаге негативный отпечаток. Вот этот-то отпечаток контурной негативной копии с иконы и называется прорисью»⁶. Подобным образом получали отпечатки не только с икон, но и с рисунка или гравюры. В литературе встречаются и другие названия этой техники - «налепок»,

«слепок», «перевод». Ее особенность - отпечаток получается обратным (зеркальным).

Прямые (правые) отпечатки получали «...посредством подкрашенной или олифленной бумаги... Образец натирали с оборота краскою (вапою), а с лица проходили по нему тонким инструментом»⁷.

Выполненные тем или иным способом переводы с течением времени превращались в солидные собрания - так называемые подлинники. Древнейшие из известных датируются 16-17 веками - это Сийский иконописный подлинник (названный так по Антониево-Сийскому монастырю, где были обнаружены листы прорисей, собранные чернецом Никодимом, впоследствии Архимандритом этого монастыря) и Строгановский иконописный подлинник. Эти прорисы сыграли очень важную роль в развитии иконописания, поддержании его на определенном уровне, в массовом распространении иконописного мастерства.

На протяжении длительного времени подлинники оставались единственными образцами для иконописцев. Однако экспансия гравюры, начиная с 16 века, резко изменила ситуацию, существенно расширив рамки обмена опытом. С 17 века западноевропейская гравюра входит в обиход русских иконописцев, которые нередко заимствуют в ней сюжеты, композиционное построение сцен. Наибольшее распространение среди русских иконописцев имели издания религиозного характера - Библии, в частности голландская Библия Пискатора, известная в изданиях 1650 и 1674 гг., Библия Борхта и другие⁸.

Распространение западноевропейской гравюры разрушило иконографическую замкнутость русской иконописи. С 18 века в круг образцов вовлекаются уже самые разнообразные источники - народный и религиозный лубок, книжная и журнальная иллюстрация, репродукции с образцов западно-европейской живописи - любой изобразительный материал, который попадал в руки мастера. Благодаря этому, собрания иконописных образцов Нового времени нередко представляют собой очень пеструю картину. К числу такого рода «пестрых» собраний относится и коллекция иконных прорисей иконописца 19 века Семена Ефремовича Шармонова, хранящаяся в фондах Национального музея Республики Коми. Она состоит из 227 листов, выполненных в разных техниках копирования. Особую ценность собранию придает то обстоятельство, что значительная часть листов подписана и датирована. Хронологические рамки собрания - 1832-1875 годы.

История этого собрания не ясна. В фондах музея отсутствуют документы его поступления. Однако в «Планах и отчетах Коми республиканского музея» за 1941 год есть упоминание о хранящихся в архиве музея «эскизах иконописцев Ульяновского монастыря», которые делали три художника - Шапранов, Ершов и Курский.⁹ Мы предполагаем, что Шапранов - это неверное прочтение фамилии Шармонов (или

Шарманов). Тем более, что никаких других иконных эскизов в фондах музея не имеется. Существует предположение, что палка с листами была привезена известным в республике исследователем культуры Коми края А.С. Сидоровым, который в 1924-29 гг. проводил археологические и этнографические изыскания в Ижемском и Усть-Вымском районах республики. В 1925 г. он вывез из разоренного Троице-Стефано-Ульяновского монастыря уцелевшие реликвии и передал их в фонды краеведческого музея.

Ульяновский Троице-Стефановский монастырь - один из старейших в Коми крае. По преданию, он был основан в конце 14 столетия Стефаном Пермским и возобновлен в 1860 г. стараниями монахов Соловецкой обители. С конца 60-х годов здесь велось большое храмовое строительство. Иконостасы для возводимых церквей, как правило, заказывались в Москве и Санкт-Петербурге. В 1871 г. монахи монастыря вели переговоры с московскими иконописцами. В переписке упоминается имя Федора Семеновича Таланова¹⁰. В 1876 г. велись переговоры о заказе икон «...в византийском стиле». Упоминается мастер, «...работавший на Пешехонова», по фамилии Маликов¹¹. Основные работы по обустройству вновь отстроенных храмов монастыря велись в 1875-78 гг. В архиве имеется договор об изготовлении 32 икон «солигаличским мещанином Санктпетербургского иконостасного цеха Николаем Александровичем Лихушиным»¹². 29 икон для монастыря написал «церковной живописи классный мастер дворянин П. Зыков», имевший в Санкт-Петербурге свою «мастерскую церковной живописи и иконописания византийского стиля» на Невском проспекте¹³. Самый большой заказ - 85 икон «...греческого письма с вызолоченными хорошим золотом чеканными фонами» к трем иконостасам - был выполнен Василием Макаровичем Пешехоновым - сыном владельца знаменитой в Санкт-Петербурге мастерской Макара Степановича Пешехонова¹⁴. Возможно, что С.Е. Шармонов также был в числе иконописцев, приглашенных для написания или установки икон в одном из храмов. Возможно также, что он работал в какой-то из перечисленных выше мастерских. Ряд обстоятельств заставляет предполагать, что до этого он жил и работал в Санкт-Петербурге. Во-первых, в Российском государственном историческом архиве нами было обнаружено письмо секретаря «государыни-императрицы Марии Александровны П.А. Морица вице-президенту Академии художеств князю Г.Г. Гагарину» от 4 мая 1860 г., где говорится об уплате иконописцу Шарманову за изготовленную им для Ея Величества икону св. Благоверного князя Александра Невского»¹⁵. В собрании прорисей С.Е. Шармонова имеется несколько вариантов изображений св. Александра Невского, датированных 1840, 54, 72, 73 и 74 годами. Кроме того, в надписях на прорисях Шармонова есть упоминание г. Санкт-Петербурга. Также ряд

его прорисей имеет аналогии с иконами Санкт-Петербургской иконописной мастерской М.С. Пешехонова. Все это, на наш взгляд, позволяет предполагать достаточно тесную связь иконописца с «северной Пальмирой».

Собрание прорисей иконописца С.Е. Шармонова состоит из 227 листов, некогда подшитых в альбом, а ныне разрозненных. 96 листов имеют даты и подписи владельца, которые позволяют ограничить хронологию собрания промежутком между 1832 и 1875 годами.

Материальным носителем изображений является бумага различных сортов. Преобладает бумага фабричного производства, в том числе с фабричными штемпелями, есть переводы, выполненные на папиросной бумаге и на кальке, а также на фрагментах оберточной бумаги магазина китайских чаев К. Гладкова. 27 рисунков сделаны на ручной бумаге русского производства, которая, как правило, идентифицируется с трудом из-за фрагментарности листов и их плохой сохранности. На двух листах имеются водяные знаки Ярославской мануфактуры, на двух - Угличской фабрики Попова. Как правило, рисунки на ручной бумаге не имеют подписей, преимущественно это фрагментарные копии с различных образцов, а не законченные композиции. Судя по бумаге, они относятся к раннему периоду деятельности иконописца - до 1840-х годов.

Изображения выполнены в разных техниках. В основном - свыше 100 листов - это оттиски с образцов, или, в обиходе, «слепки», «налепки». Суть техники, выразительно описанной Ф.А. Каликиным, мы приводили выше. Преобладают переводы, выполненные сажеей, но имеются также два листа, переведенные при помощи красной охры. Кроме наклепок, представлены также переводы, выполненные острым инструментом по контуру рисунка при помощи натертого сажеей оборота бумаги. Многие оттиски дополнительно прорисованы по контуру карандашом или пером, проработаны в тенях черной акварелью, белилами, сепией (тоновых акварелей в собрании 19 листов и 2 листа - цветная акварель).

Карандашные рисунки составляют около пятой части собрания. Нередко одна и та же композиция выполнена в двух вариантах - оттиска и карандашного рисунка на просвет по контуру наклепка. Рисунки преимущественно носят копийный характер, но есть также два наброска бытовых сценок - зарисовка «В старообрядческой молельне», зарисовка сидящего за столом юноши на обороте наклепка, два городских вида и схематичный учебный набросок обнаженной натуры. Имеется в собрании и один образец «сколка» - фрагмент орнамента, наколотый по контуру иглой. Рисунок со сколка переводился на поверхность способом припороха сажеей через отверстия.

Большой интерес представляют разнообразны́е записи, сопровождающие прорисы. На ряде листов имеются дарственные записи. Например, лист с переводом «Головы ангела» подписан так как «... опыт усердия Фило (неразборчиво) Дмитриева и подарок Петру Богданову в 1840 г. майя 19 ч.»¹⁸. Ниже указано «съ Сапожниковского Московского П... (подлинника?). Дарственные подписи имеют еще три листа. В них упоминаются имена П.Н. Пешехонова, А. Андре́ева, Е. Вересчагина. В собрании представлен также листок с наброском и текстом надгробной эпитафии к памятнику иконописцу. Представляют интерес налпки, выполненные на обороте письма и текста рецепта золочения на полимент. На ряде рисунков указано, с какого образца выполнен перевод, например, под рисунком «Тайной вечери» указано - «съ картины Бруни ...находящейся в Царскомъ Сель въ Екатерининскомъ соборъ», а на листе, воспроизводящем изображение «Спаса Вседержителя с припадающими» - «Что в Москвъ надо Вратами». В рисунках упоминаются названия городов, из них чаще всего - Санкт-Петербург, упоминаются также Царское Село, Петергоф, Москва, Киев. Ряд листов содержит пояснительные надписи, расшифровывающие сюжет, например, лист с подробной подписью для иконы «Неопалимая купина».

Особый интерес для исследователя представляют композиции с пометками, раскрывающими подробности создания иконы. Так, на девяти листах имеются разметки колорита будущей иконы («вохр.», «умры», «фиол», «зел», «бак»), на 14 листах указаны размеры образа. Например, размер самой большой иконы, выполненной по эскизу «Деисус с предстоящими», составлял 4 аршина 4 и 1/4 вершка в высоту и 2 аршина 7 и 1/2 вершка в ширину (приблизительно около 3 x 1,7 метров). Наиболее часто встречаемый размер икон - 7 x 6 вершков - стандартный для аналойных образов.

На ряде листов с прорисями законченных иконных композиций указаны две даты вместо одной обычной. Мы предполагаем, что это даты начала и конца работы над иконой. Сроки составляют от двух дней до двух месяцев. На пяти листах указана сумма, полученная иконописцем за работу (12, 20, 25 рублей серебром).

Классификация собрания по сюжетам позволяет выделить в нем несколько основных групп изображений. Большую часть (около 70-ти листов) составляют персональные и групповые изображения святых. Анализ их иконографии показывает, что наиболее часто встречаются изображения святых Александра Невского (8 листов), Николая Чудотворца (4 листа), апостолов Петра и Павла (3 листа), а также святых Константина и Елены, Бориса и Глеба, Димитрия Ростовского. Вероятно, преобладание в числе персональных образов святых Александра Невского и Николая Чудотворца косвенно доказывает связь нашего иконописца с Санкт-Петербургом, так как эти святые, так же как и

св. апостолы Петр и Павел почитались патронами Санкт-Петербурга. Князь Александр Невский был патрональным святым дома Романовых, покровителем царствующего императора Александра II, которым он был особо любим и почитаем¹⁹. На вторую-третью четверть 19 века приходится расцвет культа этого святого как носителя гуманного, христианского начала власти в рамках проводимой Николаем I программы, зафиксированной в знаменитой триаде «самодержавие, православие, народность». Изображение деяний святого князя носило программный характер в стенах Академии художеств, практически ни одна церковь не обходилась без его икон. Мария Федоровна, супруга Александра II, часто заказывала иконописцам иконы с изображением патрональных святых царской семьи. В частности, такой заказ на икону с образом св. Александра Невского в 1860 г. получил и Шармонов. Святой Николай Чудотворец почитался в «северной Пальмире» не только как один из патрональных святых дома Романовых, но и как имевший «... особую власть над морской стихией, что для города-порта ...не могло не быть чрезвычайно важным»²⁰.

Среди листов с изображениями Богородицы также преобладают изводы, особо почитаемые в Санкт-Петербурге. Это «Богородица Казанская», один из вариантов которой - с ризами - воспроизводит знаменитую чудотворную икону из Казанского собора, «Богоматерь Всех скорбящих радость», «Знамение Пресвятой Богородицы»²¹.

Иконография Христа представлена как персональными изображениями, так и многофигурными композициями. Это изображения Спаса Вседержителя, Спаса на убрусе, Спас на престоле, в том числе «Царь Царем» и «Седмица с припадающими», «Отечество». Наряду с традиционной иконографией представлены образцы развернутого христологического цикла с акцентировкой земных дел Христа - перевод иконы «Распятие с клеймами страстей», «Исцеление прокаженных», «Христос, благословляющий детей», «Тайная вечеря». Показательно также присутствие в собрании листа с изображением «Мертвого Христа» - все эти сюжеты получили широкое распространение в искусстве середины - второй половины 19 столетия.

Помимо вышперечисленных, в собрании имеются прориси с праздничных икон, несколько образцов мифологических сцен, переводы рисунков частей тела - голов, рук, фигур в различных позах, голов животных. Отдельную группу составляют образцы орнамента - как в составе композиций, так и на отдельных листах.

Хронологический анализ датированных листов собрания показывает, что наибольшее количество прорисей датировано 50-ми годами. Преимущественно это законченные композиции по формату аналойных икон с указанием размера заказанной иконы, сроков выполнения и стоимости заказа. Вероятно, именно на этот период времени прихо-

дится пик деятельности иконописца. Не подписанные листы, значительная часть которых выполнена на ручной бумаге с филигранями, датируемой до 40-х годов, очевидно, следует отнести к раннему периоду в деятельности мастера. Это, как правило, фрагментарные переводы с различных образцов, отдельные фигуры людей, переводы рисунков частей тела и т.д.

Иконные прориси являются лишь контуром, который наполняется иконописцем «...живописной материей сообразно стилистическим требованиям эпохи, установкам школы, личному мастерству и духовному опыту»²². Однако, как справедливо замечает Г.В. Маркелов, «...в канонической схеме сюжета прорисей всегда видны стилистические меты, выраженные в деталях, моделировках фигур, пропорциях и т.д.»²³. Стилистический анализ коллекции позволяет с определенной долей условности выделить в ней несколько групп. Это прориси традиционной иконографии, переводы с западноевропейских образцов (которые или точно идентифицируются, или же более или менее достоверно могут быть приписаны к определенному кругу западноевропейских источников), прориси смешанного типа - в эту группу мы отнесли образцы иконографии, возникшей в послепетровскую эпоху, и обладающие выразительным языком, сочетающим в себе черты условности и достоверности, элементов традиционной и западноевропейской иконографии (как правило, в них преобладает стилистика барокко, поэтому мы назвали эту группу прорисей «барочными»), и, наконец, прориси «академического» стиля, выполненные в традициях академического искусства. Уже сам факт стилистического «разброса» свидетельствует о смешанном характере иконописной практики мастера и отражает ситуацию, в целом характерную для иконописи этого времени.

Традиционная иконопись, сохранявшаяся на всем протяжении XVIII - нач. XX веков, несмотря на свою консервативность, была все же неоднородна - «...выросши на основе иконописания XVII века, она органично включила разные его направления - от архаизирующего до «строгановского» и даже умеренно-«фряжского»²⁴. Тем не менее залогом ее относительной однородности, гарантией сохранения традиции и «строительным материалом» для создания образов служили иконные прориси, снятые с древних образцов.

Говоря о традиции, мы будем иметь в виду ту иконографию, которая зафиксирована в опубликованных лицевых иконописных подлинниках, а также близкие к ним по стилистике, по набору «иконографических модулей», если придерживаться термина, введенного Г.В. Маркеловым²⁵, - определенной схеме контурных элементов, линейных конструкций в построении складок одежд, определенному типажу лиц, трактовке волос и т.д.

В собрании прорисей Шармонова образцов традиционной иконографии не много. Но очевидно, что мастер работал в этом ключе - среди его прорисей есть датированные образцы с указанием размера заказа и сроков его выполнения²⁶.

Нетрудно заметить, что в число традиционных прорисей входят листы с иконографией Спаса - Царь Царем, Седмица с припадающими, Спас Вседержитель с припадающими (в рост), Спас Вседержитель (поясной), а также Богородицы (Знамение, Казанская, Владимирская), что свидетельствует об укорененности традиции, закрепленной в опыте предшественников, и о своеобразном табу на стилевые новации в сфере сакрально значимых персонажей. Возможно, это свидетельствует и о прочной связи иконописца с определенной иконописной традицией. Во всех этих листах зафиксирован «строгановский» вариант, запечатленный в подлинниках 17 столетия, с присущими ему изяществом, линейной пластикой, дробностью складок, некоторой удлинённостью пропорций.

Как правило, в традиционной иконографии решены образы святого Николая Чудотворца - преобладают поясные изображения с Никейским чудом. Оплечное изображение святого находит аналогии в Сийском иконописном подлиннике 17 века²⁷. Очевидно, такая иконография была хорошо известна в иконописных кругах задолго до публикации Подлинника в 1894-1897 годах.

Прорись «Святые князья Борис и Глеб» аналогична опубликованному в 1900 г. переводу из собрания И.В. Тюлина²⁸. Еще один оттиск - «Голова ангела» - также находит аналогии в прорисях царских изографов. Имеющаяся на его обороте надпись - «съ Сапожниковского Московского п...» заставляет предполагать, что он снят с образца из ставшего знаменитым благодаря находке Г.Д.Филимонова собрания иконописных прорисей братьев иконописцев П.И. и М.И. Сапожниковых. Не исключено, что еще до находки и публикации собрания Филимоновым сапожниковские прориси были хорошо известны, копировались и распространялись в иконописной среде. Г. Вздорнов, в частности, упоминает, что до Г. Филимонова прориси покупались различными известными собирателями и неизвестными иконописцами из Мстеры²⁹.

Кроме вышеупомянутых, в собрании представлены четыре листа с одноформатными изображениями четырех евангелистов - Марка, Матфея с апостолом Петром, Луки с апостолом Павлом и Иоанна. Их иконография, лишь с незначительными вариациями, находит аналогии в миниатюрах византийского «Евангелия с деяниями апостолов. Греч. 101» XIII столетия³⁰. В оригинале миниатюры «Апостолы Лука и Павел» учитель и ученик изображены лицом друг к другу, а в шармоновской прориси Павел стоит за спиной Луки - в пандан миниатюре, изображающей апостолов Марка и Петра. Вероятно, изображение

предназначалось для Царских врат и было скомпоновано по принципу симметрии. Очевидно, византийская рукопись, привезенная в начале 19 века с Афона и переданная в Публичную библиотеку, была лишь прообразом, и перевод иконописца выполнен с промежуточного образца. Тем не менее это еще одно доказательство возросшего в середине 19 века интереса к византийскому искусству и его роли в утверждении новой эстетики моленного образа.

Несмотря на немногочисленность прорисей традиционного стиля в собрании С.Е. Шармонова, очевидно, что иконописец не терял связи с традицией, продолжая работать в рамках стиля, сложившегося в искусстве 17 столетия. Однако это не мешало ему активно собирать и использовать различные образцы переводов из западноевропейского искусства, подтверждая ситуацию, описанную О.Ю. Тарасовым. Исследователь, в частности, упоминал о том, что в архиве Софроновской мастерской в Палехе им были обнаружены остатки тех образцов, которыми пользовались иконники во второй половине 19 - начале 20 вв. Это и отдельные гравюры из Библии Пискатора (1650, 1674), Вейгеля (1680) и Шнорра (1850), и вырванные из иллюстрированных изданий и журналов «Старые годы», «Аполлон» и «Золотое руно» репродукции мастеров итальянского и северного Возрождения - Микеланджело, Леонардо да Винчи и т.д. Вплоть до образцов западной религиозно-романтической живописи 19 века³¹. Среди прорисей Шармонова также имеются листы из зарубежных изданий, в частности гравюра из Библии Пискатора «Битва израильтян с амалекитянами», вырезки из французского альбома о пропорциях, гравюра из неизвестного издания с изображением «Вознесения Богоматери» Мурильо. Имеются также и оттиски, выполненные в различных техниках - прямого перевода или наклепка. Не все из них удалось идентифицировать. А те, что нашли свои прообразы, подтверждают известное обстоятельство о популярности определенного круга итальянских художников, на которые ориентировалась в выборе образцов для религиозной живописи и Академия художеств. Среди наиболее часто цитируемых художником образцов - картины Рафаэля. Это и фигуры 12 апостолов, и фрагмент «с картины Рафаэля Христос Петру вручает ключи», фрагментарный набросок «Сикстинской мадонны», фигура Иоанна Крестителя из картины «Мадонна дель Фолиньо». Кроме того, имеется лист с изображением группы солдат - перевод с гравюры Сальватора Розы из серии «Каприччи», обратный перевод, воспроизводящий композицию картины Терборха «Получение письма». «Иов с друзьями» несет на себе следы стиля художников круга Рубенса. Два отпечатка выполнены с известных изданий Библии - изображение апостолов из Библии Пискатора и широко тиражируемый в русской иконописи сюжет «Вороны кормят Илию» из Библии Шнорра. Кроме того, представлены

также изображения «Мадонны с младенцем», «Святого семейства», «Коронования Богоматери». Все они по стилистике близки прототипам в европейской живописи 16-17 столетия. Вряд ли они использовались непосредственно в качестве образцов для перевода на левкас. Эта часть собрания носит, скорее, случайный, нежели систематический характер, и относится, по преимуществу, к раннему периоду деятельности мастера. Можно говорить не столько о прямом заимствовании, сколько о косвенном влиянии образцов западноевропейского искусства на его стиль.

Преобладающую часть коллекции С.Е. Шармонова составляют образцы прорисей, предназначенных для создания «живоподобных» икон, трактующих сюжет в рамках реализма. Как правило, они несут на себе отпечаток стиля барокко и современного автору академического искусства. Явление барокко в иконописи, формировавшееся под влиянием светского искусства, оказалось весьма устойчивым, сохраняясь и в первую половину 19 века. Иногда довольно сложно провести четкую границу между этими понятиями по отношению к прорисям. Бароккизирующая линия, развиваясь в иконописи параллельно профессиональному направлению³² в лице Академии художеств, ориентировалась на те же образцы, что и академическая живопись, декларировала те же принципы живоподобия, однако решала их несколько иными способами, через усложненность композиции, повышенную динамику. В то время как в академическом искусстве «тон задавал» классицизм с его выверенностью композиционного построения, равновесием масс, пластической ясностью рисунка.

В шармоновском собрании имеется группа прорисей, отличающаяся родством стилистических мет. Для них характерна своеобразная повышенная динамика фигур, значительная роль складок в создании эмоционального напряжения образа, полипространственность композиции - наличие в нем нескольких планов, «ведут», присутствие в пространстве иконы другого образа. В подобного рода композициях часто разработан фон, имеющий знаковую смысловую нагрузку. Повышенную роль играют атрибуты - символы, окружающие персонажей. Нередко изображение сопровождается присутствием транспарантов для надписей, что говорит о значительной роли текста в такой иконе, ее открытости для зрителя, ориентированности на прочтение. Открытость для зрителя наблюдается и в постановке фигур персонажей в трехчетвертном развороте, как бы вовлекающей зрителя в пространство иконы. В переводе иконы «Рождества Пресвятой Богородицы» очевидно смешение разных стилистик - фигура Иоакима выполнена в условной манере древнерусского искусства и помещена в пространство барочной композиции, заимствованной из европейского образца. Такое смешение стилей присуще и ряду других прорисей шармонов-

ского собрания. Хронологически большая часть такого рода композиций приходится на 50-60-е годы - время возрождения в искусстве в рамках историзма барочной стилистики - так называемого «второго барокко»³³.

Вместе с тем, в коллекции Шармонова имеются и образцы классических академических композиций, созданных под влиянием произведений академической религиозной живописи. Класс исторической живописи Академии художеств был в те годы основным исполнителем заказов на роспись и оформление храмов, написание икон для иконостасов. Определяющим стилем оставался классицизм с его устремлением «...к пластически совершенному строю произведения», который «...оборачивался... набором композиционных штампов, настойчивым требованием следовать определенным художественным образцам»³⁴. Такими образцами часто становились также произведения отечественных художников, таких как К.П. Брюллов, Ф.А. Бруни, В.К. Шебуев, П.В. Басин. Ставший классическим пример тиражирования - картина Ф.А. Бруни «Моление о чаше», написанная им в 1834 г. и многократно повторенная иконописцами всех мастей³⁵.

В 40-е годы иконописец Шармонов копирует ряд академических образцов, в частности «Тайную вечерю» Ф.А. Бруни (1849 год), а также изображение «Мертвого Христа» с неустановленного произведения академической школы. Эклектичное смешение заимствований из разнообразных источников европейской и русской академической школы (в частности, с Ф. Бруни «Моление о чаше») представляет собой иконная композиция «Распятие с клеймами страстей» (1844 г.). С академического образца заимствована прорись 1859 г. «Христос, благословляющий детей», а также двучастная композиция «Обретение Спаса на убрусе» и «Принесение убруса» 1858 г. Иконография земной жизни и деяний Иисуса Христа была новой для церковного искусства того времени, фактически, она разрабатывалась живописцами Академии художеств.

Активно разрабатывался в академической религиозной живописи и образ св. благоверного князя Александра Невского. Прориси Шармонова с образом святого князя несут на себе отпечаток определенной стилистической эволюции, характерной в целом для искусства этого периода. Ранние прориси - 1840 и 1854 гг. - отмечены романтической трактовкой образа с оттенком сентиментальности в оттиске 1840 г. и героической патетики в прориси 1854 г. Последний, вероятно, был выполнен с литографии В. Логинова, датированной 1840-ми гг., которая, в свою очередь, воспроизводит неустановленный живописный оригинал³⁶.

Следующий по хронологии перевод образа святого князя Александра Невского 1862 г. выполнен в совершенно иной стилистике. На

нем представлен в рост князь-воин, облик которого лишен внешнего пафоса, сосредоточен и полон внутренней силы. Его одеяние исторически достоверно. Образцом для перевода послужила мозаичная икона св. Александра Невского из иконостаса Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, выполненная по живописному оригиналу Т.А. Неффа. Исследователями не раз отмечалось значительное влияние росписей и иконных образов Исаакиевского собора на иконопись середины 19 столетия³⁷. Фактически, они имели переходный характер на пути формирования новой иконописной эстетики, сочетающей в себе «историческую достоверность со свойственным древнему искусству лаконизмом, эмоциональной сдержанностью и психологической напряженностью»³⁸. Можно сказать, что в этих росписях был сделан шаг на пути складывания «византийского стиля».

«Византийский стиль» появился во второй трети 19 века в русле романтического направления как определенная реакция на безликость и подражательность официального искусства, как стремление к поиску национального своеобразия. Формирование византийского стиля в церковной живописи шло параллельно с возрождением интереса к древней византийской и отечественной иконе. Первоначально национальное своеобразие русского искусства ассоциировалось с Византией. Именно в ней видел источник возрождения русской иконописи «главный идеолог» нового стиля князь Г.Г. Гагарин, по инициативе которого в 1856 г. в Академии художеств был открыт класс православного иконописания, который должен был готовить хорошо обученные профессиональные кадры для широко развернувшегося по всей Руси храмового строительства³⁹ и стать проводником нового стиля в церковной живописи. Для византийского стиля характерен «своеобразный сплав художественной системы академизма и древнерусского искусства. Особенности художественного языка Нового времени, материальность и объемность фигур начинают терять определенность. Удлиняются пропорции, ...появляется контурность. Фигуры часто не стоят, а парят в воздухе»⁴⁰. Вместе с тем, стремление точно следовать древнерусской иконографической схеме сочетается с несвойственной первоисточнику исторической достоверностью в трактовке обстановки и пейзажа, в которой совершается событие древней истории»⁴¹.

Сходные качества обнаруживает следующее по хронологии изображение святого князя Александра Невского 1872 г. Оно отличается предельной простотой и лаконичностью. Изображение поясное, фигура и лик развернуты фронтально, правая рука покоится на груди, левая - на рукояти меча. Движение отсутствует, эмоции тоже. Статика, строгость - основные характеристики этого образа.

По тому же принципу, что и образ святого благоверного князя 1873 г., построены персональные изображения святых, датированные

1872-73 годами. Это поясные или в рост, строго фронтальные, статичные изображения со стереотипным положением прижатых к телу рук. В одеяниях обнаруживается стремление к исторической достоверности с минимальной проработкой складок. Лики реалистичны, но сведены к определенному типу. Фон гладкий, поля чистые, без орнамента. Пространство не имеет глубины. Гладкий, а в живописном исполнении, возможно, покрытый сплошным золочением, фон иконы должен был усугублять ощущение духовной сосредоточенности, концентрируя внимание на образе святого. Отсутствие признаков событийности, преходящего подчеркивало вневременность вечного предстояния. Следует отметить, однако, что композиции последних лет несут на себе печать упрощения, выработки определенного штампа. Они вызывают в памяти многочисленные ремесленные иконы второй половины 19 века, эклектически сочетающие в себе приемы академизма с византийскими формами. «Живописно-натуралистические, с диссонирующими контрастами, эти иконы выполнялись на золотых фонах, которые обрабатывались фигурной чеканкой, имитировавшей дорогую скань, басму, оклады, а сочетание чеканки с живописью создавало иллюзию дорогостоящих эмалей»⁴². Это был уже не тот чистый стиль, который продекларировала Академия художеств, а некий усредненный вариант, где стилизация окончательно уступила место натурализму, соблюдению исторической достоверности в costume и пейзаже, в сочетании с условностью золотых фонов и декоративной нарядностью орнаментики. Возможно, в 70-е годы мастер работал в одной из многочисленных городских ремесленных мастерских, в которых «византийский стиль» был одним из предлагаемых на выбор заказчика многочисленных вариантов стилей - «византийского, греческого, новгородского, московского, строгановского, фряжского и др.»⁴³.

Органической частью этого стиля был орнамент. В художественной практике Шармонова орнаменту принадлежит очень важная роль. Иконописец переводил и собирал образцы орнамента как на отдельных полосках бумаги, так и в составе законченных композиций.

Как справедливо заметил О.Ю. Тарасов, «украшение иконы - будь то орнамент, риза или золото фона - ... универсальный культурный стандарт: связь святости с сиянием и блеском характерна для множества культурных традиций»⁴⁴. Пик тяги к украшательству Россия испытала в 17 веке, когда орнамент буквально пронизывал все виды искусств - украшал страницы книг, басменные оклады икон, стены храмов, одежды священнослужителей. Орнаменту придавалась повышенная эстетическая функция носителя идей «Церкви Украшенной», «земного рая». Степень украшенности соотносилась со степенью благочестия.

Религиозное возрождение, начавшееся со времен Николая I, повлекло за собой «возрождение эстетики золотого времени благочестия

русского царства - XVII столетия». Орнамент вновь становится неотъемлемой составной частью «византийского стиля», пронизывая всю систему искусств - от декоративно-прикладного искусства до росписей храмовых и дворцовых интерьеров, и создавая «насыщенную красотой празднично-возвышенную атмосферу «земного неба»⁴⁵. В поисках первоосновы идет обращение к византийским мозаикам и эмальям и византийской книжной миниатюре. В иконописи орнамент также начинает играть значительную роль, украшая сплошным ковром золоченые фона, звонкими эмалевыми красками расцвечивая поля икон. Возможно, именно в красоте кроется причина устойчивости этого направления в иконописи на протяжении довольно длительного периода времени. В нем воплотилась издревле присущая русскому народу «...любовь ко всему красочно-языческому»⁴⁶. В связи с этим, интересно привести цитату из письма монаха Паисия, искавшего в Москве исполнителей заказа на иконостас для Ульяновского монастыря, которому один из иконописцев посоветовал следующее: «...у вас народ дикой, им надо что-нибудь посвятлей да попястрей, то наилучше зделать иконы и поля чеканные с амалью»⁴⁷.

Все образцы орнаментов из собрания Шармонова можно сгруппировать в два типа - «барочные», где главный элемент - рокайльный завиток, и т.н. «византийские». Рокайли декорируют угловые картуши с изображениями евангелистов на фрагменте оттиска с изображением праздников 1847, обрамляют икону «Ильинской Богоматери» для композиции «Нечаянная радость» 1857 г. Как правило, они задают картушам криволинейные очертания, выполняя функцию рамы. Сохранение на протяжении 40-50-х годов барочных форм декора связано с возрождением «второго барокко» в искусстве этого времени.

Другую группу составляют образцы орнамента «византийского стиля». В отличие от барочного, византийский орнамент более конструктивен, геометричен, не выходит за рамки заданной структуры иконного поля. В прорисях Шармонова он выполняет функцию обрамления иконных композиций. Все образцы в собрании сводятся к одному типу, прообраз которого можно обнаружить в византийской и древнерусской книжной миниатюре. Присущие византийским орнаментам 11-12 веков «... значение ритма звеньев, мотивы соединенных кругов, внутри которых расположены разнообразные пальметты»⁴⁸, обнаруживаются в стилизациях «на византийские темы» - орнаментах, обрамляющих ряд иконных композиций 1850-х годов. Это «Собор св. Архангела Михаила», «Рождество Пресвятой Богородицы», «Святой Николай Чудотворец». Такой орнамент представлен в двух вариантах - с мотивом круга и мотивом «чечевицы». Аналогичный декор из круглых звеньев обрамляет икону 1853 г. мастера В. Скопина из Пешехоновской мастерской «Да молчит всякая плоть» (ГТГ, Москва)⁴⁹.

Интересно, что византийский орнамент нередко обрамляет барочную по стилистике икону, как, например, в композиции «Рождество Пресвятой Богородицы». Это подтверждает замеченное Е. Кириченко обстоятельство, что на первый взгляд второстепенные виды искусства быстрее реагируют на стилевые новации⁵⁰.

Таким образом, коллекция иконных прорисей Семена Ефремовича Шармонова, словно в зеркале, отразила в себе всю сложную картину иконописания 19 столетия. Смешанный состав коллекции и преобладание в ней образцов академического письма наряду с прорисями традиционной иконографии заставляет предполагать принадлежность иконописца к той среде, которая находилась на линии пересечения различных художественных традиций, и его определенную близость к официальному религиозному искусству. В 19 столетии к таковым относились городские иконописные мастерские, стремительно разраставшиеся начиная со второй четверти 19 столетия и поддержанные официальными заказами в связи с массовым церковным строительством, вызванным проводимой властями в жизнь идеологией «самодержавия, православия и народности». Городские мастерские формировались, как правило, за счет провинциальных мастеров - выходцев из старинных центров иконного ремесла - хранителей традиций древнерусской иконописи. Семен Ефремович Шармонов, как мы предполагаем, происходил как раз из такой среды. Доказательство тому - имеющиеся в его собрании прорисы традиционной иконографии. Но, как свидетельствуют изложенные выше факты, мастер был связан с Санкт-Петербургом, возможно, даже получал навыки рисования в одном из его учебных заведений, работал в одной из иконописных мастерских города и выполнял заказы для императорского Двора. О близости мастера к официальному направлению в иконописи свидетельствует и преобладание в составе его прорисей образцов той иконографии, которая была поддержана официальными заказами, а также особая стилевая чуткость, присущая его практике и нашедшая отражение в характере прорисей. Иконописная манера Шармонова отражает стилевую эволюцию иконописного искусства того времени. В 40-60-е годы - время расцвета «второго барокко» - в его коллекции преобладают прорисы бароккизирующих композиций, подтверждая устойчивость этого направления в иконописи. В этот период времени в его практике сосуществуют различные стилевые линии - в том числе академизм романтического толка и традиционная иконопись. Однако уже с конца 60-х годов стилевое многообразие сменяется единой линией, несущей на себе отпечаток ремесленного «византийского» стиля, ставшего определяющим в официальном церковном искусстве. Манеру 70-х годов отличают фронтальность композиционного построения, строгость,

лаконичность, реализм в трактовке ликов, историческая достоверность в костюме, неразработанность фонов. Аналогичная эволюция - от барокко к «византинизму» - наблюдается и в изменениях орнаментации. Однако здесь «византийский стиль» появляется раньше, в составе бароккизирующих икон. В целом, коллекция иконных прорисей С.Е. Шармонова дает уникальный иконографический и исторический материал для исследования самого малоизученного периода в русской иконописи - 19 столетия.

***

1. Власов В.Г. Иллюстрированный художественный словарь. СПб. АО «Икар». 1993. С. 178-179.
2. Муратова К.М. Мастера французской готики 12-13 вв. М. Искусство. 1988. С. 121.
3. Иконные образцы XVII - нач. XIX вв. Сост. З.П. Морозова. М. ГИМ, 1993. С. 3.
4. Маркелов Г.В. Иконные прориси и переводы в Древлехранилище Пушкинского Дома. ТОДРЛ. XLIX. СПб. 1996. С. 482.
5. Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М. Искусство, 1984. С. 41.
6. Каликин Ф.А. Портретное изображение псковского князя Довмон-та. // ТОДРЛ М., л. 1962. Т. 18, Цит. по // Маркелов Г.В. Иконные прориси и переводы в Древлехранилище Пушкинского Дома. // ТОДРЛ. LIX СПб. 1996. С. 481.
7. Филимонов Г. Собрание иконописных рисунков братьев П. и М. Сапожниковых. // «Вестник ОДРИ». Вып. 6-10. Л. 1875. Смес. С. 44-45.
8. Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. С. 42.
9. Планы и отчеты Коми республиканского музея. 1941 год. Национальный музей Республики Коми. Научный архив. Инв. № 2485, л. 55.
10. НАРК. Ф. 232, оп. № 1, ед. хр. 75
11. Там же, ед. хр. 101.
12. Там же, ед. хр. 95.
13. Там же.
14. НАРК, ф. 232, оп. № 1, ед. хр. 78.
15. РГИА. Ф. 789, оп. № 3, год. 1860, ед. хр. 72, л. 25.
16. М. Флекель отмечает, что такого рода альбомы долгие годы использовались в художественных школах Франции, Германии, Италии, а также во второй половине 18 - начале 19 века в Петербургской Академии художеств. // Флекель М. От Маркантонио Раймонди до Остроумовой-Лебедевой. Очерки по истории и технике репродукционной гравюры XVI-XX веков. М. Искусство. 1987. С. 168.

17. Опыт к составлению полного курса истории, археологии и этнографии для учеников императорской Академии художеств. СПб. Типография И. Глазунова, 1832 год. О популярности этого издания свидетельствует тот факт, что литографии из него нередко копировались, в частности, воспроизведены на кальках хранящейся в Библиотеке Академии художеств рукописи «Сборникъ Древности христианской въ отношении Византийскаго и Русскаго иконописания», составляемого капитаном П. Матвеевым с 1849 г. Перед нами еще одно свидетельство интереса к русским древностям, переживаемого обществом в указанный период времени. Следует добавить, что «Изборникъ Святослава 1073 г.» был открыт в 1817 г. в библиотеке Воскресенскаго монастыря под Москвой и тут же стал предметом пристального изучения и копирования.
18. Ф. Дмитриев, учитель рисования из г. Владимира, упоминается Г.В. Вздорновым как автор цветных литографированных зарисовок к исследованию С.Г. Строганова «Дмитриевский собор во Владимире». 1840-е гг. // Вздорнов Г.В. История открытия и изучения русской средневековой живописи. 19 век. М. Искусство. 1986. С. 281. Возможно, что в записи упоминается это же лицо.
19. Лосева А. Воспитание монарха в эпоху бидермейера // Вопросы искусствознания. 1/98. М.1998. С. 387.
20. Мухин В. Церковная культура Санкт-Петербурга. АО «Иван Федоров». СПб, 1994. С. 71.
21. «Пресвятому образу Твоему поклоняемся...» СПб. Palace Edition. 1995. С. 238-239. С. 233.
22. Маркелов Г.В. Иконные прориси и переводы в Древлехранилище Пушкинскаго Дома, С. 486.
23. Там же. С. 486.
24. Бусева-Давыдова И. Память, припоминание, архетип: судьба традиции в поздней русской иконописи// Вопросы искусствознания. 1/98. М. Искусствознание. 1998. С. 147.
25. Маркелов В.Г. Прориси и переводы в Древлехранилище Пушкинскаго Дома. С. 490.
26. Например, прорись «Деисус с предстоящими». Кп № 10737/88.
27. Лицевой Сийский иконописный подлинник. СПб, 1895, Табл. XXXV.
28. Материалы для истории русской иконописи (Переводы из собрания И.В. Тюлина. СПб, 1900, Табл. XCI.
29. Вздорнов В.Г. История открытия и изучения русской средневековой живописи. 19 век, С. 114.

30. Лихачева В.Д. Византийская миниатюра. М. Искусство. 1977, С. 40-44.
31. Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России М. 1995. С. 295.
32. Бусева-Давыдова И. Память, припоминание, архетип... С. 148.
33. Красилин М.М. Памятники искусства XVI - нач. XX вв. в немусейных собраниях. (Москва, церковь Иоанна Предтечи). Каталог - 1. // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. 12.89. М. 1989. С. 75.
34. Петина Е.Ф. Петр Васильевич Басин. 1793-1877. Л. Художник РСФСР. 1984. С. 166.
35. Красилин М.М. Обследование памятников изобразительного искусства на территории Латвийской ССР (древнерусская живопись и ее традиции в XVII-XX вв. // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. 10.85. М. 1985.
36. Воспроизведена в кн. // Мухин В. Церковная культура Санкт-Петербурга. СПб. 1998. С. 124
37. См. Например // Князева Л. Иконопись Палеха из собрания государственного музея Палехского искусства. // Палех. Триста лет иконописанию. С. 141. Кириченко Е.И. Русский стиль. М. Галарт. 1997. С. 139.
38. Верещагина Е.М. Историческая картина в русском искусстве. Шестидесятые годы 19 в. М. Искусство. 1990. С. 18.
39. Корнилова А.В. Из истории иконописного класса Академии художеств // Проблемы развития зарубежного и русского искусства. Сб. Ст. СПб. 1995, С.75.
40. Кириченко Е.И. Русский стиль. М. Галарт. 1997. С. 141.
41. Там же. С. 141.
42. Там же. С. 141.
43. Тарасов О.Ю. Указ. соч. С. 192.
44. Там же. С. 77.
45. Там же. С. 328.
46. Тарасов О.Ю. Указ. соч. С. 77.
47. НАРК, ф. 232, оп. № 1, ед. хр. 75.
48. Лихачева В.Д. Художественное оформление Изборника // Изборник Святослава 1073 г. Научный аппарат. Факсимильное издание. М. Книга. 1983. С. 71.
49. Воспроизведена в кн. : // Тарасов О.Ю. Икона и благочестие... С. 176.
50. Кириченко Е.И. Русский стиль. С. 200

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕНИЛЫ

Паршуков В. Ф.

Национальный музей Республики Коми

Кто из нас не видел, хотя бы в репродукции, картину «В голубом просторе» художника А. Рылова? Это о его творчестве писала график, народный художник РСФСР А.П. Остроухова-Лебедева: «От его картин и этюдов веет бодростью и свежестью живого чувства. Его искусство полно правды, гармонии и спокойствия. Его большое сердце было полно любви ко всему вокруг него... Но больше всего он любил природу во всем ее бесконечном разнообразии. Любил ее, как благодарный сын любит свою мать - безгранично, преданно и благоговейно»¹. И не удивительно, ведь Рылов в Петербургской Академии художеств учился у самого Куинджи!

Два этюда этого большого мастера - «Челнок» и «Крутой берег» до 1952 г. хранились в нашем краеведческом музее, а затем были переданы республиканскому художественному музею.

Я выяснял - при каких обстоятельствах они появились в Сыктывкаре, и мне открылась еще одна черта Аркадия Александровича - глубокое уважение к народу коми...

В начале 1935 г. Рылова навещил директор Коми краеведческого музея Георгий Афанасьевич Старцев. Очевидно, их встреча была очень душевной и теплой, так как художник обещал прислать в дар музею несколько картин с персональной выставки, открытой в Ленинграде. Уже в июне Аркадий Александрович выполнил свое обещание. В письме Старцеву, датированном 5 июля того же года, он писал: «Я очень рад, что посылку с этюдами Вы получили и что Вы и Ваши сотрудники их одобрили. Мне особенно приятно, что мои работы находятся в области Коми. К этой национальности я питаю с детства самую теплую симпатию»².

В той посылке были два этюда, о которых я говорил, и портрет няни художника. В настоящее время портрет хранится в фонде изобразительного искусства НМРК. На листе бумаги, пожелтевшем от времени, размером 44,5 x 33,4 см карандашом нарисована простая, уже в возрасте, очень добрая женщина. А внизу слева можно прочесть слова, написанные самим Рыловым: «Ненила Ивановна Куспелева (не Кузьпелева ли? - П.В.) в 1900 г. Коми из Сысолы, моя кормилица»³.

О том, какое место в его жизни, особенно в его детстве, занимала эта женщина, видно из «Воспоминаний» художника. С нежной теплотой он писал: «В этом городе (имеется в виду Вятка - П.В.) протекала моя детская пора. Когда мне было пять лет, отец заболел и мать увезла

его на лечение в Казань. Дома осталась бабушка - Афанасия Ионовна Рукавишниковна и нас четверо детей с кормилицей, зырянкой Ненилой. Ненила выкормила меня и брата Александра. Она необыкновенно привязалась к нам - своим питомцам и ко всей семье до самой своей смерти. Прожила у нас лет двенадцать, потом вышла замуж за столяра. А на скопленные деньги купила на окраине города дом и хотела было завещать его и все свои сбережения мне, но я, к ее огорчению, отказался. Восьми лет меня отдали в приготовительный класс гимназии. Со мной Ненила одевала меня, закутывала башлыком, и я с огромным ранцем за плечами тихонько шел по морозу в гимназию»⁴.

Годы отрочества и наступающей юности Аркадия Александровича также были согреты теплом любви и заботы Ненилы и ее мужа - столяра Матвея Князева. Рылов вспоминал: «Муж моей кормилицы Ненилы, столяр Матвей Князев, лысый, с большой черной бородой, был сторожем в городском училище и жил в казенной квартире. Мы любили с братом по вечерам заходить к ним в жарко натопленную большую комнату, где пахло свежими стружками и клеем, где всегда кипел самовар, напевавший песенку «к морозу». Ненила наливала нам чай с густыми сливками, угощала вкусными сушками. Матвей строгал фуганком или пилил «шпанкой», полировал вкусно пахнущим лаком. Он делал нам весла, фанерки для выпиливания и прочее. У этих простых и добрых людей любили собираться и подолгу засиживаться заказчики, особенно интеллигентная молодежь. На улице мороз трещит, а здесь от железной печки пышет жаром. Ненила рассказывает про свою сторону, про Зырянский край, про Сысолу реку. Дочь зверолова, она вспоминает о встречах с медведями, волками, произнося слова с забавным зырянским акцентом»⁵.

Благодарную память о своей няне Аркадий Александрович сохранил на всю жизнь. И в 1935 г., посылая картины в подарок Коми краеведческому музею, он подчеркивал: «На родину моей милой няни»⁶.

***

1. Рылов А.А. Воспоминания. Л., 1977, С.259.
2. НМРК, КП 9587/2
3. НМРК, н/в 377
4. Рылов А.А. Воспоминания. С.11.
5. Там же. С.14.
6. НМРК, КП 9619.

ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. ЧЕРНОВА В КОЛЛЕКЦИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РК

Трусова О.А.

Национальный музей Республики Коми

Имя Александра Александровича Чернова (1877-1963) - выдающегося исследователя недр Европейского Северо-Востока - известно не только в Республике Коми, но и далеко за ее пределами. И немудрено: вклад этого ученого в развитие геологии Севера трудно переоценить. О личности и деятельности А.А. Чернова написано немало страниц, созданы скульптурные и художественные образы знаменитого геолога. Национальный музей РК также внес значительный вклад в сохранение памяти А.А. Чернова: в фондах музея содержится большая коллекция материалов¹, позволяющих разносторонне осветить его личность. Эта коллекция сформировалась в 1960-ых гг. благодаря содействию сына известного ученого и продолжателя его профессиональной династии - Г.А. Чернова, но и в последующие годы материалы об А.А. Чернове неоднократно пополнялись сотрудниками Национального музея.

Научная деятельность А.А. Чернова в Коми крае началась в то время, когда интерес к природным богатствам региона перерос в конкретные шаги по промышленному освоению Европейского Севера. В марте 1920 г. президиум ВСНХ учредил Северную научно-промысловую экспедицию, в состав которой входили крупнейшие ученые того времени. В 1920-1921 гг. экспедиция направляет в опаленные гражданской войной районы Европейского Севера 23 исследовательских отряда, объединивших свыше 200 специалистов самых различных областей знаний, с целью дальнейших геологических и географических исследований. Среди этих отрядов особое место занимает научно-практическая деятельность отряда А.А. Чернова. В результате геологических изысканий в 1924 г. в бассейне р. Косью им были обнаружены крупные залежи каменного угля, которые позволили высказать предположение о возможности открытия здесь крупного угольного бассейна. Проведенные в дальнейшем Черновым неоднократные геологические исследования на уголь, нефть и др. полезные ископаемые на Среднем и Северном Урале, Тимане, Пай-Хое позволили установить потенциальные возможности развития производительных сил этого малоизученного тогда региона. О годах, проведенных знаменитым геологом в многочисленных экспедициях, свидетельствуют сохранившиеся в фондах музея фотографии, образцы пород, собранные А.А. Черновым, личные вещи, использовавшиеся в полевых работах:

деревянный подсвечник, геологический молоток, лупа, фотоаппарат «Vitaflex».

За годы научной деятельности А.А. Черновым было опубликовано более 100 трудов, освещающих вопросы геологии Коми края - Коми АССР. Музейная коллекция насчитывает 26 работ знаменитого геолога, которая отражает лишь неполный круг его профессиональных интересов: это и залежи фосфоритов в Вятской губернии, и эволюция аммонитов, и алмазы Коми АССР, и каменный уголь и точильный камень на Печоре, и полезные ископаемые Пай-Хоя, Новой земли, Вайгача, Тимана. Кроме того, музею была передана часть личной библиотеки профессора, которая представлена как трудами его соратников и учеников, так и литературными произведениями, в том числе и коми писателей (16 книг).

Часть фондовой коллекции А.А. Чернова представлена предметами интерьера его квартиры (письменный стол, кресло, настольные часы, вазы для цветов, настольная лампа) и его письменными принадлежностями (чернильница, пресс-папье, карандашница и т.д.), позволяющими воссоздать обстановку, в которой работал ученый. Определенный интерес представляют парадный костюм А.А. Чернова и его рабочая одежда.

Александр Александрович был человеком разносторонне развитым, увлеченным. Так, одним из его увлечений можно считать шахматы. Сохранились шахматная доска и фигуры, а также книга И. Мейзелса «Шахматы», раскрывающая основы теории игры. В фондах музея имеется небольшая личная коллекция А.А. Чернова, которая содержит мундштуки из различных материалов, пепельницы, портсигары.

О признании высокого профессионализма и авторитета Чернова среди ученых того времени говорит тот факт, что он входил в состав многих действующих в то время научных обществ. Так, например, А.А. Чернов являлся активным членом Географического общества СССР, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (которое присудило А.А. Чернову за его плодотворную деятельность большую серебряную медаль), Русского палеонтологического общества и Московского общества испытателей природы.

Профессор Чернов имел достаточно высокий общественный статус, что доказывается многочисленными адресами, которые были отправлены знаменитому геологу от различных предприятий, общественных организаций, творческих союзов. Фондовые материалы рассказывают об избрании Чернова депутатом городского Совета, депутатом Верховного Совета Коми АССР и членом его президиума, что

еще раз говорит о его признании и авторитете в обществе. Часть музейной коллекции представлена документами Чернова, свидетельствующими о его участии в деятельности различных общественных организаций, таких как Всероссийское общество содействия охране природы, Всесоюзное общество содействия армии, Осоавиахим, Общество по распространению коммунистических и научных знаний, Союз общества Красного креста и Красного полумесяца и т.д.

Кроме того А.А. Чернов вел большую научно-организационную работу: он был одним из организаторов и активным участником геологических конференций Коми АССР, которые проводились регулярно с 1942 г.

Выдающиеся геологические исследования А.А. Чернова были высоко оценены. Президиум Академии наук СССР присудил талантливому ученому высшую геологическую награду - золотую медаль им. А.П. Карпинского. 23 июля 1957 г. указом Президиума Верховного Совета СССР А.А. Чернову было присвоено звание Героя Социалистического труда с вручением ему ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот» (это единственная медаль «Серп и молот» в фондовой коллекции музея). А.А. Чернов был награжден орденом Трудового Красного знамени (1945 г.), орденом Красной звезды (1945 г.), медалью «За доблестный труд в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.» и нагрудными знаками.

Именем ученого названа тектоническая гряда на севере Тимано-Печорской провинции (гряда Чернова), новый минерал (черновит), улицы в Сыктывкаре, Воркуте, Инте, Ухте. Его имя носит геологический музей Института геологии Коми научного центра УрО РАН.

Обширная коллекция Национального музея РК не только освещает плодотворную научную, исследовательскую работу, выдающуюся общественную деятельность Александра Александровича Чернова, но и позволяет узнать о личных качествах известного геолога.

***

1. НМРК КП 3476/3, 4514, 4704/1-3, 4887/1-100, 4892/5-20, 4915/1-12, 8818/55; НВ 283, 899/43,

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ НЮВЧИМСКОГО ЛИТЬЯ

Зеленский В. С.

Национальный музей Республики Коми

Нювчимский чугунолитейный завод - один из старейших промышленных предприятий в Республике Коми. Основанный в 1756 г. завод просуществовал до 90-х годов XX века. История одного из древнейших предприятий и выпускаемая им продукция всегда вызывали большой интерес как у ученых, так и у краеведов и жителей республики. Ими было написано немало статей, освещающих историю завода и описывающих выпускаемую им продукцию. Сотрудники Национального музея Республики Коми также приложили немало усилий при сборе документов, отражающих историю завода, и сборе предметов, производимых им. Процесс формирования коллекции нювчимского литья охватывает период в 90 лет, начиная с первых лет основания музея. За этот длительный период сложилось довольно значительное собрание предметов, относящихся к литью, изготовленных на Нювчимском заводе в конце XIX - н. XX веков. Вся коллекция нювчимского литья, состоящая из 189 предметов, очень разнообразна и представлена орудиями производства (33 экспоната), предметами печной утвари (35 экспонатов), кухонной посуды (38 экспонатов), предметами быта (61 экспонат), скульптурой (22 экспоната). Коллекция сформировалась на основе различных источников поступления. Часть коллекции составили экспонаты, переданные рабочими завода и членами их семей. Другая часть предметов была передана с выставок, проводимых Министерством местной промышленности Республики Коми в разные годы. Значительная часть экспонатов собрана сотрудниками музея во время экспедиций в разных районах республики.

Первое поступление предметов, изготовленных на Нювчимском заводе, было в 1943 г. Они были переданы с выставки по изобретению и рационализации, проводимой Народным Комиссариатом местной промышленности. Среди них были предметы печной утвари (дверцы, вьюшки, решетки), кухонной посуды (сковороды, чугуны) и художественно оформленные предметы быта (утюг, пепельница-чернильница в виде распластанной шкуры волка, скульптура «Лошадь» и бюст писателя Л. Н. Толстого (кп.3308/1 - 10).

В 1947 г. Министерство местной промышленности передало с юбилейной выставки, посвященной 25-летию Коми АССР, в фонды музея 50 предметов, изготовленных на Нювчимском заводе. Эта коллекция отразила, по-видимому, тот основной ассортимент предметов, которые выпускал завод в те годы. На выставке были представлены чугуны

различных размеров, утюги, печная утварь, предметы быта. С художественной стороны интерес представляют пепельницы, чернильницы, подчасники, скульптура «Лошадь» и бюсты И.В. Сталина и Л.Н. Толстого (кп. 3392/1 - 50).

В 1953 г. в фонды музея поступила коллекция производственного инвентаря, используемого на заводе при производстве металла (кирки, кайло, лом, лопаты, молот, клинья и топоры) и при отливке изделий (опока, трамбовка и ломушка). Эти предметы были переданы музеем рабочими завода (кп. 18/16 - 19, кп. 19/1 - 7). Сотрудник музея Рубцов А.М., побывавший на Нювчимском заводе, своими сборами пополнил коллекцию инструментов, используемых при отливке изделий (ложка для разлива металла, опоки, формы для отлива чугунов, проводка, гладилки, пики, крючки), а также продукции завода (чугуны, кастрюли, сковородки, сухарницы, утюги, скульптура «Олень», бюсты Л.Н. Толстого и С.М. Кирова.

Наибольший интерес представляли бюсты императоров Александра II (кп.2966), Александра III (кп.2967) и Наполеона (кп.2968), которые, по-видимому, были отлиты еще в конце XIX века. Также и самими жителями поселка Нювчим были переданы музеем ряд интересных бытовых предметов, которые были изготовлены еще в конце XIX - начале XX века и долгое время хранились в их семьях. Среди этих вещей интерес представляет подсвечник (кп.4603), пепельница «Муха» (кп.4600), полочка (кп.4601/2), рамка для фото (кп.4604/2,3), скульптуры - «Рыцарь» (кп.4601/1), «Кабан» (кп.4601/3), «Слоник» (кп.4913/11) и корпус мины (кп.4606/2). В 1968 г. Министерство местной промышленности Коми АССР передало в фонды музея десять экспонатов, представлявших продукцию Нювчимского завода: печную утварь, кухонную посуду и скульптуру «Олень» (кп.5108/34-44).

В период 60 - 90 годов сотрудниками музея Поповой В.С., Копыловой Н.Н., Качаловой А.Д., Пашниным И.Х., Друговой Л.Я., Паршуковым В.Ф., Люосевой Л.Д. и Титовой Н.В. было собрано во время экспедиций в разных районах Республики Коми большое количество предметов, изготовленных на Нювчимском заводе, но все они представляли собой наиболее распространенные и массовые изделия, такие как чугуны, кастрюли, сковороды, утюги и печная утварь.

В 1995 г. коллекция Нювчимского литья пополнилась новыми, ранее не встречавшимися изделиями, которые собрала в поселке Нювчим Люосева Л.Д. Это икона «Никита побивающий беса» (кп. 10170), напрестольный восьмиконечный крест (кп.10173) и рама с зеркалом (кп.10171). Эти вещи известны пока в единственном экземпляре.

В настоящее время Национальный музей Республики Коми обладает довольно значительной и интересной коллекцией предметов, производимых на Нювчимском заводе. Не исключено, что в будущем

коллекция нювчимского литья пополнится новыми ценными поступлениями.

Использованная литература:

1. Анисимов А. Кажимские горные заводы // Коми му. 1924, №4 - 10, 1925, № 1.
2. Жеребцов Л.Н. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (вторая половина XIX - начало XX в.) // Историко-филологический сборник. - Сыктывкар, 1962, Вып. 7.
3. Жеребцов И. Л., Несанелис Д.А. Четыре века истории. Сыктывкар, 1990.

ХРИСТИАНСКИЙ АСПЕКТ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ КОМИ ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИЙ ИКОН НМРК

*Смирнова О.Н.
Национальный музей Республики Коми*

Тема христианства в народной культуре коми на сегодняшний день мало изучена. Т.А. Бернштам выразила свое мнение о «плачевном состоянии, в котором пока пребывает изучение народной религиозности (в первую очередь русского крестьянства) и в российской науке (светской и церковной), и в богословии»¹, то же самое с полным основанием можно сказать об изучении религиозности народа коми. Тем не менее, первые шаги в этом направлении уже делаются. Наряду с учеными института истории, языка и литературы КНЦ УрО РАН и Сыктывкарского госуниверситета, сотрудники Национального музея РК исследуют эту тему музейными средствами. В течение последних трех лет в музее уже состоялись две интересные выставки из собственных фондов, посвященных святителю Стефану Пермскому и Образу Пресвятой Богородицы. В первой выставке тема православия прозвучала с точки зрения истории народа коми, во второй выставке преобладал искусствоведческий подход.

Сотрудники отдела этнографии НМРК, разрабатывая научную концепцию новой экспозиции «Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла в конце XIX- начале XX вв.», пришли к выводу, что в этнографической экспозиции важно исследование духовной культуры и потенциала народа через их проявления в материальной культуре. Для этого необходимо в равной мере представить три уровня осознания бытия в мировоззрении народа коми: личностный, родовой (национальный) и космический (Божественный). Как и у других народов, у коми все три уровня тесно связаны друг с другом,

взаимодействуют, проникая один в другой, сливаясь в единое целое. Но есть и свои особенности, которые проявляются на всех уровнях. В реальной жизни первый уровень осознания более ярко выражен в судьбе отдельного человека и в его мировосприятии, второй - в судьбе семьи, рода, в языческом мировоззрении, языческих традициях и обрядах. Элементы третьего уровня присутствуют на первом и втором, а его осознанное воплощение в судьбе народа коми связано с христианским вероучением.

Коми встретились с христианством в XIV веке и на протяжении шести столетий осваивали этот уровень осознания через обряды православной церкви. Процесс этот продолжается и по сей день как у народа коми, так и среди остального населения нашей республики.

Чтобы дать целостное представление о христианстве в мировоззрении народа коми, сотрудниками был введен и разработан раздел «Круг Светлых Праздников - православные праздники в традиционной культуре коми». Если в других разделах экспозиции представлено влияние христианского вероучения на жизнь коми крестьян в обрядах семейных праздников, а также в традициях празднования в кругу семьи Рождества Христова и Пасхи - Воскресения Христова, то раздел «Круг Светлых Праздников» призван отразить идеальный образ христианской нравственной жизни, существовавший у народа коми на рубеже XIX-XX столетий. Поэтому не случайно основными экспонатами раздела являются иконы из фондов НМРК. Фонд икон нашего музея довольно разнообразен. В нем имеются храмовые и домашние иконы, работы русских иконописцев и местных мастеров, начиная с XVII века и заканчивая современностью. Всего для изучения темы и экспонирования были отобраны 27 икон, посвященных Великим Праздникам.

Само слово «икона» в переводе с греческого означает «образ», «портрет». Живописный образ икон равнозначен словесному образу Нового Завета. Вот как выразил эту мысль богослов и иконописец Л.А. Успенский: «...икона есть нечто гораздо большее, чем просто образ: она не только украшение храма или иллюстрация Священного Писания, она - полное ему соответствие, предмет, органически входящий в богослужebную жизнь... В иконе церковь видит не какой-либо один аспект православного вероучения, а выражение православия в целом, православия как такового. Поэтому иконы справедливо называют часто «богословием в красках»².

Иконы из фондов нашего музея представляют возможность исследовать тему восприятия народом коми православного вероучения. В XIX веке и в начале XX столетия жизнь коми крестьян, как и русских, строилась по твердо определенным и устоявшимся правилам, выработанным православной государственной церковью. В течение календар-

ного года в духовной и общественной жизни один из Великих Праздников приходил на смену другому, как в природе весенние месяцы сменяли зимние, лето весну, а затем приходила осень и вновь зима. Начинались и заканчивались сезонная охота и рыбная ловля, работы в поле, на огороде, сенокос, но в отведенное для праздника время житейская суета замирала, уступая место молитвенному сосредоточению, благодарению в храме, осмыслению того, что было сделано, и того, что предстояло совершить. В свою очередь это состояние сменялось жизнерадостным, зачастую грубоватым весельем. В эту систему вписались не противоречащие ей древние языческие обряды, которые получили новое звучание. Точно так же система христианских обрядов и праздников регулировала семейную жизнь коми крестьян. В православной традиции было много праздников, посвященных любимым народом святым, а также особо чтимым иконам, но главными были Пасха - Воскресение Христово и двенадцать Великих праздников. Многие из церквей и часовен посвящались какому-либо из этих праздников. Например, в Усть-Сысольске собор был посвящен празднику Святой Троицы, церковь в местечке Кируль - Вознесению Христову, церковь в пригороде Тентюково - Воздвижению Креста Господня, часовня в Изкаре - Воскресению Христову.

Однако установка на всеобщее выполнение правил и обрядов, казалось бы, принятых раз и навсегда, приводила к тому, что для многих коми крестьян осознание православной веры было поверхностным, формальным³. Они использовали ту часть мировоззрения, соблюдение которой приносило быстрые результаты в создании благополучной жизни, благополучной в человеческом понимании, оставляя без внимания основы вероучения. Тем самым нарушалась связь с Божественным уровнем осознания, благополучие сменялось потерями и ударами судьбы, под внешним благочестием накапливалось недовольство, непонимание, агрессия, проявлялись признаки мировоззренческого тупика. С другой стороны, в среде коми народа были люди, которые стремились к глубинному познанию истин православия. В основном это были мужчины, хорошо знавшие русский язык, знатоки Евангелия. Их можно было встретить среди приверженцев государственного православия, старообрядцев, последователей христианских сект. К их числу можно с уверенностью отнести также местных мастеров-иконописцев, которые постигали сущность веры своим особым способом. Подобно многим другим жителям России того времени, они видели, предчувствовали, что выход из тупика - в изменении внутри человека, в раскрытии его Божественного предназначения и осознанности исполнения этого предназначения. Общественное, родовое осознание они дополняли и развивали за счет роста личностного осознания того

пути развития, образом которого послужила жизнь Иисуса Христа. В сущности, все обряды Пасхи - Воскресения Христова и 12 Светлых праздников позволяли верующим ежегодно прочувствовать этот путь спасения, но необходимо было еще и следовать ему, пробовать на своем опыте, всем сердцем ощутив, что это именно то, что является наиболее естественным для человека, созданного по образу и подобию Божию. Результаты внутренней работы в этом направлении выразились в иконах местных коми мастеров, а также русских иконописцев из соседних с Коми краем губерний, чьи иконы так или иначе попадали в церкви и дома коми крестьян.

Большая часть икон, отобранных для выставки «Круг Светлых Праздников», датируется XIX веком, но среди них имеется уникальный памятник XVIII века и несколько икон, датируемых около 1800 г. В основном это иконы храмовые, потому что по канону один ряд иконостаса обязательно посвящается Великим Праздникам. Есть также иконы, которые могли быть принадлежностью «красного угла» крестьянского дома, хотя, к сожалению, точных данных в музейных описях не имеется. Авторы икон неизвестны, но по манере письма выделяются иконы ярославской школы иконописи, суздальского письма. Значительная часть икон создана местными иконописцами. О них нам пока известно очень мало, это кропотливая работа будущих исследований историков и музееведов. Это могли быть люди крестьянского, мещанского, купеческого сословия, научившиеся мастерству в крупных иконописных центрах или у иконописцев-художников, приглашенных в село украсить местный храм, дерзавшие потом сами писать иконы для церквей небогатых сельских приходов и своих односельчан.

Для православной церкви разделение икон по уровню художественного мастерства не является главным, в настоящей иконе гораздо важнее «выражение религиозного опыта церкви»⁴, что делает ее проводником между миром человеческим и Божественным. То есть важна не сама икона, а тот невидимый мир, который находится за ее пределами, и ее образ становится дверью в этот мир. Вот как говорит об этом митрополит Сурожский Антоний: «Некоторые, а может быть, и все иконописцы считают, что икона не только должна быть написана по канонам, но пронизана благоговением и молитвой и освящена в церкви, и что икона, воспроизводимая искусственным образом, в этом отношении чего-то лишена. Меня бесконечно радует, что вопреки суду опытных иконописцев, на Руси столько чудотворных икон, которые любой знающий иконописец назвал бы плохими иконами, что Бог Свою благодать соединяет не с совершенством иконописного искусства. Как через нас, людей несовершенных, передается другим благодать,

так и через несовершенное человеческое произведение Бог доносит благодать до людей. Я не сомневаюсь в том, что бумажная икона - надорванная, заклеенная, приделанная к дощечке или клейкой бумаге, изображающая Спасителя, Божию Матерь или кого-то из святых, является святыней в самом сильном смысле этого слова (так же, как каждый из нас является образом Божиим, как бы мы не были изуродованы грехом и несовершенством)...»⁵.

Высказывание митрополита Антония позволяет с иной точки зрения оценить коллекцию икон Национального музея. Может быть, именно здесь кроется то новое и актуальное, что ищут наши современники в православии, и призвание музейных сотрудников - доступными нам способами передать людям их духовное достояние, помочь по-новому увидеть те святыни, что были созданы, жили и до сих пор живут на нашей земле, свидетельствуя, что жизнь человеческая исполнена глубокого таинственного смысла.

Образ Иисуса Христа и Его жизненного пути является центральным в традиционной композиции икон «Вокресение Христово с Праздниками». Его суть обозначена словами самого Христа, приведенными в «Тибетском Евангелии»: «Я пришел показать человеческие возможности. Творимое мною все люди могут творить. И то что я есть, все люди будут. Эти дары принадлежат народам всех стран - это вода и хлеб жизни...»⁶.

Строй иконы «Воскресение Христово с Праздниками», выработанный в течение веков, символизирует круг мистического откровения христианской культуры. Это действительно круг, но не замкнутый, а приводящий к следующему витку спирали. В центре композиции иконы изображение воскресшего Иисуса Христа, вокруг которого в строго определенном порядке располагаются изображения двенадцати важнейших событий жизни Спасителя.

По традиции изображения на иконе заключены в прямоугольники рам, тем не менее эти прямоугольники именно окружают центральное изображение Воскресения Христова. Таким образом передается принцип движения во времени по развивающейся спирали. На это же указывает суть Праздников, находящихся в начале и в конце цикла жизни Иисуса Христа. Живописное повествование иконы начинается с Праздника Рождества Пресвятой Богородицы, события, происшедшего в семейном кругу. Завершается цикл Праздником Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, события, по сути своей находящегося на рубеже двух циклов: завершающегося цикла земной жизни Иисуса Христа и нового цикла изменения человечества, принимающего образ жизни и дух учения Спасителя.

Рождество Пресвятой Богородицы	8 сент. - 21 сент. н. ст.
Введение Пресвятой Богородицы во храм	21 ноября - 4 декабря н.ст.
Благовещение Пресвятой Богородицы	25 марта - 7 апреля н.ст.
Рождество Христово	25 декабря - 7 января н.ст.
Сретение Господне	2 февраля - 15 февраля н.ст.
Крещение Господне (Богоявление Господне)	6 января - 19 января н.ст.
Преображение Господне	6 августа - 19 августа н.ст.
Вход Господень в Иерусалим	Вербное Воскресенье - последнее воскресенье перед Пасхой, Воскресением Христовым
Воскресение Христово - Пасха	
Вознесение Господне	Сороковой день после Пасхи, Воскресения Христова
Сошествие Святого духа на апостолов или День Святой Троицы	Пятидесятый день после Пасхи, Воскресения Христова
Успение Пресвятой Богородицы	15 августа - 28 августа н.ст.
Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня	14 сентября - 27 сентября н.ст.

Как уже упоминалось выше, комплексу «Круг Светлых праздников» предшествует вся остальная часть экспозиции, отражающая круг земной жизни семьи коми. Связующим звеном между циклами спирали, местом перехода между первым, вторым и третьим уровнями осознания становится комплекс экспозиции «Духовные традиции крестьянской семьи коми». Два ключевых момента комплекса - строительство земной семьи и дома в состоянии любви к Богу и миру, а также праздник Пасхи - Воскресения Христова в семейной обстановке естественно переходит в издавна существующий в православии образ Праздников Господних как домостроительства спасения мира, творческого любовного устройства всего мироздания.

Предельно лаконично выраженный в иконе «Воскресение Христово с Праздниками» образ домостроительства спасения мира невероятно объемён и глубок в целом, а также в каждом из двенадцати событий жизни Иисуса Христа. Постигание всей этой глубины не в

человеческих силах, можно только приближенно обозначить некоторые позиции, важные с точки зрения христианской веры. В первую очередь, иконы «Воскресение Христово с Праздниками» и праздничного ряда иконостаса - это Евангельское повествование в живописных образах. За этим повествованием кроются по крайней мере еще три важных аспекта, входящих в культурный круг христианства. Во-первых, структура икон «Воскресение Христово с Праздниками» отражает структуру строения Человека как образа и подобия Бога, вплоть до невидимых «этажей» тонких миров, которые связывают нас с Единым. Во-вторых, одновременно иконы отображают процесс проявления Божественной любви в физическом мире. В-третьих, образы икон проясняют предназначение мужского и женского начал в этом процессе, их взаимодействие в познании Божественной красоты и чуда любви к Богу.

Круг развития осознания, очерченный двенадцатью Великими Праздниками и Праздником праздников - Пасхой, имеющий также название литургического круга христианской пасхалии, по своей внутренней структуре делится на четыре части. Из них главная - Воскресение Христово, три других представляют собой комплексы, каждый из которых включает в себя четыре Великих Праздника в той последовательности, в какой события происходили в жизни Иисуса Христа. В соответствии с этим четырехчастным делением целесообразно рассмотреть, какое место занимают Великие Праздники в христианстве, в православных традициях коми народа и как эти традиции выразились в тех иконах, которые когда-то бытовали в среде коми крестьян.

К первой группе Великих Праздников относятся:

Рождество Пресвятой Богородицы

Введение Пресвятой Богородицы во храм

Благовещение Пресвятой Богородицы

Рождество Христово.

С позиций христианского вероучения, человечество отошло от выполнения своего предназначения, тем самым со своей стороны нарушив связь с Единым Богом. Необходимо было появление человека, подобного Богу, который бы напомнил о высшем призвании и радости единения с Божественным. Сила единства с Божественным в событиях, описываемых первой группой Праздников, выразилась в посвящении Девы Марии и Иисуса Христа Богу их земными родителями еще до рождения детей. В период жизни, охватываемый этими четырьмя Праздниками, роль женщины, пожалуй, более значима, чем роль мужчины. Первые три Великих Праздника посвящены Пресвятой Богородице, а одной из сокровенных тайн Рождества Христова является

«призыв матери высокой чистоты, которая всем настроением своего нравственного существа и всей жаждой своей души предчувствует, притягивает, воплощает в свою плоть и кровь душу Искупителя, действующую в мире человеческом, как истинный Сын Божий»⁷. Безусловно, важна роль земного, любящего отца, способного принять со смирением замысел Творца и исполнить его, подобно Св. Иоакиму и Св. Иосифу, но все же в христианской традиции этому уделяется меньше внимания.

Человек отрекся от Бога и оказался обречен смерти. Мир, гибнущий в грехе, интуитивно искал спасения. И вот настал вождеденный час. Единородный Сын Божий, рожденный прежде всех от Отца по Божеству, родился по человечеству от Пресвятой Девы Марии. Господь пришел с неба на землю и вселился среди нас⁸, - такую значимость имеют в православии первые четыре Великих Праздника.

На протяжении столетий у русских и коми крестьян существовал и развивался свой годовой хозяйственный цикл жизни, соотнесенный с календарной последовательностью Великих Праздников. В народных традициях эта последовательность обрела свою логику и свой смысл, вобрав в себя более древние календарные обряды и верования. Исследователями описаны разные виды хозяйственной деятельности и связанные с ними обряды, приуроченные к Великим Праздникам. Зачастую отмечается связь в сознании людей между духовным смыслом каждого из Праздников и природными процессами времени года, на которое он приходится, связь символическая, образная, а не буквальная. Можно говорить и о явлении одухотворения языческих представлений у коми, связанных с некоторыми праздниками, хотя это вопрос специального исследования. Например, Праздник Рождества Пресвятой Богородицы у коми носил характер праздника женщин, которые в этот день устраивали угощение в складчину, пели, водили хороводы, играли. В вишерском селе Богородск записана легенда о ежегодном явлении в этот день дикого оленя из леса, которого приносили в жертву Божией Матери. Здесь наблюдается осознание с позиций христианства языческой жертвы Богине плодородия уже как добровольного следования Божественному замыслу. Кроме того, праздник Рождества Пресвятой Богородицы у коми охотников был рубежом, после которого начиналась пора массовой охоты на боровую дичь в ближних угодьях.

Празднование Рождества Христова придавало иной, более глубокий смысл языческому празднеству в честь зимнего солнцеворота, который, по мнению Н.Д. Конакова, в традиционной культуре коми «воспринимался как явление глобального космического характера»⁹. По представлениям коми крестьян, праздник Рождества Христова от-

крывал новые, ранее небывалые возможности обновления всего мира, каждого человека, а также мира предков. Следующие за Рождеством две святочные недели были временем игр и развлечений молодежи, направленных на выбор пары и продолжение рода, а также временем гаданий и предсказаний будущей жизни. Гадания представлялись смелыми рискованными контактами с разными духами и душами предков в поисках сокровенного знания. Помимо комплекса икон, эта тема развивается более полно и конкретно в разделе экспозиции «Рождественская сказка».

Образы Светлых праздников были по-своему прочувствованы местными иконописцами. Простые люди без излишнего умствования пропустили сквозь свои сердца жизнь Иисуса Христа и выразили, пусть наивно и примитивными средствами, отблеск Божественной красоты. Первая группа Великих Праздников в коллекции музея представлена шестью иконами. Две из них, без сомнения, написаны местными мастерами: «Благовещение Пресвятой Богородицы» (кп 9531) и «Рождество Христово» (н/в 2234/9). «Рождество Христово» - двухчастная икона, вторая ее часть посвящена «Сретению Христову». Икона является частью праздничного ряда иконостаса из деревни Средняя Отла Княжпогостского района. Всего в наших фондах четыре иконы праздничного ряда этого иконостаса, все двухчастные, то есть посвящены восьми Великим Праздникам. Это работа одного мастера, датированная около 1800 г.¹⁰ Чистой радостью детского открытия евангельского мира веет от этих икон, хотя фигуры на них не соответствуют живописным канонам. Но это, пожалуй, только усиливает ощущение незамутненного видения мира ребенком, видения Божественного величия происходящих событий.

Вторая группа Великих Праздников включает в себя:

Сретение Христово

Богоявление Господне (Крещение Господне)

Преображение Господне

Вход Господень в Иерусалим (Вербное Воскресенье).

С точки зрения христианства, вторая группа Великих Праздников посвящена тому периоду жизни, в котором воспринятая Девой Марией воля Бога воплощается в активной деятельности мужчины, Сына Божия, Иисуса Христа. Жизнь Иисуса Христа, его личность описаны четырьмя евангелистами - Матфеем, Лукой, Марком и Иоанном. Они оставили для потомков образ живого Христа, сохранив ощущение чуда. Кроме четырех канонизированных Евангелий, о жизни Христа повествуют многочисленные апокрифические сказания, признаваемые церковью, но не канонизированные. Подробности этих сказаний легли в основу иконописных образов.

Из множества необычных событий в жизни Иисуса Христа до Его Воскресения четыре Великих Праздника отмечают самые важные моменты на пути к единению с Богом. Сретение Христово и Богоявление Господне (Крещение) свидетельствуют о передаче накопленного духовного наследия израильского народа в лице пророка Симеона и Св. Иоанна Крестителя представителю нового поколения всего человечества Иисусу Христу, который способен перевести прежнее достоинство в качественно иное измерение. Оба пророка несут представление народа о царе Израиля, освободителе, являющемся Первосвященником, имеющем могущество земной власти и одновременно связывающем жизнь народа с Божьей волей. По прежним представлениям, на первом месте была власть земного царя. Вокруг Иоанна Крестителя собирались люди, готовые с оружием в руках восстать против римлян и освободить свой народ. Они ожидали пришествия вождя, который станет новым земным царем. Но именно в момент Крещения Иисус Христос и Иоанн осознают, что война не освободит и не исцелит израильский народ, что подлинное освобождение и исцеление дарует власть Божественной Любви. «Иисус Христос в полном послушании и единстве с волей Божией теперь вступает на путь, на который поставлен был вифлиемский Младенец; Он свободной Своей волей делает Своим то призвание Агнца, закланного до создания мира, которое было наложено на Него воплощением слова Божия»¹¹.

После Крещения, пройдя 40-дневный пост и искушения Сатаны, Иисус Христос начинает проповедовать свое учение. Он учит людей непосредственному общению с Богом, следованию Божественным законам в земной жизни и обретению Благодати. Он не просто произносит слова о вечной жизни, он живет вечностью каждое мгновение. Он утешает, не осуждает и учит не осуждать других, всем образом своей жизни Он строит храм Божественной Любви в сознании людей. Чудесные исцеления больных сопровождают Его появление, и с каждым разом Его исцеляющая сила возрастает. Присущая Ему от рождения внутренняя гармония создавала вокруг Него атмосферу радости и любви. Разделяя с теми, кто окружал Его, свое чувство любви к Богу и единения с ним, Иисус Христос тем самым еще больше увеличивал это чувство внутри себя и обретал еще большую власть над своей человеческой сущностью. «Преображение Господне» и «Вход Господень в Иерусалим» - два праздника несут мощный образ силы, которую обретает мужчина в любви к Богу. Силой Любви властвует Он над Собой и над душами людей, способных ощутить эту Любовь.

Во время Праздников Богоявления Господня (Крещения), Преображения Господня, Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресе-

ные) коми крестьяне совершали обряды, в которых слились воедино вера в духовное исцеление через следование христианским заповедям и представление о целительных силах Природы. Освящение воды и исцеление этой водой - купание в проруби людей, даже оленей у ижемцев, приготовление целебного хлеба на крещенской воде, лечение этим хлебом людей и животных - такими были народные обряды праздника Богоявления Господня (Крещения). Осознание исцеления и обновления жизни у коми крестьян находит соответствие в традиции сватовства и свадеб в период после Праздника Крещения Господня вплоть до Масленицы. Н.Д.Конаков отметил сходство рождественских святочных игр и свадебных игр-инсценировок у коми, предполагая, что «их корни, по всей вероятности, уходили в некогда единый цикл зимней календарной обрядности»¹² финно-угорских народов. Что касается хозяйственной деятельности, то после Крещения для охотников наступала пора пушного промысла артелями в дальних угодьях, а ближе к весне начиналась охота на лосей и диких оленей по насту.

Мотив веры в целительную силу любви к Богу, а также в оздоравливающую силу живых растений, данных Богом и природой человеку, мощно звучит в образах Праздника Входа Господня в Иерусалим, Вербного Воскресенья. Вербка, освященная в церкви в этот день, считалась у коми наделенной целебной силой. В Вербное Воскресенье ее веточками ударяли детей, взрослых, домашних животных, полагая, что это принесет здоровье, а дети будут хорошо расти.

В фондах НМРК имеется семь икон, посвященных Великим Праздникам второй группы христианской пасхалии. Среди них иконы «Сретение Господне», «Богоявление Господне», «Преображение Господне» иконостаса деревни Средняя Отла, о достоинствах которых уже говорилось выше. Неизвестным мастером ярославской школы написана икона «Богоявление Господне», уникальный памятник XVII века. Мощь и выразительность образа заставляют прочувствовать реальность разверзающихся небес и силу Святого Духа, сошедшего на Иисуса Христа во время его крещения Св. Иоанном Предтечей. Вероятно, эта икона и подобные ей оказывали большое влияние на осознание коми сути православной веры. Очень интересна двухчастная икона «Вход Господень в Иерусалим» и «Вознесение Христово» (кп 6679). Данные, из какого она храма, отсутствуют, имя мастера неизвестно, но по стилю это икона местного письма, датированная XIX веком. Иконописец сумел передать состояние сосредоточенности, внутреннего спокойствия и, в то же время, готовности к исполнению воли Бога. Образ иконы создает ощущение необъяснимой прозрачности, а серо-голубая гамма вызывает ассоциации с образом северной весны.

Праздник Входа Господня в Иерусалим предшествует Празднику Праздников - Воскресению Христову, Пасхе. Воскресение - Тайна тайн Его жизни, Его личности, Его учения, и в то же время истина, открытая всем. С позиций христианской веры, сила Божественной любви распространяется не только на тех, кто способен ее почувствовать, зажечься ею, она должна быть отдана тем, кто ненавидит, кто озлоблен, кто находится под властью стремления разрушать мир вокруг, не понимая, что губит себя. «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матф, 5, 44-45)¹³.

Свои слова Иисус воплотил во время Страстной Седмицы, пройдя через предательство Иуды Искариота, через суд Понтия Пилата, через позорное распятие на кресте. Через все страдания Он пронес дар любви и прощения своим мучителям. «Иисус же говорил: Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят» (ЛК, 23, 34)¹⁴.

В эти часы Его Мать была с Ним рядом, стояла у Креста до последнего мгновения Его земной жизни.

В потоки любви претворив
   боль стонов,
 Душа постигала свой путь,
   свой крест...
 - Честнейшая всех Херувим, всех Тронов!
 - Славнейшая всех Серафим,
   всех звезд!¹⁵

Она была рядом, когда Он, пройдя через богооставленность и богоотступничество, принял смерть. В Великую Пятницу смерть Её Сына стала неумолимой реальностью, но во время погребения Богородица обращается к своему Сыну с молитвой о Его Воскресении, исполненная веры в то, что Он может это совершить. Чудо совершилось, «Христос воскрес и совоскресил с Собой Вселенную»¹⁶.

Время празднования Воскресения Христова, его место в годовом космическом круге определялось по-разному в христианских общинах до I Вселенского собора в Никее в 325 г. от Р.Х. Общепринятый в то время юлианский календарь оказался непригоден для разрешения этого вопроса, поскольку это солнечный календарь, а при вычислении дня Христианской Пасхи учитывается не только солнечный цикл, но и лунный. В итоге Никейский собор отдал предпочтение практике,

сложившейся в Александрийской церкви: Христианская Пасха должна праздноваться в первое воскресенье после полнолуния, наступившего вслед за весенним равноденствием.

Праздник весеннего возрождения природы существовал у многих народов, но отличие Христианской Пасхи от всех остальных в том, что сутью этого праздника является полная трансформация природы человека, достигшего единства с Богом. Обряды, проводимые коми крестьянами перед Пасхой, были направлены на очищение и освобождение от старого. Великий пост помогал очистить душу и тело по православному обычаю, но кроме этого коми крестьяне перед Пасхой проводили обязательную генеральную уборку в избах и в церкви, ритуальное очищение дома дымом веток можжевельника, внесением можжевельника в дом, пережиганием соли, очищение домашних животных дымом вереска, разжигали костры из смоляных бочек на берегах рек в ночь на Пасху. После праздничной службы в церкви обряды приобретали другой характер - теперь действия были направлены на привлечение Божьей благодати и умножение посредством этой благодати земного плодородия. Крашение яиц и катание их с горки детьми, пасхальные качели для парней и девушек, даже вошедшее в обычай у некоторых коми охотников произнесение названий особо ценных промысловых зверей и птиц после возгласа «Христос Воскресе!»¹⁷ - в восприятии коми крестьян все это должно было способствовать росту, процветанию, изобилию по Божьей воле и их пожеланиям.

В традиционной православной иконографии никогда не изображается само Воскресение Христово, как не могущее быть ни изображенным, ни даже представленным в воображении¹⁸. С точки зрения христианства, такое отношение к Воскресению Христову вполне оправдано, всякие попытки постигнуть умом произошедшее чудо бесплодны. Но иное постижение - всеми чувствами, всем сердцем человеческим вполне возможно. При таком подходе даже люди, не разделяющие догматов христианской церкви, способны увидеть и осознать, что Иисус Христос сделал доступной для каждого человека небывалую ранее возможность воскресения к новой жизни после глубочайшего падения и унижения (унижения в человеческом смысле) через непосредственное обращение к Богу и обретение Благодати. Нет нужды понимать, как это происходит, это дано человеку по его Божественной природе.

Постижение сердцем и искренняя вера позволили православным иконописцам создать мощные образы Воскресения Христового. По традиции изображается самое начало этого события, Сошествие Христа в ад, выход из «узилища смерти» и освобождение душ праотцов и пра-матерей рода человеческого. Центром композиции икон «Воскресение

Христово» является образ Спасителя в «облаке света», стоящего на крышке гроба или двух половинках врат ада и протягивающего руку праотцу Адаму, прамати Еве и веренице прапредков. Изображения суда Пилата, распятия, крестных мук, положения во гроб имеют свое место в православном храме, но акцент Воскресения Христова ставится на момент выхода из тупика ада и смерти.

Среди 11 икон «Воскресение Христово» из фондов НМРК пять представляют собой изображение «Сошествия во ад» и «Воскресения Христова», пять других - традиционный вариант иконографии «Воскресение Христово с Праздниками», также имеется фрагмент большой храмовой иконы, на котором сохранилось изображение Иисуса Христа, восставшего из гроба, а остальная часть композиции утрачена полностью. Из 11 икон две можно отнести к достаточно распространенным образцам русской иконописи. Каждая из остальных икон имеет свои неповторимые особенности, свою художественную, историческую, культурную ценность. Семь икон отнесены к работам местных мастеров, имена которых неизвестны, кроме одного. Уникальным памятником является икона «Воскресение Христово» (н/в 2234/19) из часовни деревни Средняя Отла Княжпогостского района, на которой к тому же автор проставил дату «НАПИСАЛЪ 1800 ГОДА». Судя по стилю, этим же мастером написаны иконы праздничного ряда, о которых говорилось ранее. Икону «Воскресение Христово» отличает оригинальность композиции и исходящее от нее ощущение светлого детского восторга, радостного чуда. Неизвестный автор другой иконы «Воскресение» (кп 8988/1) сумел передать потрясающую красоту и гармонию образа живого Иисуса Христа, свет Божественной любви и доброты, излучаемый Им. Икона храмовая, в музей сдана жительницей Сыктывкара, в каком храме находилась, не установлено. Она датирована примерно началом XIX века. Очень интересна икона «Воскресение Христово с Праздниками» (кп 6037/2) из д. Часово, которая относится к первой половине 19 века по времени написания. В акте приема указана со слов владелицы фамилия иконописца - Холопов. Строгость, простота, безыскусственность изображения, отсутствие мелких отвлекающих деталей отличают эту икону. Женщина из д. Часово передала в фонды НМРК еще одну большую храмовую икону «Воскресение Христово с Праздниками» (ин 6037/1). Икона датируется второй половиной XIX века, написана в стиле русской иконописи, человеком, получившим художественное образование. Икону отличает легкость, изящество исполнения, явное тяготение автора к некоторым приемам и образцам западноевропейского искусства. Если первая икона из д. Часово представляет традиции местных иконописцев с их чистосердечной манерой примитивного письма, то вторая свидетельствует о появлении в Коми крае мастеров из центра

России, работавших артелями по найму и потеснивших местных кустарей в конце XIX - начале XX вв.¹⁹.

О воскресении Христовом повествует еще один живописный образ «Явление ангела женам-мироносцам». По преданию, Иисус Христос в первый раз после смерти явился «во плоти» семи верным Ему женщинам, которые пришли к погребальной пещере помазать священными благовониями тело умершего, но увидели вначале ангела, возвестившего им о Воскресении, а затем и самого Спасителя. Иконы «Явление ангела женам-мироносцам» встречаются редко. В наших фондах имеется единственная миниатюрная икона, выполненная на камне, но ее нижняя треть утрачена, поэтому вопрос о ее экспонировании остается открытым.

Следствия Воскресения Христова, как в мире земном, так в более значительной степени в мире невидимом, в восприятии православных верующих раскрывают следующие четыре Великих Праздника:

1. Вознесение Господне.
2. Сошествие Святого Духа на апостолов и Ветхозаветная Троица.
3. Успение Пресвятой Богородицы.
4. Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня.

Все четыре Праздника являются свидетельством о единении человеческого и Божественного на качественно новом уровне. В понятиях христианского вероисповедания Вознесение Иисуса Христа явило Богородице и апостолам переход в новое измерение, «высочайшее прославление человеческого естества, которое в лице Иисуса Христа вознесено выше светоносных духов и посажено на Престоле Божественной Славы»²⁰.

Для учеников и всех, кто остался в земном измерении, Вознесение становится благословением на самостоятельный путь. Сущность Праздника «Сошествие Святого Духа на апостолов» в христианстве нашла выражение в равнозначном образе «Ветхозаветной Троицы», который имеет только ему присущие особенности. По канонам христианства тайна Пресвятой Троицы непостижима уму человеческому, но возможность постижения состояния, о котором свидетельствует образ, дана человеку от Бога изначально. Иисус Христос достиг состояния таинственного единства, Его деяние резко усилило, сконцентрировало и сделало доступным для апостолов и других верующих воздействие силы Святого Духа. Дары Святого Духа присутствовали в земном бытии и присутствуют сейчас, но не всегда и не все люди могут увидеть и принять их в себе, в окружающих людях, в сложившихся обстоятельствах, во всяком живом земном творении. Праздник Пресвятой Троицы утверждает восстановление связи между Богом и Его Сыном, а тем самым всем Его творением.

Подлинным завершением Круга Светлых Праздников можно назвать Успение Пресвятой Богородицы. Дева Мария, Рождеством которой обозначается начало круга, которая ввела Сына Божия в земной мир, прошла с Ним через все радости и испытания, выполнила предназначение женщины и матери, через Его силу и помощь переходит в то же измерение, что и Сын. Драма Воскресения сменяется спокойной радостью и уверенностью Успения.

С точки зрения вопроса о взаимодействии мужчины и женщины в христианской культуре, праздник «Успение Пресвятой Богородицы» помимо всего прочего таит в себе заповедь нового единства мужского и женского начал на необычайно высоких уровнях тонких планов человеческого бытия.

Полное название следующего праздника в церковном обиходе звучит как «Всемирное Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня». Как уже говорилось в начале данного исследования, Праздник является переходным моментом, соединяющим два уровня «спирали» развития осознания - родовое осознание израильского народа и общечеловеческое.

После Воскресения Иисуса Христа римляне пытались полностью уничтожить воспоминания, связанные с Его жизнью. По приказу императора Адриана (117-138 г.н.э.) была засыпана землей Голгофа и Гроб Господень, а на образовавшемся холме возвели храм Венеры. Спустя три столетия христианство стало признанной религией, Византийский император Константин и его мать императрица Елена провели раскопки в Иерусалиме. По преданию, в пещере были обнаружены три креста, на которых были распяты Иисус Христос и два разбойника. Когда кресты несли по городу, один из них воскресил умершего человека. Так был опознан животворящий крест Иисуса Христа. «Церковь прославляет Святой Крест Христов, который сияет, как знамя победы над смертью... Крест, водруженный некогда посреди земли, подобен древу жизни, насажденному в раю. Древом искусились наши прародители - древом же спасено человечество...»²¹. В христианском учении с большой силой и убедительностью выражена идея, что даже орудия сил разрушения человек способен в единстве с Божественной любовью обратить на сотворение самого себя заново. Эти орудия приобретают созидательную энергию и созидательное предназначение. В праздник «Всемирного Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня» христианские народы передают всем людям силу единения с Богом, превосходящую разрушительные энергии смерти и ада.

Восприятие сути третьей группы Великих христианских праздников - сложная задача для сознания в обыденном состоянии. Праздни-

ки Вознесение Господне, Сошествие Святого Духа на апостолов - Пресвятая Троица не связаны с постоянной датой природного календаря. Наоборот, христианская традиция подчеркивает их зависимость в духовном плане от Праздника Воскресения Христова - Пасхи и тем самым приоритет духовной части учения над земным бытием, что отразилось в подвижной дате праздников - 40-й и 50-й день после Пасхи.

В жизни коми крестьян праздник Вознесения Христова не обрел каких-либо самобытных черт. Зато праздник Сошествия Святого Духа на апостолов - Ветхозаветная Троица нашел живой и непосредственный отклик в душе коми народа, как и русского. В народных традициях этот праздник вылился в радостное благодарение земле-матери и природе в пору весеннего расцвета. У коми, как и у русских, обряды на Троицу были связаны с образом березы, символом роста и плодородия. Девушки украшали березу лентами, яркими нитями, вокруг нее водили хороводы, пели, играли в особые игры. Березовые ветви освящали в церкви и, подобно ветвям вербы, считали их целительными, способными принести здоровье детям, взрослым, скоту. Несомненно, что такое слияние христианских и народных верований уходило корнями в древнейшие пласты языческих представлений коми. Коми и их предки веками жили в тайге, по-своему чувствовали связь живых деревьев со всем мирозданием, от глубин земли до небесной высоты. Связь деревьев и человека выражалась в поверьях о деревьях-предках, быличках о существовании у каждого человека своего дерева, о помощи духов деревьев охотникам, заблудившимся детям и женщинам. Специалисты по фольклору часть текстов коми, посвященных троицкой березке, относят к древнему обряду инициации девушек, их выхода из возрастной группы девочек и посвящения в группу девушек-невест, будущих жен и матерей. В праздник Пресвятой Троицы коми обязательно совершали обряд поминания предков на кладбищах.

Значительное место в сельскохозяйственном календаре коми отведено Празднику Успения Пресвятой Богородицы, поскольку и у коми, и у русских крестьян он был связан с окончанием летнего сезона и жатвой зерновых. Из зерна нового урожая пекли обрядовый хлеб, устраивали угощение, молодые люди водили хороводы, пели, плясали. К сожалению, об осенних играх и хороводах у коми сохранилось мало сведений. До реформы Петра I в России этот праздник практически завершал христианский календарный год. Особенность Праздника Успения Пресвятой Богородицы, понимаемого в христианской традиции как прославление перехода в вечную жизнь, полностью противоположного смерти людей, не познавших истины Воскресения Христова, в народном восприятии выразилась в образе праздника - жатвы и сбора плодов земного труда человека.

Праздник Воздвижения Креста Господня по юлианскому календарю попадал в начало нового года в конце сентября, что, возможно, усиливает его переходный характер к новому витку спирали осознания предназначения человека с позиций христианства. У коми его празднование ничем особенным не отличается, но существовало поверье, что накануне праздника Крестовоздвижения лесная нечисть - лешие и прочие духи особенно стараются навредить людям.

В фондах НМРК имеется 7 икон, посвященных этой группе Великих Праздников. Три из них двухчастные. Две двухчастные иконы входили в праздничный ряд иконостаса часовни д. Средняя Отла, о которых уже говорилось ранее. Эти две иконы представляют все четыре Великих Праздника, среди них имеется изображение «Ветхозаветной Троицы». К иконам местного письма относится образ «Троицы Ветхозаветной» (кп 2871/2) из села Бадьельск Усть-Куломского района. Доска иконы имеет форму половины круга и, скорее всего, была частью композиции в иконостасе. Икона датируется серединой XIX века. Её композиция близка к традиционной. Икону отличает состояние особой умиротворенности и внутренней тишины. Образ «Сошествия Святого Духа на апостолов» представлен в фондах музея отдельной иконой (н/в 3436) из деревни Краснобор Ижемского района. Икона написана на листе меди масляными красками в манере академической живописи. Она датируется концом XIX века. После реставрации обнаружилось, что автор использовал необычайно яркие и нежные оттенки розового, зеленого, бирюзового и других цветов, не характерные для местных икон, но может быть, близкие по настроению к народному восприятию праздника, приходящегося на время расцвета весенней природы. Икона «Успение Пресвятой Богородицы» (н/в 4478) из церкви дер. Синдор выполнена в манере академического письма. Она датируется концом XIX - началом XX вв. У нас есть еще одна икона из Синдорской церкви того же автора «Рождество Христово». Обе иконы передают состояние строгости, сдержанности и сосредоточенности в осознании величия происходящих событий. В фондах музея находится небольшая домашняя резная деревянная икона «Успение Пресвятой Богородицы», также датируемая концом XIX - началом XX веков, скорее всего привезенная из центральной России.

В коллекции икон и церковной утвари НМРК имеются литые медные иконы-складни, посвященные Великим Праздникам, а также разные по виду, назначению, материалу кресты с изображением «Распятия Христова», их изучение - дело будущего...

Необходимость создания комплекса «Круг светлых праздников» на основе коллекции икон и его значение в экспозиции в целом определяется значимостью учения Иисуса Христа для развития челове-

ства и народа коми, как его неотъемлемой и взаимосвязанной со всем миром частицы. Учение Иисуса Христа - одна из признанных мировых религий. С точки зрения христианства, в нем заключен живой образ гармоничного взаимодействия человека и Вселенной, новый уровень осознания закономерностей бесконечного бытия. Последовательность Великих Праздников в круге христианской пасхалии прежде всего выражает последовательность полного преобразования человеческого сознания на протяжении времени жизни человека. Она дала направление для организации сознания отдельных людей и этносов и определила цикл развития духовной жизни и культуры христианских народов. Круг Великих Светлых Праздников сконцентрировал двухтысячелетний опыт жизни христианских народов, осознание Божественной природы человека, иного уровня взаимоотношений с Богом, с Непостижимым в себе, формирование на этой основе образа жизни в более полном соответствии циклам природы Земли, а также поиск новых форм устройства общества. Как показывает опыт этнографических исследований, в судьбе народа коми эти процессы также нашли свое выражение. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Основы христианского вероучения были достаточно глубоко прочувствованы и осознаны иконописцами из среды коми народа, которые через свои творения в сельских церквях и часовнях несли их своему народу.

2. В творениях коми иконописцев нашел отражение как евангельский образ Иисуса Христа и его жизни, так и представления о сути христианской веры в восприятии коми крестьян, а также те чувства радости и приближения чуда, которые вызывало у них соприкосновение с Его образом.

3. Образ христианской нравственной жизни, воспринятый народом коми, одухотворил древние языческие представления о мире, привел к формированию иного образа жизни, что отразилось в обрядах Великих Праздников.

Пожалуй, наиболее точно то направление, которое сложилось в православной традиции, в опыте русского, коми и других народов, выражено в благословении митрополита Сурожского Антония: «Благослови всех Господь, всех, кто верит в Бога, и всех, кто ищет Бога, и всех, кто еще не ищет, и всех, кто как Иаков, в потемках борется с Богом и кому рано или поздно Бог откроется - благословением и новой жизнью!»²².

Комплекс «Круг Светлых Праздников» сможет в достаточно полном объеме представить в экспозиции отдела этнографии большой пласт народной культуры коми, связанный с православием. Кроме

того, такой комплекс дает возможность многим людям в обстановке музея познакомиться с ценностями христианского вероучения, обогатить и дополнить индивидуальное мировосприятие, спокойно и непредвзято оценить роль христианства в развитии культуры, соприкоснувшись с наследием предков.

***

1. Бернштам Т.А. «Молодость в символике переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве». СПб, 2000. С.10.
2. Успенский П.А. «Богословие иконы». Изд-во Западно-Европейского экзархата, Московский Патриархат. С.5.
3. Попов К.А. Зыряне и зырянский край. // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1874, т. XIII, вып.2. С.48-49.
4. Митрополит Сурожский Антоний. О встрече. Клин, 1999. С.119.
5. Там же. С.118.
6. Лазарев Е. Тибетское сказание о Иисусе. // «Наука и религия», № 7, 1989. С.60.
7. Шюре Э. Великие посвященные. Репринтное воспроизведение издания 1914 г. С.354.
8. Энциклопедия православной святости. М., 1997, Т.2. С.125.
9. Конаков Н.Д. От святок до сочельника. Сыктывкар, 1993. С.8.
10. Плаксина Н.Е. Иконного дела мастер. // Вестник культуры. № 1. Сыктывкар, 2000. С.37-49.
11. Митрополит Сурожский Антоний. Беседы о вере и Церкви. М., 1991. С.62.
12. Конаков Н.Д. От святок до сочельника. Сыктывкар, 1993. С.26.
13. Новый Завет. М., 1995. С.14.
14. Новый Завет. М., 1995. С.145.
15. Андреев Д. Русские боги. М., 1993. С.242.
16. Энциклопедия православной святости. М., 1997, Т.2. С.289.
17. Конаков Н.Д. От святок до сочельника. Сыктывкар, 1993. Дукарт Н.И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX - начала XX вв. // Труды ИЯЛИ КФАН, вып. 16, Сыктывкар, 1975.
18. Энциклопедия православной святости. М., 1997, Т.2. С.289.
19. Жаков К.Ф. Жизни Фалалея. В.: Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990, С.64.
20. Энциклопедия православной святости. М., 1997, Т.2. С.107.
21. Энциклопедия православной святости. М., 1997, Т.1. С.326.
22. Митрополит Сурожский Антоний. Беседы о вере и Церкви. М., 1991. С.318.

ФОТОЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ ГОРОДА

Ларукова Р.И., Потолицына Е.Н.
Национальный музей Республики Коми

*«Открытие фотографии для человечества
сыграло такую же роль, как книгопечатание»*

С.Вавилов

В 2000 г. г. Сыктывкар (Усть-Сысольск) отмечал свое 220-летие. Усть-Сысольск - Сыктывкар - город имеет большую и богатую историю. 25 января (7 февраля) 1780 г. именным указом императрицы Екатерины II он получил статус города и стал первым, и почти до середины XX века оставался единственным городом Коми края.

В течение последующих столетий Усть-Сысольск - Сыктывкар являлся административным центром края - сначала центром уезда, затем столицей национально-государственного образования коми народа. Из небольшого уездного городка он превратился к концу XX века в один из крупных промышленных и культурных центров на Европейском Севере.

С городом связана жизнь и деятельность многих людей, выдающихся государственных деятелей, представителей культуры, науки коми, русского и других народов.

Обращение к прошлому Усть-Сысольска - Сыктывкара позволяет нам раскрыть важные и интересные страницы истории города. Полнота же раскрытия любой темы во многом зависит от источников, которые используются.

В фондах НМРК находится достаточное количество интересных экспонатов (коллекции городской одежды, быта, утвари, орудий труда и др.). Среди этих многочисленных предметов имеется большая коллекция фотографий по истории столицы. Основная часть фотографий датируется XX веком.

В начале XX века искусство фотографии находилось лишь в самом начале символистских и авангардистских поисков и решений, и вряд ли кто из фотографов мог подозревать, что их, казалось бы, столь обыденные пейзажи, жанровые или репортажные съемки почти через столетие наполнятся глубоким, порой поистине символическим значением.

Именно коллекция фотографий послужила основой создания выставки «Век XX. Усть-Сысольск - Сыктывкар в объективе фотографов», посвященной 220-летию юбилею города.

Авторы выставки (экспозиционеры н/с отдела истории Потолицына Е.Н., зав. отделом научно-просветительной работы Ларукова Р.И. и н/с отдела маркетинга Ганова Т.И.) задались целью не только отразить изменения, произошедшие в архитектуре Усть-Сысольска - Сыктывкара, но и рассказать о развитии фотодела, о людях, запечатлевших облик города и горожан.

Каждый из снимков, представленных на выставке, имеет ценность, многие из них - уникальны. Например, фото встречи великого князя Сергея Александровича Романова, посетившего город в 1898 г., или мини-фотографии (так называемые «сувенирные»), которые могли использоваться как удостоверение личности, и др.

Выставка построена по хронологическому принципу. Экспозиционеры пытались представить фотографию «документом» эпохи. 3 раздела (подтемы) выставки показывают Усть-Сысольск в 1900-1930 годах, Сыктывкар в 1930-1950-е годы, Сыктывкар в 1960-90-е годы. Каждый из них содержит и материал, рассказывающий о фотомастерах, особенностях их творческих пристрастий, позволивших создать разносторонний и по-своему «коллективный портрет» города.

Развитие фотографии тесно связано с эволюцией фотографической техники. От камеры-обскуры до современного фотоаппарата пройден большой путь. Поэтому на выставке представлены фотоаппараты из фондов НМРК («Москва-5», «Зоркий» и др.), а также часть большой личной коллекции М.В. Кутузова, собранной его отцом, известным в нашем городе фотографом В. Кутузовым.

С каждым из представленных на выставке снимков связан определенный период истории города. Они позволяют зрителю увидеть многие характерные и определяющие черты того времени, малознакомые или даже неизвестные страницы из истории города.

В начале XX века общий вид города оставлял неплохое впечатление: добротные деревянные и немногочисленные особняки, церкви и т.д. В наше время в городе сохранилось немного построек старого Усть-Сысольска. Большинство из них относится к концу XIX - началу XX веков: это здание ремесленной школы (1906), пожарного депо с каланчой (1901), женской гимназии (1913), уездной земской больницы (1916) и т.д.

Памятниками гражданской архитектуры этого периода являются дома купцов Жеребцова (1911), Оплеснина (1908), выстроенный в стиле «модерн» дом Кузьбожева и др. В этом же разделе выставки представлены фотографии людей разных сословий: купцов, мещан, крестьян, представителей городского управления и т.д., - жителей города. Мно-

гие из них были сделаны одним из первых в Усть-Сысольске фотографов П.Ф.Кулаковым, после смерти которого (в 1914 г.) его дело продолжил сын Николай Платонович. Фотографы Кулаковы, отец и сын (позднее помогал и внук), запечатлевали людей и события, происходившие в Усть-Сысольске - Сыктывкаре, на протяжении 50 лет (с 1895 по 1945 гг.).

26 марта 1930 г. было принято постановление о переименовании Усть-Сысольска в Сыктывкар. В 30-е годы постепенно преобразались улицы города. Снимки фотографов Почкина, Исакова позволяют посетителям увидеть построенные в те годы из кирпича (в 1931 г. открылся Дырносский кирпичный завод) новые здания: госбанка (1932), дома печати и учебного корпуса пединститута (1936), первого полностью благоустроенного жилого дома с аркой и симметрично расположенными балконами по ул. Кирова (1939) и др. Большинство зданий, построенных в 30-е годы, в архитектурно-художественном отношении представляют стиль «конструктивизм». Это придавало облику города новизну. Здесь же материалы об одном из первых коми архитекторов А.В.Холопове (1880-1942 гг.).

Работы фотографов тех лет зафиксировали самые разные события: появление первых автомобилей, открытие первых авиалиний, развитие водного транспорта, начавшееся благоустройство городских улиц и т.д.

Благодаря снимкам, которые делали Е.М.Явно, Е.Евграфов (фотограф из Москвы), перед посетителями выставки - виды Сыктывкара военного периода: здание военкомата, где шел призыв на фронты Великой Отечественной войны, речного вокзала и пристани; строительство здания аэропорта и промбанка, жилых домов, первой очереди водопровода, благоустройство улиц и др.

Именно благодаря фотографам множество более или менее значимых в судьбе города событий оказались в поле зрения фотообъектива.

Так, в 1946 г. в Сыктывкаре проходили торжества по случаю 25-летия республики. Демонстранты на центральной (Юбилейной) площади, разбрасывание листовок с самолета, праздничное убранство города - все это сюжеты представленных снимков.

В 1950-е годы преобладающим в архитектурном решении административных зданий Сыктывкара стал стиль «классицизм». Из числа наиболее значительных построек этого периода фотографы А.М. Кочев, Т.Ф. Копосов запечатлели Областной совет профсоюзов, жилые дома по ул. Советской, 16 и 30, созданные по проекту архитектора

Зикеева А.В.; надстройку 2-го этажа родильного дома (бывшей земской больницы) по ул. Бабушкина, сделанную по проекту архитектора Ф.А.Тентюковой; кинотеатр «Октябрь» и др. В 1950-е годы Сыктывкар неузнаваемо вырос и благоустроился. В 1958 г. в нем было более 100 улиц, протяженность которых составляла 45 км. Выросли целые кварталы четырехэтажных каменных зданий с благоустроенными квартирами. Сыктывкар постепенно превращался в современный город. Значительное число фотографий выставки представляют Сыктывкар за последние 40 лет.

В 1960-е годы в центральной части города был построен ряд зданий, которые могли претендовать на роль своеобразных архитектурных символов Сыктывкара - здания почтамта (1963), аэровокзала (1964), Дома Советов (1969) и др.

Целая коллекция снимков этого периода, сделанная известным в городе фотографом А.Н.Кичигиным, предоставлена для экспонирования Национальным архивом РК.

К началу 1970-х годов каменная застройка впервые стала преобладающей в общей площади жилого фонда города. Представление о технике, помогавшей фотографам в их работе, дают предметы, помещенные в интерьере фотомастерской 1960-70-х годов.

Снимки, сделанные В.А. Шульгиным, Л.Р. Галлем, Н.А. Хорунжим, В.М. Ячменевым в 1970-80-е годы, свидетельствуют о том, что облик города в этот период дополнился рядом интересных архитектурных сооружений: гостиницами «Сыктывкар» и «Юг(р)», зданием администрации города и т.д. Авторами проектов многих из них были архитекторы А.Д. Ракин, В.И. Сенькин, П.П. Резников и др.

Настоящим гимном столице республики 1990-х годов стали фотографии замечательного фотохудожника Г.Е. Лисецкого.

Прошлое и настоящее города смотрит на нас практически с каждой фотографии. Прошлое и будущее города также соседствуют на юбилейной выставке: рядом два генеральных плана застройки города - первый, 1783 г., и план, принятый в 1993 г.

Разный «почерк» фотомастеров позволил посетителям выставки ближе познакомиться с его историей.

«ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ»: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

*Котылев А.Ю., Котылева И.Н.
Коми педагогический институт,
Национальный музей Республики Коми*

Исторические обстоятельства в нашей стране сложились таким образом, что советская эпоха является едва ли не наименее осмысленным и описанным с научных позиций культурным периодом. Сегодня, когда общественное сознание отдохнуло от официального дурмана советской пропаганды и остыло от накала разоблачительного пафоса первых лет перестройки, появилась возможность объективного разговора о советской культуре, как на научном, так и на просветительском уровне.

Выставка «Портреты и судьбы» (автор Котылева И.Н.) стала одним из шагов в направлении изучения и популяризации музейной сферы советской провинциальной культуры. Выставка состоялась в Национальном музее Республики Коми в мае 2000 г. В основу ее концепции легла идея воссоздания портретной галереи, которая в некоторых документах названа как «Комната знаменитых людей». История создания в 1943 г. серии портретов жителей республики и размещения их в особом помещении малоизвестна и совсем не представлена в региональных исследованиях. Архивные материалы НМРК (в годы войны - Коми республиканский музей) позволили выявить, что портреты были созданы по особой рекомендации Народного Комиссариата Просвещения РСФСР с целью отразить в экспозиции музея «участие района в современной войне (особенно по работе тыла)»¹. Пока не найдено документов, которые бы содержали полный список портретов и их авторов, но по ряду косвенных свидетельств и упоминаний удалось установить, что у истоков галереи стояли художники Н.Л. Жилин и Г.А. Стронк, чьи работы хранятся сейчас как в фондах НМРК, так и в Национальной галерее Республики Коми.

В отчете музея за 1943 год говорится, что «портретная галерея знатных людей Коми АССР» состояла из 60 портретов, кроме того выставлялись 4 картины «о геройских подвигах коми героев на фронтах Отечественной войны» и фотографии, «характеризующие работу Коми АССР в дни Отечественной войны на производстве, в сельском хозяйстве, в школе, на всеобуче»². Галерея просуществовала все годы войны. В 1946 г. в связи с созданием Республиканской юбилейной выставки в честь 25-летия Коми АССР по крайней мере значительная часть портретов должна была попасть туда, в павильон, специально

построенный в Кировском парке, где они были распределены по отраслевым залам³. После расформирования выставки часть портретов осталась в краеведческом музее, а часть была передана в художественный.

Историческая реконструкция портретной галереи не предполагает полного и буквального ее повторения. Воспроизведение выставок былых культурных эпох во всех деталях представляется сегодня делом невозможным и ненужным, целью исследователей и экспозиционеров, когда они приступают к этой работе, является суть, а не буква. Для того, чтобы современная выставка была полноценной исторической реконструкцией, должны быть соблюдены следующие условия. Во-первых, выставка должна иметь прототип, чье существование достоверно зафиксировано в документах, как и сведения о его форме, предназначении, составляющих. Во-вторых, авторы выставки должны иметь достаточное количество экспонатов, которые выставлялись на протовыставке: именно эти артефакты являются главными носителями исторической информации, «посланцами иной эпохи». В-третьих, выставка должна воссоздавать и основные системные связи между экспонатами, и атмосферу исторического периода, восстанавливать культурный контекст, который позволит посетителю осознать былое как целое, а не набор случайных вещей.

С научной точки зрения, любая историческая реконструкция предстает явлением междисциплинарным. Выставка «Портреты и судьбы», отвечающая всем условиям создания исторической реконструкции, должна была привлечь внимание представителей различных гуманитарных наук: историков, искусствоведов, педагогов, музееведов.

Как основная, системообразующая часть выставки была использована коллекция портретов работы Н.Л. Жилина и Г.А. Стронка из фондов НМРК. Для воссоздания культурного контекста эпохи были использованы различные виды документов, произведения скульптуры и графики. Насколько были возможно, выставка реконструировала идеологическую и художественную системы соответствующего культурного периода. Сам факт создания «Галереи знаменитых людей» выявляет главный принцип организации музейного пространства в СССР: музей должен был выполнять исключительно функции агитации и пропаганды. Выставка портретов должна была пропагандировать трудовые и военные подвиги жителей республики в годы войны, воспевать достижения лучших из них после войны. Для обозначения пропагандистского компонента культуры в экспозицию были введены статьи из газеты «За новый Север» за 1942 и 1943 годы, рассказывающие о вкладе тыла в дело фронта или конкретно о тех людях, чьи изображения были представлены в галерее. Ту же роль выполнял

эскиз плаката «XXV лет ВЛКСМ» работы В.Г. Постникова - праздники и юбилеи часто служили поводом для осуществления пропагандистских акций и создания культурных новообразований. Юбилей ВЛКСМ повлиял как на идею создания «Галереи», так и на принцип отбора людей, изображения которых в ней находились - в большинстве своем это была молодежь.

Музей, однако, не был жестко утилитарным социокультурным институтом, под внешним пропагандистским покровом происходила сакрализация помещенных в это пространство экспонатов. В условиях атеистического государства образования типа «Галереи знатных людей» выполняли роль заменителей церкви, человек, чье изображение попадало туда, приобщался к сонму избранных, входил в своего рода местный пантеон. Как и все сакральные системы, советская (и в идеологическом, и в художественном планах) была организована по принципу иерархии. Так, в иерархии жанров художественной системы высшее место принадлежало портрету, а в иерархии разновидностей портрета в центр ставился портрет вождя⁴. Экспозиционный план «Галереи» найти не удалось, но есть основания полагать, что и она была украшена портретом вождя. Для сравнения можно рассмотреть экспозиционное решение выставки к юбилею республики: на встречной стене портрет И.В. Сталина, над его головой барельеф В.И. Ленина, на боковой стене слева групповой портрет Героев Советского Союза, на боковой стене справа групповой портрет лучших людей Коми АССР⁵. Для обозначения центра пространственной системы в экспозицию выставки «Портреты и судьбы» был введен стандартный гипсовый бюст И.В. Сталина, из тех, что украшали официальные залы и кабинеты. В 30-50-е годы его портрет выступал как первообраз, наиболее сакрализованный, вокруг выстраивались изображения других людей. При определении места в иерархии важную роль играли такие показатели как размер, расположение, материал, техника исполнения. Например, в «Истории гражданской войны в СССР», изданной в 30-е годы, портреты вождей, совмещенные на одной странице, расположены в строгом порядке: вверху рядом большие фотопортреты Ленина (на экспозиции также присутствовала скульптура В. Ленина) и Сталина, ниже - верные соратники последнего, уменьшающиеся в размерах по мере снижения, в самом низу ничтожно малые портреты оппозиционеров.

В «Галерее» были портреты, выполненные различными способами и разных размеров. 3 самых больших были написаны маслом, 6 - сепией, 14 - углем, 1 - акварелью, 15 - карандашом, кроме того там находилось 15 фотопортретов⁶.

Портрет, признанный сакральным на государственном уровне, требовал и особого официального художника - далеко не каждый допускался к изображению вождя. В Коми АССР сороковых годов таким официальным художником был Н.Л. Жилин, создатель многих портретов, автор проекта юбилейной выставки, в 1949 г. получивший звание заслуженного деятеля искусств Коми АССР. Личная и творческая судьба этого художника была тесно связана с этой землей. Родился Николай Лукьянович в с. Кыдзин Железнодорожного района. После окончания в 1942 г. Московского художественного института работал в Сыктывкаре и Воркуте. Начало творческой деятельности Жилина совпало с возвышением портретного жанра, который в то же время становился все более формальным и официальным.

Жилину принадлежат те портреты из «Галереи», которые с полным правом можно назвать парадными. Основные черты парадного портрета были разработаны в рамках классицизма, с конца девятнадцатого века эта разновидность жанра перестает быть популярной, но вновь возносится на гребне становящегося социалистического реализма и в 40-50-е годы достигает расцвета. Парадность жилинских портретов проявляется прежде всего в их условности, торжественности, сухой лаконичности, а не в одеяниях людей (парадные мундиры для представителей многих невоенных профессий были введены только в 50-е годы). Костюмы изображений могут рассказать о скромной моде того времени, хотя большинство одеты в свою лучшую одежду. Признаком парадности портрета служит и почти неизменная награда на груди изображенных людей - почти все они орденосцы. Художник избегает разнообразия в позах, жестах, ракурсах. Почти все изображены канонично: по пояс, с поворотом в три четверти. В портретах Жилина практически отсутствует эмоциональность, автор сосредотачивается на внешнем сходстве. Очевидно, что многие портреты писались с фотографий, а не с натуры. В то время это была обычная практика, опять-таки восходящая к традиции создания портретов вождей. Жилинские работы в большинстве были выполнены маслом - масляная живопись стояла в иерархии выше, чем графический рисунок или фотография. По размеру эти портреты были также больше других. Создание парадного портрета было своего рода высшей наградой, признанием особых боевых и трудовых заслуг. В то же время, художественные достоинства портрета были второстепенны, он был прежде всего не произведением искусства, но сакральным образом и знаком, удостоверяющим принадлежность данного человека к новой знати. Личность человека отступала на задний план, значимой была его профессиональная и социальная принадлежность, его звание и должность. Это следует и из названий портретов: доярка такая-то, орденосец такой-то, стахановка такая-то.

Несмотря на определенную формальность портретов, в их соотношении рождаются трагические коллизии, которые возникают не по воле авторов, но в силу исторических обстоятельств. Так, в одном экспозиционном пространстве оказались рядом портреты репрессированного геолога П.В. Виттенбурга и начальника строительства Северо-Печорской железной дороги генерала С.Н. Бурдакова, под командой которого находились тысячи заключенных, который получал приказы непосредственно от Л.П. Берии. Чтобы обозначить сложность жизненного пути человека в условиях исторического развития России, в экспозиции одновременно с портретом было представлено много документального материала по биографии А.А. Чернова: «Диплом императорского общества естествознания» 1909 г. (с изображением императора Николая II), «Почетная грамота» 1944 г. (с профилями Ленина и Сталина), «Удостоверение Героя Социалистического труда», «Приветствие» от обкома ВЛКСМ к 80-летию и др.

Трудностям военного времени, положению женщин на тыловых работах была посвящена часть выставки, выстроенная вокруг портретов стахановок лесозаготовительной промышленности М.И. Мининой, А.С. Горбуновой и других. Здесь представлен фрагмент статьи управляющего «Комилеспрома» С.И. Торопова «Дадим стране больше леса», докладная записка инструктора обкома ВКП(б) т. Уродова секретарю обкома т. Тараненко «Об итогах проведения в честь 26-й годовщины Красной Армии фронтового двухдекадника и авангардной роли коммунистов», а также ряд фотографий 1943 г., запечатлевших, как женщины валили и вывозили лес. Женщины трудились не только в лесу, но и на шахтах и на железной дороге, в их жизненных судьбах причудливо и противоречиво переплелись добровольность и принудилровка, героизм и насилие.

Портреты, созданные Г.А. Стронком, очевидно, занимали более низкое положение в иерархии галереи. Это следует как из их размеров, техники, так и из самого характера работ. Эти портреты представляют собой графические работы, сделанные углем, сепией, акварелью, карандашом. Они более разнообразны, чем жилинские, и по подходу автора к каждому изображению. Г.А. Стронк не был местным уроженцем, он приехал в Сыктывкар из Петрозаводска в начале войны. Несмотря на то, что он прожил в республике 2-3 года, художник успел и принять участие в организации Союза художников, и внести свой вклад в развитие местной художественной культуры.

Стронк представляет в циклах своих портреты передовиков определенных отраслей промышленности: угледобывающей, геологоразведочной. Художник изображает не знаки, а живых людей, он охотно передает их характер, эмоциональный настрой. Возможно, эти работы выполнены с натуры, эти зарисовки представляют собой как бы

«сводки» с переднего края трудового фронта (говоря в терминах того времени), они служили весомым дополнением к основному ряду «Галереи», обрамляя и оживляя жилинские портреты. Особый интерес с точки зрения характеристики культурной ситуации того времени представляет стронковский портрет народной сказительницы Е.Ф. Поздеевой из села Уег Усть-Цилемского района. Сами факты появления такого портрета и тем более его экспонирования на такой выставке свидетельствуют о культурных сдвигах, произошедших в СССР в годы войны. Народная культура старообрядцев, забытая и ошельмованная, вновь оказалась в центре общественного внимания. В том же 1943 г. в Сыктывкаре выходит книга, посвященная новому этапу изучения народного творчества, который начался с экспедиции студентов-филологов Карело-Финского государственного университета в Усть-Цилемский район. Было объявлено, что только в годы советской власти фольклор получил, наконец, возможность для развития. Особое внимание уделялось «новым» народным произведениям, посвященным подвигам «советских богатырей». Конкурсы по сочинению былин на такую тему проводились даже среди школьников.

Особой популярностью среди сказительниц пользовалась Елена Поздеева, которая привлекала как своей молодостью, так и судьбой (самой только 24 года, а она с четырнадцати лет замужем, проводила на фронт мужа и семнадцать братьев). Е.Поздееву приглашали и в Сыктывкар, где она исполняла перед публикой свои плачи и сказы. Сказительницы, подобно художникам и писателям, выполняли «социальный заказ», сочиняя произведения о новых героях. Вот интересный отрывок из идеологически выдержанного «Сказа о Кислякове»:

«Наградили тут его, богатыря,
Как вручили ему да орден Ленина,
Дали звание ему геройское,
Геройское да богатырское.
Все тогда да возрадовались
За добра бойца Василья Павлыча,
А колхозники да любовались
На портрет его да во газеточке.
Он почет принес, да роду-племени,
И всему селу Бугаеву,
И району Устьцилемскому,
И Печоре нашей матушке,
И стране нашей великой,
Великой да пролетарской»⁷.

Отчасти здесь высказано отношение к портрету, которое формировалось на границе между официальной и традиционной культурами, в то время, когда первая стала претендовать на народность и эпичность. Почти ничего нельзя сказать о том, как воспринимали «Галерею знатных людей» простые посетители. Не сохранились даже книги отзывов. Осталось только несколько выдержек, из которых можно узнать, что зрителям нравился портрет Нади Рудаковой работы Жилина⁸. Возможно, еще не поздно провести опросы тех, кто в молодости посещал «Галерею», узнать, как велись экскурсии, какие впечатления остались у этих людей после посещения выставки.

Помимо Жилина и Стронка в создании «Галереи» приняли участие и другие художники Коми республики. Предположительно портреты для нее создавали Постников В.Г., Поляков В.В., Антоновский П.П. и др., но документов, подтверждающих это, пока не найдено.

Историческая реконструкция «Портреты и судьбы» стала еще одним шагом в изучении культуры республики в годы Великой Отечественной войны. К сожалению, технические условия не позволили воплотить все замыслы и планы. Несмотря на то, что выставка уже в прошлом, рано прекращать работу в этом направлении. В запасниках музея осталось много экспонатов, не известных широкому зрителю, их включение в новую экспозицию могло бы быть полезным как с научной, так и с просветительской точки зрения. За месяцы, прошедшие после закрытия выставки, накоплен значительный материал, что позволяет надеяться на осуществление исторической реконструкции в новом, более проработанном варианте. В то же время сам метод может быть применен по отношению к любым значимым выставкам прошедших лет.

***

1. Научный архив НМРК. Д.№ 2481 , л.1.
2. Там же. Д.№ 2481, л.26
3. Там же. Д.№ 231, л.3-6
4. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. М., 1994. С.208-216.
5. Научный архив НМРК. Д.№ 231, л.6
6. Там же. Д.№ 2481, л.6
7. Базанов В. Поэзия Печоры. - Сыктывкар, 1943. С.74.
8. Научный архив НМРК. Д.№ 2482 , л.28.

«ДЕРЕВО СЧАСТЬЯ». ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПО РАБОТЕ С ДЕТЬМИ НА БАЗЕ ОТДЕЛА ЭТНОГРАФИИ НМРК. ПЕРВЫЕ ИТОГИ

*Пьянкова Т.А.
Национальный музей Республики Коми*

Экспериментальная программа по работе с детьми «Дерево счастья» разработана в отделе этнографии Национального музея Республики Коми в 1998 г. и реализуется совместно с Национальной гимназией Республики Коми. Цель ее - постижение детьми духовного опыта коми народа. В основу этой программы положена методика академика М.П. Щетинина, предполагающая соучастие в творческом процессе учащихся и преподавателей. В музейной работе - это соучастие в сборе экспонатов, строительстве экспозиций и выставок на всех стадиях их подготовки. В нашем случае - это соучастие детей и научных сотрудников в создании новой этнографической экспозиции музея. В практической работе с детьми авторы проекта учились строить взаимоотношения и взаимодействие как равноправные члены творческой группы, то есть и дети, и мы осознанно стремились строить свои отношения со всем миром на основе безусловной любви и принимать мир таким, каков он есть. Эти чувства в процессе работы были внесены во все образы комплексов экспозиции. Во всех наших занятиях с детьми мы стремились воплотить в жизнь известную формулу творчества: «Воображение рисует, разум сравнивает, вкус выбирает, талант исполняет». Сообразно этому программа состоит из нескольких взаимосвязанных направлений:

- 1) обсуждение и проработка с детьми концепции, ТЭП будущего музея этнографии (дети-эксперты);
- 2) обучение основам музейного дела (дети-исследователи);
- 3) обучение этнографии народа коми (дети-исследователи);
- 4) знакомство с традиционными ремеслами (дети-мастера);
- 5) строительство выставки (дети-экспозиционеры).

Программа «Дерево счастья» выиграла грант республиканского конкурса «Культура на пороге XXI века», получила грант Института Открытое Общество (фонд Сороса), составной частью проекта стала выставка «Рождественская сказка».

Тема выставки «Рождественская сказка» выбрана не случайно (соответствует экспозиционному разделу «Празднование Рождества Христова у коми в конце XIX - начале XX в.»). Праздник «Рождества Христова» - один из самых почитаемых у коми. К Рождеству возвращались с дальних угодий после двух-трехмесячного отсутствия охот-

ники. Это был отдых после многих недель труда и одиночества, радость общения с родственниками, близкими людьми и веселье. Женщины приводили в порядок дома, готовили угощение. Во многих деревнях существовал определенный порядок, что в какие дни святочной недели полагалось делать детям, молодежи и взрослым. Можно без преувеличения сказать, что именно во время рождественских праздников, связанных с рождением новой жизни, верой в чудесное перевоплощение души, богатая духовная культура народа коми сверкала своими наиболее яркими красками.

В основу концепции выставки был положен сюжет рассказа коми писателя К.Ф. Жакова (К.Ф. Жаков. Под шум северного ветра. - Сыктывкар, 1990), основанный на фольклоре народа коми. По замыслу, выставка должна рассказать о праздновании Рождества Христова в семье коми, познакомить с представлениями коми о смерти, загробном мире, о языческом ритуале святочных гаданий, которые воспринимались как рискованное проникновение в мир духов в поисках поддержки предков, знаний о выборе пути в жизни, о будущей семье и продолжении рода. Конструируя комплексы выставки через игровую модель, дети непосредственно участвовали в изучении обрядов жизненного цикла коми зырян. По их предложению выставка, впервые в республике, построена по принципу открытого доступа. Главный комплекс выставки - традиционная изба, в которой посетители смогут учиться ткать и вязать, плести, работать с лозой и берестой.

Однако прежде чем заняться непосредственным строительством выставки, дети должны были ознакомиться с тем, что такое музейная работа, узнать, из каких направлений она состоит, получить подготовку по этнографии народа коми. Работа по реализации Программы «Дерево счастья» состояла из нескольких блоков, состоявших из 278 теоретических и практических занятий. Для более плодотворного контакта с нами дети объединились в несколько групп: «Радуга», «Девчата», «Том и Джерри», «Полярная звезда». Приход в музей сопровождался приветствием: «Пошлем лучики добра всему миру», что создавало на занятиях радостную, творческую обстановку.

Первый из блоков - лекционный, теоретический. В ходе лекций, проводимых сотрудниками отдела этнографии (В.Б. Липин, Т.А. Пьянкова, О.Н. Смирнова «Святочные гадания у коми», «Рождество Христово у коми», «Женская половина дома в праздник Рождества Христова у коми»), дети были ознакомлены с основами музейного дела.

На занятиях по этнографии народа коми они узнали о строительстве традиционного коми дома, его внутреннем убранстве, обрядах, связанных с домостроительством, о жизни старого Сыктывкара - Усть-Сысольска, о почитании коми народом своих предков (лекции «Корни мои - предки мои» и «Загробный мир в верованиях коми зырян»).

Цикл занятий был посвящен детям коми. На них ребята узнали, какими были их сверстники 100 лет назад. По итогам этих занятий вместе с детьми были созданы фотокомплексы «Дети коми», «Загробный мир по верованиям зырян».

Еще один цикл занятий был посвящен хозяйственным занятиям народа коми. Вместе с преподавателем ребята прошли по охотничьему путику, на несколько занятий превратившись в отважных промысловиков. На лекции по охотничьей этике они познакомились с нравственными принципами отношений охотников, их отношению к природе, воспитанию детей. Коми - страна лесная. В связи с этим большое место в хозяйстве и быту народа занимали изделия из дерева. Специальная лекция была посвящена столярно-плотницкому инструментарию, применявшемуся при строительстве, изготовлении утвари, средств передвижения, сельхозорудий. Ребята узнали также о развитии земледелия, животноводства и оленеводства у коми. Выделение последней темы в самостоятельную вызвано той огромной ролью, которую играло оленеводство в жизни северных коми - ижемцев. Большой интерес у детей вызвало занятие, посвященное национальным играм «даровка» и «каръясны», на котором они познакомились с игровой культурой коми народа.

Особое место, ввиду тематики выставки, было отведено занятиям по православной культуре коми и ее отражению в коллекции музея, языческим корням в культуре наших предков. Преследовалась цель познакомить детей с христианским мировоззрением у коми и сочетанием у них христианства и элементов язычества. На теоретических занятиях происходило знакомство со сказаниями о сотворении мира как в коми, так и в мировой мифологии. Эти занятия дополнялись изучением музейных экспонатов с православной и языческой символикой, инсценировкой мифологических сюжетов детьми под специально подобранную музыку. Изучались такие темы как «Рождество Христово у коми», «Благовещение Пресвятой Богородицы и Рождество Христово у коми иконописцев». Дети знакомились и с содержанием христианских праздников, и с иконами из фондов НМРК, и с восприятием коми иконописцами христианского мировоззрения, и с работой реставратора по иконописи. Последнее приблизило их к пониманию всей сложности мастерства как художника-реставратора, так и иконописцев. Составной частью подготовки по этой тематике стало знакомство с выставками икон. Прялки с православной символикой, отобранные из фондов музея совместно с детьми, стали составной частью выставки «Рождественская сказка». Крайне интересны названия, которые ребята давали этим изделиям: «Держава», «Ангел-хранитель» и др.

Серьезным экзаменом на усвоение и знание народных обычаев

стали «Святочные посиделки», проведенные совместно с фольклорной группой республиканского Центра народного творчества (рук. Г. Савельева). В ходе «посиделок» дети участвовали в обрядовых действиях, связанных с праздником «Рождества Христова» у коми. Особое значение имело практическое знакомство детей-экспозиционеров с ремесленными занятиями коми. Эти занятия дали им возможность почувствовать, что они могут быть продолжателями ремесленных традиций своих предков. Они познакомились с замечательным мастером по работе с капом и сувелем Василием Поповым. В ходе возведения срубных конструкций на выставке ребята познакомились с традициями домостроительства у коми, плотницким и столярным инструментом. На занятиях Т.А. Пьянковой дети учились плести узорные пояса и делать традиционные игрушки - куклы-скрутки. Мастер-педагог Т.Б. Фалалеева разработала для них трехмесячный курс «Ткачество народа коми», в котором раскрыла все секреты этого вида занятий коми женщин (темы: «Ткачество - старинный вид женского рукоделия коми женщин», «Нить - основа тканого холста», «Заправка ткацкого стана», «Техника ткачества»). Мастер-педагог Н.В. Фефилова провела для ребят двухгодичный курс «Традиционная обработка бересты у коми». В ходе занятий они познакомились с чудесными свойствами этого материала, научились основным приемам плетения из бересты. Изделия, изготовленные юными мастерами, представлены в комплексе «А жизнь продолжается...» выставки «Рождественская сказка».

Завершением практического знакомства с ремесленными традициями коми стала поездка в этноцентр с. Пажга, где дети в комплексе познакомились с традиционными занятиями народа коми.

Особо следует сказать о работе с детьми художника Н.П. Бурдаева. Он провел с детьми одно занятие в ходе работы над художественным проектом выставки. В конце занятия ребятам было предложено с помощью цветных мелков выразить свое видение окружающего их мира, отношение к культуре предков. В итоге получилась выставка «Земля коми глазами детей», украсившая холл музея этнографии.

Наконец, завершающий, основной этап реализации программы - строительство выставки. Его осуществляла авторская группа в составе сотрудников отдела этнографии (Т.А. Пьянкова, О.Н. Смирнова, В.Б. Липин) и их соавторов - учащихся Национальной гимназии, художника-дизайнера О.И. Павлюка. Светооборудование поставлено фирмой «Модуль» (г. Москва). Экспозиционная мебель, шкафы для образцов вязания и ткачества изготовлены фирмой «Ясень» (г. Сыктывкар). Срубные конструкции возведены бригадой под руководством сотрудника Коми республиканской государственной дирекции по охране и использованию недвижимых памятников истории и культуры

С.Е. Павлюшина. Антропологические манекены выполнены народным художником Республики Коми В.А. Рохиным.

Работы по непосредственному созданию выставки «Рождественская сказка» проведены в июне 2000 г. Согласно концепции выставка, построенная на площади 90 кв. м, состоит из трех комплексов:

1) «Святочные гадания». Этот комплекс центральный, являющийся ключом к раскрытию двух других. Воспроизведен интерьер заброшенной избы с некогда красивой, но потускневшей, поломанной утварью. Здесь размещена скамья, на которой лежит укрытый холстом колдун, знахарь - предсказатель судеб с зеркалом в руках и свечой в изголовье. Красный угол с потемневшими образами. Напротив - дверь в голбец, рядом три манекена в старинных мужских костюмах. В непосредственной близости от этого комплекса расположены шкафы с образцами вязания и ткачества различных этнографических групп коми. При переходе к комплексу «Рождество жизни» помещено «дерево» с рождественскими фонариками, символизирующими освещение новой жизни.

2) Комплекс «Одинокый странник». У стены подвешены веретена (коллекция НМРК - 157 экз.) - своеобразный символический лес. В центре композиции чулок с «мужской» символикой в орнаменте и головной убор женщины. На подиуме - образцы прялок из коллекции НМРК. Рядом с этим комплексом размещены стеклопакеты, характеризующие православие и погребально-поминальную обрядность у коми.

3) Комплекс «Рождество жизни». Воспроизведен интерьер избы. Планировка повторяет расположение основных жизненных центров в крестьянском доме: красный угол с отреставрированными иконами, столы для занятий, место для ткачества, полки для хранения инструментов и домашней утвари. Представлены как предметы из коллекции музея, так и поделки детей - участников программы «Дерево счастья». Здесь вмонтирован видеокомплекс для показа этнографических фильмов. Составной частью этого выставочного комплекса являются стеклопакеты «Современные коми» и «Дети коми». Именно эта часть выставки станет выставкой открытого доступа. Здесь проходят занятия с детьми.

Таким образом, работа по экспериментальной программе «Дерево счастья» по гранту «Института Открытое Общество» проведена по полному циклу. Наблюдения, сделанные в ходе воплощения этой программы, позволяют прийти к следующим выводам:

1) введение экспериментальной системы, сочетание теоретических курсов и практических занятий позволило детям «войти» в мир традиционной культуры своих дедов-прадедов, что способствовало воспитанию в них любви и уважения к народной культуре, помогло усвоению ими навыков музейной работы. Эта мысль отчетливо подчерк-

нута в отзыве классного руководителя Е.П. Жук и председателя родительского комитета класса И.М. Рациборской: «...у детей достаточно глубоко для их возраста развивалась и обогащалась речь, память, формировалось правильное мировоззрение, обращенное прежде всего на любовь и добро в жизни ко всему, что рядом с ними, что их окружает. На занятиях дети творили, строили свой музей по собственному представлению, который стал как бы частью их жизни». По сути дела, программа является следующей, более высокой, ступенью в музейной педагогике, когда происходит переход от знакомства детей с отдельными сюжетами по истории и культуре народа к комплексному изучению предмета, участию в его изучении. Это в конечном итоге соответствует широко практиковавшемуся в традиционном воспитании народа коми вовлечению детей через игру в активную жизнедеятельность.

2) в Республике Коми впервые создана экспозиция, где посетители являются не только зрителями, но и сами смогут попробовать работать старинными инструментами, изготавливать предметы быта традиционными способами;

3) создание выставки с открытым показом фондовых коллекций дает возможность работать с ними непосредственно в экспозиции ученым, мастерам-прикладникам, художникам, а простых посетителей знакомит с лучшими образцами вязания и ткачества народа коми.

Завершить статью о совместной творческой работе с детьми хочется отзывами посетителей, которые посмотрели и, каждый по-своему, оценили первые разделы экспозиции - результат нашего совместного творчества.

«Спасибо огромное всем за прекрасную выставку! Словно в дом родной попадаешь, в свой родной дом, где с детства все знакомо. Выставка возвращает нас к памяти.

Хочется еще и еще раз прийти, насладиться стариной, нашей историей. Спасибо». - Д. Яковлев, г. Сыктывкар.

«Мне очень понравилась эта выставка, особенно изба. Когда я зашел в нее, мне показалось, что там кто-нибудь живет. Я обязательно приведу сюда своих родителей. Спасибо вам за такую выставку!» - ученик 7 «б» класса школы №4, следопыт Будригин Александр.

«С удовольствием побывал вместе с коллегой из Финляндии в музее. Экспозиция «Рождество...» довольно удачна. На мой взгляд, именно постоянные экспозиции такого рода (живое жилье, настоящие постройки) позволяют изнутри посмотреть на культуру народа, окунуться в культуру, попав в мир живых вещей. Спасибо!

Р.С. Жаль, остальные экспозиции еще не готовы» - О. Уляшев, г.Сыктывкар.

ТЕМА ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА НА ЭКСПОЗИЦИИ ОТДЕЛА ИСТОРИИ (ДО 1917 г.)

Люосева Л.Д.

Национальный музей Республики Коми

Тема защиты Отечества от внешних врагов - одна из важных в экспозиции отдела истории Национального музея. Начинается она с материалов, рассказывающих о присоединении земель, заселенных народом коми, к русскому государству, ибо именно с этого времени коми ратники стали входить в объединенные войска русской армии.

В конце XVI- начале XVII веков Россия переживала полосу глубокого кризиса, получившего название «Смутного времени». Резко обострилось внутреннее и международное положение. Ослабленная борьбой боярских группировок за царский престол и волнением крестьян под руководством Ивана Болотникова в 1608 г., страна стала объектом военной интервенции со стороны польско-литовских и шведских феодалов. Одним из очагов борьбы с ними сделался район Севера с центром в гг. Галич, Тотьма, Устюг и др. На экспозиции эти события отражаются не только оружием того времени, но и весьма важными документальными источниками: «Вычегодско-Вымской летописью» и «Отпиской (письмом) Яренского ратного головы Григория Середина Яренскому воеводе Василию Яковлевичу Унковскому», где не только говорится о кознях среди бояр - «Бояре провозгласили того вора Гришку царем крест ему целовали служить и радети» или «...а бояре изменники да литовские люди норовили тому вору крест целовати, служить ему»; отсюда же мы узнаем и о тех, кто встал на защиту русской земли в 1606 г.: 48 человек «вычегжане, и вымичи, и сысолены, и удорены ратные пошли...»¹, а в 1608 г. «...того же лета посланы ратные люди с вычегжан, вымич и сысолич 60 на Соли Галичские на русских воров и литовских людей»². В 1609 г. «повелением государя Василия Ивановича с уезду Еренскова посланы люди ратные в Костромской уезд 66 человек, а с ними ратный голова Ивашко Григорьев вымитин». «Того же лета шли люди ратные коргопольцы, устюжаны, вычегжаны, вымичи, сысоличи под Еренск и другие города Вятские от русских воров и литовских людей обороняти»³.

Принимали участие наши земляки и в составе войск князя Скопина-Шуйского, который летом 1609 г. организовал сопротивление иноземным захватчикам и тушинцам на севере страны. Он объединил свои силы с народным ополчением. Среди ополченцев были и коми. «Вычегодско-Вымская летопись» по этому поводу гласит: «Лета 7118 с уезда Еренскова велено взяти 60 ратных людей к Вологде в полки князя Скопина-Шуйского»⁴.

Бездарность командующих русским войском после смерти М.В. Скопина-Шуйского, измена бояр позволили во главе русского государства поставить иностранца. Народ не прекращал борьбу с иностранцами. Активизируется партизанское движение, что помогло организовать в Нижнем Новгороде новое ополчение для освобождения Москвы. Во главе ополчения был поставлен посадский староста Кузьма Минин, военным руководителем - Дмитрий Пожарский. В состав ополчения вошли и ратники с земель коми: «Лета 7119 (1611 г.) повелением князя Дмитрия Пожарского да Прокопия Ляпунова присланы с вычегоцкие пермские мест на Ярославль ратные люди 50 человек»⁵. Таким образом, в сохранении независимости России и обеспечении ее дальнейшего развития есть вклад и коми народа.

Шло время; проходили годы и десятилетия, в период которых Россия воевала со многими странами: неоднократные войны с Польшей, Швецией, Турцией, война с Персией, Ираном и т.д. Но на экспозиции эти события не нашли отражения за неимением каких-либо материалов.

Отдельной подтемой нашла отражение на экспозиции Отечественная война 1812 г. Начинается она с Манифеста «О вшествии неприятеля в пределы России и о всеобщем противу него ополчении» от 6 июля 1812 г., в котором Александр I обратился к народу России: «Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России надеясь силою и соблазнами потрясать спокойствие великой сей державы. ...Мы призвав на помощь бога постановляем в преграду ему войска наши кипящие мужеством. ...Попрять врага, опрокинуть его и то что останется не истребленного согнать с лица земли нашей...»⁶.

По получении Манифеста в г. Усть-Сысольске собралась Городская Дума, на заседании которой городской голова Суханов сообщил о полученном от вологодского гражданского губернатора предписании, где предлагалось «... установить назначение и выбор воинов для ополчения по манифесту от 6-го июля, равно как приготовления для них одежды, оружия и провианта»⁷.

Принципом комплектования армии в России были рекрутские наборы. Только в 1812 г. они объявлялись трижды.

В Вологодской губернии первый отряд ополченцев из 140 человек был сформирован почти сразу после начала боевых действий. Коми край направил 550 человек: 21 волость - 434, Ижемская волость - 63 и Усть-Сысольск - 53 рекрута⁸.

Как говорилось выше, рекрутов снаряжали полностью на местах их набора. Чтобы представить все это, на экспозиции показан один из 4-х документов «Сведения о количестве рекрутов и расходах на их

сборы и отправку» по 84 набору по г. Усть-Сысольску. По этому набору от 943 душ мужского пола было набрано 15 рекрутов. Чтобы их обеспечить обмундированием, истрачено 738 рублей 25 копеек, амуниция обошлась на 336 рублей 20 копеек, провоз до пункта назначения 1725 рублей 25 копеек, жалования, внесенные в казну, 225 рублей, город выделил 300 рублей. Итак, на отправку 15 рекрутов необходимо было 3354 рубля 70 коп., а на одного - 223 рубля 64 коп.⁹

Рекруты из Коми края вошли в ополченские отряды Архангельской и Вологодской губерний, сражавшихся в составе 21 егерского полка (с 1863 г. стал называться Двинским пехотным полком), Архангельского полка, Вологодского мушкетерского полка, 104-го Устюжского генерала Багратиона полка (бывший 6-й егерский полк), Белозерского пехотного полка, Литовского пехотного полка, сформированного в Череповце в 1812 г.

Архангельский и Двинской полки, входившие в состав II Западной Армии, обороняли знаменитые Багратионовы флешы.¹⁰

Кроме того, проводился набор охотников-добровольцев «с теми самыми ружьями, какие употребляют они на промыслах». По Вологодской губернии было набрано 612 стрелков-добровольцев, составивших 18-ю дружину Петербургского ополчения. Общее число добровольцев из Коми не установлено, но известно, что было их не менее 74-х, из которых 36 пали на поле брани. Большинству из них было по 18-24 года, но были более молодые (16-17) и постарше - под 30 лет. Е.И. Безносикову из с. Ыб было 39, а Василию Ведову из Зануля - всего 14, видимо, он был очень крепок собой и хорошо владел оружием.¹¹

Интерес представляют два документа: оба свидетельствуют о желании жителей края внести посильный вклад в освобождение Отечества от неприятеля. Из них посетитель узнает о сборе пожертвований для нужд армии. Уже в первые месяцы войны было собрано по городу Усть-Сысольску 630 рублей, затем еще 570 рублей. Здесь же и одна из ведомостей сбора:

Степан Григорьевич Суханов - 200 рубл.

Алексей Иванович Суханов - 200 рубл.

Федор Михайлович Сидоров - 50 рубл.

Василий Васильевич Колегов - 50 рубл.

Степан Максимович Ичеткин - 50 рубл.

Григорий Федорович Кузнецов - 20 рубл.¹²

Суммы пожертвований по Архангельской губернии составили 110000 рублей, куда входили суммы, собранные и в печорских селениях, по Вологодской губернии - 85000 рублей, из них 6000 рублей той части Коми края, входящей в состав указанной губернии¹³.

Не безразличны были и к судьбам беженцев, семей «от войны пострадавших и жен и детей, у коих мужья и отцы находятся на войне». С этой целью были проведены две компании по сбору средств.

При раскрытии рассматриваемой темы, на мой взгляд, важно показать и экспонаты, позволяющие посетителю узнать о том, что не канули в века бесследно события, а сохранилась людская память о них, в том числе это и материалы, хранящиеся в музеях. Целая группа представленных на экспозиции предметов рассказывает о 100-летнем юбилее Отечественной войны 1812 г. Комплекс начинается с текста «Манифеста» по случаю этого события. Читаем: «Высокие примеры безграничной преданности Престолу, самоотверженной любви к Родине и глубокой веры в милость Господню и непреклонной твердости духа показал народ Русский, во всех сословиях отдавши на благо Отечества достояние и жизнь своих сынов»¹⁴. Документы, памятные медали, марки, открытки рассказывают о наиболее важных событиях этой войны.

Большой интерес для исследователей представляет многотомное издание книги «Отечественная война 1812 г. и русское общество».

К этому юбилею было приурочено и открытие памятника «Битвы народов» в немецком городе Лейпциге, на месте, где окончательно были разбиты войска Наполеона. Он представлял «каменный колосс, поднявшийся на высоту 91 м. Барельеф с изображением архангела Михаила, символическая усыпальница крипты, Зал Славы и мощный купол»¹⁵. Рядом с фотографией этого памятника находится отрывок из Решения Усть-Сысольского земского собрания от 26 сентября 1911 г., где было «единогласно ассигновано на устройство означенного памятника над могилою русских воинов 25 рублей»¹⁶.

Представленное донесение городничего г. Усть-Сысольска Н. Самарина позволит узнать посетителю не только факт пребывания военнопленных французов в нашем городе, но и историю названия пригорода - Парижа. К этому экскурсовод может добавить и события 1962 г., когда в дни празднования 150-летия Отечественной войны бывшая Пристанская улица была переименована в улицу имени М.И. Кутузова, великого полководца русской армии.

Довольно часты были войны России с южными странами, и прежде всего с Турцией. Интересы обеих сторон сталкивались из-за территориальных притязаний. На экспозиции, да и в фондах музея по событиям, предшествовавшим Крымской войне 1853-1856 гг., имеются только памятные медали, посвященные некоторым из войн, а материалов об участии в них представителей коми народа не имеется, поэтому через памятные медали только констатировали факт происшедших событий.

Наступивший 1853 год был ознаменован начавшейся новой войной с Турцией (Крымской), закончившейся подписанием 30 марта 1856 г. договором в Париже. Документов о наборе рекрутов непосредственно в 1853-56 гг. не встретила ни в фондах музея, ни в Национальном архиве, хотя считаю, что они проводились, как и раньше во время военных действий. Но есть другого рода документы: в начале века, в связи с приближающимся 50-летием событий 1853-1856 гг., Русское правительство решило открыть музей обороны г. Севастополя. С этой целью со всей России собирался материал об участниках Крымской войны, в том числе участниках обороны Севастополя. В Коми крае волостные старшины тоже должны были оповестить приставов своих станом о проживавших или проживающих участниках обороны Севастополя. Эти донесения дали нам возможность узнать о некоторых наших земляках, участниках этих событий. Ими были Мальцев Фоккий Григорьевич из Ибской волости, Микулин Фока Федорович и Сажин Алексей Никитович из Межадорской волости, Цыпанов Кирилл Алексеевич из Визингской волости. Из Яренского уезда Ларев Федор Протасович был за участие в обороне Севастополя награжден бронзовой медалью «В память о войне 1853-1856 гг.».

Из Печорского уезда Семяшкин Афанасий Иванович, уроженец с. Кожва, был матросом гребного флота. Он также был награжден медалью «За участие в Крымской войне».

В Крымской войне кроме России и Турции сталкивались колониальные интересы Англии, Франции и отчасти Австрии. Начав в 1854 военные действия против России, они атаковали не только Одессу, но и на севере Кронштадт и Соловецкие острова, а на востоке Петропавловск-на-Камчатке.

В Белом море их задачи состояли в том, чтобы помешать береговой и прочей торговле русских в этих водах, и если можно - взять Архангельск. Организацию обороны своего края на севере, в устье Печоры, взяли на себя ижемцы и устьцилемцы. Они обратились к опальному грузинскому князю Е.О. Палавандову, он был сослан сюда на должность лесничего. Опальный поручик пользовался среди местного населения большим авторитетом. Получив согласие Палавандова, крестьяне всей Печоры и Ижмы: русские, коми, ненцы - начали вооружаться ружьями, топорами. Отряд двинулся в Пустозерск. Активным помощником в организации обороны был крестьянин из Усть-Цильмы Чипсанов. Было решено организовать оборону устья Печоры. На расположенных против друг друга Печорском носу и Калатыгском мысе были сооружены редуты, укрепленные пушками, снятыми с гидрографической шхуны капитана I ранга Крузенштерна,

крупнокалиберными ружьями охотников на морского зверя. Оборона была обеспечена. Но союзники, встретив сопротивление поморов в других пунктах побережья Белого моря, не стали двигаться на Печору. Редуты были разобраны, пушки возвращены на шхуну Крузенштерна, крестьянский отряд распущен.

Интересен тот факт, что в 1856 г. архангельскому военному губернатору было сообщено царским военным министром, что «...царь Александр II всемилостивше пожаловать соизволил запасному лесничему за распорядительность и ревность, оказанные им при руководстве крестьян Запечорского края в обороне оного от неприятеля, орден Св. Станислава III степени»¹⁷.

Квитанция о сборе и сдаче средств по I стану Усть-Сысольского уезда в размере 6 рублей 35 коп. «на сооружение в Севастополе памятника командовавшему в севастопольском бою эскадрой и прославившегося геройским самоотвержением при защите Севастополя адмиралу Нахимову»¹⁸ служит подтверждением тому, что хотя война была захватнической со стороны всех ее участников, тем не менее, сражаясь за честь Отечества и за его земли, русские показали образцы героизма. Именно поэтому страна и народ чтят своих героев: открывали музеи, ставили памятники. И народ принимал участие в этом.

Противоречия по вопросу о Балканах привели в 1877 г. к новой войне с Турцией, длившейся до февраля 1878 г. Военные действия развернулись на Балканском полуострове и на Кавказе. В 250-тысячную русскую армию влились и болгарские ополченцы. Знакомимся не только с картой военных действий, но и командующими: генерал-лейтенантом Гурко И.В., начальником русского авангарда, перешедшего Балканы; генерал-майором Столетовым Н.Г., начальником болгарского ополчения.

В этой войне, положившей конец 500-летнему турецкому игу над Болгарией, есть вклад представителей северного Коми края. В 1877 г. из разных волостей Усть-Сысольского уезда было призвано 187 человек, в том числе из Богоявленской волости - 6 человек, Выльгортской - 4, Благовещенской - 8, Межадорской - 5, Вотчинской - 6, Визингской - 2, Воронцовской - 5, Койгородской - 14, Киберской - 13, Шиловской - 12, Уркинской - 10, Борисовской - 6, Ношульской - 7, Кочергинской - 3, Корткеросской - 6, Мординской - 2, Небдинской - 9, Богородской - 6, Подъельской - 4, Усть-Куломской - 13, Керчимской - 6, Помоздинской - 7, Печорской - 6, Савиноборской - 2, Щугорской - 2 и по г. Усть-Сысольску - 9 человек¹⁹.

Многие из них были ранены, а многим не суждено было вернуться домой. Перед нами «Список раненных в войну 1877-1878 гг.», где ука-

заны Логинов Семен Михайлович из Усть-Куломской волости, Камбалов Фока Васильевич и Протасий Демин из Благовещенской волости, Попов Леонтий Захарович из Помоздинской волости, Тимушев Матвей Петрович из Усть-Куломской волости, Лыткин Степан Иванович из Выльгортской волости и Маегов Петр Афанасьевич из г. Усть-Сысольска²⁰. А Карманов Деомид Агафонович (Помоздинская волость), Красильников Лаврентий Исакович и Ушаков Тихон Дмитриевич (Межадорская волость), Васильев Дмитрий Андреевич (Уркинская волость) и Мезенцев Павел Леонтьевич (Щугорская волость) не вернулись с поля брани²¹.

Войны тяжелым бременем ложились на плечи крестьян. Только по II стану Усть-Сысольского уезда на январь 1878 г. заготовлено для войск: холста всех видов (рубашечного, подкладочного, мешочного) до 600 аршин (аршин = 0,71 м) каждого сорта; подошвы и подметки до 600 пар местной выделки; сукно серое и белое до 300 аршин; сапоги валяные необшитые до 200 пар; веревок пеньковых толстых до 50 пудов (пуд = 16,4 кг), пакли пеньковой до 100 пудов²².

В память о русских воинах и болгарских ополченцах болгарский народ создал величественный монумент «Памятник свободы» на вершине горы Шипка. Его высота 34 метра, площадь постамента 300 кв. метров. На белом мраморе памятника высечено: «Болгарино, склони чело перед туй свято место - заветен памятник на вечна дружба между Бельгари и Руси увенчали с кръвта си нашата свобода». А ниже, в начале Шипкинского перевала, на добровольные пожертвования Россия в память «о беспримерных подвигах, неустрашимости и храбрости, проявленных защитниками Шипкинского перевала» сооружен храм-памятник «Шипка». Тысячи талантливых людей России вложили в него свое мастерство: железные двери выковали тульские кузнецы, белые мраморные плиты сделали уральские каменотесы, стены храма расписали московские художники. Внутри храма золотом выбиты названия всех полков, сражавшихся на Шипкинском перевале. В этих полках сражались и наши земляки²³.

Наряду с вопросами европейской политики, балканской, ближневосточной и среднеазиатской проблемами, значительное место во внешней политике царского правительства в 80-х и начале 90-х годов занимали вопросы Дальнего Востока.

Начавшиеся в конце XIX века колониальные войны продолжались и в начале XX века. Особо острая борьба развернулась из-за бассейна Тихого океана, и прежде всего Китая. Ее вели все крупнейшие империалистические государства: Япония, США, Англия, Франция,

Германия и Италия. Активную роль в этой борьбе играла также Россия, которая в январе 1904 г. оказалась втянутой в войну с Японией.

Хотя война и была практически проиграна Россией, основная вина ложилась на бездарность, медлительность и нерешительность командования. Солдаты, матросы и, конечно, часть боевого офицерства высоко ставили честь мундира и интересы Отечества, проявив на полях боя мужество и героизм, смекалку и ловкость.

Трудно найти человека, кто бы не слышал про героическую гибель крейсера «Варяг», так правдиво описанную в песне «Гибель «Варяга» немецким поэтом Рудольфом Грейцем и переведенную на русский язык Е.М. Студенской. Среди героически погибших моряков был уроженец с. Ношуль Трофимов Андрей Николаевич, о чем мы узнали из «Предписания Усть-Сысольскому уездному исправнику» о выяснении степени нужды оставшихся членов семьи погибшего на крейсере «Варяг» Трофимова А.Н.»²⁴.

В одном бою с крейсером «Варяг» погибла канонерская лодка «Кореец», которая, как и крейсер «Варяг», отказалась сдаться японской эскадре, о чем сказано в благодарственном письме семье матроса канонерской лодки «Кореец» Белых Дмитрия Михайловича: «Не дрогнула горсть наших ратных людей и не спустила Андреевского флага перед целой эскадрой. ... Живите же братья на многие, многие лета с отрадным спокойствием исполненного долга и в сознании, что отныне имена «Варяга» и «Корейца» составляют достояние истории»²⁵.

А вот еще один документ, в котором говорится, «что нижний чин, погибший на броненосце «Петропавловск» Илья Осипович Осипов холост, как движимого, так и недвижимого имущества не имеет. В г. Усть-Сысольске проживает родная мать Ильи Осипова, вдова Парасковья Фоминична Осипова 57 лет, имеющая еще сына Николая 16 лет и Ивана 20 лет, ушедшего добровольцем в ряды войск в сем году, но в какую поступил часть сведений не имеется, и незамужнюю дочь Ульяну»²⁶. Это был именно тот флагманский броненосец, на котором были вице-адмирал С.О. Макаров и художник-баталист В.В. Верещагин. 31 марта 1904 г. броненосец подорвался на mine и затонул.

Представленные выписки из уведомлений позволяют узнать, что в боях были ранены: Мальцев Степан из Вильгортской волости, воевавший в составе Восточно-Сибирского стрелкового полка; Ермолин Илья из Вотчинской волости, воевавший в составе 8-го пехотного Сибирского Томского полка; были ранены солдаты 7-го пехотного Красноярского полка Нестеров Василий из Киберской волости, Потапов Иван из д. Маджа, Нестеров Тит из Корткеросской волости и т.д.

Дополнить список участников этих событий позволяют и вещи, расположенные в экспозиции. Так, бескозырка принадлежала Ануфриеву А.Е., уроженцу с. Мохча, матросу военно-морского флота, служившему на корабле «Петр Великий», китель принадлежал Андрееву А.И., уроженцу Удоры.

Храбрость многих земляков была отмечена наградами. Мезенцев Василий из с. Кожва был награжден медалью, посвященной русско-японской войне, а Титов Василий Иванович из с. Важгорт за героизм, проявленный в боях, награжден был орденами «Георгиевский крест» IV и III степени.

Некоторым коми солдатам, как и многим другим представителям русской армии, пришлось побывать в плену. Царское правительство не думало о трудностях возвращения их домой, зато раньше их на места назначения поступали депеши с требованием установить за прибывающими из плена солдатами надзор, так как власти боялись, что они «попали под революционное воздействие». Подтверждением тому - находящиеся на экспозиции «Предписание Вологодскому полицмейстеру и уездному исправнику» о надзоре за возвращающимися из плена, здесь же «Донесение в Вологодское жандармское управление», «...что крестьянин Пожегодской волости А. Шахов привез с собой печатные брошюры РСДРП, в том числе «Программу II съезда РСДРП»²⁷.

Тяготы войны тяжелым бременем ложились на жителей тыла всей России, в том числе и Коми края. Здесь производился как сбор холста, сукна, сапожного материала, так и фуража, теплых вещей и денежных средств. За активную работу по сбору от Красного креста для армии в период русско-японской войны только по Усть-Сысольскому уезду были награждены серебряными медалями 96 человек, в том числе Попов Андрей Артемьевич из Ибской волости²⁸.

После русско-японской войны разногласия между странами не уменьшились, а, наоборот, стали углубляться. Если на востоке на новые земли претендовала Япония, живя под лозунгом «Азия для азиатов», то на западе к мировому господству стремилась Германия. В результате здесь сложились крупные блоки: Германия, Австро-Венгрия, Турция и с другой стороны Россия, Франция, Англия. К тому же подготовка к войне была налицо, это всколыхнуло и народные массы - развернулось мощное рабочее движение, что также толкало правительства империалистических стран к войне. 11 августа 1914 г. началась I мировая война, в которую были втянуты 39 государств, а количество мобилизованных достигло 70 млн. человек²⁹.

Коми край находился в глубоком тылу, тем не менее война вызвала серьезные трудности в его экономике, жизни его населения. По дан-

ным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в армию было мобилизовано более 57 % трудоспособного мужского населения. Более половины крестьянских хозяйств оказалось без работников-мужчин³⁰. Многие семьи так и не дождались своих кормильцев, многие вернулись ранеными.

Со многими земляками, участниками I мировой войны, дает возможность познакомиться наша экспозиция. В составе 4 взвода 12 роты 57 запасного батальона воевали ижемцы Артеев Алексей Иванович, Канев Павел Михайлович. На другой фотографии уроженцы с. Палауз - Истомин М.Н., Истомин А.С., Истомин Л.Н. Нехитрые инструменты: шприц, зажимы, перевязочные пакеты периода I мировой войны - принадлежали фельдшеру Зинину Николаю Лазаревичу.

В 1914 г. в г. Великий Устюг была сформирована 90-я Вологодская пешая дружина, в нее было включено свыше 400 человек коми, уроженцев Усть-Сысольского уезда. В 1916 г., после пребывания на фронте, она была направлена в Петроград. В дальнейшем принимала участие в свержении царского самодержавия. Из-за больших потерь на фронтах царскому правительству пришлось назначать офицерами и выходцев из народа. Многие учителя проходили кратковременные курсы и становились офицерами. Именно так сложилась судьба Наместникова Василия Николаевича.

Не только фотографии с фронтов, которые были переданы участником событий Правдиным Григорием Степановичем, но и письма, показанные в витринах, дают возможность судить о положении на фронтах I мировой войны. Рядовой 209 запасного пехотного батальона Черноусов В.Ф., уроженец с. Важгорт, писал домой в конце 1914 г.: «Дорогие сестрицы, все, не дожидайте напрасно, не буду на лето. ...Благослови, мамочка, каждое утро наперво. ...Прислали ратников много 7, 8, 9 года. Хочет войну объявить швед»³¹.

А Тимушев Егор Васильевич своему другу на родину писал: «Любезный друг Василий Афанасьевич во-первых спешу я вас уведомить о своей службе, я в настоящее время нахожусь на фронте с Австрией от города Тарнова 35 верст южнее. Пищу получаем два раза в день, порции очень малы. Теплые вещи даже не выдавали, всю зиму носили одну шинель. Были у нас большие морозы и сейчас морозы. Мы уже стоим на одном месте с 19 декабря без передвижки. ...Было у нас много убитых и раненных, но кто остался жив, многих представили к Георгиевскому кресту. ...Может и я получу. Про мир нам ничего не известно»³².

Список участников I мировой войны позволяют пополнить предметы обмундирования солдат I мировой. Представленная шинель вер-

но служила Андрееву А.И. с Удоры, а шапка-папаха - уроженцу ныне Усть-Вымского района Тырину И.С.

На экспозиции представлена винтовка системы Мосина образца 1891 г., которая была наиболее широко используемая в армии наряду с так называемой берданкой образца 1870 г. Из 10 видов винтовок эти были единственными производимыми в России, остальные закупались за границей, и солдат не всегда успевали и не всегда умели обучить правильному с ними обращению³³. Проблема винтовок была лишь частью всех недостатков материального снабжения армии, но в ней отразились все кризисные явления в стране, которые отразились и на жизни коми народа. Был нанесен огромный урон сельскому хозяйству. Население страдало от реквизиции скота для армии. Данные переписей 1916 и 1917 гг., отраженные на экспозиции, показывают, что только за один год количество животных (без оленей) в крае уменьшилось более чем на 14 тысяч голов. Не хватало простейшего инвентаря, урожайность падала. Растут налоги, земские и мирские сборы³⁴. Кроме того, население края, как видим из документов экспозиции, обязано было катать валенки, шить шубы³⁵. Проводились сборы по линии Красного креста³⁶. Заводчики ежемесячно удерживали «добровольные пожертвования».

Предложенные вниманию посетителей кредитные билеты, разменные бумажные марки, облигации займов позволяют показать финансовое положение России в годы I мировой войны. За период войны правительство семь раз прибегало к дополнительному выпуску бумажных денег. Ввиду обесценивания бумажных денег, металлические монеты стали средством накопления, их правительство стало заменять бумажными марками и казначейскими билетами. К январю 1917 г. таких марок и казначейских билетов имелось в обращении на 128,8 млн. рублей³⁷.

Отдельной статьей расходов было содержание военнопленных, прибывших сюда уже с первого года войны и размещенных по разным селениям: Усть-Куломе, Визинге, Усть-Сысольске³⁸.

Война отрицательно отразилась и на работе промышленных предприятий края. Мастеровых не брали на войну, но зато им кроме своей работы приходилось выполнять работу мобилизованных на войну рабочих вспомогательных производств: солеварам на Сереговском солеваренном заводе, литейщикам на Кажимских заводах³⁹.

Владелец Кажимских заводов, сумел под военный заказ запросить крупную сумму правительственного аванса с целью проведения реконструкции некоторых производств. Но, как планировалось, коренной перестройки производства не произошло. Одним из военных заказов было изготовление 58-мм мин системы «Дюмзель», которых уже

к августу 1916 года было изготовлено 17500 мин и 20470 крышек⁴⁰. Выставленные на экспозиции оболочки для мин позволяют увидеть их экскурсантам воочию. Но из-за низкого качества и бездорожья основная часть продукции не была вывезена.

Итак, мы проследили пути наших земляков - защитников Отечества в разные годы. Экспозиция же музея является подтверждением того, что народ не забыл о них, помнит. О них сложены песни, написаны книги, поставлены памятники, и каждый предмет, сохраненный в архивах, музее, - это памятник им, защитникам Отечества.

Примечания:

1. «Вычегодско-Вымская летопись»/ Историко-филологический сборник. - № 4. - Сыктывкар, 1958. С. 268.
2. Там же. С. 269.
3. «Отписка Яренского ратного головы Григория Середина Яренскому воеводе Василию Яковлевичу Унковскому»; н/в 2841/9-13; ЛАИИ, акты Меньшикова, № 11, АЭЭ. Т. II. С.94.
4. «Вычегодско-Вымская летопись»/ Историко-филологический сборник. - № 4. - Сыктывкар, 1958. С. 269.
5. Там же.
6. НАРК, ф. 118, оп. 1, д. 14, л. 1-2; НМРК, инв. 7344/1,2.
7. Люосева Л.Д. Гнали Наполеона из России. - Газета «Красное знамя». - 15 авг.1982; НМРК, инв. 7344/7.
8. Шиловский С.П. Северяне на фронтах Отечественной войны 1812 г./ Первая Коми республ. научно-практич. конференция по историческому краеведению (тезисы докладов). - Сыктывкар, 1988. С.86, 87.
9. НАРК, ф. 118, оп. 1, д. 48, л. 11 об., 12; НМРК, инв. 7343/5,6.
10. Чупров В.И. Дух патриотизма. - Газета «Красное знамя». - 5 сент.1990.
11. История родного края. - Сыктывкар, 1994. С. 32; Шиловский С.П. Указ. соч. С. 87.
12. НАРК, ф. 118, оп. 1, д. 14, л. 12, 14, 14 об., 15; НМРК, инв. 7344/4, 5, 6, 7.
13. Шиловский С.П. Указ. соч. С. 87.
14. Вологодские епархиальные ведомости. - № 18. - 15 сент. 1912. С. 395.
15. Путеводитель по ГДР. - Лейпциг, 1964. С. 179.
16. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1911 г. - 1912. С.3.

17. Чупров В.И. Дух патриотизма. - Газета «Красное знамя». - 5 сент. 1990.
18. НАРК, ф. 6, оп. 1, д. 1759, л. 72, 72 об.; НМРК, КП 7309/20, 21.
19. НАРК, ф. 6, оп. 1, д. 1248, л. 71; НМРК, КП 7328/5.
20. НАРК, ф. 6, оп. 1, д. 1248, л. 78, 78 об.; НМРК, КП 7328/8, 9.
21. НАРК, ф. 6, оп. 1, д. 1248, л. 73, 73 об.; НМРК, КП 7328/6, 7.
22. НАРК, ф. 6, оп. 1, д. 1310, л. 1, 1 об.; НМРК, н/в 4619/19, 20, 21, 22.
23. Болгария, сестра Родная. - Кишинев, 1967. С. 114, 115, 117.
24. НАРК, ф. 6, оп. 1, д. 26, л. 180, 180 об. и 182, 182 об.; НМРК, КП 7308/13, 14, 15 и н/в 3137/1, 2.
25. НМРК, КП 9732/1, 2; КП 6252.
26. НАРК, ф. 6, оп. 1., д. 1772, л. 32; НМРК, КП 7312/1.
27. ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 1052, л. 296; НМРК, н/в 3604; НАРК, ф. 13, оп. 2, д. 9, л. 24, 24 об.; НМРК, КП 7307/14, 15.
28. НАРК, ф. 6, оп. 1, д. 1259, л. 98; НМРК, КП 7330/4.
29. Всероссийская Книга Памяти. Обзорный том. - М., 1995. С. 47.
30. История Коми АССР. - Сыктывкар, 1981. С. 150.
31. НМРК, КП 9236/1.
32. НМРК, КП 10748/3.
33. Журавская И.Л. Самодержавие и народ в экспозиции по истории войн эпохи империализма / Сб. «Традиции и поиск. Проблемы новой экспозиции ГИМ по истории капитализма». - М., 1991. С.83.
34. История Коми АССР. - Сыктывкар, 1981. С. 150-151.
35. НАРК, ф. 13, оп. 1, д. 219, л. 9; НМРК, КП 7296/1, 2.
36. НМРК, КП 5292/7; вр. хр. 206/1.
37. Сб. трудов «Традиции и поиск. Проблемы новой экспозиции ГИМ по истории капитализма». - М., 1991. С. 93.
38. НМРК, КП 7296/3, 4.
39. НАРК, ф. 13, оп. 1, д. 285, л. 13, 13 об.; НМРК, КП 7297/1, 2.
40. НАРК, ф. 162, оп. 1, д. 51, л. 157; НМРК, н/в 2834/3.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКИХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОЛИМПИАД

Косолапова Т.А.

Национальный музей Республики Коми

На начало 1998-99 учебного года в Сыктывкаре насчитывалось 58 дневных и 2 вечерние (сменные) общеобразовательные школы, 6 гимназий и 5 лицеев. В этих общеобразовательных заведениях наравне с математикой, физикой, русским языком и литературой введено изучение краеведения, где приобретение новых знаний по истории края сочетается с исследовательской работой, которая развивает наблюдательность, учит работать творчески. И в этом большую поддержку оказывают научные сотрудники Национального музея. Ведь содружество музея со школами сложилось уже давно, с появлением музея, но когда в 1998 г. в школах города был введен факультативный курс «Литература, история и искусство Коми края», оно еще больше закрепились и расширилось. Именно с этого времени среди учащихся старших классов и стали проводиться олимпиады по истории и краеведению. Ведь изучение истории и природы края - малой Родины - всегда составляло одну из воспитательных задач школ.

В 1992 г. был принят закон о государственных языках Республики Коми, который предусматривал переход на программное изучение коми языка в общеобразовательных учреждениях города. В этой связи активизировались внеурочная и внеклассная работы по изучению «литературы, истории и искусства» не только в школах, но и в дошкольных учреждениях. На базе 21 школы г. Сыктывкара стали проводить олимпиады для учащихся старших классов с целью развития познавательного интереса к обычаям, традициям народа коми, истории, культуре. Олимпиады стали традиционными. Проходили они по различным темам, но по одной и той же схеме. Члены жюри предлагали на выбор задание - вопрос команде, по которому нужно было рассказать все, что они знали. Выслушивание ответов для членов жюри было делом очень непростым, приходилось засиживаться до вечера, а командам ждать объявления результатов. Уставали члены жюри, да и сами подростки. В проведении таких олимпиад принимали участие научные сотрудники НМРК. Анализируя итоги этих олимпиад, научные сотрудники пришли к мнению, что целесообразнее проводить их (олимпиады) в залах музея, где каждый экспонат хранит частичку истории, культуры нашего края, кроме того, хотелось оживить, изменить форму проведения олимпиады. В 1997 г. впервые олимпиада была

проведена в отделе истории НМРК и посвящалась 75-летию Республики Коми. Была предложена новая форма ее проведения, которая предусматривала тесное сотрудничество команды и учителя, которому принадлежит главная роль в подготовке и закреплении музейных впечатлений, и музейного педагога, который проводит экскурсию, лекцию по тематике олимпиады.

В январе 2000 г. на базе музея прошла уже четвертая олимпиада. И каждый год сотрудники НМРК придумывают и вводят новые вопросы и задания. В первой краеведческой олимпиаде приняли участие разные школы города. Проводилась олимпиада в два тура. На первый тур приходили команды в составе четырех человек, согласно жеребьевке. Ответы на задания, которые предлагала ведущая, должны были быть даны в трех формах: 1) поднятые карточки с правильными вариантами ответа из трех предлагавшихся; 2) ответ на скорость; 3) письменный ответ. Ответы сразу же передавались ассистентом жюри. Пока ведущая называла правильный ответ, жюри в это время оценивало выполнение задания. За полный и правильный ответ - 1 очко, за неполный полочка, за неправильный - 0. Далее следовал краткий комментарий жюри, позволявший участникам олимпиады увидеть все плюсы и минусы своих ответов. Это было одно из преимуществ олимпиады, проводимой НМРК, отличавшее ее от всех предыдущих олимпиад.

По итогам первого тура олимпиады (командам нужно было дать ответы на 15 вопросов) выявляются победители и определяются команды, которые будут участвовать в финальной игре.

Положением об олимпиаде, согласованным между Управлением образования г. Сыктывкара и НМРК, установлены три призовых места для участников, а остальные участники финальной игры становятся лауреатами олимпиады. Кроме того, все команды, принимавшие участие в финальной игре, были награждены Почетными грамотами Управления образования города и ценными подарками от НМРК, Минкультуры РК, Миннаца РК. Финальный тур был снят на ТВ и показан специальной передачей, шедшей в течение часа.

В дальнейшем структура проведения олимпиад постоянно дополнялась новыми конкурсами и заданиями. Так появились:

в 1998 г. - конкурс капитанов, введено такое задание как «заморочки из бочки»: капитан каждой команды сам выбирал задание-вопрос из старинного бочонка, а затем следовал устный рассказ, конкурс болельщиков. Болельщики принимали в олимпиаде до этого пассивное участие, но именно с этого года верным ответом на задаваемый вопрос ведущей могли принести одно дополнительное очко команде своей школы;

в 1999 г. участники олимпиады должны были дать ответы в трех формах, как это и было введено с 1997 г., но учителя-историки и сами организаторы олимпиады предлагали убрать одну из форм, а именно задание на скорость (на быстрое поднятие руки), т.к. считали задание спорным.

На последней олимпиаде (2000 г.) придумано новое задание, отличающее его от обычных заданий-вопросов. Участники олимпиады должны были по опорным словам, характеризующим одного из известных нам земляков, Героя Советского Союза, назвать его имя и составить устный рассказ о нем, используя данные на карточках. Например: река, улица, 1942 г., сведения... (Н.В. Оплеснин).

Опыт показал, что разная форма заданий, конкурсов вызывает интерес у участников, приносит на наш взгляд некоторую «изюминку», оживляет сам ход олимпиады. Во время ее проведения задействованы все: участники команд, жюри, болельщики, учителя-историки, следящие за ходом проведения олимпиады. Она позволяет выявлять лучший опыт преподавания предмета и распространять его. Также способствует более глубокому изучению истории, природы, культуры РК, что повышает качество знаний и умений учащихся, о чем свидетельствует высокий уровень ответов. Это может быть связано с тем, что есть учащиеся, которые участвуют в подобных олимпиадах уже 4 год. Это учащиеся Коми национальной гимназии и СШ № 26, которые, мы надеемся, открыли для себя множество интересных, доселе неизвестных им фактов и событий.

В музее с 1997 по 2000 г. проводились городские краеведческие олимпиады, темы которых были тесно связаны со знаменательными, юбилейными датами:

1997 г. - «75 лет Республике Коми»

1998 г. - «История Усть-Сысольска - Сыктывкара»

1999 г. - Литературно-краеведческая олимпиада, посвященная 160-летию со дня рождения И.А.Куратова и 110-летию со дня рождения В.А.Савина (жизнь и творчество поэтов)

2000 г. - «Коми АССР, город Сыктывкар в годы Великой Отечественной войны».

Тема олимпиады, которая будет проводиться в 2001 г., тоже связана со знаменательной датой - 80 лет Коми автономии, но научные сотрудники музея планируют подготовить новую форму проведения олимпиады по конкурсам и заданиям не менее насыщенной и интересной.

У КАЖДОГО МУЗЕЯ СВОЙ ПРАЗДНИК¹

Усатова Е. А.

Национальный музей Республики Коми

Второй по актуальности проблемой на Земле, после сохранения мира, является проблема охраны окружающей среды, экологической нормы, сбережения природных богатств для потомков.

Для того, чтобы успешно охранять наши леса и водоемы, землю и воздух от оскудения, а животный мир от исчезновения, надо знать природу, глубоко понимать ее законы и истинную ценность.

Понимание природы как неотъемлемой части самого человека, части самого себя, важно с детства.

4 октября прошел Всемирный день животных. Одним из важнейших документов уходящего года стал Национальный план действий по охране окружающей среды Российской Федерации за 1999-2000 год. В нем проведен анализ экологической ситуации в России, выявлены приоритетные направления, среди которых «угроза качественному и количественному разнообразию животного и растительного мира, прежде всего редким и исчезающим видам». Именно данный пункт документа сподвинул сотрудников отдела природы Национального музея Республики Коми на организацию праздника для детей дошкольного и младшего школьного возраста, в котором затрагивались бы основные экологические проблемы. К ним были отнесены: проблема техногенного разрушения мохового покрова тундры, исчезновения серого болотного журавля (*Grus grus L.*), лесных пожаров, антропогенного замусоривания природных территорий.

При создании праздника сотрудники руководствовались комплексной программой развития и воспитания детей средствами культуры «Мир вокруг нас», автор - Рыжова Н.А. Основопологающий принцип программы - принцип сотрудничества и единства требований, когда отношение к ребенку строится на доброжелательной и доверительной основе. Сотрудничество разворачивается на нескольких уровнях, в частности на уровне педагог - дети, когда занятия строятся как совместная деятельность.

Национальный музей Республики Коми накопил огромный потенциал для формирования у детей экологической грамотности. Это игры, игры-занятия на экологическую тематику для детей младшего школьного и старшего дошкольного возраста. Театрализованный экопраздник стал новой формой общения с детьми, формой, не апробированной ранее. И можно сказать, что праздник «Вот такой нестрашный лес» на базе экспозиции выставки «Коми ЭКСПО» стал выходом для реализации творческой энергии сотрудников отдела.

Сценарий был написан на одном дыхании. Подстегивала необходимость и востребованность подобного экологического праздника.

Начинался праздник с выхода актеров. Актеры не на сцене, они прямо перед детьми. Их можно потрогать, к ним можно прикоснуться. Веселый бесшабашный Заяц и мудрый, знающий Лесовичок. Причем Лесовичок подчеркнута одет в народный мужской костюм прошлого века, яркий плетеный пояс, паголенки. Березовый посох с зелеными листьями, на который опирается при ходьбе, шапка-конус, вся в березовых листьях. Костюмы, замечательный грим Зайца сразу вызывают смех. Первая ладная нотка найдена, первый контакт налажен, и далее весь праздник идет по восходящей гармоничной линии. Дальше перед детьми будут ставиться конкретные экологические проблемы.

Предлагается решить первую экологическую проблему: тяжелые вездеходы, проходя по тундре, оставляют на тонком моховом покрове незаживающий долгое время, уродливый след. Вездеходы кромсают тонкий, как бумага, моховый покров; тундра похожа на раненую птицу. Как ей помочь? Перед детьми стоит реальная проблема, требующая решения.

– Сделать тундру заповедной, запретить вездеходам ездить по тундре!

– А может, изменить саму машину? - опершись на посох, спрашивает Лесовичок. Вопрос тонет в буре фантазии детей.

– Кузнечикопрыг! Белколет! На пружинках, на иголках! Обезьяноход! Машина-невидимка!

Фантазия ребят беспредельна.

Дальше - Серый болотный журавль. Ставится вторая экологическая проблема. Журавль стал редким и поэтому спрятался от людей в Красную книгу. Оказывается, он боится людей, и даже силуэт человека его пугает, кроме того, он не переносит шума - даже покидает родное гнездо и больше никогда не возвращается. Проблема? Еще какая! Как надо вести себя там, где обитает Серый болотный журавль?

Ребята тихо, на цыпочках, проходят мимо журавля. Вот он какой - Журка-Журавушка...

А что видит журавль с высоты своего полета? Дети видят панораму одного из районов республики с высоты полета птицы. На ней поселок, дороги, леса, горящие леса.

– Вот они просторы наши бескрайние, леса наши безграничные. Лесов много, но вот беда - горят наши леса... – грустный Лесовичок тяжело вздыхает. – А кто виноват?

Вот вам, ребятки, третья проблема.

Ребята рассказывают Лесовичку о правильном поведении в лесу.
– ... А если собрались уходить, надо собрать мусор и потушить костер.

Лесовичок доволен.

А вот чей-то след, сначала одиночный, а потом расходится на три.
– Кто это прошел, ребята? - Заяц с испугом отпрыгивает в сторону, догадываясь о хозяине следа.

- Это волчий след. Волки идут след в след, чтобы обмануть охотника. - Среди детей обязательно найдется начитанный ребенок, знающий ответ на этот вопрос.

Теперь класс - волчья стая, под музыку идут след в след друг за другом, обманывают охотника.

Пока Лесовичок рассказывает об особенностях биологии волков около биогруппы «Волки», Заяц попадает в капкан. Дети идут ему на выручку, освобождают из капкана, перебинтовывают охающего горемыку. Рассказывают Зайцу о браконьерах - злых охотниках.

Лесовичок возмущенно водит посохом по куче мусора, разложенного на полу.

«...Что за шум в лесу моем,
Что случилось, не пойдем,
Кто здесь все переломал,
Разбросал и ободрал?»

Что решат ребята, какой найдут выход из ситуации?

Ребята сразу предлагают убрать мусор. Разбиваются на две команды - «Шустрые» и «Быстрые». Под ребячий восторженный гам за несколько минут убирается весь мусор.

А вот и Хозяин леса - Топтыгин Михаил Потапович. Он уже решил ложиться спать на зиму, и оставил ребятам телеграмму и подарки - веселые картинки-раскраски.

Результат праздника не заставил себя ждать, отзывы ребят педагог принесла на следующий день. Вот некоторые из них:

Нестерец Иван, школа №12, г. Сыктывкар:

«...Мне там очень понравилось. Мы увидели самых разных лесных животных Республики Коми. Мы там ходили по карте, увидели, как дерутся волки. А еще мы собирали мусор. Надо беречь природу: не оставлять мусор, тушить костры и не убивать ради забавы животных».

Гемпик Эдик, школа №12, г. Сыктывкар:

«Этот музей очень отличается от всех в городе. У каждого музея свой праздник. В этом музее хранятся стая волков, олени, журавль и медведь, и Красная книга. Спасибо!!!».

Со знанием дела написал Гемпик Эдик. А ведь на самом деле, у

каждого музея свой праздник, но каждый праздник, на любую тему, преследует одну, важнейшую, музейно-педагогическую цель: донести крупицы вечных ценностей до каждого ребенка и следить, чтобы взросшее дерево знания и доброты принесло плоды первой молодой мудрости.

***

1. Из отзыва ученика 3 класса школы №12 Гемпик Эдика, г. Сыктывкар

НЕНЕЦКИЙ ОКРУЖНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ - СОКРОВИЩНИЦА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Журавлева Т.Ю.

Ненецкий окружной краеведческий музей

Сегодня на территории Ненецкого округа работает 2 государственных музея. Один из них - Ненецкий окружной краеведческий музей, начавший свою работу в первые годы образования округа. Ненецкий округ был первым национальным территориальным образованием на северо-востоке нашей страны. Специальное решение ВЦИК об образовании округа было принято 15 июля 1929 г.

Создание музея в первые годы становления округа было делом нелегким и совершенно новым. Ведь не было музейных фондов, не было кадров, не было и опыта работы. Вопрос о постановке краеведческой работы впервые был поднят и серьезно обсуждался на заседании президиума окрисполкома в конце 1929 г. В постановлении, принятом по результатам заседания окрисполкома по этому вопросу, подчеркивалась, что «в условиях мало изученного Ненецкого округа краеведческая работа имеет особо важное, общественно-научное значение и практический интерес, давая необходимые сведения для управленческих и планирующих органов округа». Здесь же было отмечено, что «составной частью этой работы должна явиться организация местного музея, к которой необходимо приступить в ближайшее время. Основное содержание краеведческой работы определялось как изучение производительных ресурсов округа, природных богатств, языка и быта ненцев, содействие введению ненецкой письменности, изучение хозяйства и способов его ведения. Намечались и основные методы работы: использование материалов различных научных экспедиций, работающих в пределах округа, знакомство с библиографическими материалами, собирание сведений на местах силами местных работников и организаций.

В архиве окружного музея сохранился интересный документ одного из заседаний Ненецкого окружного бюро краеведения, где предлагалось организовать местные «ячейки» активистов-краеведов в Оксино, Виске, Пеше, Хоседа Харде. Тогда краеведческое бюро работало на общественных началах и входили в него ответственные работники отделов окрисполкома. Например, в феврале 1931 г. некий Михаил Бзыкин приехал в Великовисочное в служебную командировку по статистическим делам, в то же время он должен был «собрать древности для музея». Краеведческий аспект командировки Бзыкина был успешным: «Ему несли и луки-самострелы, троедулки самопалки, кремневые моржовки, головные уборы и прочие разные музейные принадлежности».

Поддерживали связь члены Окрбюро краеведения с Архангельском и Центральным Бюро краеведения. С Центральным Бюро краеведения был заключен договор о совместной деятельности. В архивах окружного музея также сохранилось письмо от В. Тонкова, директора северного краевого музея г. Архангельска, от 18 сентября 1932 г. в окружной отдел народного образования Выучейскому И.П., где он дает практические советы: просит тщательно фиксировать материалы, касающиеся работы с детьми-ненцами (их интерес к школе, к обучению, случаи побегов в родительский чум), об отношении родителей к обучению, случаи увоза детей из школ-интернатов, советует собирать ненецкие детские песни, басни, сказки, загадки, поговорки, игрушки, сделанные руками детей, тетради, школьные принадлежности. Большое внимание Тонков просит уделять и сбору предметов культа (божки, иконы, крестики), просит собирать материал о роли шамана в тундре, фиксировать старые традиции, обряды. Мы сегодня не знаем, ответили ли члены окрбюро краеведения Тонкову, но известно, что в 1936 г. он издал книгу «Ненецкие сказки» в Севкрайгизе, в которую могли войти материалы, собранные нашими краеведами и предоставленные автору. Также имеется небольшая тетрабочка, датируемая 1936 годом, - это инструкция об организации краеведческой работы в школах, подписанная Капачинским, председателем окрплана и председателем окрбюро краеведения. Фамилия Капачинского в подобных бумагах позднее тщательно вымарывалась, так как в конце 30-х годов он был репрессирован.

К трехлетнему юбилею создания Ненецкого округа, несмотря на специальное решение окрисполкома, экспозиция музея не была готова. Но организаторы все же смогли оформить Первую Ненецкую окружную выставку по истории края, продолжившую (после закрытия выставки) формирование музейных фондов, начатое окружным бюро краеведения.

Эта выставка действовала очень короткое время - всего с 15 по 23 января 1933 г., но имела большой успех, и посетило ее около 5 тысяч человек.

Что же представляла собой выставка? Выставка имела несколько разделов: культурно-оленоводческий, рыболовство и охота, транспорта и промышленности, и в ней приняли участие 17 организаций и учреждений поселка Нарьян-Мар. Главным экспонатом выставки был показательный чум Интегралсоюза, установленный прямо на ярмарочной площади. Ненцы, заходившие в чум, с большим любопытством разглядывали железную печь, этажерку, шкафчики и другие предметы нового жилища. Подводя итоги работы выставки, Плетцов - один из организаторов выставки - отмечал, что выставка «дала могучий толчок к дальнейшему изучению и освоению естественных природных богатств округа, к развитию его производительных сил. Молодое краеведческое движение нашего округа получило новую зарядку».

Эта выставка помогла активизировать работу по созданию музея. Но не был решен вопрос с помещением. Еще в 1931 г. Г. Вербов просил предоставить для музея «...помещения в Тельвисочном доме ОИКа, ранее занимаемые нарсудом и милицией, в настоящее время свободные, впредь до окончания постройки Дома ненца». Что же это за «Дом ненца» и почему первоначально просили здание в Тельвиске?

Напомним, что тогда центром Ненецкого округа было село Тельвисочное, а только затем - поселок Нарьян-Мар, преобразованный в 1935 г. в город Нарьян-Мар. А находился музей в нижнем этаже двухэтажного деревянного дома, предназначенного для учреждений культмассового характера. Освещался музей керосиновыми лампами.

Это здание строилось и называлось до 1940 г. «Домом ненца» и стояло на Красной площади. Именно к тому месту тяготел в тридцатых годах центр города, там находилась и трибуна с деревянными башенками, отдаленно напоминавшими кремлевские. Именно там проходили городские демонстрации, митинги и прочие общественные мероприятия, о чем говорят разнообразные объявления-приглашения в газете «Нярьяна - Вындер» тридцатых годов. Из-за отсутствия у музея собственного помещения экспонаты с выставки 1933 г. кочевали по разным случайным местам. В конце они были свалены в «досчатый сарайчик стройконторы», где находились «не упакованными под снегом и дождем, проникавшим под крышу, лежа вместе с разным хламом, вроде железного лома и бочек».

При таком отношении к музейным собраниям оказалось, что часть экспонатов была утеряна. Среди них были «лук с футляром, оловянный чайник, чумовая утварь». Все эти утраты были обнаружены в ре-

зультате ревизии 22 марта 1934 г., произведенной на основании решения Крайно комиссии в составе Б.К. Ландера - краеведа, сотрудника Комитета Севера, вновь назначенной исполняющей обязанности заведующей музея Молодцовой и председателя окроно Федотова.

И вполне вероятно, что интереснейшие документы, имеющиеся у нас в фондах, - это маленькая толика огромного, некогда богатого Пустозерского архива, который частично был уничтожен при разрушении церкви, частично вывезен в Архангельск, частично еще какое-то время хранился на складе то ли окроно, то ли отдела культуры.

Фактически, со времени вступления в должность и.о. заведующей Марии Ивановны Молодцовой начинается музей и работа музея по систематизации коллекций.

6 сентября 1934 г. считается датой открытия краеведческого музея. С открытием выставки овощных культур музей начал прием посетителей.

На выставке пригородного хозяйства поселка Нарьян-Мара были представлены образцы продукции огороднического кооператива «Полярный», овощного хозяйства порта, горпо, школьного огорода совхозуча. К 7 ноября 1934 г. был составлен план выставки по хозяйственному и культурному строительству округа, в которой своими экспонатами приняли участие интегралсоюз, союзпушнина, госрыбтрест и другие предприятия поселка.

В 1935 г. торжественно праздновалось пятилетие Ненецкого округа. К этому событию была приурочена выставка достижений округа по ведущим отраслям хозяйства и культурному строительству. Экспонаты выставки вновь пополнили музейное собрание. Поступили чучела оленей, предметы шаманского культа.

В Окружном архиве имеются сведения и о получении окружным музеем геологической коллекции полезных ископаемых, фото и карт от Вайгачского управления Севморпути.

С 1937 по 1941 г. руководил работой музея Попов Иван Петрович (в 1936 г. он работал в горсовете и был членом окрбюро краеведения). Именно в этот период им в разные уголки округа были направлены письма-инструкции по сбору предметов старины, в которых так нуждался музей. Попов просил своих корреспондентов сообщать о так называемых «громовых стрелах» - кремниевых наконечниках, каменных топорах. Он пишет в Сулу Коткину Семену Васильевичу, в Пешу - Карпову Николаю Степановичу, обращается в Пешский отдел милиции к Таратину: «...по сведениям, у Вас находятся ненецкие сядеи - божки, взятые вами от детей. Эти вещи ценны для музея...» и просит присылать эти предметы в музей.

Но, видимо, с организацией музея и некой стабилизацией работы музея, окружное бюро краеведения снизило свою активность, а мо-

жет и распалось с арестом Капачинского и убийством И.П. Выучейского, и все обязанности по краеведческой работе были возложены на музей и его директора.

В конце тридцатых годов со стороны дирекции музея был проявлен особый интерес к истории Пустозерска.

В свое время в архиве окружного музея известный в округе краевед Тунгусов А.А. обнаружил Записку директора музея Попова И.П. заведующему окроно, датированную 1940 г., в которой говорилось: «Окружным музеем выявлены и взяты на учет:

1. Иконостас Пустозерской церкви мастеров Соловецкого монастыря, замечательной резьбы по дереву с позолотой. Хранится в двух местах - в складе окроно и Пустозерской школе.

2. Крепостные стены, состоящие из остатков деревянных башен бывшего Пустозерского острога, имеющие до 300 лет, расположенные по берегу Пустозерского озера. Их уничтожает весенним разливом и пользуют местные жители на дрова.

3. Остатки древней виселицы Пустозерского острога, срубленной на дрова местными жителями».

Далее же директор музея просит произвести в III квартале 1941 г. раскопки Пустозерского городища, добыть и доставить в Нарьян-Мар одну из башен крепости, остатки виселицы и запретить уничтожать остатки вымываемой крепости местному населению.

Годом ранее Поповым И.П. было отобрано из архива Пустозерской церкви и подготовлено к отправке в музей 7 ящиков церковных периодических изданий. Возможно, часть архива Пустозерской церкви была отправлена в Архангельский областной архив, в тот момент Попову И.П. не разрешили руководители архива выбрать для музея нужные документы, в частности документы об исправлении самоедской азбуки начала XIX века.

Были и в шестидесятых годах специалисты реставрационных мастерских г. Архангельска, которые под девизом, что у нас лучше сохранится? вывезли редчайший экспонат - берестяную книгу. Но, несмотря ни на что, музей работал, сотрудники продолжали собирать предметы музейного значения, проводя просветительскую работу.

Что же из себя представляет сегодня Окружной краеведческий музей? Он по-прежнему не имеет своей крыши над головой, хотя фонды окружного музея достигают 15 тыс. единиц хранения, собранные за 60 с лишним лет преданными краеведами округа, сотрудниками музея, переданные на хранение почтенными горожанами. Большое количество предметов музейного значения привезено из сельской местности. Сотрудники окружного музея даже при официальном закрытии продолжали работать и провели сотни экскурсий. Коллекции му-

зая состоят сегодня из произведений живописи, графики, изделий прикладного искусства, нумизматики, археологических, этнографических предметов, имеется коллекция документов и фотографий.

Коллекция живописи насчитывает 135 произведений - это картины известных архангельских художников Свешникова Дмитрия Константиновича, ненецких художников Тыко Вылки, Прокопия Андреевича Явтысого, Майи Афанасьевны Ледковой, члена Союза художников СССР, единственной профессиональной ненецкой художницы Нины Васильевны Валейской. Коллекция графики - 237 произведений. Это линогравюры Яворика Юрия Владимировича, Рябоконея, известных киевских художников Ады Рыбачук и Владимира Мельниченко, которые в преддверии написания дипломной работы зимовали на острове Колгуев.

Предметы нумизматики включают 625 единиц хранения. Это коллекция орденов и медалей, полная коллекция значков праздника «Северное сияние», монеты, есть даже монеты начала 18 века, и сформирована коллекция монет, используемых в недалеком прошлом - 1, 2, 3 копейки и т.д.

Наиболее значимая, но и наиболее «капризная» в отношении температурно-влажностного режима - это богатейшая коллекция ненецкой меховой зимней и летней одежды, обуви, головных уборов. В течение длительного времени сотрудники музея постарались скомплектовать традиционную одежду как канино-тиманских, так и большеземельских, малоземельских ненцев. И на нашей коллекции можно проследить все различия и особенности элементов ненецких нарядов. К этнографической коллекции относятся и костюмы жителей города 30-40 годов, коми костюмы, платки-шали, костюм геолога совместной русско-американской фирмы «Полярное сияние» и др.

Около 5 тысяч единиц хранения насчитывает фото - документальный фонд, в котором имеются интереснейшие контракты с Чердынскими купцами (конец XIX века), справки о сборе ясака с пустозерских самоедов, документы современных партийных и комсомольских съездов. Имеется в музее небольшая коллекция икон, рукописных и старопечатных книг.

После переезда из аварийного, продуваемого со всех сторон здания по улице Тыко Вылки мы, в первую очередь, в складских помещениях универмага постарались систематизировать свои фонды и организовать сверку. Но достичь необходимого для экспонатов температурного режима остается для нас пока заоблачной мечтой. Система вентиляции не работает. Крайне необходимы мощные пылесосы, пылепоглотители, погибает без морозильной специализированной камеры для меховой коллекции. До сих пор не смонтирована система

радиоохраны музейных помещений. При внешнем благополучии сегодня у сокровищницы культурных ценностей округа огромное количество нерешенных проблем.

Какие же были предприняты действия, чтобы в городе появился достойный этого города и округа музей? Несколько лет назад нами были предприняты попытки сотрудничества с проектной организацией «Гипротейтр» г. Москвы по проектированию здания музея. Руководителем группы Яковенко на основании наших данных были сделаны расчеты по необходимым площадям для фондов музея с перспективой на будущее пополнение. Следующим этапом совместной деятельности планировался приезд специалистов в музей. Но в тот момент окрисполком не счел нужным финансировать эту поездку. Так благие намерения Гипротейтра остались в нескольких листках отчетов. Позднее мы продолжали поднимать эти вопросы перед руководством окрисполкома, на страницах газеты, перед общественностью города и округа. В это время во многих северных регионах стали планироваться и появляться в целях улучшения межрегиональных отношений и сохранения развития культур малочисленных народов Севера так называемые этнокультурные центры. И мы на коллегии Управления культуры стали муссировать этот вопрос, что если у нас не идет строительство музея, то, может быть, сдвинется что-нибудь, если объединить и попробовать продумать совместную работу этнического центра на базе богатейших этнографических коллекций музея. Эта идея получила поддержку и вошла в программу «Баренцрегиона» на 1994 г., на изучение необходимости строительства подобного центра предполагалось выделить 300 тысяч норвежских крон. С 1995 г. начались поездки иностранных специалистов с целью знакомства с деятельностью музея, этнокультурного центра. Мне администрация подарила поездку в Норвегию с целью знакомства с работой их музеев, где я поняла, что наш музей по содержанию и фондовым коллекциям гораздо богаче, чем 3 норвежских музея вместе взятых. В 1996 г., после изучения наших потребностей, за проектирование центра в Нарьян-Маре взялся норвежец Einar Krog Grimsgaard и сделал первые прорисовки будущего музея. Но одни иностранцы с нашими российскими стандартами справиться не могут, да и не имеют права, поэтому для консультаций пригласили московских специалистов лаборатории музейного проектирования Никишина Николая Алексеевича и Иванова Игоря Леонидовича. Сейчас строительство этнокультурного центра вошло в Федеральную программу развития культуры. Мы надеемся на достойное внимание к культуре округа в целом и проблемам Окружного музея в частности.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ В ФОНДАХ НЕНЕЦКОГО ОКРУЖНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Белова Т.Ю.

Ненецкий окружной краеведческий музей

Памятники письменности - наиболее важная группа исторических источников, так как они выступают в качестве носителей общественной памяти, являясь средоточием информации об историческом прошлом человечества, отражением реальных явлений общественной жизни.

Письменные источники XIX - начала XX века в нашем музее составляют документы делопроизводства приходов церквей нижней Печоры.

В 1962 г. А.А. Тунгусовым на чердаке служебного здания был обнаружен архив Пустозерской церкви. По-видимому, документы, хранящиеся в фондах музея, являются частью этого архива.

Все письменные источники разделяются на документальные комплексы. Среди них документы: Указы Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Архангельской Духовной Консисто-рии и предписания Архангельской Духовной Консисто-рии, ведомости и летописи о церквях, рапорты Благочинному священнику и полицей-скому уряднику, деловая переписка священников и уездного началь-ника с причтами церквей, объявления Архангельского окружного суда и определения Московской судебной палаты по Второму Гражданс-кому Департаменту, протоколы заседаний сельских обществ и сходов крестьян, условия сделок, контракты, записи обысков желающих всту-пить в брак, смета на постройку церкви в Пустозерске, а также схемы угодий причтов церквей и письма благочинным священникам.

Наибольшее количество документов делопроизводства относится к Тельвисочному и Оксинскому приходам. В основном это докумен-ты, касающиеся нарушений рыбной ловли и содержания оленьих стад.

Из документа за 1878 год следует, что Тельвисочной церкви при-надлежало 325 голов оленей, Колвинской церкви 1363 головы. День-ги от продажи оленей шли на содержание церкви, олени использова-лись священниками при разъездах по кочевьям самоедов. Архангель-ская Духовная Консисто-рия, в которую поступали отчеты о содержа-нии оленьих стад при церквях, в своем Указе от 30 ноября 1878 г. сде-лала заключение, «...что оленеводство не приносит пользы самоедс-ким церквям и полагает продать церковные стада с торгов во всех церквях и рекомендует соблюдать условия:

Тельвисочные - Пустозерам, Малоземельские в Мезени - поморам и мезенцам, Колвинские - ижемцам». В документе за 1883 г. Тельви-

сочная церковь продала 255 голов оленей, а вырученные деньги хотела обратить в процентные бумаги Государственного банка, но по резолюции Его Преосвященства деньги были переданы в Консисторию Епархиального свечного завода.

Несмотря на Указы Консистории, при церквях оставались небольшие стада оленей, об этом говорят сохранившиеся условия сделок. Церковные стада оленей Пустозерской волости выпасались в основном самоедами Большеземельской тундры, так, в 1912 и 1913 годах попечительство Тельвисочной церкви заключило условие с Андреем Ивановым Ледковым на пастьбу 82 оленей.

На сенокосные угодья, принадлежащие причтам церквей, священниками составлялись планы для предоставления в Архангельскую Духовную Консисторию и в 3-е Печорское Благочиние - сохранились планы, составленные за 1900 год сенокосных угодий причта Тельвисочной церкви. Её пожни находились напротив деревни Екушинской и сдавались в аренду каждое лето крестьянам, а также рабочим лесозавода «Стелла Поляре». В условиях сделок оговаривалась сохранность сена, его провоз и плата за все услуги.

Интересный документ относится к 1900 г. В этот период времени на берегу реки Печоры работал лесозавод, принадлежащий Шведской лесопромышленной компании А. Лидбека. Компания использовала озеро Качгарт как гавань для хранения лесов. Озеро использовалось для рыбной ловли крестьянами села Тельвисочное, деревней Екушинской и Макаровской, приносило значительную материальную поддержку. В документе говорится, что крестьяне на приходском сходе вынесли приговор этой компании, чтобы она ежегодно выплачивала убытки по 100 рублей в год, так как огромная часть озера засоряется корою и прочим хламом от плотов. Деньги шли на ремонт причтового дома.

Принадлежащие церквям рыбные озера ежегодно сдавались с торгов в аренду на условиях пользования ими исключительно арендаторами.

Сохранилось много документов о нарушениях условий сделок. Так, господину уряднику на завод «Стелла Поляре» 10 апреля 1915 г. отправлен документ из Тельвисочного прихода о том, чтобы он объявил заводским жителям под расписку о воспрещении ловли рыбы и стрельбы уток, так как будет установлен надзор, и пойманные промышленники будут преданы суду.

Интересные документы на пользование озерами сохранились в архиве Оксинской церкви. Это деловая переписка о решении вопроса на владение озером Матервисочным между крестьянами села Оксино и села Великовисочное на протяжении 23 лет, с 1890 по 1913 гг. По документам это озеро принадлежало Николаевской церкви с. Оксино и сдавалось в аренду. Крестьяне села Великовисочное пользовались

этим озером для рыбной ловли, потому что оно находилось в 12 верстах от их селения, гораздо ближе, чем от села Оксино. И жители селения Великовисочное считали, что крестьяне Оксино не имеют законных прав на владение озером.

Спор между крестьянами разбирался не только Печорским уездным исправником, Архангельской Духовной Консistorией, выборными крестьянами Пустозерского и Куйского общества, но и в Архангельском окружном суде и в Московской Судебной палате по 2-му Гражданскому Департаменту.

В документе за 1902 год пишется: «Судебная палата постановила: частную жалобу уполномоченного крестьян Печорского уезда селения Оксино Капитона Петрова Михеева оставить без последствий», так как в исковом прошении не была означена цена иска.

Для разрешения этого спора в 1905 г. в Волостном правлении крестьяне двух сельских обществ постановили передать озеро Пустозерской волости: «...Озеро с вискою изъять из самовольного владения крестьян с. Великовисочное в пользу волости, с образованием из этого угодья порочной волостной статьи. Каковую и сдавать в аренду одновременно с прочими оброчными статьями, состоящими из красно-рыбных угодий».

Но, как видно из документов, этот спор не был решен и в 1913 г., так как причт Оксинской церкви обращался к административным и судебным властям с просьбой помочь возвратить озеро законным владельцам.

В фондах имеются документы о поощрениях и наказаниях священнослужителей по 3-му Печорскому Благодичию, к которому относились в XIX веке приходы Пустозерской волости. Так, в 1916 г. священнику Тельвисочного прихода Геннадию Ивановичу Юрьеву была выдана грамота Архипастырского благословения «за выдающуюся пастырскую ревность в деле просвещения самоедов светлого христового учения». Ему же, как члену отдела Всероссийского союза трезвенников, от Печорского отдела была объявлена благодарность за «труды святыя в деле трезвости христианской в приходе Колгуевском и среди рабочих «Стелла Поляре».

Архангельской Консistorией в 1900 г. разбиралось следственное дело по обвинению псаломщика Тельвисочного прихода Петра Андрианова в употреблении спиртных напитков. Консistorия назначила наказание с взысканием денег на судебные издержки и назначении 300 поклонов в воскресный день посреди храма.

Особенно строгие наказания существовали в XIX веке за торговлю спиртными напитками. Священники наказывались вплоть до лишения священного сана. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Архангельской Духовной Консistorии и д. Благодичного III Печорского благочиния священнику Николаю По-

пову свидетельствует, что 22 сентября 1898 г. «священнику Тельвисочного прихода Дмитрию Кошеву запретили в священно служении» из-за торговли вином в становище Хабарове на Югорском Шаре.

В переписке с благочинными священниками имеются документы и о причте Югорского Шара. Так, священник Югорской церкви Платон Кулаков в 1889 г. просит разрешения жить в зимнее время в Великовисочном приходе, потому что крестьяне Пустозерской волости и самоеды в это время года на Югорском Шаре не проживают.

Любопытный документ относится к 1882 г. В нем содержатся сведения на священников церковных приходов. Отдельные священники в Печорских приходах занимались миссионерской деятельностью. Азарий Фирсов, настоятель Колвинского прихода, получил Архипастырскую благодарность по обращению самоедов в православную веру, а также был награжден золотыми часами от Великобританского правительства за участие в 1869 г. в спасении части экипажа корабля «Елизавета», потерпевшего крушение в устье реки Печоры, а в 1876 г. награжден набедренником за полезное служение Святой церкви.

Документы по Куйскому приходу включают записи «обысков желающих вступить в брак» за 1853-1855 гг. и ведомости «о людях православного исповедания бывших и не бывших у исповеди и святом причастии» за 1890 год и 1892 год». Из ведомостей мы узнаем, что в приходе находятся 1 церковь, 125 дворов, и в число среди прихожан входят: крестьяне, самоеды, купцы, мещане, военные, священнослужители и раскольники.

Первая церковь на нижней Печоре, вероятно, появилась в XVI веке, после основания Пустозерского острога. С середины XIX века во всех крупных селениях уже имелись церкви, при них – школы и библиотеки. В фондах музея хранятся книги из церковных библиотек. Библиотеки формировались как для обучения детей, так и для прихожан, и священнослужителями велся строгий учет книг. В документе от 26 мая 1908 г. причту Тельвисочного прихода от Благочинного Священника И. Попова дается распоряжение отцу Петру Боголепову принять школу с имуществом и библиотекой, так как учительница растратила несколько книг и «...продолжает раздавать книги по просьбе разным лицам без всяких записей».

Из всего комплекса документов выделяется «Отчет 3-его Печорского Благочиния за 1911 год». В нем содержатся сведения обо всех приходах Пустозерской волости: в каких населенных пунктах имеются церкви, годы их основания, на какие средства они были построены, сколько земли находится при церквях, какие церкви приписаны к ним, какие школы имеются при церквях. Отчет также содержит послужные списки, ведомости о приходах и расходах денежных средств по причтам за указанный год.

Документы, хранящиеся в фондах музея, могут быть интересны исследователям, краеведам, специалистам по истории материальной культуры русского населения, церкви, образования и всем, кто интересуется историей Печорского края.

Отчеты 3-го Печорского Благочиния Архангельской Епархии за 1911 год

№ п/п	Местонахождение и название церкви	Год осн.	Земли при церкви	Приписаны церкви	Школы при приходах	Примечания
1	с. Великовисочное (Николаевская) во имя святителя Николая Чудотворца	1873 г.	нет	нет	Министерства Нар. Пр. с 1868г.	Построена тщением крестьянина Николая Петровича Дитятева
2	с. Пустозерск (Преображенская) 1. Преображения Господня 2. Введения Пресвятой Богородицы 3. Святителей Афанасия и Кирилла Патриархов Александрийских	1837 г. 1853 г. 1842 г.	98 дес. во владении причта	часовня в Югорском Шаре	Сельс. училище Мин. Н. Пр. с 1908 г. в собственном доме	Построена на церковные средства и частично прихожанами
3	с. Куя (Георгиевская) Св. Великомученика Победоносца Георгия	1850 г.	49 дес. 1200 кв. саж. владения причта	Андегская Троицкая в селе Андег	церковно-приходская одноклассная школа	построена тщением прихожан
4	с. Тельвисочное Богоявления Господня	1859-1862гг. 1847 г.	27 дес. 794 кв. саж. владения причта	Спасская на острове Колгуев, Николаевская на Югорском Шаре	церковно-приходская одноклассная школа в 1897 г. здание для школы в 1899г. пожертвовано чердыкинским купцом Иваном Агафоновым Сусловым	построена на отпущенные средства св. Синода
5	с. Оскино во имя Святителя Николая Чудотворца		34 дес. 508 кв. саж. владения причта	нет	церковно-приходская школа	построена тщением прихожан, входивших ранее в состав Пустозерского прихода

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ИНТИНСКОГО РАЙОНА И РОЛЬ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ИХ ПЛАНОМЕРНОМ РЕШЕ- НИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И В ПЕРСПЕКТИВЕ

Селезнева О. М.

Интинский городской краеведческий музей

Археология - специальная наука, занимающаяся изучением древних обществ. Объектом изучения и исследования археологии является вся совокупность ископаемого материала. Большинство исследователей рассматривают археологические объекты как материальные носители информации о прошлом, то есть объект выступает как исторический источник.

В настоящее время археология, как и любая другая наука, сталкивается с рядом проблем. Причем чем уже рассматривается регион, тем шире становится круг проблем.

Интинский район в общей археологической картине Республики Коми выступает, с одной стороны, как один из интереснейших, с другой - как один из слабоизученных регионов. На этой стадии и появляется целый ряд проблем в археологической изученности района. Так, например, до сих пор нет ни одной опубликованной обобщающей работы, которая позволила бы правильно оценить степень изученности памятников, перспективы дальнейших археологических исследований данного региона. Практически все памятники, а их на сегодняшний день насчитывается около 20, примыкают к бассейну р. Усы. Однако даже при их непосредственной близости степень археологической изученности отдельных территорий этого бассейна остается крайне неравномерной. Относительно большое число открытых памятников не повлияло на степень их изученности, а тот материал, который был получен в ходе разведок и стационарных исследований, оказался практически невостребованным в научной практике. Хорошо изученным оказался лишь яг-ельский микрорайон (термин достаточно условный), где обнаружено и полностью раскопано единственное исследованное поселение эпохи бронзы - Яг-Ель. Материал этого поселения, хранящийся в фондах Интинского краеведческого музея, обширен, информативен, поэтому к нему проявляется повышенный интерес со стороны исследователей-археологов. Но при нынешнем положении науки далеко не каждый археолог, исследующий эпоху бронзы лесной полосы Республики Коми, может свободно приехать в

музей г. Инты, чтобы поработать с интересующим его фондовым археологическим материалом.

В свое время археолог Сергей Юрьевич Васильев, работавший в Интинском краеведческом музее в начале 80-х годов, обобщил в своем дипломном сочинении весь материал о поселении Яг-Ель. Диплом С.Ю. Васильева является довольно значимой исследовательской работой, но он так и не был опубликован.

Кроме яг-ельского, вторым относительно хорошо исследованным микрорайоном можно считать адакский (близ деревни Адак, Интинский район). Здесь зафиксированы и изучены многочисленные поселения и стоянки эпохи мезолита - раннего железного века и средневековья. На остальной территории, хотя и были произведены исследования, однако полностью раскопанных памятников нет, а следовательно, можно говорить лишь о предварительном характере анализа материала с них - он представляет вид предварительной схемы. Но даже полученный материал лишь частично введен в научный оборот и отражен в серии статей.

К сожалению, на сегодняшний день археологические исследования уже известных памятников, а также разведочные работы по поиску новых практически прекращены.

На современном этапе в Интинском краеведческом музее проделана большая работа по приведению в порядок археологических материалов, не обработанных с 1985 г. Таким образом, большинство несистематизированных и неатрибутированных материалов были научно обработаны и занесены в созданный каталог археологических коллекций Интинского краеведческого музея. Эта работа получила положительную оценку на стадии рецензирования в секторе археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии наук (рецензент - старший научный сотрудник сектора археологии, кандидат исторических наук Васкул И.О.). В настоящее время археологическая коллекция Интинского музея практически полностью каталогизирована. Это значительно облегчает работу с археологическим инвентарем, т. к. информация о нем сведена в один каталог.

Кроме того, приведя в порядок фондовую археологическую коллекцию, музей получил широкие возможности ее популяризации. В данное время ведется работа по созданию передвижной выставки «Поиск венчают находки», в основе которой лежит небольшая часть археологической коллекции. Практически закончена подготовка научной документации новой экспозиции «Верхнеусинский край: заселение и традиционная культура», первый раздел которой посвящен древнейшей истории Верхнеусинского края.

Таким образом, проблемы музея в плане археологии постепенно разрешаются, однако, к сожалению, лишь теоретически, путем научной обработки и популяризации.

В перспективе Интинский краеведческий музей планирует поучаствовать в раскопках на территории района совместно с учреждениями, имеющими право на ведение археологических работ. Это значительно расширило бы диапазон исследований в свете новейших открытий. Самым перспективным для разведки и исследования является район, где расположено поселение эпохи бронзы - Адзьва 2, открытое еще в 1970 г., но до сих пор малоизученное. В заключение хочется отметить, что широкие перспективы и возможности перед Интинским краеведческим музеем открываются благодаря энтузиазму научных сотрудников, а также тесным взаимоотношениям с сектором археологии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ КОМИ КРАЯ В КОНЦЕ XV - 70-Х ГОДАХ XVI ВЕКА

*Жеребцов И.Л.
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН*

Вопросы истории административно-территориального деления Коми края рассматривались в работах М.М. Богословского (Богословский, 1902, 1909), Н.П. Воскобойниковой (Воскобойникова, 1970, 1974), М.А. Мацука (Мацук, 1993), П.П. Котова (Котов, 1996), автора данной статьи (Жеребцов И.Л., 1993) и некоторых других исследователей, но более обстоятельно изучен лишь период начиная с 80-х гг. XVI в. В настоящей работе рассматривается формирование административно-территориальных единиц в Коми крае со времени его окончательного вхождения в Московское государство до 1570-х гг.

В 1481 г. на большей части Коми края дьяком Иваном Гавриловым было проведено описание земель и населения. Оно стало законодательным актом, окончательно закрепившим вхождение Коми края в Русское государство (Жеребцов Л.Н., 1982, с.45-53). Описание зафиксировало, что коми (пермяне) жили в то время на Вычегде (их селения начинались чуть выше устья Виляди и тянулись почти до устья Сысолы; самые низовья Вычегды к этому времени были уже обжиты русскими, русские жили и в Усть-Выми), Сысоле, Выми, Вишере, Вашке, Лузе, Виляди, Пинеге и верхней Каме. Описание 1481 г. охватило не все эти районы, но основную их часть - Вычегду, Вымь, Вишеру, Удору, Сысолу и верхнюю Каму. Указанный регион представлял определенную территориальную и административную общность, в от-

личие от юго-западной (Луза, Виледь) и северо-западной (Пинега, Немьюга) частей края, принадлежавших к иным территориальным объединениям и не попавшим в указанное описание (Жеребцов Л.Н., 1982, с.45-53; ИФС, с. 243-247).

В источниках того времени данная административно-территориальная общность именовалась Пермью Вычегодской (ИФС, с. 243). Начало формирования этой земли следует отнести к 1451 г., т.е. ко времени назначения сюда наместников великого князя. Именно тогда начинается оформляться административное единство этой территории; завершился этот процесс с проведением описания 1481 г., которое дало возможность центральным властям составить более точное представление о данной территории, расселении жителей и возможностях образования административно-территориальных округов. Пермь Вычегодскую можно рассматривать не только как административно-территориальное (подобно соседним Двинской и Устюжской землям), но в определенной степени и этническое образование, поскольку она представляла основную часть этнической территории коми. В Пермь Вычегодскую не вошли ближайšie к районам наиболее активной славяно-русской колонизации западные территории, населенные коми (Прилузье и другие, упомянутые выше), раньше других попавшие в сферу влияния складывавшихся Двинской и Устюжской земель.

Этническая специфика сказалась и на сложении территориально-административных округов внутри Перми Вычегодской. В это время у коми завершался распад родового строя (Жеребцов Л.Н., 1982, с. 53). Каждый из районов проживания территориально-племенных групп коми (предшествовавших территориально-соседским общинам, объединявшим людей уже не по кровно-родственному признаку) - пермян удорских, вымских, нижневычегодских, сысольских зырян (сырьян) и ужгинских сирян составил отдельный округ: Вычегодскую, Сысольскую, Удорскую, Вымскую (включавшую и Вишеру) земли и Ужгинскую волость (в нее входили верхняя Сысола и верхняя Кама) (Жеребцов Л.Н., 1982, с. 34-45; Лашук, 1970, с. 109-138; ИФС, с. 243-247). То же самое следует сказать и относительно территорий расселения пермян вилегодских, лузских, пинежских, оказавшихся вне административных границ Перми Вычегодской. Лишь один округ был образован не на территориально-племенной основе - Усть-Вымская вотчина епископов Пермских, или Владычная волость. В научной литературе для обозначения этих округов употребляется термин «земля-волость», подчеркивающий, в частности, их промежуточное положение между землей Пермью Вычегодской и небольшими волостями, на которые делилась (или стала делиться впоследствии) почти каждая из названных земель-волостей (Лашук, 1970, с. 86-109).

К Вычегодской земле-волости относилась территория по р. Вычегде от устья р. Нижней Лупьи (несколько выше устья Виледи) примерно до устья р. Пожег в среднем течении Вычегды. Чересполосно с ней располагалась Владычная волость, включавшая в себя Усть-Вымское городище и погост Оквад на средней Вычегде, д. Ыб в низовье Выми, погост Вожем и несколько деревень близ Яренска на нижней Вычегде. В составе Вымской земли-волости находилась территория по р. Вымь (с верховьев до д. Ыб), р. Ухта и р. Вишера, в составе Сысольской земли-волости - территория по средней и нижней Сыsole и по Вычегде от рубежа Вычегодской земли до устья Локчима и по Локчиму. Верховья Сысолы и Камы составляли Ужгинскую землю-волость. Границами между Ужгой и Сысольской землей-волостью служили притоки Сысолы Тыбью и Лопью, а между Ужгой и Чердынью - приток Камы Порыш. Удорская земля-волость включала в себя всю Вашку, верхнюю и среднюю Мезень (до устья Вашки). О внутреннем делении земель-волостей во II половине XV в. сведений почти нет. Известно лишь, что Усть-Вымская вотчина состояла из трех округов: Усть-Вымского городища с соседними деревнями, в т.ч. и с д. Ыб; погоста Аквада (Оквад) с деревнями и погоста Вожема с деревнями (ИФС, с. 243-247, 248-252). Учитывая, что во Владычной волости то же внутреннее деление сохранялось и в XVII в., можно предположить, что и в остальных землях-волостях Перми Вычегодской во II половине XV в. внутреннее деление было сходным с существовавшим в конце XVI - начале XVII вв.

Лузская Пермца и Вилегодская Пермца относились к Устюжской земле (ИФС, с.246). Территории большинства новых административно-территориальных образований конца XV-XVI вв. на севере Руси складывались из прежних феодальных владений, а юго-запад Коми края раньше других его частей попал под контроль русских (ростово-суздальских, затем московских) князей, что произошло, вероятно, еще в XIII-XIV вв., вслед за основанием Устюга (Доронин, л. 76-77; Давыдов, 1977, с. 21-26; Жеребцов Л.Н. 1982, с. 49-50). Жалованная кормленная грамота Василия III 1425 г. сообщает о существовании волости Лузы, пожалованной в кормление И.Г. Раслу Протасьеву и его сыну. Какую территорию охватывала эта волость, в источнике не сказано (акты..., 1964, с. 299). Возможно, что волость Луза располагалась на землях коми в верховьях р. Лузы, где впоследствии существовала вол. Лузская Пермца, и являлась ее «предшественницей». Другой источник сообщает о том, что волость Луза существовала еще в середине XVI в. и также была отдана в кормление (История Коми АССР, 1981, с. 37; Очерки по истории Коми АССР, 1955, с. 93). Однако не исключено, что волость Луза располагалась на иной территории - в низовьях р. Лузы, поскольку верховья Лузы по крайней мере с конца XV в.

входили в состав административно-территориального округа Лузская Пермца - об этом информирует жалованная грамота 1485 г. Границы Лузской Пермцы в грамоте не указаны, и какая часть р. Лузы входила в нее, не известно; отмечено лишь, что угодья лузских пермян располагались также на реках Вятского бассейна Летке, Кобре и Моломе (Акты..., 1964, с. 311).

Крайняя северо-западная часть Коми края - по Пинеге и Немьюге - относилась к Двинской земле. На Пинеге коми (пермяне) жили в волости Пермские (или стан Перемский) и, возможно, в стане Сура Поганая - жалованная грамота 1485 г. сообщает: «А что пермски (пермяки - авт.) на Пенеге в станах Перемские и Сура Поганая, ...они присуду Двинские земли, Кегрольские». На р. Немьюге располагалась волость Немьюга, где также, возможно, жили коми. «Краткий список Двинских волостей» 1471 г. называет в числе «волостей великого князя Двинских» волости «Пермские» и Немьюга (Акты..., 1964, с. 31, 310). Это были самые первые административно-территориальные образования, сложившиеся в населенном коми народом регионе. О существовавших тогда населенных пунктах известно очень мало: кроме упомянутых ранее Усть-Выми, Вотчи и Турьи, известны д. Ыб на Выми, Оквад, Коквицы (упомянуты в грамоте 1483 г.), Ужга, Вендинга, Пыелдино (1485 г.), Тыдор, Вездино, Важгорт, Княжпогост (1490 г.) (ИФС, с. 243-247, 248-253).

В 1505 г. скончался Иван III. В своем завещании он разделил города и волости Московского княжества между пятью сыновьями, но при этом более двух третей досталось старшему сыну - Василию. Ему, в частности, достались указанные в завещании в числе других земель и волостей «Вычегра» (Вычегда), Вымь, Удора, Сысола, Печора, Устюг, Пинега, Мезень, Немьюга, Югра, Пермь Великая и др. (Соловьев, 1989, с. 357). Как видно, Пермь Вычегодская как единое образование в этом документе не указана, а названы в отдельности ее составные части. Возможно, после того, как Федор Вымский в 1502 г. был переведен на Печору, Вычегда, Вымь, Сысола и Удора не имели общего управителя-наместника и управлялись либо назначенными в эти земли-волости волостелями, либо своими выборными сотниками.

В первой половине XVI в. произошел ряд изменений в административном делении Коми края. Из состава Вычегодской земли отделилась самая западная ее часть - Плесовская волость, занимавшая территорию от рубежа Устюжских (Сольвычегодских) земель до устья р. Верхней Лупьи. Первое упоминание о ее существовании относится к 1539 г. (ИФС, с. 265). Возможно, образование отдельной Плесовской волости было связано с активной колонизацией этого района русскими крестьянами в конце XV - I половине XVI в., результатом чего мог быть, во-первых, быстрый прирост населения, а во-вторых, измене-

ние его национального состава: русские стали существенно преобладать над коми, в то время как на остальной части Вычегодской земли, отдаленной от русских районов, коми составляли значительную часть населения. (Сходным образом сложилось положение и в Удорской земле, колонизация которой русскими и коми-вымичами привела в конечном итоге к разделу земли на три части). Есть предположение, что Плесовская волость до начала XVII в. относилась к Устюжским землям (Мацук, 1993, с. 14). Более вероятно, однако, что Плесовская волость в XVI в. оставалась составной частью Перми Вычегодской или Вычегодского уезда (так именуется территория Перми Вычегодской в источнике 1546 г.) (Воскобойникова, 1986, с. 115). Во II половине XVI в. Плесовская волость была тесно связана с другими землями-волостями Вычегодского уезда. Так, в сотной с писцовой книги 1586 г. на Вычегодскую землю сказано, что вычегжане должны «в службу и в подать и во всяких розметех сщитатися... с вымичи из сысоличи и с усть-вымичи и с плесовичи» (Зимин, Копанев, 1970, с. 463). Жители Плесовской волости указаны здесь наравне с жителями других земель-волостей Вычегодского уезда. И в дозорной книге 1608 г. Плесовская волость также указана наравне с ними (Акты..., 1914, с. 267-354). В 1539 г. на территории Плесовской волости был основан Спасский Сойгинский монастырь, вотчина которого образовала небольшую волость, фактически независимую от Плесовской (ИФС, с. 265; Акты..., 1914, с. 309-314; Воскобойникова, 1986, с. 111-118; История Коми АССР, 1981, с. 35).

Процесс дробления земель-волостей захватил и северо-запад Коми края. В XVI в. из Удорской земли выделилась самостоятельная земля-волость - расположенная на верхней Мезени волость Глотова Слободка; первое упоминание о ней относится к 1554 г. Она, в свою очередь, делилась на две волости: собственно Глотова Слободка и Кослан (погост Косланский) (Жеребцов Л.Н., 1955, с.81, 1982, с. 73). Обособление этой территории от Удоры следует связать с тем, что указанный район, ранее не заселенный, колонизировался не местным населением - удорцами с Вашки, а переселенцами из другой земли-волости - с Выми.

В 1542 г. образовалось второе (после Пустозерска) поселение на Печоре - Цилемская слободка, вошедшая в состав Вымской земли (ИФС, с. 265; Латкин, 1853, с. 13, 139-144), территория которой, таким образом, значительно расширилась в северном и северо-восточном направлениях (правда, лишь временно, до 1575 г.).

Во второй половине XVI в. в территориях некоторых из существовавших в Коми крае земель-волостей произошли значительные изменения. Вероятно, в течение XVI в. в самостоятельную землю-волость отделилась из Ужгинской волости территория по верхней Каме. В 1586

г. Верхокамье (погосты Кайгород и Зюзено) было отписано от Вычегодского уезда к Перми Великой (Чердыни) (Акты..., 1914, с. 353; ИФС, с. 267). Как говорилось выше, в конце XV в. Верхокамье входило в волость Ужгу и составляло примерно половину ее территории. А в сотной с писцовой книги 1586 г. на волость Ужгу даже не упоминается о том, что от этой волости отмежевали столь обширный район (Зимин, Копанев, 1970, с. 442-444). В дозорной книге Яренского уезда 1608 г. упоминается о том, что Верхокамье «отошло к Перми», но эта информация помещена только в итоговых данных ко всему уезду. А в части, содержащей описание Ужгинской волости и сравнение данных 1608 г. с 1586 г., о верхней Каме ничего не сказано. В то же время, например, указание на отошедшую от Выми к Пустоозеру территорию по Цильме и Ижме содержится как в итоговых данных по уезду, так и в итоговых данных описания Вымской земли: «А по приправочным книгам письма и меры Ивана Огарева да подъячего Филипа Юрьева 94-го году (1586 г. - авт.) было крестьянских 247 дворов..., опричь дву слободок, что приписаны к Пусту озеру...» (Акты..., 1914, с. 323, 353). Отсутствие в документах указания на отписание Верхокамья от Ужги наводит на мысль о том, что во II половине XVI в. верхняя Кама уже не являлась частью Ужгинской волости, а была отдельной землей-волостью в составе Перми Вычегодской (Вычегодского уезда), подобно выделившимся из Вычегодской и Удорской земель Плесовской волости и Глотовой Слободке. Конечно, это лишь предположение, и данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

В конце 1560-х - начале 1570-гг. от Удоры к «Мезенскому присуду» (Кевроло-Мезенскому уезду) в опричнину были отписаны земли по нижней Вашке: волость Олема с погостами Олема, Кебское, Карашельское и Усть-Вашка (Богословский, 1909, с. 17; ИФС, с. 266). Согласно Вычегодско-Вымской летописи, это произошло в 1567 г. (ИФС, с. 266), а по данным историка П.А.Садикова - в начале 1570-х гг. (Садиков, 1950, с. 203-204). Вероятно, вместе с нижней Вашкой от Удоры была отписана и территория по средней Мезени (от устья Вашки примерно до р. Лоптюги), указанная жалованной грамотой 1485 г. в составе Удорской земли. Эта часть Удорской земли, вероятно, в конце XV-XVI вв. была колонизирована русскими переселенцами, активно осваивавшими в это время Кевроло-Мезенский край и другие районы восточнее (Колесников, 1970, с. 79-80).

М.М.Богословский полагал, что «в XVI в. к Мезени были присоединены две волости, входившие прежде в состав Вычегодского уезда и взятые в опричнину: Олема по р. Вашке и Малая Немьюшка по р. Немьюге, правому притоку Кулоя»; при этом он ссылался на писцовую книгу Кевроли (Пинегы) и Мезени 1623 г. (Богословский, 1909, с. 17). Хотя это представление вошло в ряд исторических исследований

(Садилов, 1950, с. 203-204; Воскобойникова, 1970, с. 367; История Коми АССР, 1981, с. 42; Очерки по истории Коми АССР, 1955, с. 80), оно, однако, вызывает сомнения в своей обоснованности относительно волости Немьюги.

В писцовой книге 1623 г., на которую опираются исследователи, последними даны описания двух волостей - Олемы и Немьюги. Перед этим говорится: «На Мезени ж вверх реки Важки и на усть речки Олемы отмежевальные деревни, что отмежевал от Вычегодского уезду от Удоры к Пенеге и к Мезени князь Григорий Вяземский в опричнину, и были на оброке» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 185. Л. 438). Далее следует описание волости Олемы. Как видно из приведенной цитаты, указание на отмежевание деревень от Удорской земли относится только к нижней Вашке (волости Олеме), но не к волости Немьюге, располагавшейся на р. Немьюге. При описании волости Немьюги никаких указаний на ее отмежевание от Удоры нет. Нет их и в приходных книгах Новгородской четверти 1619/20 и 1620/21 гг.; а относительно волости Олемы в названных источниках подчеркнуто, что земли этой волости «отмежевальные», т.е. отмежеванные к Мезени (Приходо-расходные книги..., 1983, с. 82, 85, 264). Ничего не говорится о Немьюге и в упоминавшемся сообщении Вычегодско-Вымской летописи, касающемся отмежевания селений от Удорской земли в 1567 г. (ИФС, с. 266). Отметим, что и ранее, в грамоте 1485 г., р. Немьюга не названа в составе Удорских владений (Акты..., 1964, с. 30). Все вышесказанное дает основание усомниться в принадлежности волости Немьюги к Удоре. Скорее всего, Немьюга входила в состав Кеврольских (Пинежских) волостей, как это отмечалось документами II половины XV в. Например, в «Общем кратком списке» Двинских земель, принадлежавших московским князьям (II половина XV в.), отмечены «на Пинезе волоки Пильи горы, да Немьюга» (Акты..., 1964, с. 30).

Ошибочным, очевидно, является сообщение Вычегодско-Вымской летописи о том, что погост Пенежка до 1567 г. входил в Удорскую землю, а затем был отписан к Мезени (ИФС, с. 266). Еще грамота 1485 г. зафиксировала, что пинежские пермяки не имели отношения к Удоре, а входили в состав Кеврольских земель. «На Пинезе Кеврола, да Чакола, да Пермские, да Мезень, да Выя, да Пенежка, да Немьюга, да Пильи горы», - информирует о принадлежности Пенежки к Пинежским (Кеврольским) владениям «Краткий список Двинских волостей» 1471 г. (Акты..., 1964, с. 31).

В 1575 г. Цилемская слободка с угодьями (реками Цильмой, Пижмой и Ижмой - от устья до р. Ухты) была отписана от Выми к Пустозерску (ИФС, с. 265). Увеличившаяся Пустозерская волость стала состоять из двух округов: Пустозерского острога с прилегающей территорией и волостки Усть-Цилемская слободка, где жили русские (Са-

дигов, 1950, с. 482). Между 1567 и 1576 гг. на р. Ижме, входившей в состав Усть-Цилемской волости, была основана Ижемская слободка, в которой поселились коми - выходцы с Выми и Верхней Мезени. Ижемская слободка - третья административно-территориальная единица Пустозерской волости, выделившаяся из Усть-Цилемской волости. В научных исследованиях высказывалось мнение, что Ижемская слободка некоторое время после своего возникновения находилась в составе Вымской земли-волости (Лашук, 1972, с. 108; История Коми АССР, 1981, с. 37; Очерки по истории Коми АССР, 1955, с. 80) и затем вместе с Усть-Цильмой была отписана к Пустозерску. Эта точка зрения представляется автору спорной, поскольку Ижемская слободка, вероятно, возникла уже после упомянутого отписания Усть-Цильмы и других земель от Выми.

В XVI в. основной единицей административно-территориального деления Русского государства стал уезд, постепенно сменивший прежние земли (процесс образования уездов в стране завершился в начале XVII в.) (Очерки истории СССР, 1955, с. 122, 326-327; Тихомиров, 1962, с. 28). В соответствии с этой тенденцией термин «уезд», видимо, стал употребляться в документах того времени применительно ко всем бывшим землям, в том числе и к земле Перми Вычегодской, хотя, как уже говорилось выше, вполне вероятно, что с 1502 г. единого административного управления этой землей не было и как административная единица она фактически не существовала. К бывшей Перми Вычегодской термин «уезд» стал применяться с середины XVI в.: в 1546 г. впервые в документах отмечен «Вычегодский уезд» (Воскобойникова, 1986, с. 115), позднее употреблялись также термины «Вымский уезд» и «Яренский городок и уезд» (Зимин, Копанев, 1970, с. 468). Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ №01-01-50004а/С.

***

1. Акты времени правления царя Василия Шуйского. - М., 1914.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. М., 1964. Т. III.
3. Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. М., 1909. Т. I.
4. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727 гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1902 год. М., 1902. Кн. 4.
5. Воскобойникова Н.П. К истории поселений Яренского уезда в конце XVI - начале XVIII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.

6. Воскобойникова Н.П. Яренский уезд в 1678 г. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974.
7. Воскобойникова Н.П. Жалованная грамота Спасскому Сойгинскому монастырю 1546 года // Крестьянство Коми края (досоветский период). - Сыктывкар, 1986.
8. Давыдов В.Н. Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977.
9. Доронин П.Г. Присоединение Коми края к Московскому княжеству // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 12, д. 35.
10. Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV - начало XX века). Сыктывкар, 1993.
11. Жеребцов Л.Н. О времени появления коми на верхней Мезени // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. - Сыктывкар, 1955. - Вып.3.
12. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
13. Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории европейского Севера СССР. - Вологда, 1970. - Вып. 1.
14. Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1956. Вып. 4.
15. Колесников П.А. Миграция северного крестьянства в XVI - начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. - Вологда, 1970. - Вып. 1.
16. Котов П.П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII - начале XX вв. Сыктывкар, 1996.
17. Латкин В.Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах // Записки Императорского Русского географического общества. - СПб., 1853. - Т.VII.
18. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
19. Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Сыктывкар, 1993.
20. История Коми АССР. Сыктывкар, 1981.
21. Очерки истории СССР (конец XV - начало XVII в.). - М., 1955.
22. Очерки по истории Коми АССР. - Сыктывкар, 1955. Т. I.
23. Приходо-расходные книги Московских приказов (1619-1621 гг.). - М., 1983.
24. РГАДА. Ф.1209, оп.1, д.185, л.438.
25. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. - М.-Л., 1950.
26. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. - М., 1989. - Кн. III.
27. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. - М., 1962.

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ ВЕРХОВЬЕВ ПЕЧОРЫ

Сивоха И. Н.

*Музей Печоро-Ильчского
природного государственного заповедника*

Важность и сложность проблемы истории заселения и административно-территориального устройства Республики Коми отмечают многие исследователи. В данной статье содержатся сведения по этой теме, касающиеся верховьев Печоры. В литературе по истории Коми по этой территории даны отрывочные сведения, поэтому автор статьи постаралась обобщить имеющиеся данные и дать более полную информацию.

Полученные в результате археологических раскопок данные показывают, что на протяжении IV-XIII вв. бассейн верхней Печоры занимало население, по своей культуре очень близкое нижнеобским племенам, предкам современных хантов (остяков) и манси (вогулов)⁵.

Письменные источники не сообщают ничего определённого о населении верхней Печоры вплоть до последней четверти XVI века. В источниках XVI-XVIII вв. часто упоминаются печорские манси (вогулы), основным занятием которых являлась охота и рыболовство. Однако в XVII веке манси уже не являются единственными владельцами промысловых угодий на верхней Печоре. Их жалобы на то, что к 1689 г. вогульская звериная и рыбная ловля на Печоре значительно сократилась, были вызваны тем, что в этот район стали постоянно наезжать на промысел ватаги чердынцев из Пермского края, которые завладели лучшими угодьями¹².

Со второй половины XVII века заметно оживились торгово-промышленные отношения между Камой и Печорой. Чупин в своём географическо-статистическом словаре Пермской губернии за 1873 г. сообщает следующее: «Автор статьи «О торговле в Запечорском крае», напечатанной в Пермских Губернских Ведомостях за 1869 г. говорит, что в 1600 годах хлеб на Печору доставлялся с р. Берёзовки Камского бассейна, через волок на р. Безволочную (Безволосную - ныне Тыбью - примеч. авт.) Печорского бассейна и по ней сплавлялся на Печору; что в 1700 годах устроена была печорская пристань, в 40 верстах выше нынешней Якшинской пристани, под названием Хорошевка. А в 1770-х годах чердынским купцом Валуевым эта пристань была переведена в Якшу и сокращено расстояние для перевозки и склада продуктов. Попов в хозяйственном описании Пермской губернии 1804 г. в главе о пристанях сообщает (вероятно, по сведениям уже устаревшим тогда), что на Печоре 70 верстами выше Усть-Пожега, есть пристань на-

зываемая Хороша Бечевка, где построены чердынскими промышленниками амбары, куда перевозится хлеб зимой и для караула две избы; об Якшинской пристани он не упоминает (должно быть, существование её ещё неизвестно было официально)»^{26,28}. По другим данным, Якшинскую пристань основали в 1784 г. чердынские купцы Углицкий и Валуев¹. Предположительно в начале же XVII века у устья р. Волосницы возникла деревня Усть-Волосница. Из поколения в поколение местное население передаёт легенду или быль о том, что она появилась в 1622 г. В Чердынском краеведческом музее есть карта из атласа С. Ремизова «Чертёжной книги Сибири 1701 г.», на которой уже отмечено поселение Волосница.

Река Печора со второй половины XVIII века играла роль важнейшего торгового пути, по которому с юга на север шёл хлеб и другие товары. Поэтому верхнепечорские коми не стремились покинуть обжитые места и расселяться по глухим труднодоступным местам в предгорьях северного Урала. К началу XIX в. верхнепечорские коми заселяли пространство от устья Северной Мылвы до устья р. Кожвы. Берега же Печоры (в пределах Вологодской губернии) выше Троицко-Печорска долгое время оставались незаселёнными и служили промысловым районом для русских из Пермской губернии, а также зауральских хантов и манси из Тобольской губернии.

Однако уже в начале XIX века Илыч стал заселяться коми, главным образом из Троицко-Печорска и Усть-Илыча. Будучи в массе своей старообрядцами, они стремились в эти глухие места по причинам религиозного характера. А также из-за обилия рыбы, пушнины и хороших лугов¹².

На рубеже XVIII-XIX столетий самую верхнюю часть печорского бассейна стали заселять русские. Причиной тому был торговый путь, соединявший реки Печорского и Камского бассейнов, который давал реальную возможность приобретения дефицитного хлеба взамен на продукты местного промысла. Сыграло роль и стремление чердынских старообрядцев уйти в глухие места подальше от религиозных притеснений и социального гнёта. Своим происхождением эта русская группа связана со старожильческим населением Чердынского уезда Пермской губернии. Говорят жители верховьев Печоры на пермском говоре русского языка, но в своём лексиконе имеют целый ряд слов коми и мансийского происхождения, связанных с местной географической номенклатурой, лесом, охотой и рыболовством¹².

Селения по Илычу и его притокам до середины 1918 г. относились к Усть-Сысольскому уезду Вологодской губернии. А селения верховьев Печоры от Усть-Пожега и выше - к Чердынскому уезду Пермской губернии. Граница между губерниями находилась в шести верстах ниже дер. Усть-Пожег (Мамыли) по р. Печоре^{11,16}. Она представ-

ляла собой просеку и называлась Вологодской гранью, которая от правого берега р. Печоры шла на северо-восток до Уральских гор и делила междуречье почти пополам. С левого берега Печоры граница уходила на юго-запад.

В пределах Пермской губернии возникновение русских поселений по Печоре происходило примерно в следующем порядке. Первое упоминание в литературе о деревне Усть-Пожег, ныне Мамыль, датируется 1802-1803 гг.¹⁶. В 1840 г. Латкин называет жителей Усть-Пожега «момылями»¹¹, впоследствии деревня имела два названия. По данным метрических книг Христорождественской церкви села Корепино Чердынского уезда за 1834-1840 гг. отмечено, что в 1837 г. заключён брак между Григорием Чагиным из Гадьи и Дарьей Носовой из Усть-Уньи (её отец Макар Алексеевич Носов), следовательно, в это время уже существовала деревня Усть-Унья. Там же есть данные о том, что в 1838 г. у жителей деревни Золотуха Василия Ивановича Пачгина и его жены Анны Дмитриевны родился сын Трофим⁴¹. В списках населённых мест Пермской губернии по сведениям 1869 г. отмечено, что в деревне Золотуха при р. Печоре имелось 10 хозяйств, в которых проживало 70 человек²⁰. В книге Е.Н. Барбот де-Марни «Урал и его богатства» издания П.И. Певина за 1910 г. прилагается карта, где выше деревни Пажгино (Пачгино) у истока какого-то правого притока значится населённый пункт Золотуха. По данным ГГУ на 1933 г. точно в этом же месте Золотуха значится на топографической карте Управления военных топографов «Военно-дорожная и стратегическая карта Европейской части СССР» под №12, масштабом 25 вёрст в дюйме. Удивительно, но нынешние старожилы не знают об этой деревне ничего. В настоящее время примерно в 1-1,5 км вниз по течению от деревни Пачгино на левом берегу существует луг Золотуха, там же есть и пережат Золотуха, возможно, это как-то связано с деревней¹³. Можно предположить, что Золотуха находилась в другом месте Чердынского уезда, но вот что гласит официальный ответ из государственного архива Пермской области: «К сожалению, сведения о деревне Золотухе Чердынского уезда Пермской губернии отрывочны и не позволяют проследить её историю. Она упоминается в метрических книгах, но не обозначена на имеющихся в архиве картах и в печатных изданиях по истории Чердынского уезда». На карте России, изданной генеральным штабом в 1843 г., впервые отмечена деревня Пачгино¹⁰.

До 1850 г. северные населённые пункты Чердынского уезда принадлежали Ныробской волости. В 1850 г. в северной части Чердынского уезда образовалась Корепинская волость, выделившаяся из Ныробской, а в 1867 г. была образована особая Нюзимская волость, выделившаяся из Корепинской. Затем одним из жителей деревни Тулпан, правившим должность волостного старшины, волостное правле-

ние было переведено в Тулпан и Нюзимская волость переименована в Тулпанскую^{10;15}. Тулпанская волость просуществовала до начала 20-х годов 20-го столетия. Волость делилась на сельские общества. На Печоре их было четыре: Усть-Уньинское, Пачгиновское, Усть-Волосницкое и Усть-Пожеговское. В 1886-97 гг. пристани (Якшинская и Усть-Еловская) к обществам не приписывались, а в 1909 г. пристани не приписывались даже к волости^{19;21;22}. По данным списков населённых мест Пермской губернии в 1869 г. по реке Печоре (до границы с Вологодской губернией) было 5 деревень и одна пристань Якша, в которых проживало около 380 человек²⁰. Деревня Шайтанка (Шайтановка) возникла между 1843-1872 гг., что видно из карты России Генерального Штаба под редакцией Стрельбицкого 1872 г.¹⁰. На карте лесохозяйственного описания Чердынского уезда 1848 г. А.Е. Теплоухова Собинской Заостровки ещё не было, а по 10-вёрстной карте России Генерального штаба под редакцией Стрельбицкого издания 1872 г. селение показано существующим, следовательно, возникло селение между указанными годами¹⁰. На карте Чердынского уезда за 1874 г. (Чердынский краеведческий музей) по Печоре уже отмечены выселок Курья и выселок Гаревая. В данных подворного исследования Чердынского уезда за 1884-86 гг. впервые отмечены по Печоре: деревня Куски (Кусково или Малое Пачгино) и выселок Ёлма¹⁹. В списках населённых мест Пермской губернии за 1897 г. появился выселок «У Камешка» (Камешок), который возник около 1895 г.^{21;25} и ещё в 1900 г. был последним жильём в верховьях Печоры¹⁵. В архиве Пермской области имеется план съёмки деревни Пачгино с выселком Узкая Прямица (Узкое Плёсо) за 1896 год, хотя в официальных списках населённых мест за 1897 г. выселок не указан^{21;37}. Первое упоминание о пристани Мамыльский (Сусловский) затон на Печоре относится к 1909 г.²². В 1917 г. Шенников отмечает восточнее деревни «У Камешка» один двор «Корп» (вероятно «Карп» - примеч. авт.) и маленький посёлок на Печорском Шижиме²⁷.

Кроме перечисленных деревень, выселков и починков, по Печоре, Унье и их притокам существовали отдельные поселения так называемых пустынников. Эти люди, побуждаемые религиозными чувствами, уходили в глушь леса на самые отдалённые речки. Там строили жильё, запасались провизией на долгое время и практически ни с кем не общались. Особенно большое движение в пустыню было в 1912 г., когда среди староверов-беспоповцев ожидалась кончина мира, так как в этом году Пасха совпала с Благовещеньем. Так, в 1914 г. при ревизии Верх-Печорского лесничества Чердынского уезда по реке Унье и её притокам было обнаружено 52 человека в 27 пустынях, а также 22 человека в 11 пустынях, поселившихся по р. Печоре и её притокам Кедровке, Большой и Малой Шайтановке, Шижиму. Кроме того, по-

мимо пустынников были обнаружены самовольно поселившиеся люди, не имевшие отношения к пустынничеству, избегавшие мирских, земских и государственных повинностей. Таких жительство по рекам Печоре и Унье было семь, в них проживало около 20 человек^{17;35}.

Заселение левого притока Печоры - Уньи начинается примерно около 1870 г., когда появляется первая деревня Усть-Бёрдыш^{2;10;15}. На карте России под редакцией Стрельбицкого за 1872 г. впервые появляется выселок Светлый Родник¹⁰. Другие, более ранние, даты возникновения этих селений даёт Варсанофьева в «Географическом очерке бассейна р. Уньи», но они требуют уточнения. По данным подворного исследования Чердынского уезда, в 1884-86 гг. по Унье уже существует выселок Долгое Плёсо (Долгие Плёсы), который возник около 1878 г.^{2;19}. В 1898-99 гг. в полуверсте вверх по течению от Усть-Бердыша были открыты богатые залежи бурого железняка. В 1900 г. около местонахождения руды на правом берегу Уньи у подошвы скалы «Первокаменная» началась постройка завода с одной доменной печью. На противоположном берегу было выстроено до десятка заводских зданий: контора, дома для служащих, бараки и прочее. В 1901 г. домна была пущена в ход, и даже было выпущено около 1000 тонн чугуна, но к концу того же года дело пришло в упадок и было ликвидировано, совершенно разоривши предпринимателя. В 1909 г. в селении Лукьяновский завод имелось 6 хозяйств, в которых проживало 15 человек, а в 1927 г. в 1 хозяйстве проживало 8 человек^{2;10;14;15;22;25}. На плане Верх-Печорского лесничества за 1907 год по Унье значится населённый пункт дом Чагина, впоследствии выселок Чагино или Старица^{2;14;38}. В 1909 г. в четырёх деревнях, расположенных по Унье, проживало 182 человека, а в 12 населённых пунктах по Пермской Печоре - 860 человек²².

Летом 1918 г. из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в Чердынский уезд Пермской губернии были переданы три волости: Савиноборская, Усть-Щугорская и Троицко-Печорская^{3;4}. В это же время Пермская губерния была разделена на Пермский и Екатеринбургский округа²⁴, верхняя Печора вошла в Чердынский уезд Пермского округа.

В августе 1921 г. была образована Коми автономная область, которая делилась на уезды и волости. В марте-мае 1922 г. на заседаниях президиума ВЦИК Совета Рабочих, Крестьян, Красноармейцев и Казачьих депутатов постановили снова включить в состав автономной области Коми из Чердынского уезда три вышеназванные волости^{3;34;36}. Граница между Коми областью и Пермским округом проходила там, где она была до 1918 г. В мае 1922 г. Коми область делится на 4 уезда, среди них Усть-Куломский (с центром в Усть-Куломе), включающий Троицко-Печорскую волость. В неё входили населённые пункты по

Печоре (начиная от дер. Порог и ниже по течению) и по Илычу.

В ноябре 1923 г. образовалась Уральская область, включающая Верхне-Камский, Кунгурский, Пермский и Саранпаульский округа²⁴. Селения верховьев Печоры от Усть-Пожега (Мамыли) и выше по течению относилась в то время к Ныробскому району Верхне-Камского округа Уральской области. Населённые пункты от Усть-Пожега до деревни Пачгино (включительно) принадлежали Курьинскому с/совету, выше по Печоре и по Унье - Усть-Уньинскому с/совету³⁹. Эти с/советы уже существовали в октябре 1921 г.⁴².

На основании июльских постановлений ВЦИК (1.07.1925 г., протокол №2, параграф 32), Окрплана при Верхнекамском Окрисполкоме (12.07.1925 г., протокол №36) и Президиума Коми облисполкома (17.07.1925 г., прот. №34, параграф 113) произведено установление новых границ между Уральской областью и областью Коми. В результате этого населённые пункты Уральской области пос. Якша и пос. Мамыли (Курьинского с/совета), а также пристань Усть-Еловка (Фадинского с/совета) были переданы в Коми автономную область^{29;39}.

С этого времени появился Якшинский с/совет, который принадлежал Усть-Куломскому уезду Троицко-Печорской волости, в его состав входили: дер. Усть-Пожег (Мамыли), пристань Якша, дер. Порог (первое упоминание Латкиным в 1840 г., позднее стала паровой стоянкой - примеч. авт.), пристань Усть-Еловка (возникла на устье р. Еловка Камского бассейна позже Якшинской пристани - примеч. авт.)^{11;23}. Остальные населённые пункты по верхней Печоре начиная с дер. Волосницы и выше остались в Уральской области и входили в состав Курьинского и Усть-Уньинского с/советов. В списках Уральской области Верхнекамского округа Ныробского района за 1927 год значились следующие населённые пункты: в Курьинском с/совете - кордон Визесья (при р. Визесья), кордон Волосница (при р. Волоснице), выселок Гаврилова пустынь (при р. Патраковке), дер. Курья, дер. Пачгина, дер. Усть-Волосница и дер. Узкая Прямица (при р. Печоре); в Усть-Уньинском с/совете - дер. Усть-Унья (при р. Печоре), выселок Бобровка (при р. Бобровке, правом притоке р. Кисуньи), выселок в Заводе или Лукьяновский завод (при р. Унье), дер. Долгое Плёсо (при р. Унье), дер. Комаровка (при р. Унье), дер. Светлый Родник (при р. Унье), дер. Усть-Бёрдыш (при р. Унье), выселок Чагино или Старица (при р. Унье), выселок Чамейно (образован в 1923 г. при р. Унье), выселок Верх-Кедровка (при р. Кедровке, правом притоке Печоры), дер. Гаревая (при р. Печоре), высел. Канин Нос (при р. Печоре), дер. Камешок (при р. Печоре), выселок Малая Шайтановка (при р. Шайтанка, прав. притоке Печоры), высел. Нижняя Кедровка (при р. Кедровке), высел. Паршаков (нет сведений о местонахождении), дер. Собинская Заостровка (при р. Печоре), высел. Шайтановка (при устье

р. Шайтанка), выселок Шижим (при р. Печоре)¹⁴. В связи с созданием в начале 30-х годов колхозов, население из мелких выселков и починков стали насильно переселять в более крупные деревни. Так, например, людей из Чамейного и Старицы переселили в Усть-Бёрдыш, где образовался колхоз «Промысловик», людей из Долгого Плёса переселили в Светлый Родник, где был колхоз «Герой труда». Население выселков, находящихся по Печоре выше Усть-Уньи, было переселено в деревни Гаревую (Гарёвка) и Усть-Унью, где был образован колхоз «Север» (по сообщениям старожилов этих деревень автору статьи в 1998 г.).

В 1928 г. население этих с/советов ходатайствует о передаче их Коми области, но решение этого вопроса затянулось на долгие годы^{3,4}. 15 июля 1929 г. согласно декрету ВЦИК Коми АО делится на 9 районов, уезды и волости упраздняются. Усть-Куломский район включал тогда современные Усть-Куломский и Троицко-Печорский районы (кроме верховьев Печоры - Курьинский и Усть-Уньинский с/советы). В феврале 1931 г. был образован Троицко-Печорский район, выделенный из Усть-Куломского^{3,4}. 23 июля 1930 г. были ликвидированы округа в составе Уральской области²⁴.

10 апреля 1931 г. Президиум ВЦИК принял постановление «О границах между Уральской областью и автономной областью Коми» (Сборник Указов 1931 г., №23, стр.222), согласно которому Курьинский и Уньинский с/советы должны быть перечислены из Уральской области в Автономную область Коми^{30,33}. С этого времени начинается долголетняя тяжба между областями за эти населённые пункты. В госархиве Респ. Коми имеются документы, отражающие эту тяжбу. В сентябре 1931 г. Уральский облисполком ходатайствует об изменении постановления Президиума ВЦИК от 10.04.31 г. по вопросу о передаче верховьев Печоры в Автономную Область Коми. По этому вопросу ВЦИК «...не находит возможным поддержать ходатайство Уральского облисполкома». Тогда Уральский облисполком не подчиняется постановлению ВЦИК, игнорируя это решение и не отвечая на запросы Коми области. Было повторное постановление ВЦИК от 1.01.32 г. о передаче верховьев Печоры, но на него Уралобласть тоже не отреагировала. В течение нескольких лет шла переписка между ВЦИК, Уральской областью и Коми областью. Телеграмма от 10.05.34 г. сообщает председателю Коми облисполкома о том, что Уральский облисполком возражает на оба постановления ВЦИК³⁰.

В конце 1934 г. появилась справка-ответ, в которой даётся объяснение, почему Уральская область не отдаёт верховья Печоры. Это было связано с развитием лесной промышленности, наличием железных руд, золота, угля, энергетических ресурсов и транспортных путей в этом районе. Одной из важнейших причин являлся проект водного соединения Камы с Печорой с использованием гидроэнергии. Он состоял

из плотин со шлюзами при них, из которых одна на р. Колве, две плотины - на Печоре (одна ниже устья р. Волосницы - 32 м, вторая ниже устья р. Илыч - 22 м) и водоудержательная плотина на водоразделе рек Молох-Нем. Кроме того, транспортное значение Камско-Печорского соединения увеличивалось бы тем, что водохранилище позволяло бы регулировать сток воды, увеличивая глубины Камы и её притоков до пределов, обеспечивающих транзит грузов, чего одним землечерпанием достигнуть было бы трудно и дорого. Все эти обстоятельства для экономики Уральской области были крайне важны³⁰.

17 января 1934 г. Уральская область была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области²⁴. Жители Курьинского и Усть-Уньинского с/советов стали относиться к Ныробскому району Свердловской области.

20 октября 1935 г. на заседании Президиума Российского ЦИК Советов (протокол № 26, пункт 7) приняли постановление об оставлении в составе Свердловской области верховьев Печоры и об отмене постановлений ВЦИК 1931-1932 гг., поскольку по истечении 4-х лет передача не была оформлена и Свердловск представил по этому вопросу основательные мотивы³⁰.

3 октября 1938 г. Свердловская область была разделена на Пермскую и Свердловскую области²⁴. Верхнепечорцы стали относиться к Пермской области. В период с 8 марта 1940 г. по 2 октября 1957 г. город Пермь назывался г. Молотов, а Пермская область - Молотовской²⁴.

В мае 1949 г. Троицко-Печорский райсовет на исполкоме решает: «Учитывая экономическое тяготение транспортных условий и ходатайство населения Курьинского и Усть-Уньинского с/советов Ныробского района Молотовской области, просить президиум Верховного Совета Коми АССР выйти с ходатайством в Президиум Верх. Совета РСФСР о присоединении вышеназванных с/советов к Троицко-Печорскому району Коми АССР»³². 24 декабря 1949 г. вышел Указ Президиума Верх. Совета РСФСР о приёме в состав Троицко-Печорского района верховьев Печоры, который был утверждён на заседании исполкома Троицко-Печорского райсовета депутатов трудящихся от 14 января 1950 г.³¹.

В Троицко-Печорский район вошли Курьинский с/совет в составе населённых пунктов: дер. Волосница, дер. Курья, дер. Пачгино с колхозом «Путь к свету» (по сообщению очевидцев, образованный в 1933 г.), дер. Кусково, колхозы «Печора» и «2-я пятилетка»; Усть-Уньинский с/совет в составе: дер. Усть-Унья, дер. Светлый Родник, дер. Усть-Бёрдыш, дер. Гарёвка с колхозами «Север», «Герой труда» и «Промысловик», а также починки Шижим, Шижимская, Собинская Заостровка^{31;32}.

По данным справочника, на 1 января 1956 г. в состав Курьинского с/совета входили: дер. Волосница (колхоз «Герой труда»), село Курья (колхоз им. Хрущёва), дер. Пачгино (колхоз им. Хрущёва), починок Кордон, починок Кустово (правильно Кусково - примеч. авт.), посёлок лесозаготовителей Пачгино (возник в начале 50-х годов), посёлок лесозаготовителей Речной; в состав Усть-Уньинского с/совета входили: дер. Бердыш (колхоз «Герой труда»), дер. Светлый Родник (колхоз «Герой труда»), дер. Гарёвка (колхоз «Север»), с. Усть-Унья (колхоз «Север»), починок Долгое Плёсо, починок Комарово, починок Собинская (Заостровка), починок Чагино, починок Шайтановка⁶.

Официально исключены из учётных данных следующие населённые пункты верхней Печоры: 26 октября 1964 г. - Кустово (правильно Кусково) и пос. Кордон Курьинского с/совета, а также дер. Порог Мамыльского с/совета; 24 ноября 1966 г. - починок Долгое Плёсо, Комарово и Чагино Усть-Уньинского с/совета; 15 февраля 1977 г. - починок Собинская и Шайтановка Усть-Уньинского с/совета; 23 марта 1977 г. - дер. Гарёвка этого же с/совета^{7,9;18}. Необходимо отметить, что со времени образования Печоро-Илычского заповедника (1930 г.) на его территории всегда существовали кордоны - населённые пункты из 1-3 хозяйств, где круглый год живут лесники отдела охраны заповедника. На верхней Печоре были и есть кордоны: Полой (существует с середины 1970-х годов), Собинская, Шайтановка, Шижим-Печорский. Население же кордонов, видимо, автоматически входило в списки Усть-Уньинского с/совета. На 1 августа 1992 г. в состав Курьинского с/совета входили: дер. Волосница, с. Курья, дер. Пачгино, пос. Речной с общим количеством населения 497 человек; в состав Усть-Уньинского с/совета - дер. Бердыш, дер. Светлый Родник, село Усть-Унья с общим количеством населения 187 человек¹⁸.

В 1934 г. Якшинский с/совет переименован в Мамыльский с/совет с центром в с. Мамыли. По данным справочника, на 1 января 1956 г. в состав Мамыльского с/совета входили: с. Мамыль (колхоз им. Ленина), дер. Порог (колхоз им. Ленина), посёлок лесозаготовителей Пожегодский, или Пожег (возник в начале 50-х годов, переименован в пос. Знаменка 27.03.59 г.), пос. лесозаготовителей Тыбью (возник в начале 50-х годов, переименован в пос. Комсомольск-на-Печоре 21.05.57 г.), пос. Якша, пос. лесозаготовителей Якшинский (возник примерно в 1953 г. - по сообщению очевидца)^{6;8}.

27 марта 1959 г. центр Мамыльского с/совета перенесён в пос. Знаменка⁸. 10 августа 1971 г. Мамыльский с/совет переименован в Комсомольский с/совет, центр из пос. Знаменка перенесён в Комсомольск-на-Печоре⁹. По данным на 1 января 1986 г., в Комсомольский с/совет входят: пос. Комсомольск-на-Печоре, пос. Знаменка и дер. Мамыль⁹.

15 июня 1976 г. пос. Якша - заповедник - и пос. лесозаготовителей

Якшинский Комсомольского с/совета объединены в пос. Якша и образован Якшинский с/совет, который существует и в настоящее время. 10 июля 1986 г. образован Знаменский с/совет, в состав которого включены дер. Мамыль и пос. Знаменка^{9;18}. На 1 августа 1992 г. в Комсомольском с/совете числилось 1602 человека; в Знаменском - 892, из них в Знаменке - 847 чел., в Мамыле - 45 человек; в Якшинском - 1832 человека¹⁸. 30 июня 1999 г. постановлением муниципального образования Троицко-Печорска Усть-Уньинский с/совет вошёл в состав Комсомольского сельсовета. На 1 января 2000 г. в Комсомольском сельсовете числилось 1379 человек, в том числе в Усть-Унье - 102, в Бёрдыше - 14, в Светлом Роднике - 7, в Шижиме - 3, в Шайтановке - 1, в Собинской - 1 человек; в Знаменском с/совете - 534; в Якшинском - 1445; в Курьинском - 238, в том числе в Волоснице - 22, в Пачгино - 44, в Речном - 41, в Курье - 131 человек (по данным администраций с/советов).

Приложение

Населённый пункт	Река	Год	КОЛ-ВО ХОЗЯЙСТВ	КОЛ-ВО ЖИТЕ- ЛЕЙ	КОЛ-ВО МУЖ- ЧИН	КОЛ-ВО ЖЕН- ЩИН
<u>Бобровка</u>	Бобровка	1927	1	2		
<u>Верхняя Кедровка</u>	Кедровка	1927	1	2		
<u>Гаврилова пустынь</u>	Патраковка	1927	4	7	3	4
<u>Гарёвка</u>	Печора	1884-86	9	43	17	26
Гарёвка	Печора	1897	9	66	30	36
Гарёвка	Печора	1900	5			
Гарёвка	Печора	1909	10	79	33	46
Гарёвка	Печора	1927	12	47		
<u>Долгие плёсы</u>	Унья	1884-86	1	10	4	6
Долгие плёсы	Унья	1897	1	16	4	12
Долгие плёсы	Унья	1900	3			
Долгие плёсы	Унья	1909	3	23	10	13
Долгие плёсы	Унья	1927	5	20		
<u>Ёлма</u>	Печора	1884-86	1	11	4	7
<u>Знаменка</u>	Печора	1970		1080		
Знаменка	Печора	1979		1123		
Знаменка	Печора	1989		847	459	388
Знаменка	Печора	1992		847		
<u>Золотуха</u>	Печора	1869	10	70	34	36
<u>Камешок</u>	Печора	1897	3	15		

Камешок	Печора	1900	5			
Камешок	Печора	1909	7	58	29	29
Камешок	Печора	1927	11	55		
<u>Канин нос</u>	Печора	1927	1	3		
<u>Комарово</u>	Унья	1927	4	27		
<u>Комсомольск</u>	Печора	1970		1875		
Комсомольск	Печора	1979		1783		
Комсомольск	Печора	1989		1602	847	755
Комсомольск	Печора	1992		1602		
<u>корд. Волосница</u>	Волосница	1927	1	3	1	2
<u>Курья</u>	Печора	1884-86	8	44	20	24
Курья	Печора	1897	9	35	19	16
Курья	Печора	1909	14	49	25	24
Курья	Печора	1927	26	106	51	55
Курья	Печора	1970		492		
Курья	Печора	1979		494		
Курья	Печора	1989		187	93	94
Курья	Печора	1992		187		
<u>Кусково</u>	Печора	1884-86	5	40	18	22
<u>Лукьяновский завод</u>	Унья	1909	6	15	7	8
Лукьяновский завод	Унья	1927	1	8		
<u>Малая Шайтановка</u>	Шайтанока	1927	3	12		
<u>Мамыльский затон</u>	Печора	1909	1	2	1	1
<u>Нижняя Кедровка</u>	Кедровка	1927	1	2		
<u>Пачгино</u>	Печора	1869	13	83	39	44
Пачгино	Печора	1884-86	21	116	52	64
Пачгино	Печора	1897	30	208	95	113
Пачгино	Печора	1909	34	204	95	109
Пачгино	Печора	1927	38	154	76	78
Пачгино	Печора	1970		145		
Пачгино	Печора	1979		88		
Пачгино	Печора	1989		80	36	44
Пачгино	Печора	1992		80		
<u>Порог</u>	Печора	1840-43	1			
Порог	Печора	1926	7	33	14	19
<u>Речной</u>	Печора	1970		314		
Речной	Печора	1979		228		

Речной	Печора	1989		186	106	80
Речной	Печора	1992		186		
<u>Светлый Родник</u>	Унья	1884-86	7	42	20	22
Светлый Родник	Унья	1897	6	53	24	29
Светлый Родник	Унья	1909	10	88	45	43
Светлый Родник	Унья	1927	13	67		
Светлый Родник	Унья	1970		52		
Светлый Родник	Унья	1979		18		
Светлый Родник	Унья	1989		11	5	6
Светлый Родник	Унья	1992		11		
<u>Собинская Заостр.</u>	Печора	1884-86	3	10	5	5
Собинская Заостр.	Печора	1897	7	20	13	7
Собинская Заостр.	Печора	1900	5			
Собинская Заостр.	Печора	1909	7	45	24	21
Собинская Заостр.	Печора	1927	8	31		
<u>Узкая прямца</u>	Печора	1909	7	36	19	17
Узкая прямца	Печора	1927	4	5	1	4
<u>Усть-Бёрдыш</u>	Унья	1884-86	5	30	13	17
Усть-Бёрдыш	Унья	1897	5	35	16	19
Усть-Бёрдыш	Унья	1909	8	56	26	30
Усть-Бёрдыш	Унья	1927	16	79		
Усть-Бёрдыш	Унья	1970		41		
Усть-Бёрдыш	Унья	1979		10		
Усть-Бёрдыш	Унья	1989		13	7	6
Усть-Бёрдыш	Унья	1992		13		
<u>Усть-Волосница</u>	Печора	1809	3			
Усть-Волосница	Печора	1840-43	5			
Усть-Волосница	Печора	1869	11	74	42	32
Усть-Волосница	Печора	1884-86	14	83	42	41
Усть-Волосница	Печора	1897	13	99	51	48
Усть-Волосница	Печора	1909	17	99	52	47
Усть-Волосница	Печора	1927	24	105	47	58
Усть-Волосница	Печора	1970		106		
Усть-Волосница	Печора	1979		74		
Усть-Волосница	Печора	1989		44	23	21
Усть-Волосница	Печора	1992		44		
<u>Усть-Пожег-Мамыль</u>	Печора	1840-43	6			

Усть-Пожег-Мамыль	Печора	1869	11	69	33	36
Усть-Пожег-Мамыль	Печора	1884-86	14	99	40	59
Усть-Пожег-Мамыль	Печора	1897	13	118	49	69
Усть-Пожег-Мамыль	Печора	1909	21	133	56	77
Усть-Пожег-Мамыль	Печора	1926	35	131	55	76
Усть-Пожег-Мамыль	Печора	1970		71		
Усть-Пожег-Мамыль	Печора	1979		67		
Усть-Пожег-Мамыль	Печора	1989		45	23	22
Усть-Пожег-Мамыль	Печора	1992		45		
<u>Усть-Унья</u>	Печора	1847	10			
Усть-Унья	Печора	1869	18	77	46	31
Усть-Унья	Печора	1884-86	15	87	37	50
Усть-Унья	Печора	1897	15	96	46	50
Усть-Унья	Печора	1909	20	109	55	54
Усть-Унья	Печора	1927	43	164		
Усть-Унья	Печора	1970		239		
Усть-Унья	Печора	1979		175		
Усть-Унья	Печора	1989		156	85	71
Усть-Унья	Печора	1992		156		
<u>Чагино</u>	Унья	1927	3	8		
<u>Чамейная</u>	Унья	1927	2	6		
<u>Шайтановка</u>	Шайтановка	1884-86	2	12	6	6
Шайтановка	Печора	1897	2	11	5	6
Шайтановка	Печора	1900	3			
Шайтановка	Печора	1909	3	19	10	9
Шайтановка	Печора	1927	6	28		
<u>Шижим - Печорский</u>	Печора	1927	1	6		
Шижим - Печорский	Печора	1970		15		
Шижим - Печорский	Печора	1979		15		
Шижим - Печорский	Печора	1989		7	3	4
<u>Якша</u>	Печора	1897	4	21	12	9
Якша	Печора	1909	10	32	17	15
Якша	Печора	1926	17	55	25	30
Якша	Печора	1970		802		
Якша	Печора	1979		1380		
Якша	Печора	1989		1032	1008	824
Якша	Печора	1992		1832		

1. Богословский С.С. К истории эксплуатации Печорского волока в 19 веке (по архивным данным). Пермский краеведческий сборник. Вып.4. Пермь, 1928 г. С.176-179.
2. Варсанофьева В.А. Географический очерк бассейна р. Уньи. Журнал «Северная Азия» 1929 г., №1 (25) - С.77-109; №4 (28) - С. 90-106.
3. Дмитриков М.П. Административно-территориальное устройство Коми АССР в 20-30-е гг. С.30. Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 44. Сыктывкар. 1989.
4. Историко-культурный атлас Республики Коми. Москва, издательский дом «Дрофа», изд-во «ДиК», 1997 г., стр. 122-124.
5. Канивец В.И. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере. Материалы по археологии европейского северо-востока. Вып.1. Коми книжное издательство, 1962.
6. Коми АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1956 г. Коми книжное издательство, Сыктывкар. 1956 г. С.68-73.
7. Коми АССР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1968 г. Коми книжное издательство, Сыктывкар. 1968 г. С. 42-45; 127-129.
8. Коми АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1960 г. Коми книжное издательство, Сыктывкар. 1960 год. С. 62-66.
9. Коми АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1986 г. Коми книжное изд-во, Сыктывкар. 1986 г. С. 50-52; 102-105.
10. Кривощёков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь. 1914 г.
11. Латкин В.Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и в 1843 гг. Записки Императорского русского географического общества. Книга 7, под редакцией А.В. Никитенко. СПб. 1853 г. С. 15-19.
12. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. АН СССР. Коми филиал. Коми книжное издательство. 1958 год.
13. Лоцманская карта р. Печоры от с. Усть-Уньи до п. Троицко-Печорск. Масштаб 1:10000. гор. Печора. 1975 г.
14. Населённые пункты Уральской области. Том 1: Верхнекамский округ (данные за 1927 г.). Свердловск. 1928 г. С. 38-40.
15. Ончуков Н.Е. По Чердынскому уезду. Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору. СПб.1900. С. 1-38.
16. Попов Никита Саввич. Хозяйственное описание Пермской губернии, сочинённое в 1802 и 1803 г. Часть I. Пермь. 1804 год. С. 101-109.

17. Пушвйнецв И. Пустынничество. Чердынский край. Издание общества изучения чердынского края и музея. Вып.3, август 1927 г. С. 17-20.
18. Республика Коми. Административно-территориальное деление на 1 августа 1992 г. Издание 5. Сыктывкар. 1992 год; С.87-90;132-135.
19. Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии. (Данные подворного исследования в 1884-86 гг.) Отдел хозяйственной статистики. Издание Чердынского уездного земства. Пермь 1889 г. С.65-83; 996-1019.
20. Список населённых мест. Том XXXI. Пермская губерния по сведениям 1869 г. Издан центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. СПб. 1875 г. С. СIII-SV; СIХ; 357.
21. Списки населённых мест Пермской губернии. Том XII: Чердынский уезд. Пермь. 1897 г. С. 61-64.
22. Список населённых мест Пермской губернии, Чердынский уезд. Пермь. 1909. С.56-58.
23. Список населённых мест Коми области. Сыктывкар. 1930 г. С. 63-64; 67.
24. Справочник: Фонды государственного архива Пермской области. Издание 2-е. Пермь. 1997 г. С. 244.
25. Урал северный, средний, южный. Справочная книга. Составитель Доброхотов и др., Петроград, библиотека «Вечернего времени», изд. Б.А. Суворина 1917 г., С. 367.
26. Чупин Н. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Приложение к сборнику Пермского земства. Пермь. 1873 г. С. 85-89.
27. Шенников А.П. Краткий ботанический очерк района в верховьях р.Печоры. Журнал «Север» 1923 г., №3. С. 177-188. Вологда. 1923 г.
28. Шишонко В. Пермская летопись. III период: 1645-1676 гг. С. 1088-1091; IV период: 1676-1682 гг. Пермь. 1884 г. С. 522-524.

Национальный архив Республики Коми:

29. Ф.Р. 3, оп.1, д. 226;
30. Ф.Р. 701, оп.1, д. 37, л.1-14;
31. Ф.Р. 605, оп.3, д. 73, л. 32, 55;
32. Ф.Р. 605, оп. 3, д. 45, л. 457, 462;
33. Ф.1010, оп.1, д.50, л.15,19;

Государственный архив Пермской области:

34. Ф.Р.19, опись1, д. 341; л. 1;
35. Ф. 39, оп.1, д.178, л 50-70;
36. Ф.Р. 605, оп. 1, д.15, л 2;
37. Ф. 279, оп.3, д. 922;
38. Ф. 279, оп.3, д. 988;
39. Ф.Р. 1423, оп.1, д. 49, л 11-28;
40. Ф.Р. 37, оп.3, д.283;

41. Ф.Р. 37, оп.3, д.284;

42. Ф.Р. 301, оп.1, д.161; л. 101об.-102, 105 об.-106.

43. Сельские населённые пункты Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989г.). Сыктывкар. 1990 г. С. 46-48

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И СОСЛОВНОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН КОМИ КРАЯ В КОНЦЕ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Котов П.П.

Сыктывкарский государственный университет

Под понятием «Коми край» для периода с конца XVIII по начало XX вв. в научной литературе обычно подразумевается основная территория Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии и восточная часть Мезенского уезда (с 1891 г. - Печорский уезд) Архангельской губернии. Основную массу населения (около 95%) представляло здесь крестьянство, среди которого в сословном отношении преобладали казенные - государственные поселяне (свыше 90%), в национальном - коми-зыряне.

В нашей историографии, начиная с народнической во второй половине XIX в., сложилась тенденция показа сугубо «тяжелого положения» крестьян в России, в том числе и в сфере их эксплуатации. В 20-х годах и последующие десятилетия XX века этим объяснялось «постоянное и непрерывное» нарастание классовой борьбы крестьянства. Такая тенденция отражалась на региональных исследованиях, когда отмечалось, что за период позднего феодализма денежные подати крестьян Коми края увеличились в 4 и более раз¹. С другой стороны, в социально-экономических исследованиях период с конца XVIII по середину XIX в. характеризовался, как эпоха «кризиса и усиления кризиса феодальных отношений». Здесь вставала проблема совместить понятия «кризиса» с выводом об увеличении податей и налогов в несколько раз. В таких случаях ученые старались уже обходить вывод о многократном увеличении денежных сборов в «эпоху кризиса» и приводили лишь частичные сведения о денежных сборах².

Многочисленные денежные сборы, которые выплачивали крестьяне Коми края в конце XVIII - первой половине XIX вв., условно можно объединить в четыре группы: общегосударственные, общесословные, земские и местные. В предлагаемой работе предпринята попытка установить формы и определить эволюцию степени денежного налогообложения этих крестьян в указанный период в рамках первых двух групп.

Общегосударственные денежные налоги взимались со всех податных сословий России. К ним относилась, прежде всего, подушная подать - основной государственный налог, которым облагались податные сословия, в том числе и крестьянство Коми края. Правда, в конце XVIII - первой половине XIX вв. подушная подать в отношении купцов была уже заменена сбором «процентов с капитала». На остальные податные сословия она по-прежнему начислялась в расчете на каждую душу мужского пола (далее - д.м.п.), учтенную по соответствующей ревизии.

В эпоху Петра I подушная подать в начале была определена в 0,74 р. с «записанной по I ревизии души». Этот размер налога практически не выплачивался, так как в феврале 1725 года для крестьян он был понижен до 0,70 р., для мещан и купцов - увеличен до 0,80 р. с ревизской д.м.п. Однако с каждой «записанной по ревизии души» отныне стали собирать еще по 2 к. на «сдачу», т.е. на расходы по сбору подати³. Иными словами, реально подушная подать с ревизской д.м.п. составляла на селе 0,72 р., в городе - 0,82 р. Как и многие другие сборы, подушная подать взималась в два приема - в половинном размере по каждому полугодю.

В XVIII в. размер подушной подати долгое время оставался неизменным. Лишь по указу Екатерины II от 23 июня 1794 г. государственный налог в большинстве губерний страны, включая Европейский Север, был увеличен до 1,0 р. с души⁴. При этом по-прежнему взималось и по 2 к. с души на «сдачу». Отметим, что новый оклад подушной подати стал собираться со второй половины 1794 г., т.е. в среднем за данный год он составлял (включая сбор на «сдачу») 0,87 р. (за первое полугодие - 0,36 р. и за второе полугодие - 0,51 р.). Начиная с 1795 г. подушная подать с крестьян Коми края взималась уже в полном размере - по 1,02 р. с души. 18 декабря 1797 г. по указу Павла I годовой оклад подушной подати повышался до 1,28 р. (включая 2 к. на сбор подати)⁵. При Александре I размер основного государственного налога внешне продолжал увеличиваться. По манифесту от 2 февраля 1810 г. он стал взиматься в сумме 2,0 р. и по указу от 11 февраля 1812 г. - 3,0 р. с души⁶.

В 1839-1843 гг. в России была проведена денежная реформа, инициатором которой выступал министр финансов страны Е.Ф. Канкрин. В ходе ее проведения с 1840 г. все денежные платежи (включая и налоги) переводились на серебряный рубль. С 1843 г. к нему был жестко привязан новый бумажный «заменитель» - кредитный рубль⁷. В новом исчислении оклад подушной подати с 1840 г. стал составлять 0,95 р. и по указу от 30 декабря 1861 г. - 1,0 р.⁸

В начале XIX в. проявились новые тенденции в налогообложении крестьян. Правительство стремилось хотя бы частично покрыть де-

фицит бюджета, изначально открыто не увеличивая сумму основных существующих денежных податей. Оно стало вводить новые денежные сборы или переключать таковые с одних сословий на другие. Некоторые из этих сборов носили характер общегосударственных. Их размеры, на первый взгляд, были невелики. Однако в течение времени они присоединялись к основным податям и особенно оговаривались, т.е. «маскировались» в окладах основных налогов. Так, после 1810 г. сборы «на сдачу» подушной и оброчной податей уже нигде специально не указывались. С этого же года подразумевалось, что в оклад подушной подати входит и налог «на содержание присутственных мест». Последний был введен в 1797 г. в виде специального сбора с дворян. В 1806 г. он был отменен с дворян и разложен на помещичьих крестьян, а через год его распространили на казенных и удельных крестьян страны⁹. Налог «на содержание присутственных мест» в 1807 г. взимался в размере 0,18 р., с 1808 г. - 0,27 р. с души. Подобная мимикрия произошла и с особым сбором «на устройство водяных и сухопутных сообщений», который по указу от 25 октября 1816 г. был определен в 0,25 р. с души, 22 марта 1818 г. - увеличен до 0,30 р. и официально присоединен к подушной подати¹⁰. Прибавления к окладу подушной подати последовали и в 1862 г. - за счет введения «временного сбора». Он назначался с 1863 г. дифференцированно по уездам страны. В Меженском, Усть-Сысольском и Яренском уездах «временный сбор» был определен в 12 к. (в расчетах кредитного рубля). Однако в начале 1863 г. последовал указ об освобождении «от дополнительной подушной подати всех сельских обывателей Архангельской и Екатеринославской губерний, Сольвычегодского, Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии и Чердынского уезда Пермской губернии»¹¹. Поэтому крестьяне Коми края выплачивали подушную подать, вплоть до ее отмены в 1886 г., в прежнем размере, т.е. 1,0 р. с ревизской д.м.п., учтенной по X ревизии в 1858-1859 гг.

В обобщенном виде эволюция окладов подушного налога в конце XVIII - первой половине XIX в. отражена в Таблице 1. Следует подчеркнуть два момента. Во-первых, в Таблице 1 приведены не даты указов, которые изменяли оклады подушной подати, а первый и последний год, когда эти оклады существовали. Во-вторых, к собственным подушным окладам присоединены все сборы, которые некоторое время существовали самостоятельно, но в конечном итоге вошли в состав подушной подати. Иначе говоря, в оклад подушной подати за соответствующие периоды включены: расходы на сборы подушной подати («на сдачу»), налог «на содержание присутственных мест» и особый сбор «на устройство водяных и сухопутных сообщений».

Данные Таблицы 1 показывают, что с 90-х годов XVIII в. по 1812 г. формально подушная подать с крестьян Коми края увеличилась с 0,72

до 3,0 р., т.е. почти в 4,2 раза. За этот же период внешне не менее заметно возрастал и основной сословный налог с государственных крестьян края - оброчная подать. Она начислялась и взыскивалась по тому же принципу, что и подушная подать, т.е. по полугодиям в расчете на ревизскую д.м.п. Оброчная подать считалась налогом за пользование землей. В 1723 г. она вводилась для крестьян, «которые не за помещики» в качестве «добавочного подушного сбора»¹². По указу от

Таблица 1

**Изменение душевых окладов основных податей с крестьян
Коми края в 1791-1870 гг.***

Годы	Подушная подать - на ревизскую душу			Годы	Оброчная подать - на ревизскую душу		
	руб. по окладам	руб. по реальной мере стоимости			руб. по окладам	руб. по реальной мере стоимости	
		абс.	%			абс.	%
	руб. асс.				руб. асс.		
1791	0,72	0,59	100	1791	3,06	2,49	100
1793	0,72	0,51	86,4	1797	3,06	2,23	89,6
1794	0,87	0,60	101,7	1798	3,57	2,23	89,6
1795	1,02	0,72	122,0	1809	3,57	1,55	62,2
1797	1,02	0,74	125,4	1810	5,50	1,40	56,2
1798	1,28	0,80	135,6	1811	5,50	1,45	58,2
1806	1,28	0,86	145,8	1812	7,50	1,89	75,9
1807	1,46	0,79	133,9	1839	7,50	2,15	86,3
1808	1,55	0,69	116,9		руб. сер.		
1809	1,55	0,67	113,6		Усть-Сысольский и Яренский уезды		
1810	2,00	0,51	86,4	1840	2,58	2,62	105,2
1811	2,00	0,53	89,8	1861	2,58	2,29	92,0
1812	3,00	0,76	128,8	1862	2,85	2,44	98,0
1816	3,00	0,76	128,8	1866	2,85	1,94	77,9
1817	3,25	0,82	139,0	1867	2,97	2,69	108,0
1818	3,30	0,83	140,7	1870	2,97	2,31	92,8
1839	3,30	0,94	159,3		Мезенский уезд		
	руб. сер.			1840	2,15	2,18	87,6
1840	0,95	0,99	167,8	1861	2,15	1,91	76,7
1861	0,95	0,84	142,4	1862	2,25	1,92	77,1
1862	1,00	0,86	145,8	1866	2,25	1,53	61,4
1870	1,00	0,78	132,2	1867	2,52	2,29	92,0
				1870	2,52	1,95	78,3

*Примечание: Перевод окладов на реальную меру стоимости произведен на основе данных - Миронов Б.Н. Хлебные цены... С.37,39.

Источники: ПСЗ-1. Т.7. №4650; Т.15. №11120; Т.21. №15723; Т.23. №17222; Т.24. №18278; Т.31. №24116; Т.32. №24992, 24993; Т.33. №26477; Т.35. №27314; ПСЗ-2. Т.14. №12497, 12498, 12867; Т.34. №34183; Т.36. №37818; Т. 37. №39086; Т.38. №39312; РГИА. Ф.515. Оп.1. Д.4294. Л.5-8.

---

18 мая 1724 г. превра-тилась в самостоятельный налог - оброчную подать. При этом ее оклад, в отличие от подушной подати, уже в течение всего XVIII в. неоднократно увеличивался. В 1724 г. для казенных крестьян Коми края он составлял 0,40 р. с души¹³. Затем, 30 декабря 1745 г., оброчная подать была повышена до 0,55 р. с ревизской д.м.п., 12 октября 1760 г. - до 1,0 р. и 3 мая 1783 г. - до 3,0 р. с души¹⁴. Следует отметить, что указанные оклады оброка на практике были выше - за счет сбора на «сдачу». Последний до 1783 г. начислялся, как и в случае с подушной податью, по 2 к. с души. Затем он был определен уже в размере 2 к. на каждый рубль оброчной подати. Иными словами, к душевым окладам оброка до 1783 г. включительно следует прибавлять по 2 к., с 1784 г. - по 6 к.

Приведенные выше факты свидетельствуют, что во второй четверти XVIII в. годовой оклад сословного налога с казенных крестьян Коми края составлял от 58,3 до 79,2% оклада подушной подати, т.е. последний был заметно меньше. С 1761 г. душевые размеры оброчной подати стали на 41,7% превышать размеры подушной подати, а с 1784 г. - уже на 325%. В дальнейшем этот разрыв между основными денежными податями изменялся, но все же оставался достаточно большим.

По указу Павла I от 18 декабря 1797 г.¹⁵ в отношении выплат оброчной подати вводился принцип учета экономических «выгод состояния губерний». Все губернии страны были разделены на 4 класса, в рамках которых дифференцированно и определялись душевые размеры оброка. Архангельская губерния была отнесена к 4 классу, в рамках которого размер оброка составлял 3,57 р. с души (включая 7 к. расходов на сбор налога). Вологодская губерния вошла в группу регионов 3 класса с оброчным окладом в 4,08 р. Однако в Сольвычегодском, Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии душевые суммы оброчной подати определялись по губерниям 4 класса, т.е. пока все казенные крестьяне Коми края выплачивали одинаковый оклад оброчной подати - 3,57 р. Этот оклад для губерний 4 класса по манифесту от 2 февраля 1810 г. был увеличен на 2,0 р. с поглощением сбора на «сдачу» и составлял отныне 5,50 р. с души. По манифесту от 11 февраля 1812 г. он был еще раз увеличен - до 7,50 р. с ревизской д.м.п.¹⁶

В ходе реформы Е.Ф. Канкринна с 1840 г. оброчная подать с государственных крестьян Архангельской губернии стала составлять 2,15 р. с души, в Вологодской губернии - 2,58 р. с души¹⁷. Как видим, оклад оброка для крестьян в различных частях Коми края стал разным: в Усть-Сысольском и Яренском уездах он был выше, чем в Мезенском уезде. По указу от 23 февраля 1859 г. в Вологодской губернии он был повышен еще раз - до 2,71 р., но «оставлен на прежнем основании» в Сольвычегодском, Усть-Сысольском и Яренском уездах Вологодской губернии и во всех уездах Архангельской губернии¹⁸. Общее повышение оброчной подати последовало по указу от 30 декабря 1861 г.¹⁹, когда к ее окладу в Архангельской губернии было добавлено по 10 к. с души, в Усть-Сысольском и Яренском уездах Вологодской губернии - по 27 к. с души.

В 1862 г. последовал указ о введении «со следующего года дополнительной оброчной подати на государственных крестьян с каждой десятины удобной земли кроме леса». В уездах, условно входящих в Коми край, «дополнение» намечалось по 5 к. с одной десятины земли. Но «в связи с неурожаями на 1863 г.» дополнительная оброчная подать «преостанавливалась в Архангельской и Ектеринославской губерниях, Сольвычегодском, Усть-Сысольском и Яренском уездах Вологодской губернии и Чердынском уезде Пермской губернии»²⁰. Упоминание о ее взимании по указанным регионам не отмечено и в последующие годы. С 1 января 1867 г. оброчную подать все-таки еще раз увеличили: в Яренском и Усть-Сысольском уездах до 2,97 р. и в волостях будущего Печорского уезда (пока это оставался Мезенский уезд) - до 2,52 р. с ревизской души. В таком виде этот оклад оставался до преобразования оброчной подати в выкупные платежи. Здесь же еще раз подчеркнем, что оклады оброчной и подушной податей начислялись на ревизские души, а последняя, X ревизия была проведена в 1858-1859 гг. Поэтому правительство, увеличивая основные налоги в 60-х годах XIX в., имело в виду скорее «прибылые души», т.е. прирост населения, нежели увеличение собственно окладов с реальных душ.

Таким образом, в конце XVIII - первой половине XIX вв. подушная и оброчная подати, как, впрочем, и другие налоги, исчислялись в окладах, в основе которых лежали разные денежные обращения. Поэтому совершенно недопустимо, как это обычно делается в исследованиях, механическое сопоставление размеров душевых окладов периода конца XVIII - первой трети XIX в. с окладами начала 40-х годов XIX в. или периода 50-60-х годов XIX столетия. Мало того, даже в рамках, например, периода конца XVIII - первой трети XIX в. душевые оклады налогов за разные годы нельзя механически сравнивать. Для того, чтобы сравнение размеров душевых окладов было объективным, необходимо эти оклады вывести на основе реальной меры

стоимости. Только так можно проследить реальное изменение подушных окладов на протяжении всего периода позднего феодализма.

В 1769 г. впервые в истории России были введены бумажные деньги - ассигнации. Отныне было «накрепко указано», чтобы все денежные подати и налоги собирались «ассигнациями и медною монетою». Реально же денежное обращение страны базировалось на серебре. По мере эмиссии ассигнаций курс бумажных и медных денег на серебряные стал понижаться. Если в 1769-1787 гг. на Петербургской бирже 1 р. асс. приравнялся к 1,0-0,97 р. сер., то в 1791-1800 гг. - к 0,625-0,813 р. сер., а в 1811-1820 гг. - к 0,200-0,264 р. сер. Затем, благодаря прекращению эмиссии ассигнаций, изъятию из обращения 240 млн. р. асс., активности русского торгового баланса, курс бумажного и медного рубля стабилизировался: в 1821-1840 гг. на Петербургской бирже 1 р. асс. обменивался на 0,257-0,286 р. сер²¹. Несмотря на то, что в 1769-1839 гг. все оклады податей и денежных сборов выражались в бумажных деньгах, серебряный рубль продолжал оставаться мерой реальной стоимости ассигнаций и медных денег.

В ходе денежной реформы Е.Ф. Канкрин в 1839-1843 гг. вводился новый денежно-бумажный эквивалент - кредитный рубль. Официально он был жестко привязан к серебряному рублевому номиналу. Однако в 40-х годах XIX в. в России началось падение цен на серебро. Вследствие неустойчивого курса серебряного (значит и кредитного) рубля происходит изменение: идеальной мерой стоимости стал золотой рубль, в котором и выражались цены в стране. В формально-правовом отношении на золотое обращение в России перешли с 1896 г., реально - с начала 40-х годов XIX в. Уже с этого периода все расчеты, например, курса кредитных билетов, акций и т.п. производились на золотой рубль²².

Учитывая изложенное, в Таблице 1 все суммы окладов подушной и оброчной податей переведены за период 1791-1839 гг. - с ассигнаций на серебряный рубль, за период 1840-1870 гг. - с кредитного на золотой рубль. И в том, и в другом случае действовал принцип реальной меры стоимости. Все указанные переводы осуществлены по денежным курсам Петербургской биржи²³, которая господствовала на рынке страны и аккумулировала подавляющую часть денежных операций. В отношении остальных денежных налогов подобные переводы на реальную меру стоимости также могут быть произведены (по мере необходимости).

Данные Таблицы 1 показывают, что в 1791-1870 гг. реального возрастания ряда окладов основных денежных налогов с крестьян Коми края не происходило. Государство реагировало на изменение курса бумажных денег и изменяло душевые ставки податей. В некоторых случаях увеличение душевых окладов напрямую было связано с паде-

нием курса денег и стремлением компенсировать потери реальных выплат, так происходило в 90-х годах XVIII в. и в начале XIX в. В другие периоды правительство стремилось действительно увеличить уже и душевые выплаты, учитывая, вероятно, потери от возможного снижения курса бумажных денег. В результате оклады подушной подати с крестьян Коми края только в 1792-1793 и 1810-1811 гг. были ниже окладов 1791 г. В остальные годы конца XVIII - первой половины XIX в. размеры душевых выплат начислялись на 13,6 - 86,4% больше, чем в 1791 г. (см. Таблицу 1).

С другой стороны, реальное душевое обложение оброчной подати с крестьян Коми края удалось поднять до уровня 1791 г. только в 1840-1847, 1850-1853, 1856-1857 и 1867-1868 гг. и только по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам. В остальные годы оклад оброчной подати составлял от 56,2 до 98,0% по сравнению с окладом 1791 г. Здесь, на наш взгляд, правительство стремилось скорее сохранить определенный уровень душевого обложения (см. Таблицу 1).

Следует отметить, что на практике существовал так называемый народный лаж, т.е. местный обмен бумажных денег на твердую монету. Правда, для крестьян это больше касалось обмена ассигнаций на серебро и наоборот. Народный лаж различался не только по губерниям, но и в рамках последних - по уездам. Все его особенности по конкретным регионам учесть невозможно, да, вероятно, и не нужно. В конечном итоге лаж ориентировался на изменение курсов бумажных денег на биржах страны и, прежде всего, на Петербургской бирже. С целью максимального сглаживания возможной разницы между лажем, который существовал в Коми крае, и курсом бумажных денег на Петербургской бирже в Таблице 2 все душевые оклады подушной и оброчной податей приведены в среднем по десятилетним периодам. Основой для этих подсчетов послужили данные, приведенные в Таблице 1, и средний курс ассигнаций или кредитных билетов на Петербургской бирже (реальная мера стоимости бумажных денег) за соответствующие десятилетние периоды.

Материалы Таблицы 2 свидетельствуют, что в среднем по десятилетним периодам за 1791-1870 гг. оклад подушной подати правительству удалось не только сохранять, но и даже увеличивать. Если в 1791-1800 гг. этот оклад для крестьян Коми края составлял 0,71 р. с души, то в 1801-1810 гг. - 0,88 р., т.е. на 23,9% больше. В силу наибольшего падения курса ассигнаций душевой размер подушной подати в 1811-1820 гг. понизился до 0,74 р., оставаясь, однако, выше уровня 1791-1800 гг. на 4,2%. За счет стабилизации и некоторого повышения курса ассигнаций реальные размеры подушной подати в 1821-1830 гг. правительству удалось поднять почти до уровня первого десятилетия XIX в. (0,87 р. с души), а в 1831-1840 гг. - превзойти этот уровень. Затем в

1841-1850 гг. реальный оклад подушной подати поднялся до 0,93 р. и в 1851-1870 гг. понизился вначале до 0,90 р., далее - до 0,83 р. с души, превышая все же уровень 1791-1800 гг. на 16,9-28,2% (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Динамика подушного и оброчного налогообложения государственных крестьян Коми края в 1791-1870 гг.*

Годы	Подушная подать - на ревизскую душу			Оброчная подать - на ревизскую душу		
	руб. по окладам	руб. по реальной мере стоимости		руб. по окладам	руб. по реальной мере стоимости	
		абс.	%		абс.	%
	руб. асс.			руб. асс.		
1791-1800	0,993	0,71	100	3,213	2,31	100
1801-1810	1,424	0,88	123,9	3,763	2,32	100,4
1811-1820	3,015	0,74	104,2	7,300	1,79	77,5
1821-1830	3,300	0,87	122,5	7,500	1,99	86,4
1831-1840	3,300	0,91	128,2	7,500	2,06	89,2
	руб. сер.			руб. сер.		
					Усть-Сысольский и Яренский уезды	
1841-1850	0,950	0,93	131,0	2,580	2,53	109,5
1851-1860	0,950	0,90	126,8	2,580	2,45	106,2
1861-1870	0,995	0,83	116,9	2,871	2,38	103,1
				Мезенский уезд		
1841-1850				2,150	2,11	91,3
1851-1860				2,150	2,04	88,3
1861-1870				2,248	1,95	84,4

*Примечание: Перевод окладов на реальную меру стоимости произведен на основе данных - Миронов Б.Н. Хлебные цены ... С.37, 39.

Источники: см. к Таблице 1.

Иная ситуация наблюдалась по выплатам оброчной подати. Ее реальный душевой оклад в государственной деревне Коми края сохранялся примерно на одном уровне в среднем за последнее десятилетие XVIII в. и за первое десятилетие XIX в. - соответственно 2,31 р. и 2,32 р. Несмотря на фактическое удвоение этого оклада в ассигнационном исчислении, во втором десятилетии XIX в. его реальные размеры составили 1,79 р., или 77,5% от 1791-1800 гг. В последующем, до 1841-1850 гг. реальные душевые оклады оброчной подати на терри-

тории Коми края имели явную тенденцию к увеличению и далее - вновь снижались. Однако в Усть-Сысольском и Яренском уездах в среднем по десятилетиям за 1841-1870 гг. они на 3,1-9,5% превышали оклады 1791-1800 гг. По Мезенскому уезду душевые оклады оброчной подати по десятилетним периодам 1821-1870 гг. начислялись в размерах от 1,99 до 2,11 р., т.е. всегда были ниже средних душевых окладов последнего десятилетия XVIII в. (см. Таблицу 2).

В течение всего периода позднего феодализма государство стремилось увеличивать свой доход не только за счет изменения ставок существующих основных податей, но и путем введения новых денежных сборов. Так, в 1858 г. для государственных крестьян России был введен прямой налог «за пользование лесом»²⁴. Лесной налог стал взиматься с 1859 г. за использование крестьянами лесных дач для «домашних надобностей» (выпас скота, занятие промыслами, вырубка «законного количества строевых деревьев и дров» и т.п.). В разных губерниях, а иногда и по уездам в рамках одной губернии, его размеры могли варьироваться. В целом же этот налог имел тенденцию к увеличению. В 1859-1861 гг. в Усть-Сысольском и Яренском уездах лесной налог увеличился с 0,20 до 0,24 р. сер. с души. Заметнее его прирост наблюдался в Архангельской губернии, когда здесь в 1859 г. он составил по 0,21 р. сер. на ревизскую д.м.п., а в 1861 г. - по 0,69 р. сер. Такое резкое возрастание лесного налога вызвало не только протест крестьян, но и заставило губернские органы власти обратить на это внимание. Архангельский губернатор в записке министру государственных имуществ писал, что «при раскладке лесного налога много шума и недовольства, общества упорствуют в раскладке, чиновники и урядники принуждают... сборщики требуют денег неотступно». Губернатор вынужден был признать лесной налог «отяготительным» для крестьян. В результате сумма налога была уменьшена, главным образом, за счет ликвидации злоупотреблений и приведение его начисления в соответствие с законом²⁵.

Все денежные подати и сборы назначались, как уже неоднократно отмечалось, по ревизским душам. Законодатель лишь в незначительной степени учитывал экономическое состояние государственной деревни, когда вводил градацию губерний на классы или определял разный уровень сборов по ним. В целом же государственное и сословное налогообложение крестьян Коми края носило феодальный характер. Однако на практике крестьяне учитывали хозяйственное состояние своих односельчан. В соответствии с окладными листами, которые рассылались по волостям уездными казначействами, раскладка и взимание податей и сборов производилась на мирских сходах. Сборщики налогов имели дело не с каждым домохозяином в отдельности, а с целыми сельскими обществами (общинами), от которых и получа-

ли причитающуюся с них общую сумму денег (в соответствии с числом ревизских душ). В казенной деревне крестьяне имели право раскладывать подать «самим между собою по состоянию» через «выборных или поверенных, или раскладчиков»²⁶. Поэтому «ревизские души» были скорее счетной единицей, необходимой для определения общей суммы сборов. Под ревизскими душами крестьяне понимали не реальных живых людей, а количество выделенных двору на тех же мирских сходах долей земли. В соответствии с этой «долей», учитывая внеземледельческие заработки, и определялись размеры податей и сборов, которые причитались на конкретный двор. Поэтому в раскладочных ведомостях очень часто встречаются понятия не целых ревизских душ, а «четверть души», «осьмая души», «три осьмых души» и т.п.²⁷. Нередко по таким же правилам раскладывались на все общество и штрафные деньги за самовольные порубки леса, за самовольные расчистки земли под пашню или сенокос, за допущенные лесные пожары, за пропущенные при ревизиях души и т.п.

Сложившийся общинный порядок взимания податей и сборов имел и другие, чисто негативные последствия. Прежде всего, открывался простор для сельских выборных - сборщиков налогов, старост, волостных писарей и старшин. Они скрывали от крестьян реальные оклады сборов, не давали документов, подтверждающих уплату податей, делали неточные и небрежные записи в шнуровых книгах. Неграмотные в массе своей крестьяне все это проверить не могли.

Фактические денежные сборы нередко превосходили те размеры, которые определялись окладными листами. Вологодская губернская палата государственных имуществ признавала, что «окладные листы рассылаются несвоевременно, платежные таблицы не выдаются тотчас по раскладке сборов, взносы вписываются не тогда, когда делаются крестьянами, но позднее, сборщики не отдают обществу отчета в собранных суммах, а местные начальства не следят за их действиями и допускают иногда сборы негласные»²⁸.

Таким образом, в конце XVIII - первой половине XIX вв. государственное и сословное денежное налогообложение крестьян Коми края включало в себя комплекс постоянных и временных податей и сборов. Оклады основных податей были настолько велики, что государство, в условиях кризиса феодальной системы, не могло и не решалось явно повышать их реальный уровень. Изменяя ставки государственных и сословных сборов, казна стремилась прежде всего сохранить общую доходность. С другой стороны, правительство действительно увеличило свои доходы, но за счет перекладывания все более существенной части расходов на население. Оно увеличивало местные налоги - земские и местные сборы. Последняя проблема нуждается в специальном исследовании.

1. Беленкина Т.И. Из истории классовой борьбы Коми народа. Сыктывкар, 1971. С. 10; Она же. Подати и повинности крестьян Коми края в конце XVIII - первой половине XIX века // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 26 - 34.
2. История Коми АССР. Сыктывкар, 1981. С. 78 - 79; История северного крестьянства. Т. 1. С.282-284; Очерки по истории Коми АССР. Т.1. Сыктывкар, 1955. С. 213 - 214.
3. ПСЗ - 1. Т. 7. №4550.
4. ПСЗ -1. Т. 23. №17222.
5. ПСЗ -1. Т. 24. №18278.
6. ПСЗ -1. Т. 32. №24992.
7. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.) Л., 1885. С.38.
8. Там же. Т.36. №37818.
9. ПСЗ -1. Т. 24. №18278; Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII - начале XIX века. М., 1987. С.25-26.
10. ПСЗ -1. Т. 33. №26477; Т.35. №27314.
11. ПСЗ-2. Т.37. №39086; Т.38. №39312; РГИА. Ф.515. Оп.1. Д.4294. Л.5-8.
12. ПСЗ -1. Т. 7. №4332, 4390.
13. Там же.
14. ПСЗ -1. Т.15. №11120; Т.21. №15723.
15. ПСЗ -1. Т.24. №18278.
16. ПСЗ -1. Т.31. №24116; Т.32. №24992, 24993.
17. ПСЗ-2. Т.14. №12497, 12498, 12867.
18. ПСЗ-2. Т.34. №34183.
19. ПСЗ-2. Т.36. №37818.
20. ПСЗ-2. Т.37. №39086; Т.38. №39251.
21. Там же. С.39. Табл.3.
22. Там же. С.38.
23. Там же. С.37. Табл. 2; С.39. Табл.3.
24. ПСЗ-2. Т.33. №33399.
25. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф.1. Оп.5. Д.668. Л.7; Оп.6. Д.93. Л.12; Беленкина Т.И. Подати и повинности крестьян Коми края... С.28; Козлов Н. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Архангельская губерния. Спб., 1865. С.112,152.
26. ПСЗ-1. Т.21. №15724.
27. См., например: НАРК. Ф.95. Оп.1. Д.7. Л.4.
28. НАРК. Ф.66. Оп.1. Д.221. Л.27.

СИМВОЛИКА ЦВЕТА И ЧИСЛА В ГОНЧАРСТВЕ КОМИ (ЗЫРЯН)

Чудова Т.И.

Сыктывкарский государственный университет

Символика цвета и числа восходит к архаичным представлениям, а особый интерес представляет такая символика в производственной сфере. Гончарство коми (зырян) сохраняет до начала XX в. архаичные приемы лепного моделирования, в рамках которого начинает складываться гончарство как ремесло.

Глина является наиболее древним природным материалом, вошедшим в бытовую сферу и «окультуренным» человеком. Для изготовления формовочной массы использовалась исключительно глина красного цвета (гӧрд сӕй). Информаторы подчеркивают, что синяя глина (сӕн) для гончарства не годится. Физико-минералогические характеристики данных глин близки между собой, и вместе они составляют пестроцветные «глины среднепластичные, низкодисперстные»¹. Предпочтение различным оттенкам красного цвета глины и игнорирование синей связано с символическим аспектом. Красный цвет в традиционной культуре коми (зырян) имеет особую выделенность среди других частей спектра, носит определенную амбивалентность, содержит как положительную, так и отрицательную характеристики. Однако красный цвет глины (гӧрд сӕй) имеет положительную семантику, а вместе с гончарством «входит в семантическое поле ... наряду с понятиями «плодородие», «рождение»...»² в мифопоэтических представлениях коми. Синий цвет глины (сӕн) имеет негативную символику и соотносится с понятием смерти³. Один из исследователей гончарного искусства Восточной Европы отмечает, что цвету глины «многие современные гончары придают преувеличенное значение при отборе сырья»⁴, когда при смене места жительства гончары ищут «похожую» глину, хотя часто аналогичная по цветовой характеристике может обладать другими физико-химическими свойствами. Цветовая окраска глины имела символическое значение, означающее мифологическое соответствие цветовому коду устройства мира.

В качестве примесей в глиняное тесто добавляли золу, песок, дресву (дробленый камень), шамот (дробленые обломки глиняной посуды), органические добавки. Песок является основной примесью при составлении формовочной массы, но особо подчеркивается, что песок брали не речной, а боровой. Источником добычи песка служили развеечные (не покрытые гумусом) места. При выборе песка при равных химико-физических качествах предпочтение отдавалось песку красноватых оттенков. Песок подбирали мелкозернистый, однородный по

структуре. Жесткое правило использования борового песка (особо подчеркивается локализация источника добычи: «рядом с деревней») связано не только с технологической задачей, но и с мифологическим аспектом. Речной песок характеризуется как маргинальный (река - граница мира живых и мира мертвых), применение которого при формовке сосуда может внести Хаос в освоенное пространство живых, внести разрушающий элемент иного мира. Использование в качестве отощителей глины золы и дресвы из каменки бани (которая соотносилась с мифологическим временем сотворения мира⁵), а также соединение в единой технологической цепочке трех стихий (вода, огонь и воздух) можно рассматривать как моделирование акта сотворения мира, что позволяло обеспечить правильность создания предмета.

Конструирование глиняного сосуда состояло из двух самостоятельных этапов - формирование dna-начина и стенок сосуда. Моделирование стенок целиком основано на приемах составной лепки. Суть ее состоит в следующем. Первоначально готовились из формовочной массы жгуты, которые наращивались по спирали. Нарощивание жгута шло слева направо. Такое налепливание (по движению солнца) можно рассматривать как признак «живых», т.е. сформированный таким образом сосуд предназначался для живых. Противоположное движение (против солнца) является признаком мертвых (так прощаются с покойником). Действия по движению солнца в коми языке имеет название «sondy-gön-nilyd» («по шерсти солнца») и относится к сфере человеческой деятельности, а действия в обратном направлении «sondi-gön-runydy» («против шерсти солнца») относятся к колдовской практике⁶.

Архивные материалы (запись 1945 г.) свидетельствуют, что стенки сосуда выполнялись из трех глиняных жгутов⁷, что подтверждается рентгеновскими снимками. Коми придавали символическое значение числу «три», а также всем нечетным числам⁸, нечетность в ритуальных действиях соотносилась с иным миром⁹. Первоначально сосуды конструировались из пропорций нечетных чисел: одна часть - начин-дно; три-пять или семь частей (в зависимости от высоты и диаметра сосуда) - стенки (основной объем), в том числе узкий жгутик, придающий наиболее характерную для коми гончарства закрытую форму сосуду. Проведенная выборка рентгеновских исследований не может корректно подтвердить, что такая архаика в точности соблюдалась в начале XX в. Встречаются сосуды, основной объем которых сконструирован из двух или четырех жгутов-полосок. Таким образом, части сосуда составлялись из нечетного количества жгутов, а уже целый состоял из четного числа, символически означающего, что гор-

шок по частям собирался в ином мире (нечет - символ иного мира), а уже целый принадлежал миру живых. Принимая во внимание способ налепливания жгута по движению солнца, использование трех жгутов при формовке стенок сосуда, возможно, было связано с воспроизведением трехчленной структуры мира.

Четко зафиксированного рабочего места для изготовления глиняной посуды не было. В летний период изготовление производилось прямо на улице. Такая пространственная локализация производственного процесса связана с нежеланием вносить природные компоненты, не прошедшие процесс окультуривания, в жилое помещение.

Очищение «нечистых» природных материалов, происходящее в печи дома, тождественно «запеканию» нечистоты (болезни) ребенка в печи¹⁰, что практиковалось народными целителями коми. С обжигом посуды в печи как бы определялся своеобразный ритуальный путь перехода из неосвоенного/нечистого в освоенное/чистое. Обжиг в печи (ипостась предков) метафорически означал «проверку» на качество, «чистоту» у них.

Использование мифологически выверенной цветовой гаммы глины и песка, а также применение цифровой символики в производственной сфере позволяли метафорически «очеловечить» горшки, что подтверждается лексикой коми языка¹¹ и сказочными сюжетами. Так, в одной из сказок повествуется о том, что изготовленные вдовой три глиняных горшка, «путешествуя» в иной мир, устраивают обеспеченную семейную жизнь вдовы. Мир предков, могущий дать благосостояние, в сказочном сюжете маркируется водой (ручей, река), лесом и болотом. В мировоззрении коми-зырян границы мира живых и мира мертвых четко разделены, что достаточно ясно прослеживается в топографии средневековых могильников Перми Вычегодской¹². Сакрализация числа «три» подчеркивается и количеством вылепленных вдовой горшков (ср.: в русских сказках - три брата, три сестрицы, три богатыря и т.д.). Аналогичная символика числа «три» проявляется также при магическом лечении (брали воду из три-девяти колодцев, топили баню трижды по девять поленьев, веник составлялся из веток, срезанных с трех деревьев)¹³, при строительстве дома (из отобранных деревьев на постройку дома срубали три дерева и по ним определяли, можно ли строить дом)¹⁴.

Бинарные оппозиции красный-синий, культурное-природное, чет-нечет, выявленные при конструировании глиняной посуды, наглядно свидетельствуют о придании символического значения цвету и числу коми (зырянами) не только в духовной культуре, но и в производственной сфере.

1. Капитанов В.М., Хлыбов В.В., Толстова В.В. Монтморилловые глины - перспективное сырье для производства кирпича // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Европейского Северо-Востока России: Тезисы Всероссийской геологической конференции. (Том 1). Сыктывкар: Институт геологии КНЦ УрО РАН, 1994. С. 187.
2. Уляшев О.И., Шарапов В.Э. Семантика сэй/сюн в свете традиционных хроматических ассоциаций у коми // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского Севера. (Тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 60). Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1996. С. 110; Уляшев О.И. Цвет в представлениях и фольклоре коми. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1999. С. 16.
3. Уляшов О.И. Цвет ... С. 18.
4. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 76.
5. Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение коми: окружающий мир, пространство и время. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1996. С. 108-109.
6. Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и магия (материалы по психологии колдовства). СПб.: Алетейя, 1997. С. 28.
7. Архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Ед. хр. 204. С. 21.
8. Семенов В.А. Мифология времени и числа в традиционной культуре коми // *Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum / Congressus Octavys Internationalis Fenn-Ugristarum. Jivaskyla, 1995. P 343-344.*
9. Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: к реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). Л.: ЛГУ, 1992. С. 26.
10. Ильина И.В. Народная медицина коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1997. С. 86-90.
11. Для обозначения наиболее характерной баночной формы глиняного сосуда используется словосочетание «юмыр вома» (сморщенный рот).
12. Савельева Э.А., Истомина Т.В. Идеологические представления древних коми по данным погребального обряда // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар. 1986. С.81, 89.
13. Ильина И.В. Материалы по лечебной магии коми // Тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 60. Сыктывкар, 1996. С. 11-20.
14. Конаков Н.Д. Строительная обрядность народов коми // Тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 60. Сыктывкар. С. 21-29

ЗАВЕТНЫЕ ПРАЗДНИКИ КОМИ-ЗЫРЯН

Чувьуров А. А.

Российский Этнографический музей

В настоящее время интерес к христианской культуре очевиден. Тому есть объективные причины социально-политического характера (перемены в общественно-политической жизни в нашей стране, снявшие цензурные и идеологические запреты в вопросах религиоведческих исследований, юбилейный рубеж 2000-летия христианства и т.д.). Одним из важнейших элементов возрождения, поновления христианской культуры является возрождение, восстановление местных святынь (храмов, почитаемых мест, святых источников и т.д.) и заветных праздников - бытование которых в той или иной местности связано с различными важными событиями в жизни определенной деревни: эпидемией, падежом скота, пожаром, «явлением иконы» и т.п. В настоящей статье на основе материалов полевых исследований, а также результатов исследований этнографов и фольклористов из Сыктывкара рассматриваются некоторые современные аспекты бытования заветных праздников у коми-зырян.

Среди удорских коми особым почитанием пользуется праздник свт. вмч. Параскевы (день памяти св. вмч. 28 октября/10 ноября). Св. вмч. Параскева прославилась своим мученическим подвигом, тем, что отказалась участвовать в языческом жертвоприношении и приняла мученическую смерть. Её имя происходит от греческого наименования пятого дня недели - Параскева (пятница), так как именно в этот день она родилась, который в воспоминание о страстях Господних благоговейно почитался родителями св. вмч. - постом, молитвой и милостыней¹. В народной традиции произошло совмещение русского и греческого дня недели - Параскева Пятница. В честь Параскевы Пятницы на перекрестках дорог и у источников воды по традиции воздвигались часовни. Одна из таких часовен была построена в деревне Кривой Наволок (Удорский район Республики Коми), в которой местным праздником считается девятая пятница от Пасхи. По преданию, в часовне хранилась Чудотворная икона Святой Пятницы Параскевой Нареченной (в настоящее время утрачена и заменена работой современных иконописцев). Часовня сохранилась до наших дней и считается древнейшим памятником деревянного зодчества на территории Коми².

Праздник проводится в девятую пятницу от Пасхи. Считается, что в этот день икона Параскевы-Пятницы может принести исцеление больным людям. Народное название этого праздника - Заветной лун висьысьяслён («заветный день больных»)³. На праздник, в этот день, в деревню Кривое приходили паломники с Вашки и Мезени, с Пинеги и с Печоры. Страждущие исцеления от болезней путь до часовни Па-

раскевы Пятницы обязательно совершали пешком. В прошлом службу в праздник проводил священник. В настоящее время служба проводится группой пожилых женщин⁴.

Современное описание этого праздника приводится в работах В.Э. Шарапова и П.Ф. Лимерова. Он проходит следующим образом: к 9 часам утра в часовню приходят женщины, приносят «домашние иконы» и устанавливают их на полки рядом с храмовыми образами. Иконы покрываются вышитыми домотканными узорчатыми полотенцами и платками, около каждой из них зажигаются свечи. Затем начинается молебен: Спасу Вседержителю, Пресвятой Богородице, Святому Иаонну Богослову, Святому Прокопию Праведному, Святому Великомученику Георгию. В последнюю очередь два раза исполняется молитва во славу чудотворной иконы Пятницы Параскевы Нареченной. В одиннадцать часов начинается крестный ход, который открывается «поднятием икон»: женщины выносят все иконы из храма на улицу и направляются к реке Кер-ю. По местной традиции иконы в этот день разрешается нести только женщинам. Впереди несут икону Воскресение Христово, за ней самый большой храмовый образ Параскевы Пятницы. Крестный ход проходит по селу и через заливной луг, спускается к берегу реки, где у обетного креста ежегодно в этот день совершается омовение икон. Ежегодно к девятой пятнице ремонтируются деревянные мостки через ручей Гаг-шор. Обетный крест на берегу реки Кер-ю установлен напротив кладбища, расположенного за рекой. Принесенные иконы женщины устанавливают у обетного креста, после чего пожилые вдовы женщины и дети совершают омовение каждой иконы в водах глухаринными крылышками. В последнюю очередь опускают в воду икону Параскевы Пятницы. С этого момента вода в реке считается целительной в течение нескольких дней. Освященной водой (Вежа ва или Пекнича ва) умываются, моют детей, набирают в принесенную с собой посуду. Омовение икон завершается молебном у обетного креста. К полудню женщины возвращаются в часовню, где все иконы расставляются на полки, перед ними ставят посуду пекнича ва. После молебна женщины забирают свои «домашние» образа, освященную воду и расходятся по домам⁵. Как отмечают исследователи, праздник иконы Параскевы Пятницы на Удоре традиционно считается «женским», поэтому основные функции в молебне, омовении икон исполняют женщины. В настоящее время в празднике принимают участие также мужчины, которые не только приходят в храм на службу, но и несут во время крестного хода к реке самые большие храмовые образа⁶. Традиция омовения икон, освящения воды иконой Параскевы Пятницы достаточно широко была распространена среди различных групп русского населения. Это, в частности, подчеркивал С.В. Булгаков⁷.

Традиционно «мужским» праздником, как отмечают исследователи⁸, у удорских коми считается день памяти св. Прокопия Устюжского - Прокопий лун (8 июля / 21 июля). В этот день мужчины деревни Кривое шли крестным ходом с храмовой иконой св. Прокопия к обетному кресту, расположенному в конце деревни, где встречали священника, приехавшего на праздник из Важгорта. У обетного креста молились о хорошем урожае, а затем шли на службу в часовню⁹.

Св. Прокопий Устюжский был одним из почитаемых великорусских подвижников среди верхнепечорских коми, в селе Покча. В местном предании, записанном в 1960-е гг. Н.И.Дукарт, следующим образом объясняется установление почитания этого праздника в селе Покча, основную часть населения которого в прошлом составляли старообрядцы: «Когда-то день Прокопия в Покче не отмечали, ходили на работу, но однажды в этот праздник случился пожар - начали гореть дома. Жители деревни вместе с попом, который нес образ Прокопия, вышли на улицу и пожар сразу же начал затихать, а затем и прекратился. Дали обет не работать три дня, но скоро об этом забыли. И вот опять новый пожар - загорелись посевы на поле. Опять вышли с образом Прокопия, и пожар опять затих. С тех пор уже никто не выходил на работу три дня». В эти дни приезжали гости в Покчу с низов и верховьев Печоры¹⁰. Память об этом празднике сохраняется и в наши дни: в день памяти св. Прокопия Устюжского, даже несмотря на горячую пору приходившихся на этот период сенокосных работ, многие из жителей села не работают. Пожилые женщины в этот день собираются по домам и проводят молебны. День памяти Св. Прокопия Устюжского пользовался большим почитанием также в селе Деревянск (Усть-Куломский район): в этот день священник вместе с прихожанами обходил обетные кресты, возле каждого совершался молебен.

Следует подчеркнуть, что праздники, посвященные почитанию тех или иных икон, достаточно широко распространены среди современных коми. Так, в с. Нившера Корткеросского района почитается ряд праздников местночтимых икон: Св. Харлампия, иконы Вознесения, Николая Мирликийского, Параскевы Пятницы, св. Ильи пророка¹¹.

Наряду с «явленными» (местночтимыми) иконами, в религиозной жизни современного коми важное место занимают молебны, службы у «святых мест».

В селе Усть-Кулом таким местом считается родник в местечке Нюр Курья (в трех километрах от села), который называют «Источник явления Божьей Матери». Молебен около этого источника проводится в праздник Сретение иконы Пресвятой Владимирской Богородицы (26 августа / 8 сентября). Местные жители называют этот праздник «Крест лун». Одно из первых упоминаний об этом празднике приводится в очерках писателя-народника П.В.Засодимского «Лесное царство» (1878 г.). «Устькулом, - отмечает П.В.Засодимский, - замечателен тем,

что на улицах его в разных местах стоят 22 деревянных креста... У зырян существует обычай ставить крест в лесах и на полях, около селений и в самых селениях деревянные кресты, у которых в известные дни служат молебны. Каждый поселенец на новом месте ставит такой крест. В Устькуломе служат у крестов молебны 26 августа (ст. ст.), в память избавления от страшного скотского падежа, страшно свирепствовавшего лет 40 назад (в 1830-е гг. - А. Ч.). Хозяева нескольких дворов, обыкновенно, складываются вместе и платят священнику за молебен с каждого креста по 20 копеек и сверх того, к каждому кресту сносится масса пирогов, шанег, блинов и т.п. При этой процессии двое крестьян носят на коромысле колокол, а третий идущий позади, звонит в него при переходе от одного креста к другому»¹².

В предании, записанном В.Э.Шараповым в начале 1990-х годов, следующим образом объясняется почитание этого места жителями Усть-Кулома: «В местечке Нюр Курья один мужчина видел явление образа Пресвятой Богородицы Девы Марии. Богоматерь спустилась с ночного неба на белом камне, похожем на челпан (круглый хлеб). Эту икону мужчина поутру принес в житник. Но образ сам вышел из житника и на следующее утро его вновь нашли у источника. Так повторялось три раза. Ночью одной женщине было видение: Пресвятая Богородица просила, чтобы её образ вернули на источник и поставили в храм. Тогда и решили построить часовню для образа прямо на источнике, а на месте явления Божьей Матери - рядом со священным камнем установили большой деревянный крест»¹³. Часовня на «Источнике явления Божьей Матери» стояла вплоть до 30-х годов XX в. Внутри часовни был построен колодец. На «Крест лун» к часовне приходили крестным ходом с иконами: впереди несли большую икону Спасителя, а за ней домашние образа¹⁴. В часовне проходила служба, в ходе которой священник освящал воду в часовенном колодце. Освященной водой девушки мыли иконы, целительную воду набирали в берестяные туеса и уносили домой, где хранили под образами в красном углу в течение года. Больные, одержимые нечистым духом (шева) приходили рано утром в день праздника Сретения Богородицы к святому месту и купались в источнике¹⁵. Исследователи отмечают, что и в настоящее время люди, страдающие шевой, тайно на восходе посещают источник на Крест лун и Покров Богородицы (местные жители также называют этот праздник Крест лун)¹⁶. В прошлом на Крест лун у обетного креста, рядом со священным камнем, устанавливали иконы и также проводили молебен. У подножия креста устраивали трапезу, угощали нищих. Обетный крест у священного камня несколько раз обновляли. В последний раз крест ставил Елесь Вась (Нестеров Василий Алексеевич) в конце 40-х годов XX в. Крест им был поставлен по обету: «Однажды он пошел на охоту и заночевал в лесной избушке, оставив у входа ведро с углями. От сильного ветра начался

пожар, но Елесь Вася вовремя разбудила своим лаем собака. Охотник решил, что спас его от огня образ Пресвятой Богородицы Девы Марии, который он всегда носил с собой. После этого случая Елесь Вася дал обет поставить новый крест около священного источника»¹⁷.

Как отмечают исследователи, женщины посещают эти святыни не только на Крест лун, но и в будничные дни: считается, что если поставить вежа из (священный камень) себе на голову и, читая молитву Пресвятой Богородице, обойти три раза по солнцу, а затем умыться в водах источника, то можно избавиться от болезней и страданий - от бесплодия, найти упокоевание от неразделенной любви и др.¹⁸.

Почитание обетных крестов сохраняется и в других верхневычегодских селениях. Так, в 2000 г. в ходе экспедиции на Верхней Вычегде нам удалось записать несколько легенд о местных почитаемых крестах в селе Мыелдино. Село делится на восемь концов: Чоййы, Тимсикт, Грезд, Попсикт (Вичкодор), Денисикт, Коджувдор, Кирсикт, Курьядор. Местным приходским праздником является день памяти св. Иоанна Предтечи. Храм открыт несколько лет назад. Восстановлен силами местного прихода.

В деревне несколько почитаемых крестов. Наиболее почитаемой является крест иконы Тихвинской Божьей Матери. Он стоит в Денисикте, на берегу. Недалеко от креста в прошлом стояла часовня. Крест восстановлен о. Тихоном. В праздник иконы Тихвинской Божьей Матери (26 июня / 9 июля) совершается крестный ход: от церкви к кресту. Почитание иконы Тихвинской Божьей Матери объясняют следующей легендой: «Одному человеку Богородица во сне явилась. И было сказано, что если будут почитать Богородицу, то жизнь его будет благословенным. И вот взяли икону Тихвинской Божьей Матери и стали подниматься по Вычегде. Нигде не могли пристать, и вот только около Мыса (Мыелдино) лодка сама пристала к берегу. Затем в откровении было сказано, что если будут почитать икону Тихвинской Божьей Матери, Мыс (Мыелдино) все время будет тихой пристанью (лõнь пристань)»¹⁹. Согласно другой легенде, Богородица сама явилась (приплыла) на камне: Сья крестсõ явленнõй Божья Матерõн шуõны. Коркõ Божья Матерь из пласт вылын локлõма да сувтлõма лõнь пристаньõ. Явитчылõма лõнь пристаньõ, сэссия му вывтис кайõма вичко дорас. Пõрысь йõзыс, Микайлõ õнось, из пласт местасõ вõлi висьталõны. Явленнõй Божья Матерõн шуõны (Этот крест называют крестом Явленной Божьей Матери. Когда-то Богородица на камне приплыла к этому месту. Старые люди еще помнят это место, где находился камень). Как рассказывают информанты, в прошлом, в дни праздника иконы Тихвинской Божьей Матери, ко кресту приходили больные, крест обвешивался детскими платьями, пеленами, полотенцами, платками страдающих тем или иным недугом. В настоящее время также считается, что на этом святом месте можно получить исцеление.

В деревне Коджувдор (с. Мыелдино) почитаемым местом является крест св. вмч. Катерины (24 ноября/7 декабря). Крест находится во дворе Елкиной Н.П. (с. Мыелдино, 1928 г.р.). В прошлом здесь стояла часовня Катерины. Часовню построил её дед - Игнатов Дмитрий Артемьевич. Он имел дар - пророчествовал²⁰. Во время молитвы ему в пророчестве было сказано, чтобы почитали праздник Катерины: Дух Святойыс кор вöлі сернитöны, висьталöма: Тэ пö обязательно веритöй тайöс. Асланыд деревняын водитöй тайö лунсö. (Дух Святой во время молитвы дал откровение, чтобы в деревне (Коджувдор) почитали этот праздник). Он построил часовню. По рассказам Елкиной Н.П., часовня представляла собой небольшое одноэтажное здание, по своей конструкции близкое хозяйственным амбарам (житник), - в середине был проход, по бокам иконы. Как ей рассказывала её крестная, в 30-е годы в деревню приезжал священник (7 декабря н. ст.), совершал крестный ход. В начале проводил службу в часовне, а затем совершали крестный ход вокруг часовни и поднимались на поля, где стоял Петров крест, и после крестного хода возвращался в дом, обедал. В 1930-е годы часовня была разобрана. Позднее на этом месте Елкина Н.П. построила хозяйственный амбар (житник). Спустя некоторое время Нине Петровне приснился сон: она увидела у себя на дворе большой деревянный крест, на нем икона Екатерины. Прс себя она подумала: «Вот уже и крест поставили». На утро, когда она вышла во двор, то стала искать место для креста. Тут она увидела лягушку, которая сидела возле амбара. Для нее это было знаком, что на этом месте надо поставить крест. Как она отметила, как некогда лягушка спасла Ноев ковчег, так и ей Всевышний дал знак, в каком месте поставить крест: Лягушаыд кöдi Нойсö спаситiс. Нойвывсьыс лыддылiн? Куим кö пö карас вöлі веруйтысь семьяыс, мэ пö потопсö эг вöч. Куим из сюр. Оти семья вöлі веруйтö. Ковчегсö вöчас. Ставсö тшöктас босьтны по парнö. Пöтка, скöтсö, по парнö. Сэсся кывтыганыс ва кутас ковчегас пырны. Лягушаыд сэтчö ляськысьас да сыөн лягушатö оз тшöктыны вины. Вот житник öккад лягушаыд вöлі пукалö. Лягушаыд кöдi Нойсö спаситiс. Тайö татчö колö пуктыны крестсö. (Лягушка, которая спасла Ноя. Читал, наверное, про Ноя? Если бы нашлось три верующих семьи, то не допустил бы потопа. Но таковых не нашлось, только одна семья верующих нашлась. Вот и повелел сделать ковчег и взять из всех животных, птиц по паре. Во время плавания образовалась пробоина в ковчеге, и стала проникать в ковчег вода. Лягушка закрыла собой эту дырку, вот потому и нельзя убивать лягушку.). Поначалу она установила деревянный крест. Позднее, когда этот крест прохудился, по её просьбе был сделан железный крест, который стоит и в настоящее время. Есть у нее перевод на коми жития св. вмч. Екатерины, который она списала с одного рукописного сборника.

Ежегодно Нина Петровна с группой верующих женщин собираются, читают акафисты, житие Екатерины, совершают молебен, затем крестный ход к близлежащим крестам: кресту Покрову Богородицы, Петров кресту.

Возле деревни Коджувдор, там, где сейчас расположены колхозные поля, стоял Петров крест. В лесу, в трех километрах от села, по рассказам информантов, стоял крест, который назывался Чышьяна крест (Крест в платке). В начале села, в деревне Курьядор, стоит крест Покров Богородицы. По рассказам информантов, его установил Гриша Иван, поэтому этот крест еще называют Гриша Иван крест. На этом месте в прошлом был родник, который считалось, обладал целебными свойствами. К этому роднику, как и к Явленному Кресту Тихвинской Божьей Матери, приходили больные, набирали воду из источника, обмывали лицо, руки. Крест был увешан различными предметами страдающих тем или иным физическим или душевным недугом: пеленами, платками, полотенцами. Несколько лет назад при строительстве дороги родник оказался засыпанным. Новый крест был установлен о. Тихоном. В праздник Преображения (Шөр Спас), Успение Богородицы и на Покров к кресту приходят и совершают молебен. В Курьясикт еще два почитаемых места (два заветных креста): на месте часовни Николая Мирликийского, возле кедра, Никола крест. Недалеко от магазина - Троицкий крест. В Кирсикте местной святыней считается Успенский крест. В дни праздников к этим обетным крестам приходят, совершают молебен.

Приведенный материал показывает, что бытующие среди коми заветные праздники по своим ритуально-обрядовым действиям достаточно близки аналогичным праздникам, бытующим среди различных групп населения Европейского Севера²¹. Сюжеты и легенды, объясняющие происхождение того или иного праздника (рассказы о чудодейственных явлениях Богородицы или эпизоды из жизни того или иного святого - приплывание иконы, святого на камне и др.), также имеют достаточно широкие аналогии в древнерусской литературе и в культуре различных почитаемых мест Европейского Севера²² (знаменитый камень св. Антония в Антонисвом монастыре в Новгороде). Безусловно, в каждом отдельном случае есть и своя локальная специфика в частности, приводимый нами пример установления почитания св. вмч. Екатерины в с. Мыелдино - по пророческому откровению).

Данная статья осветила только некоторые аспекты столь интересного явления, как заветные праздники и почитаемые ландшафтные объекты (священные камни, святые источники, обетные кресты), которое, безусловно, требует всестороннего и широкого интереса и дальнейших архивных и полевых исследований.

1. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. С.431
2. Шарапов В.Э. Богородичные праздники у современных коми. // Научные доклады КНЦ УрО РАН. Вып. 359, Сыктывкар, 1995. С.11
3. Там же. С.11
4. Там же. С. 11
5. Шарапов В.Э. Указ. соч. С. 11-14; Лимеров П.Ф. Народные праздники на Вашке. // Родники Пармы, Вып. 3, Сыктывкар, 1993, С.44
6. Шарапов В.Э. Указ. соч. С. 14
7. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. С.431
8. Шарапов В.Э. Указ. соч. С. 14
9. Шарапов В.Э. Указ. соч. С. 14
10. Гагарин Ю.В. Дукарт Н.И. Научный отчет об этнографической экспедиции 1967 г. в Троицко-Печорский район Коми АССР по теме: «Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление». // Научный архив КНЦ УрО РАН, ф.1 оп.13 д.159, Сыктывкар, 1968. С. 60
11. Панюков А.В. Традиции и современность: культ икон в современной коми культуре. // Вестник культуры, 2000, №1. С. 43-47
12. Засодимский П.В. Лесное царство. // В делях Севера. Сыктывкар, 1999. С.125-126
13. Шарапов В.Э. Богородичные праздники у современных коми. // Научные доклады КНЦ УрО РАН. Вып. 359, Сыктывкар, 1995. С. 14-15
14. Там же. С.15
15. Там же. С.15
16. Там же. С.15
17. Там же. С.15
18. Там же. С.15-16
19. Записано от Елкиной Н.П. 1928 г.р. с.Мыелдино, Усть-Куломский р-н
20. Пророчества являлись одной из важнейших особенностей религиозной жизни «бурсьыласьяс», одним из центров которых являлось село Мыелдино.
21. Винокурова И.Ю. Вепские заветные праздники охраны сота // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989; Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX - начало XX вв.). СПб, 1994; Панченко А.А. Народное православие. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб, 1998; Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства). // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб, 1995.
22. См. работу А.А. Панченко - Народное православие, исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб, 1998

О ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РЕЗНЫХ ДЕРЕВЯННЫХ ИКОН И НАТЕЛЬНЫХ КРЕСТОВ У КОМИ-СТАРООБРЯДЦЕВ БЕСПОПОВЦЕВ

Шарапов В.Э.

Коми научный центр, г. Сыктывкар

Вплоть до 20 гг. XX века у коми-старообрядцев сохранялась традиция изготовления резных деревянных икон. В настоящее время на территории Республики Коми зафиксировано лишь несколько уникальных образцов резной деревянной пластики: в с. Важгорт, Удорского района (икона хранится в школьном музее с. Важгорт); в сёлах Даниловка и Аранец, Троицко-Печорского района; в с. Керчемья, Усть-Куломского района (незаконченная икона) и в Усть-Вымском районе (в настоящее время икона хранится в Национальном музее Республики Коми).

По свидетельствам современных печорских коми, резные иконы изготовлялись в прошлом коми-старообрядцами в качестве надмогильных икон¹. Подтверждением тому являются сохранившиеся до наших дней вырезанные для икон пазы (высотой до 30-40 см), оставшиеся на некоторых надмогильных памятниках (датируемых началом XX века) на старообрядческих кладбищах в сёлах Даниловка, Аранец, Дутово на р.Печора. Печорские старожилы рассказывают, что деревянные резные иконы делали вычегодские мастера-резчики, которые ходили артелями по 2-3 человека по печорским селам вплоть до 20 гг. XX века. В с. Дутово рассказывают, что привозились сюда такие иконы русскими мастерами из Прикамья, а иногда изготовлялись ими на месте. Родственники недавно усопшего заказывали резные иконы для надмогильных памятников. По традиции резная икона с крестом «жила» на могиле до 40-го дня, а затем её снимали с надмогильного креста и хранили в нежилом пространстве. В погребально-поминальной обрядности современных коми-старообрядцев вместо резных икон фигурируют литые образа, которые укрепляют на кресте либо зарывают в могильный холм до 40-го дня. Нередко резную надмогильную икону ставили в хлеву над входом для защиты скота от порчи и болезней. Считается, что такие иконы в дом нельзя заносить, потому что «пубогъяс (резная деревянная икона) не ликвöй бог (писанная икона), не домашняя икона - в доме её держать грех»². Известно, что аналогичная традиция была характерна для поморских старообрядцев, которые считали необходимым держать изображение резного креста, но без ликов на нем, в помещениях нежилых и в тех, куда могли заходить иноверцы - в сараях, амбарах, в помещениях для возчиков³. У удорских коми-старообрядцев резную деревянную икону могли поставить

в красном углу дома лишь в случае утраты писанных или литых образов, мотивируя это тем, что «нельзя чтобы место Бога было пустым»⁴. На Удоре резную намогильную икону, до настоящего времени, называют «крест», поскольку по канону основной резной композиции выступает изображение Распятия. В среде современных удорских старообрядцев бытует предание о том, что резные иконы присылал на Вашку протопоп Аввакум из Пустозерска. В связи с этим и резной крест на иконах называют «аввакумовский». Вместе с тем отмечается, что такие иконы могли делать и удорские крившöи (скрытники), которые нередко уходили в Пустозерск учиться различным ремеслам. По свидетельствам удорских старожилов, мастерские скрытников располагались до середины 20 гг. XX века во многих домах зажиточных крестьян на Вашке⁵. По данным Г.А. Старцева, в верховьях Вашки и Мезени в среде удорских коми промысловиков лучшей защитой от пожара, молнии и других стихийных бедствий в лесной охотничьей избушке считалась не «домашняя» писанная икона или литой образок, а резная деревянная икона, изготовленная левой рукой⁶. Традиция ставить в качестве оберега в охотничьей избушке резную деревянную икону с изображением креста была известна в прошлом и у вычегодских коми. По сообщениям современных промысловиков из с. Усть-Кулом, «резные кресты» и сегодня еще можно увидеть в некоторых старых лесных избушках⁷.

По свидетельствам вычегодских и печорских старожилов, коми-мастера в выборе материала для изготовления резных икон предпочтение отдавали сосне (пожём). Такой выбор во многом был обусловлен традиционными представлениями коми об образе сосны. В фольклоре коми сосна наделяется неоднозначными характеристиками. В символическом ряду деревьев различных пород образ сосны наделяется свойствами, характерными как для образа березы - дерева, связанного с солнцем, небесным миром, так и для образа ели - «погребального» дерева, маркирующего направленность движения в иной мир⁸. Так, например, сосна наделяется свойством благотворного воздействия на здоровье и силы человека. У вымских коми считается, что запах сосновой смолы помогает восстановить силы в дороге и в то же время может защитить человека от действия нечистой силы, если постоянно носить его с собой. По данным В.П. Налимова, сосновые лучины традиционно использовались у коми в качестве вуджöра (оберега)⁹. Традиционные представления коми о том, что сосна связана с небесным миром, достаточно очевидно представлены в традиции, зафиксированной в 20-е годы у вымских коми - женщины зажигали свечи на ветвях многолетней сосны, растущей на берегу реки, и под кроной дерева проводили молебен¹⁰. Вместе с тем, для фольклора коми характерна связь образа сосны с представлениями о нечистой силе и нижнем мире. В сказочном фольклоре сысольских коми сосна, растущая на истоках реки, выступает местом обитания нечистой силы, ко-

торая является людям в образе длинноволосой девушки¹¹. У вымских коми случаи поражения сосен молнией объясняются тем, что под ними обитают злые духи, охраняющие подземный клад¹². Примечательно, что именно сосновым борам, расположенным на возвышенных местах, издавна у коми отдается предпочтение при выборе места для кладбища, территория которого может быть охарактеризована как пограничная между миром живых и иным миром.

В некоторых семьях у удорских коми до настоящего времени сохраняются старообрядческие кресты-мощевики (датируемые серединой XIX - нач. XX вв.), изготовленные, также как и надгробные резные иконы, из сосны. Такие нательные кресты использовались как пенал для хранения и постоянного ношения на груди различных оберегов. Аналогичные кресты-мощевики, или энколпионы, хорошо известны в русской христианской традиции начиная с XII века и определяются в литературе как кресты корсунского типа¹³. У удорских коми в таких нательных крестах хранили сулему, которая считалась оберегом от нечистой силы. По рукописным материалам В.П. Налимова, относящимся к началу века, женщины у вычегодских коми хранили в своих нательных крестах частицу плаценты, которая считалась эффективной защитой от воидз (сглаза) и других болезней, насылаемых колдунами¹⁴. Считается, что в случае эпидемии оспы человека может предохранить от болезни кусочек еловой смолы, укрепленный к нательному кресту. Отметим, что у многих финно-угорских народов известна традиция ношения с нательным крестом амулетов растительного и животного происхождения (различные кости, высушенные корни и травы, которые считались оберегами). По свидетельствам Н. Заварина, коми охотники, отправляясь на промысел, обязательно запасались Петровым корнем (другое название - Петров крестик), укрепляя его рядом с крестиком на гайтане. Считалось, что этот священный корень способен избавить охотника от всех бед и несчастий¹⁵.

У вычегодских и печорских коми старообрядцев к разряду тяжких грехов, из-за которых душа усопшего может навсегда остаться неприкаянной, относят захоронение человека с серебряным или медным крестиком на груди. У современных печорских коми старообрядцев запрет на захоронение усопшего с металлическим крестом мотивируется тем, что «бесы на том свете притягивают к себе все металлическое как магнит»¹⁶. Отметим, что в фольклоре коми металл является устойчивым атрибутом образов обитателей иного мира (металлическая одежда, стоячие медные глаза, железные детские люльки и игрушки т.д.). Как правило, для усопшего изготавливается специальный пу перна (деревянный нательный крест), гайтан от которого не завязывается, а лишь накладывается концами вокруг шеи погребаемого (так же не завязывается, а укладывается вдоль тела покойного нательный пояс). Если по какой-то причине не удастся поместить пу перна в

гроб во время похорон, то впоследствии такой крестик хранят в красном углу дома как память об умершем. У коми считается, что в красном углу нельзя хранить нательные кресты живых людей.

У печорских коми покойницкий нательный крест изготавливают из сердцевины черемухи (льём пу) или осины (пи пу), обладающих темно-коричневым или красноватым оттенком. Так, например, в д. Лемты на р. Печора изготовлением нательных крестов с помощью специальных металлических печаток занимался до середины 80-х гг. Николай Григорьевич Мартюшев. В поверьях коми образ черемухи включается в символический ряд лиственных деревьев, которые наделяются преимущественно негативными характеристиками, что во многом обусловлено естественными свойствами древесины этих сортов деревьев - традиционно считаются непригодными для жилых построек из-за хрупкости и легкой подверженности гниению без определенной обработки. Символическая оценка этих природных качеств наглядно представлена в одном из коми названий черемухи - куль льём пу - букв. «нечистое, принадлежащее черту, дерево». Отметим, что в традиционной обрядности коми черёмуха выступает погребальным деревом. У летских коми под черёмухой, растущей на территории усадьбы, проводят поминки по всем усопшим пожилые люди, которые уже не могут посещать кладбище и церковь. У печорских и ижемских коми черемуху сажали на могилы некрещеных младенцев, которых, как правило, хоронили не на кладбище, а рядом с домом. Об осине у печорских коми-старообрядцев говорят: это некрещеное дерево, потому что все время шевелится¹⁷. Негативное отношение к осине мотивируется и коми фольклорными текстами апокрифического характера. «Когда Господь ехал в Иерусалим, он проезжал мимо одинокой осины. Шелест листьев осины испугал осла, на котором сидел Господь. Осел отскочил в сторону и Господь упал. Встав, Господь проклял осину: «Во всякое время да будут шелестеть листья твои - не будет покоя для них! Вот с тех пор хоть тихо, хоть ветрено - все время шелестят листья осины»¹⁸. В народных преданиях коми осина связывается с именем Иуды. «Иуда, который предал брата своего, скрылся в лесу, чтобы удавиться. На многих деревьях пробовал удавиться Иуда, но все они не выдерживали - ломались. И только осина не согнулась и не сломалась. А Господь намеревался простить Иуду. Вот потому и проклял Господь это дерево - за то, что дало возможность Иуде умертвить себя»¹⁹. Соотнесение образа осины с концептом движения в нижний мир угадывается в традиции печорских коми повязывать погребальные полотенца на ствол осины, растущей на территории кладбища, а так в традиции удорских коми оставлять по завету одежду больного человека на стволе осины, растущей у священного озера Келля-ты²⁰. Подчеркивая нечистую природу осины, у керчемских коми говорят: колдовских

кукол обычно делают из осины, а добрых из березы и сосны²¹. Отношение к осине как к нечистому, поганому дереву, древесина которого традиционно считается малопригодной для жилых построек из-за мягкости и легкой подверженности гниению, характерно для многих народов европейского северо-востока²².

У вычегодских коми-старообрядцев при изготовлении деревянного нательного креста отдают предпочтение можжевельнику (туся пу). В с. Керчемья вплоть до конца 70-х гг. такие нательные кресты изготовлял Иван Кузьмич Самарин (1898-1979). Считается, что можжевельниковый крест, подобно можжевельнику, является надежным оберегом от болезней и порчи для любого человека. При этом обращается на устойчивый специфический аромат, исходящий от такого креста²³. По данным В.П. Налимова, можжевельник применялся у коми для предотвращения прихода болезни в дом, а также для изгнания её из дома и тела больного человека; можжевельником окуривали предметы для снятия с них порчи²⁴. В фольклоре коми одним из волшебных атрибутов Перы-богатыря выступает лук, сделанный из ствола можжевельника²⁵. В молитвенных ритуалах и погребально-поминальной обрядности коми хвоя и смола можжевельника используются наряду с ладаном. У петских коми зафиксирована традиция использования разветвленного ствола можжевельника в качестве вертикального «живого» остова для намогильного креста. Восприятие можжевельника как священного растения и оберега от нечистой силы, вероятно, во многом основано на реальных бактерицидных и бальзамических свойствах этого дерева, хорошо известных у многих народов. До настоящего времени плоды и хвоя можжевельника широко используются в быту у коми для стерилизации деревянной молочной посуды, в качестве компонента при консервации продуктов, а также для удаления неприятных органических запахов из жилого помещения. Так же как и на Русском Севере и у вепсов Заонежья, у коми можжевельниковое дерево нередко называют «верес» или «вереск».

По свидетельствам информантов, в прошлом нательные кресты для повседневной практики у вычегодских коми делали из березы, в случае, если не было возможности приобрести металлический. При этом березовый крестик шлифовался до такой степени, что на свете отливал серебристым металлическим цветом²⁶. По данным фольклориста О.И. Уляшева, у вычегодских коми считается, что можно точно определить, из какой породы дерева нужно делать крест для того или иного человека. О правильности выбора судят по направлению перемещения деревянного крестика, укрепленного на запястье руки с помощью повязки. Отмеченный ритуал, вероятно, связан с представлениями о том, что у каждого человека есть «ас пу» - своё дерево²⁷.

Рассмотренный выше материал позволяет предположить, что посредством выбора определенной породы дерева могло подчеркивать-

ся функциональное назначение деревянных крестов и резных икон, которые выступают оберегом живого человека либо маркером сопричастности иному миру.

***

1. Отметим, что аналогичная традиция характерна для Русского Севера. См., в частности: И. Евдокимов. Север в истории русского искусства, Вологда, 1921. С.109-125; А.А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия. М., 1912, Вып. VIII, с.5; С. Дурылин. Древнерусская иконопись и Олонецкий край. Петрозаводск, 1913. С.13.
2. Записано автором в 1993 г. со слов В.А. Мезенцева, г.р. 1929. С. Даниловка, Троицко-Печорский район Республики Коми.
3. Дружинин В.Г. Из истории крестьянского искусства XVII - XX вв. Олонецкой губернии. Известия АН ССР, VI сер., Л., 1926, т. XX, N 13-18, с. 1489.
4. Записано автором в 1991 г. со слов М.В. Коровиной, г.р. 1917. С. Муфтыга, Удорский район Республики Коми.
5. Записано автором в 1992 г. со слов М.И. Агафьевой в с. Пучкома, Удорского района Республики Коми.
6. Старцев Г.А. Остяки. Социально-этнографический очерк, 1928. С.121.
7. Записано автором в 1993 г. со слов П.И. Липина, 1914 г.р., Усть-Куломский район Республики Коми.
8. Более подробно об образах березы и ели в фольклоре коми см.: Шарапов В.Э. Береза, сосна и ель в традиционном мировоззрении коми // Эволюция и взаимодействие культур народов С-В европейской части России. Сыктывкар, 1993. С.126-147.
9. Налимов В.П. К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян // Семья и социальная организация финно-угорских народов. ТИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 49. Сыктывкар, 1991. С.15.
10. Сидоров А.С. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян // Коми му, Усть-Сысольск, 1924, № 1-2. С. 49.
11. Uotila T.E. Syrjanische Texte. В. III // MSFOu. Helsinki, 1989, В. 196.
12. Сорокин П.А. Пережитки анимизма у зырян // Известия Архангельского Общества Изучения Русского Севера, Архангельск, 1911, № 20. С.44.
13. Островский Б. А. Православные нагрудные кресты // Традиционные верования в современной культуре этносов, СПб., 1993. С 126.
14. Из рукописных материалов В.П. Налимова «Материалы по этнографии зырян и пермяков» (1908) // Suomalais-ugrilainen seura.
15. Заварин Н.А. О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской епархии. // Вологод. епарх. вед., 1870. С.25.
16. Записано автором в 1994 г. со слов М.К. Яблонской, 1924 г.р. с.

- Аранец, Троицко-Печорского района Республики Коми.
17. Записано автором в 1994 г. со слов В.А. Мезенцева, 1929 г.р. с. Даниловка, Троицко-Печорского района Республики Коми.
  18. Записано автором в 1994 г. со слов М. Ф. Поповой, 1919 г.р., с. Конецбор, Троицко-Печорского района Республики Коми.
  19. Записано автором в 1994 г. со слов А. П. Артеевой, 1908 г.р., с. Кожва, Троицко-Печорского района Республики Коми.
  20. Записано В.Э. Шараповым и О.И. Уляшевым от А.В. Логинова, 1947 г.р., с. Латьюга Удорского р-на, Республика Коми.
  21. Супинский А.К. Научный отчет об экспедиции в Усть-Куломский район Коми АССР // Ф. 1, Оп.13, ех. 18.
  22. Мазалова Н.Е. Народная медицина локальных групп Русского Севера // Русский Север. СПб, 1995, с.81; Satu Guenat Puulajien perusolemuksista kansanperinteessa // Metsa ja Metsanviljaa, Kalevalaseuran vuosikirja 73, Helsinki, 1994, p.129.
  23. Записано автором в 1993 г. со слов М.Н. Игнатова, г.р. 1933, с. Усть-Кулом, Усть-Куломский район Республики Коми.
  24. Из рукописных материалов В.П. Налимова «Материалы по этнографии зырян и пермяков» (1908) // Suomalais-ugrilainen seura. III. 1. 40. л.1037-1039; Wichmann Y. Syrjiansche Volksdichtung // VSFOu. T. XXXVIII, Helsinki, 1916, p. 129.
  25. Ожегова М.Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Перебогатыре. Пермский гос. пед. ин-т., Т. 92. Пермь, 1971. С.106.
  26. Записано автором в 1995 г. со слов П.И. Липина, 1914 г.р., с. Усть-Кулом, Усть-Куломский район Республики Коми.
  27. Мифология коми, М., 1999. С.85.

Список иллюстраций

1. Фото №1: Резная намогильная икона. Середина XIX века, с. Важгорт, Удорский район Республики Коми, 1992 г. Фото В.Э. Шарапова.
2. Фото №2: Резная намогильная икона. Начало XX века, Усть-Вымский район Республики Коми. Фонды НМРК.
3. Фото №3: Резная намогильная икона. Начало XX века, с. Даниловка, Троицко-Печорский район Республики Коми, 1994 г. Фото В.Э. Шарапова.
4. Фото № 4: Резная намогильная икона. Начало XX века, с. Аранец, Троицко-Печорский район Республики Коми, 1996 г. Фото А.А. Чувьюрова.
5. Фото №5,6: Старообрядческий крест-мощевик, хранившийся в красном углу заброшенного дома. Середина XIX века, с. Верхозерье, Удорский район Республики Коми, 1992 г. Фото В.Э. Шарапова.

ТРЕПАЛА В КОНТЕКСТЕ КОСМОГОНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЗДАНИИ НИТИ/ПОЛОТНА (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ ТРЕПАЛ ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

*Котылева И. Н.
Национальный музей Республики Коми*

Предметы народного искусства Коми уже неоднократно становились объектом семантического анализа¹. Каждое такое исследование открывало новую грань в бытовании того или иного предмета и обозначало направления для дальнейших этнографических, фольклорных и культурологических исследований. Для понимания традиционного мировидения особое значение, на наш взгляд, имеет семантический анализ предметов, связанных с ткачеством. Одним из малоизученных предметов, в этом плане, является трепало.

Трепала могли быть как не украшенные, так и украшенные. В фондах Национального музея РК представлена коллекция декорированных трепал из различных районов республики, что позволяет провести анализ по выявлению семантического статуса трепала в целом. «Прочтение» декора трепала, по нашим предположениям, поможет выявлению глубинного значения использования трепал в процессе создания нити.

По этнографическим и фольклорным материалам народа коми четко прослеживается, что нить/пояс/полотно являются инверсиями архетипического образа дороги, соединяющей мир живых и «иной» мир. Так, архетипический мотив путеводной нити представлен в коми-пермяцкой сказке о героине, попавшей в царство Емы-бабы, связанной в мифологических представлениях с Нижним миром, после того как, утопив при полоскании клубок ниток, она отправилась в поисках его вниз по реке². Определенная связь нити с «иным» миром присутствует и в обычае перевязывать левое запястье новорожденного красной нитью, а ребенку, начинающему ходить, - правую ногу под коленом³. Прослеживается маркирование пути в «иной» мир и через полотно, что особенно емко прослеживается в свадебной и погребальной обрядности⁴.

Само создание полотна в представлениях традиционной культуры являет собой путь с рядом значимых переходов: из волокна в кудель, из кудели в нить, из нити в полотно/пояс. Для каждого этапа были ключевые предметы.

На первом этапе главенствующими выступали мялка, коми название «няръян», и трепало, «ниран». Следует отметить, что в различных диалектах коми языка встречаются различные названия трепал. Кро-

ме «ниран», встречаются названия: «пань»/ «ложка, лопатка», «ниртчан пань», «ниртчан пурт»⁵, что отражает своеобразие форм трепала, которое чаще имеет лопаткообразную форму, реже трепало по форме напоминает нож, «пурт». Следует отметить, что трепало в форме ножа из коллекции НМРК не имеет росписи/ резьбы, кроме особого оформления края пластины перед ручкой, тем самым данное трепало напоминает ритуальный нож. В вымских, нижневыхегодских и летских диалектах, т.е. на территориях наибольшего контакта с русским населением, также присутствуют названия «трепала», «трепалё», «трепан», «трёпан»⁶.

Трепала предназначались для отряхивания волокон от костры после измельчения стеблей на мялке⁷. Обращает на себя внимание богатый декор, в случае если он есть, столь мало значимого, на первый взгляд, предмета в процессе появления нити/полотна.

Разукрашенное трепало является одной из метафор при описании Горностай-девицы, известного персонажа эпических песен коми, в ее диалоге с женихом:

Лицом я какова?

Лицом ты

Подобна трепалу

красиво отделанному человеком⁸.

Описание облика Горностай-девицы через метафорическое сопоставление с трепалом весьма примечательно и может значительно помочь в понимании языка декора трепал.

Ряд исследователей начала XX века обратили внимание на присутствие у народа коми представлений об охранительных качествах горностая. Так, В.П. Налимов выделил тот факт, что, по мнению зырян, душа горностая, обитающая в его скелете, гонит злых духов, которые хотят вселиться в человека или в животное и сделать его больным⁹. А.С. Сидоров также отметил, что горностая (его тушку или части) с целью оберега располагали в доме в местах возможного контакта с иным миром: высушенную тушку горностая... вывешивали над косяком дверей, посредине потолка или на косяке того окна, возле которого размещались на ночлег¹⁰. Также, чтобы уберечь себя или домашнее животное при выходе из дома, своей территории, т.е. «своего» мира, пахучие железы, вырезанные из добытого горностая, носили в повязках на поясах или привязывали их на шею домашних животных¹¹.

Антропические качества горностая, по мнению Н.Д. Конакова, взаимосвязаны с астральной образностью Горностай-девицы, что, в свою очередь, связано с местом горностая в годовом круге древнего календаря коми. Выстраивая древний промысловый календарь коми, он отмечает, что период горностая был связан с фазой летнего солнцестояния¹².

Горноста́й в архаических представлениях причастен к светлому началу мира, к миру верхнему, но, одновременно, связан и с нижним миром, что достаточно четко прослеживается в песне о горноста́й-девице (Чябанэ), записанной Г.С. Лыткиным¹³. В рамках нашего исследования особо примечательно, что в данном тексте отмечается, что крыша избы дочери горноста́я Чябанэ «покрыта льняным холстом», «верх терема» - «волоконном из конопля»; «верх сарая» - «холстом из оческов». У коми зырян льняной холст, который ткали из кудели лучшего качества и использовали на изготовление рубашек, называли «сьёмёс дёра»; холст, вытканый из оческов, считали холстом низшего качества и использовали на изготовление мешков или на другие хозяйственные нужды¹⁴. Неслучайно, что именно терем, через название подчеркивается особый статус строения, покрыт холстом из конопля. По представлениям коми, конопля обладала особыми магическими свойствами¹⁵. Видимо, с представлениями о магических свойствах конопля связано и обозначение у коми одного из вариантов орнаментов через название «пыш тусей»/ «конопляное зернышко» (св.) или «контусь сер»/«конопля» (вп., вв.)¹⁶. Симптоматично, что в тексте холст из оческов назван «пачёс дёраён». Это словосочетание означает в коми языке ткань из вторых выческов льна, т.е. наиболее грубое полотно. Тем самым выстраивается иерархия тканей по качеству и культурной (ритуальной, магической и др.) значимости¹⁷.

Сакральность образа Чябанэ подчеркивается в тексте троичностью характеристик связанных с нею реалий: три дороги, по которым идет дочь горноста́я; три описания берега, на котором она живет; три разных холста покрывают ее строения. Последовательное представление этих частей мира следует принципу движения от стихийного, природного к «сделанному», культурному. Холст, таким образом, является символом упорядоченного мира. За троичной стратификацией угадывается структура мифологической картины мира, когда каждая часть имеет и, одновременно, не имеет ограничений, когда важно само определение границы.

Работа с трепалом была, таким образом, символическим обозначением границы между мирами, при отряхивании волокон от костры обозначивалось противостояние миров: иного, нечеловеческого (растения), и человеческого, и взаимовлияние миров. Обмятое на мялке, в ступе волокно, с одной стороны, еще принадлежит природному миру, а с другой, через ряд действий вовлечено в ситуацию перехода (перехода границы) из сферы естественного, природного в искусственное, обработанное, в сферу человеческого. Сам этот переход проходит в несколько этапов. Первый, когда стебли конопля/льна обмолачивают кичигой, «чап»¹⁸. Особенности ее формы (кичига напоминает ногу с огромной ступней, иногда «ступня» больше походит на утиную лапу)

перекликаются с характеристиками хтонических существ, что подчеркивает в обмолоте космогонический мотив рождение-смерть-рождение. С этим же связано наличие на кичигах солярной символики.

На втором этапе, когда волокно после замачивания и просушивания обрабатывается на мялке или в ступе, архетипическое противоборство мира нижнего и верхнего, смерти-жизни вновь обретает звучание. В этой связи следует отметить, что коми пользовались мялками двух видов - наклонной и горизонтальной. Первый вид мялки, «нярьян» (он считается более древним) изготовляли из дерева с корневищем (из корневища делали «ноги» мялки, опоры), из сердцевины которого вырезалось трехгранное било¹⁹. При этом исследователи отмечают, что для раннего времени характерна обработка льна на мялке, а конопли в ступе, «гыр»²⁰. Символика ступы в процессе толчения конопли совпадает с символикой ступы в свадебной обрядности, когда, как отмечает В.А. Семенов, генитальная символика ступы проецирует в свадебном обряде через технологический код (природное-культурное) мифологический акт творения мира²¹.

В представлениях традиционной культуры граница между миром человеческим и нечеловеческим требует присутствия оберегов и охранительных ритуалов. Поэтому вполне закономерно, что в декорировании трепал (роспись, резьба) значительное место занимает солярная символика, наделенная в мифологическом мировоззрении антропными характеристиками.

Можно отметить, что в декоре расписных трепал преобладают круги, при этом иногда отдельные композиции из окружностей и точек срастаются и образуют единую трехчастную композицию. Мотив троичности, который является системообразующим в песне о Горностае-девице, постоянно обыгрывается в трепалах: композиции из трех полос; крест, образованный тремя вырезанными желобками; три окружности, вписанные одна в другую. Трехчастность в композиции декора соответствует мифологическим представлениям о структуре мира, что весьма значимо при определении семантического статуса трепал.

В этом плане особо показательным трепалом из собрания Национального музея РК, привезенное из Корткеросского района РК²². В первую очередь следует отметить, что на одной из сторон трепала присутствует надпись «1927 октября 4 дня», а с противоположной стороны надпись «Степан Тюрин А.А.Т.». Данная надпись сразу увеличивает семантический статус данного экспоната и позволяет обозначить проблему проявления архаического мировоззрения в первой четверти XX века. Роспись на обеих сторонах лопатки трепала почти полностью совпадает, что в целом, за редким исключением, было характерно для расписных трепал.

Антропные качества трепала подчеркиваются присутствием в росписи солярной символики. В верхней части лопатки изображен крест (синей краской) в окружении точек (красной краской). За крестом следует рисунок из окружностей (синий цвет) и точек (красный цвет). Далее располагается рисунок дерева (синий) со схематичным изображением веток и корневища (3 синие полосы, заключенные в единый объем). По отношению к надписи, дерево верхушкой уходит вниз, что вполне логично с позиции мифологического мышления, где верх и низ амбивалентны. Дерево представляет взаимосвязь, перетекание (дерево=река) миров. Мотив реки также предстает в декоре данного трепала весьма явственно, т.к. вся роспись сделана поверх процарапанных параллельных волнистых линий. Примечательно использование в росписи синего и красного цвета, соотносящихся в традиционной культуре коми с образом иного мира²³.

Роспись данного трепала представляет основные элементы декора трепал (дерево, солярные знаки), появление которых неслучайно. Декор определяется семантическим значением трепала, характеризующимся обозначением момента перехода волокон из сферы стихийного, естественного в сферу культурного, упорядоченного и фиксации границы мира человеческого и мира иного. Переход волокна из сферы естественной в сферу культурную сопоставим с космогоническим переходом от Хаоса к Космосу, и трепало, с его семантической заданностью на упорядоченность, выступает одним из значимых предметов-символов в процессе создания нити/полотна.

***

1. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. М., 1975; Шарапов В.Э. Береза, сосна и ель в традиционном мировоззрении коми // Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 57. Эволюция и взаимодействие культур народов Северо-востока Европейской части России. - Сыктывкар. 1993; Шарапов В.Э. О символике традиционной куклы (акань) в фольклоре и обрядах коми. // Традиционная культура и мир детства. Материалы международной научной конференции «XI Виноградовские чтения», ч. 1, - Ульяновск, 1998. и др.
2. Грибова Л.С. Указ. соч. С. 15.
3. Уляшов О.И. Символика полотна у коми. // Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 57. Эволюция и взаимодействие культур народов Северо-востока Европейской части России. - Сыктывкар. 1993. С. 120.
4. Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера. - СПб., 1992. С. 42.
5. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. - Сыктывкар, 1961. С. 242.
6. Там же, С. 242.

7. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народа коми XIX-н. XXвв. - М., 1958. С.107.
8. Микушев А.К. Эпические формы фольклора. - Л., 1973, С.49.
9. Налимов В.Н. Загробный мир по верованиям зырян.// Арт, 2000, №1. С.126.
10. Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча. - СПб., 1997. С.141.
11. Там же. С.142.
12. Конилов Н.Д. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми.// Мировоззрение финно-угорских народов. - Новосибирск, 1990. С.113-114.
13. Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. Переиздание 1889г.-М., 1996. С.161-163.
14. Белицер В.Н. Указ соч. С.105.
15. Белицер В.Н. Указ соч. С.103. Есть основание предполагать, что конопля является древнейшей технической культурой, которую коми выращивали для приготовления нити. Это подтверждает и этимология слова «пыш»/конопля, которое связано со словом «пущкыны» - «сучить нить». Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. - М., 1970, С.238. С.234.
16. Климова Г.Н. Местные названия орнаментальных мотивов у народов коми.// Труды ИЯЛИ КНЦ Уро РАН. Вып.17. Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1976. С.94-95.
17. Коми-русский словарь. - М., 1961. С.525.
18. Бешкевич А.С., Жеганова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. - М., 1959, С. 71. Здесь также важно отметить, что В.И. Лыткин определил этимологическую взаимосвязь слов «чап»/ «кичига» и коми зырянского «чапк» - «бросать плашмя», удмуртского «чапк» - «ударить ладонью», вепским «саррап»- «колотить, бить, трепать лен, коноплю». Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. - М., 1964. С.167.
19. Белицер В.Н. Указ соч. С.103.
20. Бешкевич А.С., Жеганова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. - М., 1959. С. 77.
21. Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера.- СПб., 1992. С.55-56.
22. Фонды НМРК, н/в 2511/8.
23. Уляшов О.И. Цвет в представлениях и фольклоре коми.-Сыктывкар, 1999; Несанелис Д.А. Старинная игра детей коми «гöрд гача»: Опыт семантического анализа.// Труды ИЯЛИ КНЦ Уро РАН. - Сыктывкар, 1989. Вып.43. Генезис и эволюция традиционной культуры коми.

ИЗ ИСТОРИИ НОШУЛЬСКОГО ОДНОКЛАССНОГО УЧИЛИЩА

Боле Е. Н.

Национальный музей Республики Коми

Ношуль - старинное коми селение Коми края, расположившееся на правом берегу р. Луза, на торговом пути с Вятки в Архангельск. Уже в XVII веке Ношуль являлся перевалочной базой в хлебной торговле: сюда по тракту привозили вятский хлеб и здесь перегружали на суда. К XVIII в. Ношуль из перевалочной базы превратился в крупную пристань с транзитной торговлей хлебом¹. В 1860-1870-х гг. Ношульская пристань пережила пик своего развития. Это отразилось на структурных изменениях, которые происходили в местной школе, т.к. пребывание здесь торгового люда не могло не сказаться на потребности местного населения в получении знаний. В 1870 г. ношульцы обратились к уездным властям с просьбой открыть в селении училище; 29 сентября 1870 г. земское собрание постановило ходатайствовать перед вышестоящими органами об открытии в Ношуле одноклассного училища с ремесленным отделением (в качестве ремесла рекомендовали скорняжное, как наиболее нужное для обработки продукции распространенного в крае охотничьего промысла)².

28 января 1871 г. сельская церковноприходская школа была преобразована в Ношульское одноклассное начальное училище министерства народного просвещения³. 11 марта 1871 г. земское собрание констатировало, что Ношульское училище уже открыто, но ремесленного отделения (класса) в нем нет, и решило вновь обратиться с просьбой об организации этого отделения: «...устройство ремесленного класса было бы весьма полезно само по себе как средство к распространению в среде сельского населения ремесленных знаний, приложенных к обработке местных продуктов, и вместе с тем побудило бы население к отдаче детей своих в школы, укореняя в нем убеждение в необходимости и полезности сельской школы, устроенной на новых началах, где дети получали бы такие знания, которые давали им возможность иметь выгодные заработки»⁴.

Министерские училища делились на одноклассные с трехлетним сроком обучения и двуклассные с пятилетним сроком, курс 1 класса последних равнялся трехлетнему курсу одноклассного училища. В Усть-Сысольском уезде Коми края было два министерских училища: Визингское двуклассное начальное училище, открытое в 1903 г., и Ношульское одноклассное училище⁵.

Поначалу обучение детей в училище продолжало проводиться в доме местного священника, расположенного в д. Бор Ношульской во-

лости Усть-Сысольского уезда⁶. Священником Ношульской церкви во имя св. Первомученика Архидиакона Стефана являлся Павел Михайлович Пулькин, 1822 г. рождения, сын дьячка Кажимской Дмитриевской церкви. Он закончил полный курс Вологодской духовной семинарии аттестатом 2-го разряда. П.М. Пулькин долгое время работал законоучителем при Ношульском училище. Свидетельства на звание сельского или городского начального учителя не имел. Попечителем училища являлся лесничий Федор Александрович Павлинов⁷. Первым учителем Ношульского одноклассного училища со дня его открытия был Ракадальский. Об этом человеке известно лишь то, что он проработал учителем до 1 марта 1872 г. и был уволен с должности по слабости здоровья. Далее учителем и заведующим училища до 10 октября 1874 г. работал воспитанник Вологодских педагогических курсов при Вологодской духовной семинарии Азарий Семенович Тереньтиевский, 1844 г. рождения, сын пономаря местной церкви Симеона Афанасьевича Тереньтиевского⁸. А.С. Тереньтиевский покидает должность по причине «скудности содержания во Таврическую губернию, тоже на должность учителя»⁹.

Следует отметить, что многие учителя школы были приезжими людьми, часто менялись. Причины перемещений были разные.

В начальном училище получали знания ребята со всей округи. В 1883 г. в школе обучались дети из д. Бор, д. Тереховская, д. Климовская, д. Якутинская, д. Козьминская, д. Яковлевская, д. Горбуновская, д. Лихачевская, Левского починка, д. Ловленская, д. Девятка, д. Кривуша, д. Сокся, д. Усть-Ношульская, д. Десятка, д. Важгорт¹⁰.

В 1873 г. в училище обучались 38 мальчиков и 3 девочки. Но не всем детям удавалось заканчивать училище. До окончания курса 1874 отчетного года выбыли 21 человек. Обучение велось совместно. По вероисповеданию все были православными, по сословной принадлежности 1 человек был выходцем из городского сословия, остальные - сельского¹¹. Желających получить образование становилось больше. По архивным документам прослеживается, что в последующие годы численность учащихся возрастала, и характерно, что среди учащихся преобладали мальчики. Занятия в училище, как правило, начинались с сентября, но большинство ребят поступали лишь в октябре-ноябре, очевидно, после окончания полевых уборочных работ. Учебный год заканчивался в начале июня. Обучение велось на трех отделениях, по окончании отделения и при переходе в следующее ученики должны были «выдержать испытание», т.е. сдать экзамен по каждому изучаемому предмету.

В одноклассных училищах изучали Закон Божий, русский язык с чистописанием и церковное пение. Позднее перечень изучаемых дисциплин расширится. Один учитель должен был заниматься со всеми

учащимися школы, которые разбивались соответственно годам обучения на три отделения (младшее, среднее и старшее)¹².

Многие из учителей являлись выпускниками Тотемской учительской семинарии.

27 июня 1883 г. 20-летний Алексей Николаевич Вешняков, сын мещанина г. Тотьмы, был назначен заведующим училища. Образование получил в Тотемской учительской семинарии, окончил полный курс и имел свидетельство на звание сельского учителя¹³. Он проработал в с. Ношуль до 1 июля 1891 г., а в 1891 г. переехал в с. Лойма, где по 1896 гг. работал на должности учителя Лоемского земского училища. С 1896 по 1903 гг. А.Н. Вешняков работал учителем Визингского земского училища, а с 1903 г., после открытия в Визинге двухклассного начального училища, был назначен его заведующим¹⁴.

При учителе Вешнякове, согласно учебной общеобразовательной программе МНП, в Ношульском училище был расширен перечень изучаемых предметов. Кроме вышеназванных предметов, вводилось наглядное обучение (без чтения), правописание, письменные словесные упражнения, чистописание, черчение, рукоделие, география, история, на переменах ребята занимались гимнастикой. Перед началом урока ученики читали молитву, во время учения дети занимались чтением Священных писаний, исправно посещали Богослужение. Все эти меры предпринимались для религиозного и нравственного воспитания учащихся при обучении и во внеучебное время. В воскресные дни дети собирались в училище и занимались чтением под руководством учителя. Никто из ребят не занимался домашними учениями. Училище ученики посещали аккуратно, кроме тех, кто были заняты домашними работами, и тех, кто были больны¹⁵.

За первое полугодие каждого учебного года учащиеся приобретали следующие навыки:

1. По Закону Божию.

В младшем отделении давалось краткое понятие о Боге. Проводились беседы, из которых дети учились правильно налагать на себя крестное знамение, как держать себя во время Богослужения, объяснялось также, для чего люди обязаны ходить в церковь и что должны делать в Храме. Также объяснялись первоначальные молитвы, которые заучивались хором в классе со слов законоучителя. Непонятные выражения переводились при посредстве учеников старших классов на зырянский язык. В то время как законоучитель был занят в одном из остальных отделений, дети самостоятельно чертили на аспидных досках церковные предметы. Заучивались на память молитвы: перст учениям и после учения.

В среднем отделении проводилось повторение пройденного материала с обязательным переводом выученных молитв на коми язык.

Далее изучали Ветхозаветную историю в объеме «Начального наставления» по пособию Соколова, давалось понятие о Пресвятой Троице, о сотворении видимого и невидимого мира. Также проходили беседы: о жизни первых людей в раю, о грехопадении и последствиях его, об обетовании Спасителя и наказаниях за грехи, о Всемирном потопе, о Столпотворении Вавилонском, об Аврааме, об Исааке, об Иакове, об Иосифе и Моисее.

В старшем отделении ребята повторяли главные события Ветхозаветной истории и вновь заучивали Символ веры, Заповеди Закона Божия. Из Новозаветной истории изучали следующее: Рождество Божией Матери, Введение во Храм Пресвятой Богородицы, Благовещение, Рождество Иисуса Христа, Крещение Господне, Чудесные события из жизни Спасителя и т.д.

При прохождении Ветхозаветной и Новозаветной истории наглядными пособиями служили «Картины Священной истории» Крокова и «Руководство для законоучителя» Соколова.

2. По русскому языку.

В младшем отделении знакомились с азбукой, при прохождении которой все дети знакомились с частью слова, или звуком, с буквою вообще, со слиянием звуков в одно целое - слово. Для выделения звуков брались большею частью односложные слова и переводились на зырянский язык или с зырянского на русский. Как при выделении звуков, так и при чтении ученикам объяснялось каждое слово, производилось достаточное количество диктовок и бесед, через что ученики могли несколько освоиться с русским языком. Знакомились с фазоплетением звуков на гласные и согласные с применением при них твердого и мягкого знаков. Руководством для учителя служил метод К. Ушинского.

В среднем отделении ребята могли почти бегло и сознательно читать как славянскую, так равно и русскую печать, переводить содержание прочитанного, хотя и не вполне логично. Чтению статей предшествовали беседы о тех предметах, о которых говорилось в статье. Под наблюдением учителя выполняли достаточное количество письменных упражнений, что впоследствии помогало им свободно писать под диктовку. Из грамматики изучали правила о звуках: о разделении их на гласные, полугласные и согласные, о буквах «і» и «и», шипящих и др.

В старшем отделении ученики читали бегло, сознательно и выразительно, могли свободно передавать своими словами прочитанное. Книгой для чтения было пособие Паульсона и в школе и дома, по которому ученики знакомились с явлениями природы, жизнью человека и его характером. Статьи выбирались таковые, где не сложно было вести нравоведение для детей. Из грамматики, кроме повторения курса 2-го отделения, изучали имена существительные, склонения и

предложения, заучивали стихотворения и басни. Из письменных упражнений производили диктовки целыми предложениями, где предварительно они разбивали на составные части, а потом предупреждали ошибки в тех словах, в которых можно было легко сделать их. Сами ученики по выученным грамматическим правилам самостоятельно писали упражнения, давали ответы на заданные учителем вопросы. Дети свободно читали славянскую печать, а затем прочитанное переводили на русский язык. Руководством для учителя служило пособие Пуцыковича.

3. По арифметике.

Программа по арифметике подразумевала следующие разделы. В младшем отделении проходили числа первого десятка без употребления цифр. Главное внимание обращалось на умственное решение задач с конкретными числами, так как от повторения таковых дети упражнялись в русском языке, а вместе с тем с отношением чисел между собой. При этом арифметический ящик, классные счеты служили наглядным пособием. Отвлеченное решение задач закрепляло в детях механизм действий над числами.

В среднем отделении проходили числа второго и третьего десятка.

В старшем отделении изучали числа первой сотни. Решали задачи как умственные, так и письменные в одинаковом количестве.

Руководством для учителя на всех отделениях служил метод Евтушевского.

4. По чистописанию в младшем отделении писали заглавные буквы, в среднем отделении списывали то же самое с классной доски, а в старшем отделении велось как с учителем, так и самостоятельно письмо целых предложений.

5. По пению.

Пение было общим. Заучивались мотивы молитв и церковных песнопений, литургий и детских песен.

6. По черчению в младшем и среднем отделении чертили по клеткам предметы, помещенные в книге Ушинского, а в старшем отделении рисовали и чертили предметы из окружающей природы.

7. Гимнастика велась общая¹⁶.

При училище создавалась своя школьная библиотека. Она делилась на фундаментальную и ученическую, которая содержала учебники, периодические издания, художественную и методическую литературу, журналы. В 1873 г. фундаментальная библиотека насчитывала 208 названий книг общим количеством 313 экземпляров; ученическая библиотека насчитывала 47 названий и 309 экземпляров книг. В 1873 г. от инспектора народных училищ поступили в фонд фундаментальной библиотеки 31 книга общим количеством 37 экз., в ученическую - 18 наименований и 119 экз¹⁷.

В 1873-1874 гг. в библиотеке Ношульского одноклассного начального училища содержались книги разных авторов и распределялись по следующим отделам:

а) книги религиозно-нравственного содержания: «Псалтырь на русском наречии», «Псалтырь на русском языке» - 4 шт., «Евангелие на славянском языке» - 10 шт., «Евангелие на русском наречии» - 10 шт., «Молитвы и заповеди» Соколова, «Краткая Священная история Ветхого завета», «Краткая Священная история Нового завета», «Владимир Святой и равноапостольный», «Святые места русской земли», «Соловецкий монастырь», «Жизнь Божией Матери и праздники в честь ея», «Святая Русь» Тягунова, «История русской церкви» Филарета, «Уроки по Закону Божию» Вып. I, «Святыни Киева», «Троицко-Сергиева Лавра», «Просвещение Руси христианами», «Сборник духовно-нравственных рассказов».

б) учебники по русскому языку и чистописанию: «Наглядная азбука» - 16 кн., «Объяснение к наглядной азбуке», «Руководство по скорописанию» Баренцевича, «Наглядная азбука» Черкасова - 22 кн., «Книга для упражнений в сельских школах» - 14 кн., «Друг детей» Максимовича - уменьшенное издание с ударением - 8 кн., «Друг детей» Максимовича - без ударений - 2 кн., «Друг детей» Максимовича - полное издание - 1 кн., «Руководство по родному слову» ч.1 и ч.2, «Способ обучения грамоте по звуковым методам» Паульсона, «Книга для первоначального чтения» Водовозова.

в) разнообразная литература исторического и библиографического содержания. В школьной библиотеке были книги таких авторов, как С. Соловьева «Учебник русской истории» - 2 экз., Д. Идовайского «Краткие очерки русской истории», Ишимовой «Сокращенная русская история» - 8 экз.; были книги о Петре Первом: «Как Петр Великий провел молодые годы, как и чему учился» С. Рождественского, «Как Петр Великий создал море и создал флот» С. Рождественского, «Петр Великий - преобразователь России»; «Уроки русской истории» вып.1 и вып. 2, «Великий князь Ярослав», «Злое время татарщины», «Князь Яков Долгоруков», «Мытаево побоище и Полтавский бой», «Иван Сусанин» - 4 экз., «Рассказы о Суворове» В. Новаковского - 2 экз., «Рассказы о Ломоносове» В. Новаковского - 2 экз., «Михаил Васильевич Ломоносов» - издание МНП.

г) учебники по арифметике: «Задачник по арифметике» Паульсона - 10 экз.

д) книги и учебники по географии и естественной истории: «Начальный курс географии», «Краткая география Российской империи», «Уроки географии» Семенова, «Рассказы из естественной истории» Вагнера.

е) литература разного содержания: «Ответы на обыкновенные вопросы детей», «Как и из чего что делается» Издание 4-е, «Басни Крылова» - 2 экз., «Сказка о царе Берендее», «Игры, занятия и опыты для детей» - 2 экз., «Курс гимнастики»¹⁸.

д) журналы: «Народная школа» за 1872, 1873 гг., «Мирской вестник с приложениями», «Семейные вечера» за 1872 г. для младшего возраста, «Памятная книга Вологодской губернии» на 1873 г.

К 1899 г. в школьной библиотеке насчитывалось 561 наименование и 1830 экземпляров книг на сумму 910 руб. 74 коп.¹⁹ Поступления книг в фонд библиотеки были ежегодными, поэтому их количество менялось. Однако обеспечение школы учебниками было недостаточным. Часто ребятам приходилось пользоваться одним учебником на всю группу.

Не лучше обстояло дело и с учебными пособиями. В 1873 г. в училище насчитывалось 150 различных учебных пособий (на 38 мальчиков и 3 девочек). Среди них были 20 картин для наглядного обучения, 8 атласов по географии и истории, 15 прописей. Инспектором народных училищ была прислана карта полушарий и картины для наглядных бесед, азбука, состоящая из картин - 15 экз., 5 аспидных досок. В том же году были приобретены 8 чернильниц на сумму 32 коп., чернильница с колокольчиком за 75 коп., перочинный ножик за 88 коп.²⁰ В 1874 г. учебных и наглядных пособий насчитывалось 237 предметов (22 картины, 85 атласов, глобусы, карты по географии и истории, 10 предметов для рисования и черчения, 10 прописей и 110 др. предметов)²¹.

Обучение в начальной школе давало определенные льготы при прохождении воинской службы. Как отмечалось в работе Фальборка Г. и Чернолуского В., «имеющие свидетельство о знании курса начальных народных училищ состоят на действительной службе 4 года, а при попадании во флот - 6 лет», в то время как срок действительной службы для лиц, не имеющих таких свидетельств, был более продолжительным²².

7 мая 1884 г. трое учащихся выдержали экзамены на льготу по воинской повинности по IV разряду - Михаил Зобнин, Яков Шулепов, Александр Шулепов. На испытании присутствовал Его Высокоблагородие Господин Инспектор Народных училищ Вологодской губернии 3-го района. Экзамены проводились не только по окончании курса обучения, но и при переходе из одного отделения в другое. Необходимо было сдать экзамены по основным предметам: Закону Божьему, чтению, письму и арифметике. Экзамены принимали члены Совета училища. Так, 23 июня 1886 г. из 24 учеников 1-го отделения, поступивших в школу в сентябре-октябре 1884 г., испытание выдержали лишь 15 мальчиков, и только двое из них были награждены похваль-

ными листами за отличную учебу. Остальные учащиеся были оставлены на второй год. Из 2-го в 3-е отделение перешли 11 мальчиков, остались на повторное обучение 9 чел. Завершили 2-е отделение с похвальными листами Василий Вахнин, Андрей Лазарев, Семен Смоленев. Думается, что определенные трудности в обучении у детей вызывало незнание ими русского языка, а также «домашние заботы».

По окончании училища ученики, успешно сдавшие экзамены, получали подарки. Традиционно дарились книги. В 1886 г. выпускнице Юле Сюткиной была подарена книга «Главнейшие праздники Православной церкви»; Николаю Оботурову - «Русская история» В. Фармаковского, «Часослов», «Святое Евангелие на славяно-русском языке» и картина Просветителей славян Кирилла и Мефодия; Павлу Можегову - «География для элементарных училищ» Пуцыковича, «Рассказы для детей о земной жизни Иисуса Христа», «Толковый Молитвенник» Р.И. Протопопова²³.

С увеличением численности учащихся постепенно расширялся и преподавательский состав. Учителя по-прежнему были приезжими. В начале XX века в Ношувльском училище в качестве учителей впервые появляются женщины, выпускницы Усть-Сысольской женской прогимназии. На должности первой учительницы Ношувльского начального одноклассного образцового училища с 1902 г. состояла Ольга Филипповна Степанова, выпускница Усть-Сысольской женской прогимназии, имевшая свидетельство на звание учительницы. До назначения первой учительницей при Ношувльском училище О.Ф. Степанова с 1890 работала в различных церковноприходских школах Усть-Сысольского уезда.

В должности второй учительницы с 1 апреля 1903 г. работала Надежда Иеронимовна Заварина, будущая супруга И.В. Мурогина. С 1 октября 1900 г. по 1 апреля 1903 г. Н.И. Заварина была учительницей в Читасвском земском училище²⁴.

С 1 июня 1902 г. заведующим Ношувльского училища становится Иван Васильевич Мурогин, выпускник Тотемской учительской семинарии. К тому времени И.В. Мурогин имел уже определенный педагогический стаж. По окончании семинарии состоял учителем Холмовского земского училища Сольвычегодского уезда. С 1 сентября 1901 г. по 1 января 1902 г. работал помощником кажимского учителя, с 1 января по 1 июня был учителем Усть-Сысольского приходского мужского училища.

С 1 ноября 1905 г. к выполнению обязанностей законоучителя училища приступил священник Феодосий Иванович Орнатский, 1878 г. рождения, русский, уроженец поселка Погост Велико-Устюгского района Северной области. В 1899 г. окончил курс Вологодской духовной семинарии со свидетельством 2-го разряда. За преподавательскую де-

тельность Ф.Орнатский несколько раз награждался церковными властями²⁵. Ф. Орнатскому не удалось избежать периода тотального наступления на церковь, который начался в первые же годы советской власти. 31 июля 1937 г. он был арестован, а 23 августа того же года тройкой при УНКВД Коми АССР осужден по ст. 58-10 УК РСФСР (за пропаганду или агитацию, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти..., а равно за распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания - влечет за собой - лишение свободы на срок не ниже шести месяцев). Вероятно, обвинение по данной статье было соединено со статьями, предусматривающими расстрел, и Ф.И. Орнатский был приговорен к высшей мере наказания²⁶.

В 1910 г. проходили очередные испытания на знание курса начальных училищ при Ношульском одноклассном училище МНП и Лихачевском земском училище. Экзамены принимала испытательная комиссия, состоящая из Председателя и членов комиссии. Председателем комиссии был специально приехавший по такому поводу Господин Земский Начальник 3-го участка Василий Васильевич Гарфьев. Членами комиссии были: законоучитель Ношульского МНП училища и Лихачевского земского училища, священник Ф. Орнатский, заведующий Ношульского училища И. Мурогин, первая учительница Лихачевского земского училища А. Бунина, вторая учительница Лихачевского училища А. Заостровская, вторая и третья учительницы Ношульского училища О. Степанова и Н. Мурогина соответственно. По завершении испытаний комиссия признала достойными получить свидетельства об окончании курсов учеников, сдавших все экзамены на «отлично» и «хорошо», а именно: Иевлева Ивана Лаврентьевича, крестьянского сына д. Бор 28.12.1898 г. рождения, крестьянских сыновей д. Лихачевской Ичеткина Ивана Яковлевича 27.05.1898 г. рождения и Ичеткина Степана Павловича 26.11.1899 г. рождения, Никулина Дмитрия Антоновича 14.09.1899 г. рождения²⁷.

Материальная база училища создавалась в основном из поступлений от Министерства Народного Просвещения, земства, сельского общества. Бюджет училища пополнялся также за счет личных сборов и пожертвований. Деньги расходовались на выплату жалования персоналу училища, приобретение учебных пособий, книг и необходимого школьного инвентаря. Так, в 1873 г. училищем было израсходовано 387 руб., сюда вошли: 1) присылаемое МНП жалование учителю в размере 200 руб., из тех же средств МНП было израсходовано 6 руб. на приобретение учебных пособий, 2) из поступивших денег от сельских обывателей выплачено жалование законоучителю - 60 руб. и приобретены учебные пособия на сумму 15 руб., 3) 86 руб. поступило от подписчиков и 20 руб., присланные земством, были израсходованы на

содержание библиотеки²⁸. Плата за обучение с детей Ношульской волости крестьянского сословия взималась по 3 руб. в год, с прочих сословий - по 10 руб. в год. С детей, поступивших в училище после назначенного срока, взималась плата по 1 руб. На собранные деньги приобретали школьную мебель и учебные пособия²⁹. В 1899 г. училищное имущество состояло из 127 предметов на сумму 252 руб. 94 коп.

Должность заведующего училищем обязывала выполнять различные функции. До 1890-х гг. заведующий училища одновременно являлся учителем и выполнял непосредственные свои обязанности по обучению детей «грамоте и цыфири», работал библиотекарем и вел учет книг, составлял каталоги, и вся административно-хозяйственная деятельность училища также относилась к его сфере деятельности. В годовых отчетах о проделанной работе учитель давал справки не только о количестве учащихся, о состоянии библиотеки, о денежных поступлениях и тратах, но также составлял подробную опись имущества, которым располагало училище в то или иное время. Из таких описей становится известно, что в 1874 г. в пользовании учителей и учащихся школы были различные предметы, например: печать Ношульского одноклассного сельско-приходского училища (печать училища была найдена в 1969 г. при разборе старого дома в с. Ношуль. В настоящее время печать представлена на постоянной экспозиции Национального музея РК), портрет Государя Императора Александра Николаевича в рамке, икона Святого Благоверного князя Владимира, учительский стол, сделанный из дерева и выкрашенный бурою краскою, ученические столы, выкрашенные черной краской - 6 шт., черная деревянная классная доска, стулья деревянные, у которых сиденья обитые материей - 6 шт., настенные часы - 2 шт., ножницы стальные, 2 медных подсвечника, ведро железное, шкаф деревянный, выкрашенный спиртовым лаком, ученические столы, выкрашенные и покрытые спиртовым лаком, приобретенный покупкою диван, кочерга, топор, клеенка, 4 ученических стола, 3 ученических парты, 2 рамки со стеклом под картины, переплетный прибор, выпильной станок, счеты двой - 2 шт., перочинный ножик, 4 лапидных доски, 5 жестяных чернильниц, 17 стеклянных чернильниц, складной глобус, карта Вологодской губернии, подробный атлас Российской империи, карта России, 54 раскрашенных картины из Священной истории Ветхого завета, 5 выпусков картин из истории России, 2 картины Шренбера, 5 наглядных азбук, полушария, 12 картин комитета грамотности, 3 картины Семенова (зима, весна, лето), стенная таблица гимнастических упражнений, чугуны³⁰.

Училищное имущество пополнялось и за счет пожертвований. Так, в 1873 г. мещанин Вятской губернии г. Орлова Антон Григорьевич Зубарев подарил училищу Икону Спасителя, благословляющего де-

тей, в позолоченной по краям рамке и за стеклом, которая оценивалась в 16 руб., стеклянную лампаду с цепочкой за 50 коп³¹. А в 1874 г. от попечителя училища Ф.А. Павлинова училище приобрело портрет Государя Императора Александра Николаевича в рамке и жестяное паникадило³².

Не прошло и пяти лет после того, как началось обучение в Ношульском начальном одноклассном училище, а школа уже нуждалась в расширении площадей. Как отмечалось выше, училище располагалось в доме местного священника, и следовательно, не было приспособлено для обучения детей на разных отделениях. Инициатором строительства собственного здания для училища выступил учитель Н.А. Куратов. В 1875 г. он написал рапорт на имя Его Высочородия Господина Инспектора Народных училищ Вологодской губернии, в котором объяснил необходимость строительства нового здания для школы. Аргументы были убедительными. Учитель писал, что «в училище учится 49 мальчиков и 8 девочек, всего их 57 учащихся, и желающих учиться еще много, но помещение училища настолько мало, что с трудом помещаются и 57 учащихся. Удобной квартиры для училища в с. Ношуль не сказывается, поэтому я прекратил прием учащихся, которых могло быть до 75 мальчиков и 25 девочек. Смотри же по народонаселению села Ношульского, где больше 200 домов, в Ношульском училище на будущее время станет быть учащихся до 80 человек. При неимении удобного помещения для училища, будут постоянно встречаться подобные затруднения по принятию учеников в училище. Поэтому в с. Ношуль предстоит необратимо построить особое здание для училища, в котором может поместиться никак не меньше 100 учащихся»³³.

Сельское общество не оставалось в стороне. Местные жители, крестьяне волости согласны были произвести рубку, распиловку и доставку леса для строительства нового помещения, но произвести за свой счет самую постройку дома крестьяне отказались, ссылаясь на неимение средств. Волостное правление направило ходатайство в Управление государственных имуществ с просьбой отпустить леса на постройку дома под Ношульское училище и выделить Правительство 700 руб. на постройку³⁴.

1 мая 1875 г. Директор народных училищ Н. Левицкий направил ходатайство на имя Инспектора Народных училищ Вологодской губернии Э.Е. Тимохьева, в котором сообщалось, что «крестьяне Ношульской волости не согласны на будущее жертвовать на наем квартиры для учащихся даже и 75 руб. (а не 120 руб. как это было ранее - примеч. авт.), о чем они уже и прежде заявляли на сходах, и что следовательно не согласятся и на расходы по собственному дому училища давать ежегодно по 120 руб., как по бедности своей, так и по тому, что

все училища в уезде содержатся на счетах земства, приговор, который будет в этом смысле составлен на первом собрании схода, будет мною представлен. Имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, сообщить об этом Усть-Сысольской Земской Управе и, если найдете полезным, Господину Исправнику Мировому Посреднику 1-го участка с просьбою принять в этом деле участие и предупредить возможность закрытия образцового училища. Во всяком случае я покорнейше прошу Вас обратиться в Усть-Сысольскую Земскую Управу с предложением о пособии Ношульскому училищу с ходатайством о беспошлинном отпуске леса и обращусь к Господину Попечителю Округа и через него к Министру Государственных Имуществ тогда, когда будет мне возвращен из Усть-Сысольской Управы приговор крестьян о бесплатной вырубке и вывозе леса, а также доставлено постановление о дополнительной сумме хотя бы в том же размере, что и теперь дается на содержание училищного дома, - будет ли она назначена обществом крестьян, или земством. При постройке дома со значительным пожертвованием из казны (около 800 руб.) само собою возникает вопрос о его отоплении, ремонте и страховании, - и жертвуя уже высший размер пособия на одноклассное училище - 226 руб. Министерство не согласится сумму эту увеличить еще расходом на содержание дома. О результатах Ваших сношений по этому делу всепокорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, меня уведомить»³⁵

На согласование данного вопроса ушло несколько лет. Только 26 июня 1881 г. Директор народных училищ Вологодской губернии сообщил Инспектору народных училищ 3-го района о том, что Господин Министр Государственных Имуществ разрешил отпуск леса за положенные по таксе деньги из казенной неустроенной Ношульской дачи для постройки отдельного дома для Ношульского училища в количестве 1390 сосновых бревен, 233 жердей и 8100 виц, и что рубка леса может быть произведена в весеннее и летнее время³⁶.

Заготовка леса для постройки училищного дома в селении Ношульском крестьянами производилась довольно успешно и добросовестно, с должною охотою и прилежанием, должна быть закончена не позднее 15 марта 1882 г.³⁷

Со слов старшины Ношульского волостного правления крестьянина д. Бор Николая Афанасьевича Попова вновь выстроенный деревянный дом должен был находиться в д. Бор Ношульской волости и занять пространство на 49 квадратных саженьях (1 кв. саж. = 4,55 кв. м.), построен высотой в 8 аршин (1 аршин = 71,42 см) с прирубною кухнею, на каменном фундаменте³⁸.

По плану строительства, при училище предполагалось построить дровяник, крытый тесом, длиной в 8 сажень, шириной в 4 сажени, высотой в 4 аршина; баню длиной в 3 сажени, шириной в 3 аршина (1

саж. = 2,13 м = 3 аршина), высотой от 1,5 до 5 аршин; досчатый забор на протяжении 150 саженой; деревянные ворота с калиткою³⁹.

Под строительство здания отводилась общественная земля в размере 1 десятины (1 дес. = 1,0925 га), ранее занятая крестьянскими огородами. На выделенной земле вокруг школы предполагалось развести сад и огород. Школа должна была расположиться на левой стороне дороги, ведущей от Ношувльской пристани в г. Вятку, напротив казенного дома, построенного для Господина Ношувльского Лесничего. Участок отведенной земли граничил с лицевой стороны с садом Господина Лесничего, с правой стороны на юге - с домами крестьян Нестора Рубцова и Василия Боброва, с северной стороны - с домом Андрея Ефимовича Иевлева, с запада на восток - с пашнями разных крестьян. Участок имел форму параллелограмма, грунт земли был песчаноглинистым, удобным для разведения сада и огорода. По тесноте места с краю оговоренной границы на территорию школы вошли конюшня, баня и хлев, принадлежащие А.Е. Иевлеву⁴⁰.

21 апреля 1882 г. учителем Ношувльского училища Александром Журавлевым был заключен контракт на постройку дома. Подрядчиком училища стал Лаврентий Яковлевич Супрядкин, крестьянин д. Яковлевской Ношувльской волости⁴¹.

Собственное здание под Ношувское одноклассное образцовое училище МНП было построено уже к концу 1882 г. Теперь обучение проходило в казенном одноэтажном деревянном доме на каменном фундаменте. В здании имелся теплый коридор для раздевания учащихся, ночлежная комната, в которой ученики не жили. Дом отапливался пятью печами. В комнатах имелись вентиляторы, которые были вставлены в трубы печек, через что воздух очищался удовлетворительно. Вентиляторы открывались каждую перемену и закрывались при начале урока. После классных занятий комнаты очищались от сора. Но полностью работы при училище закончены не были - не была проведена труба к ретирадному месту, в бане не достроена печка⁴².

6 марта 1884 г. вновь выстроенный дом для Ношувльского училища был застрахован во взаимном Вологодском Губернском Земском страховании на сумму 2000 рублей. Страховка возобновлялась ежегодно.

После завершения строительства Ношувское волостное правление 14 апреля 1884 г. приняло решение о благоустройстве территории вокруг школы, а крестьянин Андрей Иевлев обязался впредь новых хозяйственных построек на территории школы не возводить, а по истечении 2-3 лет снести старые, написав об этом письменное обязательство 30 мая того же года⁴³.

Короткие сроки строительства здания школы сказались на качестве производимых работ, которое проявились уже через несколько лет.

В 1888 г. учитель А.Н. Вешняков высказывается о необходимости ремонта школьных помещений. Он пишет: «...училище имеет нужду в ремонте комнат, обои которых благодаря тому, что стены оклеены были вскоре после постройки дома, везде полопались, а потому необходимо переклеить их на новые, полы сколотить и выкрасить краской, т.к. краска сошла почти вся, в особенности в классной комнате»⁴⁴.

На долю учителя Алексея Михайловича Гордюшева (на должности заведующего училищем состоял с 1891 по 1902 год) выпало постоянное беспокойство в связи с разрушающимся зданием училища, которое требовало неотложного капитального ремонта. Прошения на сей счет учитель Гордюшев писал ежегодно, начиная с 1891 г. Вот как объяснялись причины данной необходимости: «... к числу недостатков следует отнести холод и сырость, большую часть зимнего времени приходится заниматься при температуре от 6 до 9 градусов»⁴⁵.

В первую очередь при ремонте здания училища следовало перебрать заново часть крыши, переделать печь, поправить оконные рамы, отделать изнутри (оклеить стены) ночлежное помещение и поправить ограду вокруг двора⁴⁶. В 1894 г. на материалы для ремонта и рабочие руки по смете было выделено 100 руб. И только летом 1897 г. начались частичные ремонтные работы. Была перебрана часть крыши, в тех местах, где особенно сильны были течи, площадью около 60 кв. сажень, заменены совершенно негодные доски новыми, а равно переменены и желоба. При пересмотре крыши каждая доска была положена в четыре желобка, т.к. этого существенно необходимого желобления при первоначальной застройке сделано не было. Переменены охлупни. Перебраны накаты, полы и потолки в трех комнатах и всем коридоре. При пересмотре накатов многие плахи были заменены новыми. Переменены гнилые плахи в потолке классной комнаты. Вследствие угрожающей опасности падения потолков, в 2-х классных комнатах было поставлено 5 столбов. Поправлена ограда вокруг двора училищной земли, и также поправлена лестница, ведущая на крышу⁴⁷. В 1899 г. вопрос о ремонте училища оставался открытым. Учитель Гордюшев вновь пишет: «...В ожидании разрешения ремонта, многие статьи сметы пришли в такое состояние, что угрожают сильной опасностью, так, например, потолки угрожают падением, а печи пожаром. Падение потолков в классных комнатах предупреждено постановкой 5 столбов, против же возникновения пожара мер временных нет, т.к. повреждения внутренние, а именно разрушения сводов внутренних стенок, что может быть устранено только переделкою печей. Опасность от печей настолько серьезна, что я нахожу себя вынужденным заявить, что если не будет отпущено на переделку печей в течение апреля месяца 100 рублей, то я отклоняю от себя ответственность за могущее произойти несчастье»⁴⁸.

Обеспечением всеми необходимыми материалами для ремонта здания занимался заведующий училища. Некоторые материалы наряду с учебными принадлежностями закупались в магазинах в с. Ношуль. За прочими товарами заведующий выезжал в г. Вятку. На время его отсутствия заведование училищем передавалось законоучителю.

Только к 1910 г. в с. Ношуль завершилось строительство нового и удобного здания школы. Теперь занятия проходили на 2-х просторных этажах, где были предусмотрены и оборудованы специализированные кабинеты для изучения дисциплин естественных наук.

В целом, говоря о преподавательских кадрах, состоянии библиотеки, наличии учебников и учебных пособий, можно судить о том, что в Ношульском начальном одноклассном училище МНП в к. XIX - н. XX в. обучение проводилось на должном уровне. Свидетельством сему, с одной стороны, служит то, что по отчетным данным, желающих получить знания среди жителей Ношульской волости становилось больше, также на это указывают проблемы постоянной необходимости расширения училищных площадей. С другой стороны, происходили и качественные изменения. В 1909 г. Ношульское начальное одноклассное училище было преобразовано в двухклассное, а в 1912 г. - в высшее начальное училище МНП, где можно было получить законченное начальное образование⁴⁹.

***

1. Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Историко-демографический справочник. Сыктывкар. 1994. С.165.
2. Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Историко-демографический справочник. Сыктывкар. 2000. С.262.
3. Национальный архив РК (далее НА РК). Ф.180, оп.1, д. 25, л.9.
4. Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Историко-демографический справочник. Сыктывкар. 2000. С.262.
5. Бондаренко О.Е. Учебные заведения в Коми крае в к. XIX - н. XX вв. Сыктывкар. 1998. С. 11.
6. Национальный архив РК (далее НА РК), ф.180, оп.1, д.25, л.9.
7. НА РК, ф. 180, оп. 1, д, 25, л.9.
8. НА РК, ф. 230, оп.1, д.280, л.146.
9. НА РК, ф.180, оп.1, д.5, л.28.
10. Там же, д.25, л.9
11. НА РК, ф. 177, оп. 1, д.8, л. 1.
12. Бондаренко О.Е. Указ. соч. С.11.
13. НА РК, ф.180, оп. 1, д.25, л.9.
14. Там же, д.8, л.7.
15. Там же, д.25, л.9-10.

16. Там же, д.36, л. 133-134.
17. НА РК, ф. 177, оп.1, д.8, л. 1.
18. НА РК, ф.180, оп.1, д.3, л. 2-5.
19. Там же, оп.1, д.88, л. 36.
20. НА РК, ф.177, оп.1, д.8, л.3.
21. НА РК, ф.180, оп.1, д. 3, л.1.
22. Бондаренко О.Е. Указ. соч. С. 20
23. НА РК, ф.180, оп.1, д.32, л.24-26.
24. Там же, оп.1, д.86, л.78.
25. Жук Н.Н. Церковь в истории с. Ношуль Прилузского района (XIX-н. XX в.) //Вестник культуры Коми АССР. 1992 г. Вып.1. С.42.
26. Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1998. с.572; С.964.
27. НА РК, ф.180, оп.1, д.211, л.68-70.
28. НА РК, ф.177, оп.1, д. 3, л.4.
29. Там же, оп.1, д.8, л.4.
30. НА РК, ф.180, оп.1, д.3, л. 6-7.
31. НА РК, ф.177, оп.1, д.8, л.4.
32. НА РК, ф. 180, оп. 1, д. 3, л. 6.
33. Там же, д. 7, л. 2.
34. Там же, л.2.
35. Там же, д.6, л. 9-10.
36. Там же, д.15, л. 28.
37. Там же, л.56.
38. Там же, л.5.
39. Там же, л.47.
40. Там же, л.90-91.
41. Там же, л.79.
42. НА РК, ф. 180, оп.1, д.25, л.9.
43. Там же, д.27, л.3-4.
44. Там же, д.36, л.50.
45. Там же, д.63, л. 8.
46. Там же, д.55, л.124.
47. Там же, д.6, л. 60.
48. Там же, д.88, л.8.
49. Бондаренко О.Е. Как учились в высших начальных училищах // Родники Пармы. Научно-популярный сборник. - Сыктывкар, 1993. С. 197.

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА УСТЬ-СЫСОЛЬСКОГО ТРОИЦКОГО СОБОРА¹

*Потолицына Е. Н.
Национальный музей Республики Коми*

В конце XVI - н. XVII в. основная часть Коми края (за исключением верхней Камы, низовьев Вашки, нижней Печоры, Ижмы, составлявших Пустозерский уезд, и земель по Лузе и Виледи, входивших в состав Сольвычегодского уезда) входила в Яренский уезд. Большинство земель в уезде делилось на волости, погосты, погостцы.

Погосты в то время являлись административными и религиозными центрами для близлежащих селений. На погосте всегда стояла церковь, в тот период деревянная, дворы церковного причта, различные постройкы, а также торговые лавки, амбары.

Погост в устье реки Сысолы впервые упоминается в Яренских писцовых книгах 1586 г. Тогда же упоминается и первый храм на этом погосте.

«В Яренских писцовых книгах конца XVI и начала XVII столетия значится, что на устье реки Сысолы имеется погост, а на погосте церковь во имя святого Великомученика Георгия и дворы попа, дьячка, пономаря, проскурницы, сотского и шести средних крестьян, имевших пашни 28 1/2 четвертей и 310 копен сена. К погосту примыкали три деревни, двенадцать починков и слобода: в них было 48 крестьян»,² - так записано в «Летописи Усть-Сысольского Троицкого Собора», которую вел настоятель церкви в хронологическом порядке по годам, месяцам и числам. (Вследствие Указа Св. Синода от 12.10.1866 г. по распоряжению Епархиального Начальства с 1867 г. при церквях Вологодской епархии были заведены приходские «церковные летописи»). Вот и весь погост Усть-Сысольск, хотя в то далекое время это было большое селение.

В приписной книге 1646 г. уже упоминается две церкви: одна из них известная Георгиевская, а вторая новая «Живоначальной Троицы».

В «Ведомостях» за 1830 год настоятели упоминают также еще одну церковь во имя Воздвижения Животворящего Креста Господня «в городе за 4 версты; когда же оно издревле первоначально учреждены, с какого случая и с чьего позволения никаких достоверных сведений не имеется, а известно только по найденным при Соборе древним рукописям, что оне в начале XVII столетия уповательно в предосторожность от раскола были разобраны, но в 1731 г. по благословению Пресвященного Лаврентия, епископа Великоустюжского и Тотемского за дальностью прихожан от святых церквей таки возобновлены и находятся в существовании»³.

В Летописи за 1692 г. сделана запись грамоты Преосвященного Александра, Архиепископа Великоустюжского о построении в Сысольском погосте деревянного храма. (С 1682 г. выделяется Устюжская епархия, под юрисдикцию которой попал и Яренский уезд). В грамоте сообщалось о том, что «били челом Преосвященному Архиепископу Яренского уезду отхожих Сысольских волостей Троицкого приходу церковный староста Мишка Суханов и со всех крестьян место...»⁴. В челобитной содержится просьба о построении новой деревянной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы с приделом во имя Великомученика Георгия, ведь построенная вновь по благословению и указу Преосвященного Маркелла, Архиепископа Вологодского и Белозерского (святительствовал 17.01.1645 - 22.04.1663 гг.) «на устье реки Сысолы церковь во имя святого Великомученника Георгия к концу XVII в. была ветха»⁵. Из грамоты известно, что было дано благословение на новое строение: «лес ронить и из того леса строить церковь во имя Покрова Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы, а со стороны той церкви придел во имя Великомученника Георгия, а у той церкви и у придела строить круглый алтарь и верхи не шатровые (шатровая крыша имела пирамидальную форму, рубилась из горизонтально уложенных венцов; позднее, в XVII-XVIII вв., применялись стропила) и придел от этой церкви строить особою стеною и по церкви бы, в предельную церковь дверей не было»⁶.

В середине XVII в. при патриархе Никоне шатровая форма покрытий церквей, очень далекая от византийских канонов, стала запрещаться, поэтому разрешение на построение храмов давалось при условии неприменения шатра, но тем не менее еще долгое время на севере строились шатровые храмы. В грамоте также указывалось: «а построя тоя церковь и придел украсить св. Иконами и св. Иконы поставить среди церкви; по правую сторону царских врат поставить образ Всемилостивого Спаса, по другую сторону поставить настоящий образ Пресвятой Богородицы Покрова, так и иныя святые иконы и в приделе поставить по чину, а как та церковь и придел построено и к освящению приготовлено будет по освящении той новой церкви и престола бить челом Преосвященному Архиепископу и мы велим дати святыи антиминос и тое церковь и придел освятить»⁷.

В 1692 г. на месте разобранной ветхой церкви святого Георгия была поставлена новая деревянная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы⁸.

В первой трети XVIII в. Усть-Сысольск становится крупным поселением, торговым центром не только Усть-Сысольской волости, но и торговым центром обширного Коми края. К этому периоду в Усть-Сысольске была таможня, кружечный двор, винокуренная поварня. К

приходу было приписано более двухсот дворов, а в них по «генеральной переписи мужского полу больше девятисот душ. Некоторые жители обладали значительными средствами и вели обширную торговлю»⁹. Рос достаток и купеческих семейств.

Подошло время, и вместо деревянных, обветшавших стали ставить каменные храмы.

Первая каменная церковь появилась в погосте в первой трети XVIII в. тцанием и на средства купеческого семейства Сухановых. Так, в апреле 1733 г. Иван и Петр Сухановы подали в Устюжскую епархию челобитную с сообщением о том, что деревянная теплая Покровская церковь разрушается, и высказывалось прошение о постройке каменной церкви¹⁰.

В 1735 г. Преосвященный Сергей, епископ Великоустюжский и Тотемский подписал благословенную грамоту на строительство церкви, копия которой переписана в летопись и в ней сообщается: «...она церковь строится будет не свыше потребности, но вместо деревянной теплой ветхой церкви, которая имеется во имя Покрова Пресвятой Богородицы и на церковном казенном месте того ради, что она деревянная теплая церковь весьма обветшала и погнила и божественную службу в ней служить опасно, чтобы нечаянно во время службы верх той церкви не пал и присутствующагося народа нам не подавило. А другой теплой церкви в том приходе не имеется. А в холодной же церкви в зимнее время за великими и нестерпимыми морозами службы Божии священнослужителям служить и народу к слушанию приходити отнюдь невозможно, понеже в оной всей студеной стране бывают морозы великие и весьма нестерпимые и строить ту новую каменную церковь с пределы вы, Сухановы с надеждою на милость Божию по доброхотному желанию своему для прославления имени Божия будете своим иждивением и со всеусердием»¹¹. К моменту возведения каменной церкви уже были приготовлены строительные материалы: кирпич обожженный - двести тысяч штук, летом 1735 г. должны были изготовить еще 100 тысяч, железа - двести пудов, извести - двести бочек, «заготовлено на фундамент каменье с удовольствием». В грамоте утверждается, что «...она каменная церковь с приделами всякими церковными требами довольствоваться будет из церковной казны без оскудения»¹².

Освящение храма состоялось в 1740 г., на что был получен подлинный Указ Преосвященного Гавриила, Архиепископа Великоустюжского и Тотемского от 21 августа 1740 г., в котором сообщалось, что церковь построена и «...святыми иконами и прочим благолепием по церковному благочинию украшены и ко освящению в готовности и престолы в них поставлены... императорского Величества в Святей-

шем Правительствующем Синоде по Указу от 13 сентября 1734 г. каждый в вышину аршин и шести вершков, в длину аршин осьми вершков, и в ширину аршина четырех вершков»¹³.

В построенной теплой одноэтажной каменной церкви был один престол во имя Покрова Пресвятой Богородицы и «2 придела: первый - во имя святого пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, второй - во имя святого Великомученика Георгия»¹⁴.

По этому же Указу престол надлежало освятить священнику Симеону с «тамошними священниками и диаконами, а приделы освятить священнику Макарию со священниками и диаконами по новоисправленному печатному требнику»¹⁵.

В 1832 г. в документах Усть-Сысольского Троицкого Собора хранилась благословенная грамота за № 175 от 24 августа 1782 г., подписанная Преосвященным Иоанном, епископом Великоустюжским и Тотемским на освящение в Покровской церкви вместо ветхого, вновь исправленного Святого Престола¹⁶.

Следующая дата, связанная с историей этого храма, относится к 1792 г. В этот год над одноэтажной Покровской церковью началось строительство второго этажа - холодной церкви, на построение которой была также получена подлинная храмозданная грамота Преосвященного Иринея, епископа Вологодского и Устюжского от 9 марта 1792 г. На освящение церкви с престолом во имя Нерукотворного образа Спаса в июле 1808 г. приезжал Преосвященный Евгений (Болховитинов), епископ Вологодский и Устюжский, известный как крупный религиозный деятель, а также как историк, этнограф, философ. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы состояла из двух храмов и стала самым большим каменным зданием в городе Усть-Сысольске. (В 1780 г. именным указом Екатерины II погост Усть-Сысольск был образован в город Усть-Сысольск, ставший центром Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии).

В 1753 г. рядом, с еще тогда одноэтажной Покровской церковью была заложена Троицкая церковь. Усть-Сысольские «священники Никифор Макариев да Стефан Елизаров и церковный староста Михаил Сидоров с приходскими людьми» обратились в Устюжскую епархию с прошением, где было представлено, что «в Усть-Сысольском Троицком приходе имеется давно построенная деревянная церковь во имя святой Троицы с приделами, которые весьма пообветшали и священнослужение в них отправлять опасно», и содержалась просьба о постройке новой каменной Троицкой церкви¹⁷. Из епархии была получена храмозданная грамота Преосвященного Варлаама, епископа Великоустюжского и Тотемского, данная 28 мая 1753 г. на построение каменного Соборного храма во имя Живоначальной Троицы¹⁸.

Освящение холодной Троицкой церкви с тремя престолами (1 престол и 2 придела), а именно: «настоящий во имя святыя Живоначальной Троицы, по сторонам, по правую - святых Верховных апостолов Петра и Павла, по левую трех святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого», состоялось в 1768 г., на что была выдана подлинная грамота Преосвященного Иоанна, епископа Великоустюжского и Тотемского от 21 июня 1768 г.¹⁹.

В 1783 г. по Указу из Консистории за № 244 от 24 апреля на основании прошения священнослужителей и городских жителей вместо имеющейся при каменной Троицкой церкви ветхой деревянной колокольни началось строительство каменной. (В XVIII в. оформляются епархиальные Консистории, заменившие ранее существующие епархиальные учреждения). 10 апреля 1785 г. великоустюжские мещане и крестьяне заключили договор с устьсысольским купцом Афанасием Сухановым, подрядившимся строить «с сего года наступающего лета при городской Троицкой церкви новую колокольню каменную...»²⁰. (Договор великоустюжских строителей в приложении).

После завершения строительства колокольня стала самым высоким зданием и была далеко видна людям, подъезжающим к г. Усть-Сысольску. Так, на берегу Сысолы к концу XVIII века был создан комплекс храмов, получивший название городского (Усть-Сысольского) Троицкого собора. Храмы располагались на том месте, где улица Покровская (ныне ул. Орджоникидзе) выходила к берегу и получила свое название, так как «упиралась» прямо во входные ворота Покровской церкви.

Для того, чтобы построить такие крупные каменные здания, в Усть-Сысольск были приглашены специальные бригады каменщиков из Великого Устюга, которые являлись профессионалами высокого класса и имели свой стиль в строительстве. «Для него характерны башнеобразные постройки, многоярусный силуэт зданий, завершавшихся, придававшими главками на тонких шейках... Над основным прямоугольным зданием, перекрытым четырехскатной кровлей - четверик, а на нем один над другим последовательно уменьшающиеся три граненых барабана - восьмерики. Именно в таком стиле был построен Троицкий собор», - узнаем мы из книги «Усть-Сысольск» М.Б. Рогачева, А. Цоя²¹.

Особенно красиво церковный комплекс смотрелся с реки. Троицкий собор стал центром городского прихода. На жителей прихода ложилась обязанность по обеспечению храмов иконами, книгами, колоколами, священническими облачениями и прочими предметами православного культа.

Все церкви в Коми крае, в том числе и Троицкий собор, обеспечивались всем необходимым за счет средств, собранных по мирской раскладке, и до конца XVIII в. считались собственностью приходской общины. Основная масса средств на нужды церквей складывалась из обязательных обложений, добровольных пожертвований, кружечного кошелькового сбора, продажи свечей. Кроме того, церкви получали большие пожертвования от зажиточных людей.

Усть-сысольские купцы Латкины, Модяновы, Сычевы, Сухановы и другие жертвовали суммы на текущие нужды храмов и их оборудование. Например, усть-сысольский купец Иван Новоселов завещал «за свое поминовение» 1500 рублей в пользу городских и 1350 рублей - уездных церквей²². В «Вологодских епархиальных ведомостях» за 1868 г. сообщается, что «купец Федор Сычев пожертвовал в усть-сысольский Собор медный посеребряный семисвечный подсвечник, изящной работы, ценою в 70 руб.» и за это пожертвование купцу была объявлена признательность Епархиального начальства через означенный журнал.

Для материального обеспечения церкви крестьяне выделяли и часть своих сенокосных угодий. С 1723 г. по 1751 г. Троицкая церковь получила по завещаниям «за поминовение» шесть сенокосных участков. В «Ведомостях» Троицкого собора указывается, что в 1832 г. «земли при сем Соборе усадебной и пашенной не имеется, а только владеют священноцерковнослужители сенокосом на градской выгонной земле на 1200 волоковых копен, каковое количество десятинами не измеряно и межевых книг не имеется»²³. За обрабатывание и снятие того сена платилось позаемное количество половникам, а с другой половины священнослужители имели возможность прокормить лошадь, корову, овцу, а церковники - корову и овцу. Вместо пашен служители получали ругу рожью от прихожан, иногда хлебная руга заменялась денежной, «рыбных ловел и других каких-либо угодий, приносящих доходы не имеется»²⁴.

Умиравшие либо родственники умирающих отписывали в пользу церкви «за вечное поминовение» свое имущество или денежные суммы. Троицкий собор с 1790 г. по 1835 г. получил 10 пожен, 11 полян, выгон, несколько домов с хозяйственными постройками. Великолепие церковного убранства, утвари, выполненной как из простых металлов, так и из драгоценных, облачение священнослужителей, шитое из простых или дорогих тканей, зависело от денежного дохода церкви, от вклада зажиточных купцов, попечителей.

По документам 1832 г., подписанным протоиереем Троицкого Собора А. Шергиным, церкви «утварию церковною достаточны»,

например, «риз лучших - 13, среднего сорта - 29, стихарей лучших - 10, среднего сорта - 8, дароносиц серебряных 2, четыре Евангелия в лист с отделкою серебряною под золотом, из коих одна только 84-й пробы, а у других серебро не пробное и еще одно Евангелие в 4-ю долю листа 84-й пробы, крест серебряный под золотом со святыми мощами, другой крест новый серебряный... с клеймами и стразами 84-й пробы, весу в нем один фунт 79 золотников, третий серебряный под золотом с мощами без пробы 77 золотников, и четвертый серебряный в нем 55 золотников; сосудов серебряных с приборами под золотом - четыре, два кадила серебряных, три медных, три купели для крещения младенцев, два венца для брачившихся, сосуды для благословения хлебов, подсвечники и паникадилы медные, книги имеются для церковного круга и другое благолепию храма приличные»²⁵.

Священноцерковнослужители проживали в собственных деревянных домах, купленных на городской земле, или нанимали квартиры.

Троицкому собору принадлежали несколько старых деревянных зданий, отдаваемых в наем, в которых располагались различные лавки. В одном из неплановых деревянных домов размещалась просвирня²⁶. Духовное правление и Настоятель находились при Соборе²⁷.

По данным за 1830-й год, приписанных к «сему Собору церкви нет, кроме кладбищенской Вознесенской», начало строительства которой относится к 1811, а освящение к 1821 г., и располагавшейся на расстоянии в 1 1/2 версты. Домовых церквей в Усть-Сысольске на тот период ни у кого не было. Приписанными к Собору были деревянные, «прочные, постоянно возобновляемые» часовни в деревнях: 1) в Кочпоне - во имя святых и праведных Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев в 4 верстах; 2) в Чите - во имя Покрова Пресвятой Богородицы в пяти верстах; 3) в Слободе - во имя святителя Николая Чудотворца в 14 верстах; 4) в Озелах - во имя Вознесения Господня в 20 верстах; 5) в городе за 4 версты - во имя Воздвижения Животворящего Креста Господня.

Приписанные к Собору Вознесенская кладбищенская церковь и часовня в Кочпоне были бесприходными и по мере необходимости обслуживались клиром Троицкого собора, о которых нельзя не упомянуть. В грамотах, выданных Архиепископами на строительство, освящение церквей, содержатся сведения о священниках, несших службу в Троицком соборе: 1692 г. - церковный староста Михаил Суханов, 1730 г. - священник Артамонов, 1753 г. - священники Макарий Никифоров и Стефан Елизаров.

В документах с 1780 по 1786 г. упоминаются священники: Иоанн Иларионов, Василий Алексеев, Иоанн Никифоров, Иван Васильев, Симеон Дмитриев, дьяконы: Степан Павлов, дьячки: Иван и Василий Поповы, пономарь Дионисий Трубачев²⁸.

По штату 1815 г. было положено иметь протоиерея, двух священников, двух дьяконов, трех дьячков и трех пономарей²⁹.

С 1808 г. протоиереем означенного Собора был Дмитрий Подьяков, с этого же времени он являлся благочинным и присутствующим Духовного правления. Службу в храмах вели священники Иоанн Михайлов, поставленный в 1783 г., и Василий Шергин, поставленный в 1799 г., дьяконы Иван Латкин, Михаил Лежнев, с 1807 по 1836 гг. в просвиране проработала Параскева Тимофеевна Протопопова.

Яркой личностью был протоиерей Александр Васильевич Шергин (1791-1837 гг.), назначенный в 1832 г., окончивший Вологодскую семинарию в 1814 г. Несколько лет преподавал старшим учителем в Сольвычегодском уездном Духовном училище, 1 августа 1825 г. был посвящен в дьяконы при Троицком соборе, а затем рукоположен в священника. В 1832 г. также определен первоприсутствующим в Усть-сысольском Духовном правлении, сотрудником Вологодского попечительства о бедных духовного звания, членом Оспенного комитета. 30 августа 1834 г. высочайше утвержден в звании члена Усть-сысольского уездного попечительного комитета о тюрьмах и в должности казначея. Его перу принадлежит труд «Известия исторические о зырянском народе и зырянских монастырях» XIX в. (I четв.), который сохранился в фондах НМРК³⁰.

Священником в тот период оставался, по-прежнему, отец протоиерей Василий Иоаннович Шергин (в 1823 г. он перевел на коми язык Евангелие от Матфея), вторую священническую должность занимал с 1825 г. Алексей Васильевич Казаринов (1782-1860 гг.), награжденный за активную деятельность бронзовым крестом на Владимирской ленте (1812 г.), набедренником (1830 г.) и рукоположенный в 1843 г. вторым протоиереем Троицкого собора³¹.

После смерти А.В. Шергина в течение 1838 г. обязанности, а затем и должность протоиерея выполнял священник Вонифатий Георгиевич Кокшаров (1810 г. рожд.), рукоположенный на эту должность в 1839 г. в возрасте 29 лет.

В.Г. Кокшаров не раз был отмечен благодарностями из епархиального управления за «добрый порядок в Соборных церквах, причте Соборном и в Духовно-приходском училище», за присоединение старовера Усть-сысольского уезда Печорской волости крестьянина Родиона Кузнецова в православие. «За ревностную и похвальную службу при безпорочном поведении» награжден бархатной фиолетовой скуфьей³².

Верой и правдой служил церкви молодой священник Михаил Васильевич Георгиевский (1815 г. рожд.), поставленный на эту должность в 1838 г. По особенному ордеру его Преосвященства Иринарха, епис-

копа Вологодского и Устюжского в 1843 г. «увещевал упорно неповиновавшихся крестьян Усть-куломского селения к предержащим властям к должному повиновению и за успешное увещание 8 апреля 1844 г. награжден бархатной фиолетовой скуфьей»³³.

С Троицким собором связаны и интересные исторические события из жизни Усть-Сысольска. Именным указом императрицы Екатерины II от 25 января (7 февраля) 1780 г. село Усть-Сысольск было преобразовано в город Усть-Сысольск, ставший центром Усть-Сысольского уезда. При торжественном открытии города, которое состоялось 10 сентября 1780 г. в доме купцов Сухановых, «местный протоиерей в присутствии назначенных от генерал-губернатора чиновников совершал Богослужение по два дня»³⁴. После официальной части состоялся праздничный обед, сопровождаемый звоном колоколов уже городского Троицкого собора.

В 1822 г. в Усть-Сысольске было открыто духовно-приходское училище, первое в Усть-Сысольском уезде, которое являлось первой ступенью в подготовке детей, главным образом, духовного сословия, для поступления в духовные училища.

Училище располагалось в непригодном для учебного заведения помещении - в двух молельных комнатах первого этажа колокольни Троицкого собора при входе в коридор, ведущий в храм.

Смотрителем был настоятель Собора, а учителя назначались из числа священников или выпускников семинарии.

С 1822 г. по 1827 г. на должность смотрителя училища был назначен А. Шергин. С 28 июля 1837 г. - протоиерей Кокшаров.

Духовное правление и Настоятель находились при Соборе³⁵.

К середине XIX в. церкви Троицкого собора уже не выглядели такими красивыми, как в начальный период своего существования. Обветшавшим храмам требовался ремонт: в стенах появились трещины, прогнили полы, разрушались фундаменты.

Уже в 1832 г. протоиерей А. Шергин отмечал, что «с северной стороны алтаря есть расщелина, причиняющая не опасность, но сомнение о слабости грунта под фундаментом алтаря»³⁶. Дело в том, что каменные церковные здания, построенные на берегу реки, давили на мягкий грунт, к тому же подмываемый «по причине скрытых подземных водных ключей, выходящих из-под Собора вблизи находящуюся реку Сысолу»³⁷.

В 40-е годы XIX в. принимались меры по укреплению берега, даже проводился сбор денежных средств на эти цели³⁸. Подмываемый берег пытались укрепить сваями путем забивания, но все безрезультатно³⁹. Храмы постепенно с подмываемым грунтом «сползали» вниз. Несмотря на такое состояние церквей, богослужения в них проходили вплоть до 1932 г.

Комплекс Троицкого собора не дожид до наших дней. С первых лет советской власти обозначился серьезный конфликт между государством и церковью, углубившийся после декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.

В 1920-х годах правительство осуществило масштабную конфискацию церковного имущества, проводились репрессии против духовенства, верующих, беспричинно закрывались церкви.

В соответствии с постановлением Президиума Коми облисполкома от 20 мая 1932 г. «О ликвидации молитвенного здания, так называемого Троицкого собора» собор был закрыт по причине аварийного состояния здания⁴⁰.

Договор великоустюжских мещан на строительство колокольни «Лета 1785 апреля месяца 10 дня великоустюжские мещане: Иван Иванов и сын его Никифор Титовы, Михайло Иванов сын Игумнов, крестьяне экономического ведомства великоустюжской округи деревни Борисовской Федор Ильин сын Нагих, дер. Наволок ... Косьма Федоров сын Незнахин, ... дер. Семеновской Герасим Климов Зубцов, черносотшные Великоустюжской округи деревни Пустыни Иван Захаров Верховцев, деревни Осипцово Василий Семенов Телегин, дер. Матвеевской Иван Пономарев, дер. Косарева Харитон Федоров Загоскин дали сию запись гор. Усть-Сысольска купцу Афанасию Елисееву сыну Суханову в том, что подрядились мы вышепрописанные мещане и крестьяне у него, Суханова, работать сего года наступающего лета месяца с первого сентября по четвертое надесять лето в г. Усть-Сысольске при городской Троицкой церкви новую каменную колокольню из готового материала со своим принадлежащим к работе завозом железным и деревянным безотлучно, добропорядочно со всяким послушанием, не чиня при оной работе ему Суханову никакова убытка, а пить и есть выраженной подрядчиком оной колокольни великоустюжским мещанином Василием Смолиным запас и прочее харчевые не требуем более от него Суханова ничего и во все вышеописанное время работы хмельного не пить и не гулять, а если кто из нас окажется в прогулках, то вычитать у нас каждый день прогульной при разделе из платы нашей, что от прилучившейся кому из нас неработных дней от болезни, то день за день, а в воскресию работу от него Суханова получить нам каждому платы по договору, а всего 142 руб., а в число оных наперед получить от него Суханова в задаток каждый из нас против договорной платы половину, а достальные получить будущего июля осьмого числа четверть договорной платы, а другую половину по прошествии срока при расчете, а в исправной же и безотлучной работе и в добропорядочном поведении обязуемся мы друг за друга порукою»⁴¹.

1. Данная статья написана на основе «Летописи Усть-Сысольского Троицкого Собора» и «Клировых ведомостей Усть-Сысольского Троицкого Собора», хранящихся в НАРК.
2. НАРК, ф. 296, оп. 1, д. 59, л. 3.
3. Там же, д. 9, л. 70 об.
4. Там же, д. 59, л. 7 об.
5. Там же, л. 3.
6. Там же, л. 7 об.
7. Там же, л. 7 об.
8. Ф.А. Тентюкова. «Из прошлого Коми края». - Сыктывкар, 1976 г.
9. НАРК, ф. 296, оп. 1, д. 59, л. 12-12 об.
10. Там же, д. 59, л. 11.
11. Там же, л. 11 об.
12. НАРК, ф. 296, оп. 1, д. 59, л. 11 об.
13. Там же, д. 59, л. 14 об.
14. Там же, л. 14 об.
15. Там же, л. 14 об.
16. Там же, д. 9, л. 69.
17. Там же, д. 59, л. 18 об.
18. Там же, д. 9, л. 69.
19. Там же, д. 9, л. 69.
20. Там же, д. 59, л. 28 об.
21. Рогачев М.Б., Цой А. «Усть-Сысольск». - Сыктывкар, 1989. С. 76.
22. НАРК, ф. 286, оп. 3, д. 37.
23. НАРК, ф. 296, оп. 1, д. 9, л. 69 об.
24. Там же, д. 9, л. 70.
25. Там же, л. 69 об.
26. Там же, л. 70.
27. Там же, л. 69 об.
28. Там же, д. 59, л. 26 об., 27, 28, 28 об.
29. Там же, д. 9, л. 69 об.
30. Там же, л. 71 об.
31. Там же, л. 74 об.
32. Там же, л. 217 об.
33. Там же, л. 178 об.
34. Там же, д. 59, л. 26.
35. Там же, оп. 1, д. 9.
36. Там же, л. 69 об.
37. Там же, л. 81 об.
38. НАРК, ф. 230, оп. 1, д. 128.
39. НАРК, ф. 296, оп. 1, д. 9, л. 24 об.
40. НАРК, ф. Р-3, оп. 1, д. 2113, л. 15.
41. НАРК, ф. 296, оп. 1, д. 59, л. 28 об.

К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ МЕДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИТЬЯ СРЕДИ РУССКОГО И НЕНЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ТУНДР В XIX - НАЧ. XX ВВ.

Меньшакова Е. Г.

Ямало-ненецкий окружной краеведческий музей

В последнее время значительно возрос интерес к изучению коллекции медной культовой пластики. Огромное внимание уделяется вопросам технологии производства, атрибуции, типологии, описанию коллекций в различных собраниях¹.

К сожалению, весьма слабо изучен вопрос о бытовании подобных предметов среди населения, особенно в зонах контактного проживания народов, к которым относилась и современная территория Ненецкого автономного округа. Этот район издавна был зоной контактов русских (пустозеров), кочевников-ненцев и коми-ижемцев.

В настоящей работе мы попытаемся обобщить сведения о бытовании предметов медного культового литья среди русского и ненецкого населения, полученных автором во время экспедиции 1999 г. в дер. Андег и Кую, из беседы с В.А. Ханзеровой и И.С. Валеем и информации, любезно предоставленной директорами общественных музеев округа - М.С. Лукиной (пос. Красное), З.А. Шальковой (с. Великовисочное), В.С. Бурковой (дер. Андег), а также выявленных при изучении учетной документации Ненецкого окружного краеведческого музея и работ исследователей.

Статья не претендует на всеобъемлимость и полноту и является первым опытом исследования по данной проблеме.

В рассматриваемый период предметы медного литья были широко распространены, особенно среди русского населения. Известно, что еще в 1723 г. после запрета литья и продажи медных крестов и икон по причине того, что «выливаются оные зело неискусно и неизобразительно...», производство его монополизировали старообрядцы.

Однако, на наш взгляд, широкому распространению в регионе медных икон, крестов способствовали, как и по всей России, в большей степени их дешевизна, доступность, долговечность, красота, сравнительно небольшие размеры (удобно было брать на промысел - в дорогу, что немаловажно, учитывая промысловый характер хозяйства нижнепечорцев и кочевого населения). Возможно, сказались также симпатии к старообрядчеству. Нельзя забывать про почти 14-летнее пребывание в тюрьме Пустозерска в XVII в. идеолога движения протопопы Аввакума и его теплые взаимоотношения с населением. Священник И. Зуев сообщал в 1891 г. в Архангельских епархиальных ве-

домостях: «о пустозерцах нужно сказать, что это народ весьма религиозный, и большинство из них не чуждается храмов Божьих, хотя почти все здешние обыватели крестятся двуперстным крестом и питают пристрастие к старопечатным книгам...»². Однако в конце XIX столетия в волости старообрядцев было немного. К ним себя относили только крестьяне д. Ведовская (40 душ обоего пола).

Меднолитые изделия сопровождали пустозерцев на протяжении всей жизни. Они были объектами поклонения, выступали также в качестве оберегов.

Как сообщает П.М. Спирихин в своих воспоминаниях о Пустозерске 20-30-х годов XX в., «... не могу назвать пустозерцев тех лет людьми очень набожными. Когда происходило что-нибудь неприятное... то в адрес бога слышал от мужиков далеко не лестные выражения. Но помню, что отправляясь на промысел к морю, отец всегда брал с собой небольшую иконку»³.

Медными иконками, подобными фрагменту складня «Богоматерь Знамение» (НОКМ № 436 о.ф.), как свидетельствует легенда предмета, снаряжали жители Нижнепечорья в армию будущих солдат, благословляли на войну, на путину.

Складни, возможно даже отдельные их фрагменты, и кресты-распятия, иногда вставленные в специально сделанные деревянные киоты (НОКМ 370/1 в.х.), украшали иконостасы в домах жителей Нижнепечорья. Тот же И. Зуев, описывая дома пустозерцев, обращает внимание на украшение комнат святыми иконами: «в большинстве домов в переднем углу встречаете целый ряд икон... Пред иконами обыкновенно помещается сосуд для курения фимиама, посредством которого обыватели совершают пред иконами в своих домах каждение во все воскресные и праздничные дни»⁴. Нечто подобное сообщает и Мартынов: «стены особенно любят украшать образами, и очень часто образов можно видеть целые иконостасы»⁵.

По сообщениям старожилов, перед праздниками образа мыли, и этой водой окропляли маленьких детей и людей в семьях, где часто умирали. Жительница д. Куя Александра Федоровна Шевелева во время последней экспедиции музея в деревню сообщила, что воду, которой мыли образа, выливали также на восточный угол дома.

Медный крест «Распятие» был необходимым атрибутом при крещении и купании младенцев. При купании крест держали в правой руке, левой прижимая к груди ребенка, окатывая его при этом водой с себя.

Небольшие медные иконки, по сообщению З.А. Шальковой из с. Великовисочное, вкладывали в руки покойника в доме, однако при положении в землю убирали. Их врезали в надгробные памятники -

распятие и образки мужские - мужчинам, образки Богородицы и женских святых - женщинам. Памятники с такими вставленными в них иконками можно встретить до сих пор на русских кладбищах.

Обязательной принадлежностью каждого христианина был наперсный крест. Он давался каждому православному при крещении. Меднолитой крест был самым распространенным, имел широкое хождение среди русских и коми на современной территории Ненецкого округа. В коллекциях НОКМ и Пустозерского КИП музеев находятся три креста - один XVIII в., обнаружен при расчистке культурного слоя на месте бывшего Пустозерска, два другие четырехконечные, более массивные, с сохранившимися остатками голубой эмалевой заливки. Один был найден В.И. Афанасенко в Канино - Тиманьи, другой обнаружен на кладбище в д. Устье.

Наиболее популярными сюжетами в бытовавшем на нижней Печоре культовом литье были «Двунадесятые праздники», «Николай Чудотворец», «Сошествие во ад», «Благовещение», «Спас на престоле», «Распятая».

Приобретали предметы медного культового литья с барж у чердынских купцов, у единичных торговцев с верховьев Печоры, в лавках при церквях, на ярмарках в соседних уездах: Никольской и Алексеевской на Пинеге⁶, Усть-Важской ярмарке, в Архангельске, и даже, как сообщили информаторы из с. Великовисочного, в магазинах.

С появлением в низовьях Печоры лесопильных заводов в нач. XX в. начался приток в Пустозерскую волость на заработки крестьян из Усть-Цилемской волости, где старообрядчество издавна имело сильные позиции. Естественно, приверженцы старины везли с собой и предметы, необходимые для отправления обрядов, в том числе и медные иконы, кресты, складни. В среде староверов Ненецкого округа и сегодня бытуют предметы медной культовой пластики XVII-XX веков, бережно сохраняемые и передающиеся из поколения в поколение. Вероятно, могут быть и вещи, отлитые еще в мастерских на Выге, ведь на протяжении XVIII в. - I пол. XIX в. существовали тесные связи между Даниловым монастырем, ведущим центром поморского литья, и Великопоженским общежитием на Пижме. Нужно отметить также, что рудники Выга, как сообщает историк И. Филиппов, «хождаша на Канин нос для промысла, а иногда покупая нерпы на братство у морских промышленников»⁷. Не без помощи выговцев, вероятно, до середины XVIII в. на р. Оме существовал старообрядческий скит.

Бытование предметов культовой медной пластики наблюдалось и среди обращенного в православие ненецкого населения. Особо почитаемыми самоеды считали иконы, сюжеты которых были посвящены

св. Николаю Угоднику. В.Н. Латкин сообщает, что «даже некрещенные самоеды, в какой-нибудь беде, или уходя на промысел, делают обеты, и, при счастливом обороте обстоятельств, или при удачном ловле, приносят дары Угоднику. Они издавна привыкли веровать «великому Николе», как называют Чудотворца, и в своих языческих понятиях помещали его в число богов. Обеты, данные «дедке Николе», исполнялись ими свято; за нарушение их они боялись страшной кары»⁸. Подтверждает это сообщение и Владимир Иславин: «У многих в чуму стоит образ, по большей части Святителя Николая»⁹. К сожалению, исследователи не сообщают, были это медные иконы или писанные.

Среди экспонатов НОКМ музея есть две медные иконы «Николай Чудотворец». Одна из них из старых поступлений музея (НОКМ №370/7 в.х.), другая (НОКМ № 2335 о.ф.) обнаружена Владимиром Валеем в 1996 г. на о.Вайгач.

Что касается бытования крестов среди ненецкого населения, то здесь следует отметить любопытное наблюдение А.Д. Евсюнина. «Крестов, которые надевались при крещении на шею, не носили: по языческим законам носить крест было грешно. С крестом на шее успеха в пушном и другом промысле не достигнешь»¹⁰. Насколько верно утверждение Евсюгина, сказать сложно, но пока нам не удалось найти этому подтверждения.

Любопытно, что медный литой трехлопастноконечный крестик более раннего периода (XI-XIII вв.) с желтой выямчатой эмалью был обнаружен Л.П. Хлобыстиным при раскопках древнего святилища на о. Вайгач. По мнению исследователя, «христианский крестик попал в число жертвенных вещей языческого капища в результате гибели одного из ратников новгородских экспедиций, ходивших в Югру и Самоядь. Крестик мог попасть к победителям и затем оказаться с ними на Вайгаче»¹¹. Следует, однако, заметить, что в находках более позднего времени на ненецких святилищах предметы медного культового литья не встречаются.

Не так давно коллекция медной пластики Ненецкого окружного краеведческого музея пополнилась «Распятием», принадлежавшим семье Пичковых Алексея Григорьевича и Парасковьи Егоровны. Как сообщила их дочь Феонила Алексеевна Речкова, «Распятие» всегда находилось в чуме вместе с другими иконами, во время кочевок его держали в санях.

Илья Семенович Валей, председатель общины «Ямб то», в беседе сообщил, что его прадед хранил медные иконки в чуме в синекуе (священном месте) на небольшой полочке, прикрепленной к шестам кожаными веревочками.

По свидетельству В.А. Ханзеровой, ее бабушка Юлия Дмитриевна Бобрикова хранила иконки, в том числе и медные, в лукошке. В чуме лукошко стояло открытым, а иконки были прислонены к одной из стенок. При переездах их укладывали на дно, а лукошко закрывалось крышкой и устанавливалось на санях - Юлия Дмитриевна была женщиной очень набожной, носила крест на груди, ежедневно до и после еды молилась. В церковные праздники иконы мыла и так же, как это делали женщины в русских деревнях, этой водой опрыскивала чум и обитателей, чтобы были здоровы.

Очень печально, что практически все предметы медной культовой пластики из старых поступлений Ненецкого окружного краеведческого музея не имеют легенд. Это связано с тем, что коллекция начала формироваться еще в 30-е годы, возможно, еще до официального оформления самого музея, в бытность деятельности окружного бюро краеведения (1929 г.) и организации в 1931 г. местных краеведческих ячеек, которые собирали «древности для окружного музея». В «Акте инвентаризации и оценки имущества музея от 19 марта 1934 г. в списке экспонатов, не занесенных в документы предыдущего года, но имеющихся налицо, значатся: иконы металлические - 3, кресты металлические - 2¹². В инвентарных записях следующего года числятся уже «5 медных литых четырехугольных икон, 4 литые фигурные медные иконы неправильной формы и 2 медных креста». Все из Нижне-Печорского района. В графе «время поступления» стоит - «до 1934 г.»¹³. К сожалению, книги не содержат сведения об источниках поступлений, бывших владельцах, месте и времени бытования предмета. Весьма печально, что приведенные в них описания предметов (вернее присутствие всего одного размера - длины) не позволяют опознать их с находящимися ныне на временном хранении в фондах музея подобными предметами «из старых поступлений». В 1940-1970-е годы коллекция медной пластики не пополнялась. В последнее время в связи с ростом интереса к старообрядчеству и его культуре интерес у музейных работников к медному культовому литью значительно возрос. Сегодня данная коллекция музея насчитывает 19 ед. хр. - это предметы XVIII-XIX вв. - кресты (киотные, нательные), иконы (моленные, нагрудные), складни и их фрагменты. Часть коллекции была атрибутирована в 1997 г. старшим научным сотрудником Архангельского областного краеведческого музея В.П. Соломиной.

Из всего собрания культовой пластики музея выделяется так называемый процветший крест (б./н.) из старых поступлений. Насколько широко были распространены подобные кресты среди пустозеров, сказать довольно сложно. Известно лишь только, что подобные крес-

ты на «колетчатых» цепях были непременно украшением, отличительным и характерным признаком девичьего наряда зажиточного крестьянства на Пинеге. Есть также сведения, что носили их и в Усть-Цильме.

В завершение хотелось бы заострить внимание на необходимости дальнейшего изучения этого вопроса, как собственно и изучения материальной и духовной культуры русского населения Припечорья - пустозерцев. Сегодня такие исследования полностью отсутствуют. Что касается работ по этнографии ненцев, то в них практически не освещены вопросы бытования предметов православного культа, да и людей, знающих о быте населения того периода времени, с каждым годом остается все меньше.

***

1. Русское медное литье. - Сб. статей, - М: Сол Систем. 1993.- Вып. 1-2.
2. Зуев И. - Пустозерск слобода Мезенского уезда Архангельской губернии// АЕВ, - 1991, - № 3-4. С. - 140.
3. Спирихин П.М. Пустозерск моего детства. - Нарьян-Мар. 1999,-С.8.
4. Зуев И. Пустозерск слобода Мезенского уезда Архангельской губернии// АЕВ, - 1991, - № 3-4. - С. - 140.
5. Мартынов С.В. Печорский край: Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда. СПб. 1904. - С.2. - С.13
6. Шаньгина В.В. Торговые связи Коми края в пореформенные годы XIX века//Труды ИЯЛИ КФ АН СССР. - Вып. 23.- С.56.
7. Филиппов И. История Выговской пустыни. - СПб. 1868. - С.21
8. Латкин В.Н. Заметки о самоедах // Журнал Министерства внутренних дел. - 1854. - №7. - С.5-6.
9. Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. - СПб. 1847. - С.19. Евсюнин А.Д. Ненцы Архангельских тундр. - Архангельск. 1979. - С. 102.
10. Хлобыстин Л.П. Древние святилища острова Вайгач// Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. - М., 1990. - С. 125.
11. НОКМ.-Ф.1- Оп1.-Д.12Л, Л. 12.
12. НОКМ. Ф. 1.- Оп I.- Д. 12, Л. 19
13. Кислуха Л.Ф. Девичий праздничный костюм повязочницы на Пинежье конца XIX - начала XX века// Народная культура Русского Севера. - Архангельск, 1997.- С. 154-160.

ПЕЧОРСКАЯ ОПЫТНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТАНЦИЯ. НАЧАЛО ПУТИ

Рочева Л. К.

Историко-мемориальный музей А. В. Журавского, с. Усть-Цильма

Систематическое изучение сельского хозяйства на Печоре связано с именем А. В. Журавского, по инициативе которого Российская Академия наук в 1902-м и в последующих девятисотых годах организовала ряд экспедиций для изучения естественноисторических условий Печорского края и, в частности, для изучения состояния сельского хозяйства в Печорском крае.

Исследованиями А. В. Журавского и других установлено, что все население Печоры до начала XIX века кормилось своим хлебом и одевалось своим льном. В работе «Экономико-исторические и географические полярные границы всей земледельческой области России» (г. Архангельск, 1909 г.) Журавский подробно анализирует периоды расцвета хлебопашества и упадка земледелия в Печорском крае. Автор пишет, что первое, чем занялись пришлые люди на Печоре, было хлебопашество. И хотя новгородские методы хлебопашества и примитивные земледельческие орудия XV-XVI вв. были неудачными для Севера, тем не менее до начала XIX века все население Печоры до самой границы Пустозерской волости кормилось своим хлебом и одевалось своим льном.

К концу XVIII в. был расцвет хлебопашества на Печоре, какой возможен при индустрии и орудиях той эпохи. Однако в это время в Архангельске уже славилось печорское масло.

Сначала меновая торговля ограничивалась пушниной. Затем на Печоре появились каюки камских торговцев. В ход пошли: масло, ворвань (вытопленный жир морских животных), семга и другая рыба, дичь, оленье мясо. В связи с этим чердынским купцам пришлось увеличить размеры своих каюков (лодки). Следовательно, и увеличился привоз хлеба. С этого времени печорские крестьяне превратились в «торгующих крестьян» и один за другим стали бросать хлебопашество.

А. В. Журавский писал: «Так забросили печорские крестьяне обширные площади за Усть-Цильмой (Коровий Ручей)», так бросили сеять лен на Пижме и Цильме, хотя еще в начале прошлого столетия там выдывалась из своего льна набойка с характерным древнерусским орнаментом. «Семгой малозаботнее заниматься стало, чем хлеб растить».

А. В. Журавский с горечью писал об упадке хлебопашества на Печоре, считал это как вымирание Севера. Между тем, по экономическим законам развития общества это явление было вполне закономерно.

Пока хлеб не завозился, печорское крестьянство занималось хлебопашеством, часто рисковало и обрекало себя на голод. В годы неурожая местное население вынуждено было есть хлеб из суррогатов (ягель, мох, листья, трава). С развитием торговли в достатке стали завозиться хлеб и промышленные товары.

А.В. Журавский был горячим патриотом заселения Крайнего Севера. Он считал, что здесь большие перспективы для земледелия и животноводства, т.к. почва достаточно плодородна. По поводу возможности земледелия на Печоре. он отвечал: «Совершенно верно, что все это не росло здесь, но не росло, как видите, не потому, что не могло расти, а весьма просто, что никто не пробовал растить. Ну а это явления весьма и весьма различные, разумеется... 20 лет назад мы могли с полным правом утверждать, что в Усть-Цильме не растет картофель. Но, как показывает современная область распространения этого растения, не потому «не рос» он здесь, что не мог расти, а потому, что просто-напросто никто его тогда еще не мог культивировать».

В настоящее время в условиях Печоры картофель дает устойчивые и высокие урожаи и является для нас основной продовольственной культурой.

А.В. Журавский в работе «Наш мокрый север» (Петрозаводск, 1913 г.) пропагандирует необходимость освоения Севера и доказывает, что со временем Север может стать житницей России, если правильно и рационально использовать природные возможности. Он писал, что ячмень и кормовые травы - это те культуры, относительно которых доказана климатическая возможность и преимущественная выгодность в условиях Крайнего Севера.

На основании собственных исследований А.В. Журавский приходит к выводу, что в Печорском крае основной отраслью сельского хозяйства должно быть молочное животноводство. «На Севере должно быть исключено экспортно-зерновое хозяйство и принято исключительно интенсивное кормовое земледелие, стремящееся к переработке удобрений и урожаев в масло и сыр. Только на нашем Севере высокий урожай трав (луговых и полевых) обеспечен всегда, неизменно вне зависимости от климата, погоды, значит маслоделие и животноводство может развиваться без риска».

Поставленные на крестьянских полях ориентировочные сельскохозяйственные опыты, привели к убеждению, что Печорский край, несмотря на суровый климат, представляет большие сельскохозяйственные возможности.

Из этих предпосылок возникла мысль о создании специальной сельскохозяйственной опытной станции, которая занималась бы систематическим изучением и разработкой вопросов, выдвигаемых сельскохозяйственной практикой, а также изучением естественно-климатических и других условий Печорского края.

Первые опыты имели цель вызвать практическую возможность возделывания различных сельскохозяйственных культур в местных условиях. Результаты фактических посевов явились основой для теоретических обобщений. Положительные результаты были получены по следующим культурам: ячмень, овес, картофель, лен, конопля. Интересные данные были получены по сахарной свекле, горчице, салату, табаку, тыкве, греческим кабачкам, кукурузе, помидорам и др.

Из архивных материалов опытной станции видно, с каким трудом приходилось отстаивать идею организации Печорской сельскохозяйственной станции. Экспедиции А.В. Журавского квалифицировались как ненужная затея, связанная с бесполезной затратой крупных государственных средств, а выводы последнего относительно значения для Печорского края сельского хозяйства расценивались как сумасбродный авантюризм.

И тем не менее, несмотря на общее недоверчивое и зачастую враждебное отношение, с которым были встречены первые шаги по изучению печорского сельского хозяйства, Печорская сельскохозяйственная станция, в значительной мере благодаря энергии и настойчивости А.В. Журавского, была организована в 1911 г.

Открывая станцию, Андрей Журавский сказал:

«Что мы знаем сейчас о громадной территории России – Севере, – только то, что это царство глубоких болот, оттаивающих к концу лета, лишь то, что сельское хозяйство на Севере не имеет мало-мальски серьезного экономического значения. Снять эти обвинения с огромного Русского Севера – вот задача Печорской сельскохозяйственной станции».

Первый коллектив ученых опытной станции уделил исключительное внимание качеству и пригодности к местным условиям семян. В результате опытов был сделан вывод, что любую культуру лучше сеять местными семенами, приспособленными к данным климатическим условиям. Например, работа по отбору лучших местных семян послужила основой к созданию Печорского клевера и Печорского ячменя. Значение Печорского клевера явилось общепризнанным, а Печорский ячмень оказался высокоэффективным как в условиях Печорского Севера, так и на Аляске. Хотя 1 июля 1911 г. и считается официальной датой открытия станции, но на самом деле она как таковая тогда еще не существовала. Участок под строительство станции отводится только в октябре 1911 г., расчистка его под опытное поле и строительство самой станции на нем началось только в 1912 г. В отчете комиссии, выехавшей из Петербурга для ознакомления с работами станции на месте, по состоянию ее работ в августе 1915 г. отмечается, что произведена расчистка под опытное поле, так что часть его около 5 десятин в течение осени этого года может быть вспахана, на остальной же потребуется корчевка, сдирание дерна и т.д. Далее утверждается, что вся

площадь, предназначенная для опытов, будет готова только через 1-2 года. Поэтому опыты производились на участках, арендуемых у крестьян.

Первоначально место для станции намечалось в урочище «Коровий Ручей» в 3-х верстах от Усть-Цильмы. Этот участок отличался существенными преимуществами, заключавшимися в ровном рельефе, в супесчаном составе почв, в отсутствии оврагов, в близости к самой Усть-Цильме, однако вследствие протеста крестьян земля для нужд станции была отведена в 7 км от Усть-Цильмы на сильно возвышенном, обрывистом, изрезанном крутыми оврагами правом берегу реки Печоры в урочище Хлевин ручей. Эти недостатки сильно отразились в дальнейшем на темпе освоения новой площади.

Но, несмотря на все препятствия, Андрей Журавский уже в 1911 г. представил на царскосельской выставке в Санкт-Петербурге около 1000 экспонатов образцов различных культур, выращенных на огородах опытной станции, о чем свидетельствует документ о награждении опытной станции малой золотой медалью.

Возведение построек, производство оборудования станции и пр. было начато в 1912 г. и производилось вплоть до 1914 г. Из основных построек до 1914 г. были возведены: 2-этажный дом для служащих, флигель для наблюдателя, флигель для рабочих, конюшня, скотный сарай, сарай для машин и баня. Начавшаяся постройка здания, где помещались бы подсобные научные учреждения (лаборатория, библиотека, научные кабинеты и пр.), в 1914 г. была приостановлена в связи с прекращением ассигнований Департамента Земледелия.

Начавшаяся мировая война и гибель Андрея Журавского на долгие годы приостановили деятельность Печорской опытной станции. Временное заведование Печорской станцией было возложено на Семенову Ольгу Васильевну. Ей же было передано все имущество станции.

В 1916 г. исполняющим обязанности заведующего Печорской опытной сельскохозяйственной станцией становится Иван Александрович Шульга.

Начиная с 1917 г. Печорская сельскохозяйственная станция находилась в ведении самых разнообразных организаций, вплоть до Губпродкома, которые зачастую, не обладая достаточной компетенцией в вопросах сельскохозяйственного опытного дела, не всегда с достаточным вниманием относились к интересам станции. Зачастую имущество и оборудование станции использовалось на другие нужды и цели, которые не имели непосредственного отношения к опытному делу. В результате этого хозяйство приходило в полный упадок. Так, одна из телеграмм, отправленных в мае 1917 г. заведующим станцией Шульгой И.А. в Архангельский губпродком, гласит: «Исполком совместно с местным земельным комитетом постановил взять орудия труда стан-

ции в пользу населения. Если губпродком не примет своевременных мер по отмене постановления, станция обречена на бездеятельность».

Гражданская война вновь обрекает станцию на прозябание. Штат в 1918 г. с 9 человек сокращается до 3-х. В постройках станции размещается детская колония.

В 1923 г. на помощь Печорской опытной станции пришли местные организации. Печорское Уэкономсовещание на развитие текущих работ опытной станции отпустило по тем временам довольно значительные средства - около двухсот пудов хлеба. К сожалению, средства в значительной части были израсходованы бесцельно и непродуманно. Говоря о работе Печорской сельскохозяйственной станции в 1923 г., нельзя не отметить интересной работы, проведенной по испытанию пшеницы, присланной из отдела Прикладной Ботаники и Секции Государственного Института опытной агрономии. В результате этого испытания был отобран целый ряд семян пшеницы, которые в этом году успели вызреть.

В октябре 1923 г. Печорская сельскохозяйственная станция, в связи с прекращением ассигнований Наркомзема, была закрыта и вновь восстановлена только в январе 1924 г., когда Наркомземом при пересмотре сети опытных учреждений Печорская сельскохозяйственная станция по ходатайству Государственного института опытной агрономии была вновь включена в сеть действующих опытных станций России.

С этого времени вновь начинается оживление работ Печорской сельскохозяйственной станции. Но и это оживление продолжалось недолго, т.к. в середине лета, когда начатые работы были в полном разгаре, Архангельское Губземуправление прекратило всякие ассигнования на нужды станции. В связи с этим рабочий аппарат пришлось сократить до 1-го заведующего и 2-х рабочих. Была сокращена и программа намечавшихся работ.

Вполне понятно, что в связи с этим не могли не пострадать интересы начатых работ опытной станции.

В такой чрезвычайно тяжелой обстановке приходилось работать Печорской сельскохозяйственной станции. Но тем не менее ей удалось проделать относительно большую работу и получать довольно ценные результаты, которые открывают широкие перспективы как для развития местного сельского хозяйства, так и для развертывания дальнейшей работы самой Печорской станции.

***

1. Рочев Л.Н. К истории печорского скотоводства. 1967.
2. Журавский А.В. Наш мокрый север. 1913.
3. Примак Я.М. Печорская опытная сельскохозяйственная станция. 1925.
4. Неопубликованные материалы из фондов музея А.В. Журавского.

ЖИТЕЛИ ПЕЧОРСКОГО УЕЗДА - УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Носова В.П.

*Историко-мемориальный музей
А.В.Журавского, с. Усть-Цильма*

19 июля (1 августа) 1914 г. первая мировая война огромной тяжестью обрушилась на жителей деревень и сел. Самым сильным ударом явилась мобилизация на фронт. Первых призывников из Усть-Цильмы провожали в июле, их сажали на баржи, и пароход «Александр» вез их к Устью Печоры.

Число мобилизованных составляло более 57% всего мужского трудоспособного населения (в целом по стране этот процент был ниже).

Во многих крестьянских хозяйствах не осталось работников-мужчин, появились безлошадные хозяйства, так как лошади реквизировались для нужд фронта. В Печорском уезде в 1917 г. было 19,3 % безлошадных хозяйств.

Война унесла жизни 10 млн. человек. Она продолжалась до 11 ноября 1918 г. Многие участники первой мировой войны из Печорского уезда сложили свои головы на полях сражений, пав от вражеского штыка. Погиб Егор Прович Чупров из д. Абрамовская, погибли в бою Палкин Григорий Васильевич, Носов Семен Григорьевич из Усть-Цильмы, братья - Чупровы Федор Иванович и Аристарх Иванович из с. Трусово.

Многие годы провели в плену в Германии Чупров Прокопий Иванович, Носов Аввакум Устинович, Остадов Терентий Васильевич, Чупров Федор Максимович (с. Усть-Цильма), Поташов Иван Григорьевич (д. Загривочная) и др.

Немногие подвиги усть-цилем на фронтах первой мировой сохранились в семейных преданиях. Аким Яковлевич Чупров из Усть-Цильмы сумел сохранить для своих потомков рассказ о нескольких боевых эпизодах своего отца - Чупрова Якова Провича. Родился он в д. Абрамоской. В 1902 г. был призван в армию, служил в Финляндии. 9 января 1905 г. Яков Прович видел расстрел мирной демонстрации царскими войсками.

В 1914 г. он вновь был призван в армию и сразу попал на передовую: некоторое время служил санитаром в госпитале.

Однажды, когда он шел с донесением через простреливаемый участок, осколком снаряда оторвало голяшку сапога, и лишь по счастливой случайности нога не была задета. За выполнение этого задания Яков Прович был награжден медалью «За храбрость». Возвратился с фронта Я.П. Чупров в 1917 г.

Геройски сражался с немцами и Панфил Васильевич Дуркин - георгиевский кавалер из с. Трусово.

В семье Чупровой Аграфены Максимовны хранится фотография бравого гусара, ее свекра - Чупрова Алексея Никифоровича. В д. Боровской, где он родился, хранится портрет, который был им привезен с первой мировой войны.

Прокопий Иванович Чупров родился в с. Трусово. Когда началась война, он служил в армии. В одном из боев П.И. Чупров был тяжело ранен. Его сослуживцы, вернувшись с войны, сказали родным и жене Федосье Ивановне, чтобы его не ждали, т.к. видели его убитым на поле боя. Как положено, справили поминки по убитому Прокопию. Но жене все не верилось, что убит ее муж, и решила она узнать из старопечатной книги о его судьбе. Когда Федосья Ивановна открыла над своей головой книгу, прочитала на открывшейся странице: «живы и в Иерусалиме». Она вместе с двумя детьми стала ждать мужа и оказалась права. Прокопий Иванович после тяжелого ранения попал в плен и целых пять лет от него не было никаких вестей. Он возвратился на родину в мае 1919 г.

Солдаты первой мировой возвращались с фронта домой, а в Печорском уезде, как и во всей России, уже началась гражданская война.

***

1. История Коми АССР. Изд. 2-е. Сыктывкар. 1981
2. Цой Ун-Ен. Сельское хозяйство Печорского края на рубеже XIX-XХ веков. Сыктывкар. 1979

УСТЬ-СЫСОЛЬСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1919 ГГ.)

*Таскаев М. В.
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН*

Деятельность городских органов самоуправления в Коми крае в годы революции и гражданской войны ранее не изучалась. Настоящая статья впервые дает картину деятельности Усть-Сысольской Городской Думы в последний период ее существования. В 1917 г. состоялось 20 заседаний Усть-Сысольской Городской Думы, посвященных различным социально-политическим и хозяйственным проблемам города, уезда и страны.

Начало Великой Российской революции - Февральский переворот 1917 г. и отклики на него в Усть-Сысольске хорошо показаны в воспоминаниях бывшего эсера Н. Лодыгина: «19 марта около полудня исправник получил телеграмму об отречении императора. Исправник побежал в земскую управу, где заседала особая комиссия из высших чинов по приемке армейских сапог. Исправник доверил телеграмму воинскому начальнику... Между чиновниками произошел страшнейший переполох, и всеми ими овладело любопытство. Исправник огласил текст: «Из Вологды Усть-Сысольскому уездному исправнику. Император арестован и отказался от престола. Образовано Временное революционное правительство. Я подчинился последнему и сдал губернию выбранному народом Комиссару. Порядок в Петрограде полнейший, посему предлагаю к оружию не прибегать. Бывший губернатор». Чиновники ужасно растерялись, решили телеграмму не разглашать. На следующий день один из земских служащих «пропал». Всю ночь ходил он по Нижнему Концу города, созывал какие-то собрания, а затем явился к зампред управы и потребовал от последнего передачи кассы в руки революционного народа»¹.

7 (20) марта 1917 г. состоялось чрезвычайное заседание Городской Думы под председательством городского головы А.Е.Суханова, посвященное обсуждению событий в стране. Присутствовало 17 гласных Думы, на собрание были приглашены также зам. председателя уездной Земской управы А.А. Попов, протоиерей А.С. Малевинский, воинский начальник подполковник С.Д. Колпаков и уездный исправник А.Л. Дядик. А.Е. Суханов зачитал собравшимся телеграмму из Вологды об отречении императора от власти и создании в стране Временного правительства. После этого собранию был задан риторический вопрос: «...подчиняется ли Городская Дума новому правитель-

ству. Возражений ни от кого из присутствующих не последовало, и Городская Дума единодушно присоединилась к новому народному правительству»². Подполковник С.Д. Колпаков сообщил Думе, что им на всякий случай поставлены посты в городе - при казначействе, винном складе и на почте. По предложению гласного Н.И. Забоева Дума выразила подполковнику благодарность за принятые меры по охране города. А.Е. Суханов предложил временно ввести в городе ночные караулы, что и было принято единогласно. В час дня Дума закончила свою работу.

Присяга на верность Временному правительству России была дана Усть-Сысольской Городской Думой 21 марта 1917 г. (присутствовало 16 гласных).

На чрезвычайном заседании Думы 6 мая 1917 г. (помимо гласных на заседании присутствовал пред. Земской управы Н.А. Бронников) обсуждался вопрос о выборах в Городскую Думу согласно нового положения Временного правительства. Для избирательной комиссии гласные выделили кредит в сумме 1000 руб.

12 июня (по другим источникам, 23 июля) 1917 г. впервые в истории Усть-Сысольска состоялись демократические («на началах всенародного голосования... в порядке Временных Правил, утвержденных 15 апреля 1917 г.») выборы в орган городского самоуправления - Городскую Думу. Из 2416 избирателей (841 мужчин, 1575 женщин), достигших 20 лет на момент выборов, на выборы явились 1520 чел., 63 избирательные записки были признаны недействительными. В новую Думу сроком на полтора года (до января 1919 г.) были избраны 29 гласных, представлявших пять общественно-политических группировок города: торгово-промышленные организации (гласные В.П. Комлин, Н.И. Забоев, И.П. Комлин), организацию учащихся г. Усть-Сысольска (Г.Г. Кассандров, Э.А. Смолковский, П.П. Ползунов, М.И. Тентюкова), группу домовладельцев г. Усть-Сысольска (А.Е. Суханов, А.С. Малевинский), группу граждан (бывших мещан) г. Усть-Сысольска (В.И. Коданев - мл., В.С. Сорвачев, И.П. Лыткин, М.Г. Сидоров, В.А. Прокопьев, И.В. Фролов, И.Д. Заболоцкий, А.К. Титов, П.И. Шешуков, И.Е. Кузнецов, Ф.Ф. Надеев, А.С. Фролов, А.И. Лыткин, М.Д. Сорвачев, П.Ф. Осипов, П.А. Елькин), комитет «Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда» (В.Ф. Попов, С.О. Латкин, Е.Ф. Вежева, Г.Н. Нестеров). О том, что в состав Усть-Сысольской Городской Думы впервые попали две женщины, сообщили все вологодские губернские газеты³. На пост председателя новой Думы выдвинули шесть кандидатур - В.Ф. Попова, Г.Г. Кассандрова, Э.А. Смолковского, Н.И.

Забоева, С.О. Латкина и И.Д. Заболоцкого. В ходе выборов победила кандидатура В.Ф. Попова; городским головой по-прежнему остался А.Е. Суханов. Организационное собрание новой Думы состоялось 2 августа 1917 г. В Петроград гласные отправили телеграмму: «Усть-Сысольская Зырянская Городская Дума, выбранная всенародным голосованием, в первом своем заседании в августе единогласно постановила выразить полное доверие коалиционному Временному правительству и в лицах Министра-Председателя Керенского и Министра Внутренних Дел Авксентьева приветствовать твердое решение их со всей полнотой власти вести страну на путь борьбы с внешним врагом и с внутренней разрухой на счастье Свободной России»⁴.

Таким образом, впервые в истории Усть-Сысольска состоялись демократические выборы в городское самоуправление.

Дальнейшее развитие революции - Октябрьский переворот 1917 г. Дума восприняла резко негативно. На своих заседаниях 29 октября и 14 ноября гласные по инициативе В.Ф. Попова выразили «глубоко продуманное негодование» в связи с захватом власти большевиками, признали необходимым создание общегубернского отделения Комитета Спасения Родины и Революции. В адрес Петроградской и Московской Дум была отправлена телеграмма: «Усть-Сысольская Городская Дума, возмущенная насилием большевистского правительства, издавшего декрет о роспуске законно избранной всенародным голосованием столичной Думы, постановила выразить сочувствие и пожелание успехов в борьбе за право и порядок»⁵.

В декабре 1917 г. резко обострились все социально-политические противоречия в Усть-Сысольске. В связи с отсутствием продовольствия возникший городской Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов провел серию обысков припасов первой необходимости и товаров у купцов, опечатал магазины. 11 декабря Городская Дума признала необходимым создание в городе «народно-охранной дружины» для защиты городской и частной собственности от посягательств большевистствующих элементов⁶.

В 1918 г. состоялось 8 заседаний Городской Думы, из них четыре - нового состава.

11 января 1918 г. группа граждан пригородных слободок Усть-Сысольска (примерно 150 чел.) собралась на митинг и устроила стихийные перевыборы Городской Думы и городского головы. Были избраны 24 новых гласных Думы. Руководили самочинными выборами И.С. Юрьев и члены городского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В поддержку новых гласных Думы были собраны подписи 600 граждан города.

13 января 1918 г. состоялось чрезвычайное заседание Городской Думы, целиком посвященное обсуждению текущих событий в городе. На заседании присутствовали председатель Думы В.Ф. Попов, городской голова А.Е. Суханов и 16 гласных. Кроме них, прибыли уездный комиссар Временного правительства Н.И. Митюшев и представители силовых ведомств - начальник гарнизона А.И. Новлянский, начальник уездной милиции М.М. Кипровский, начальник городской милиции И.И. Евтушенко. На заседание были приглашены также депутаты Земского собрания (в том числе А.М. Мартюшев), члены уездной Земской управы (в том числе ее председатель С.О. Латкин), уездной Земельной управы, уездной Продовольственной управы и Совета крестьянских депутатов (в числе последних была, в частности, М.Д. Кузьбожева). Впервые на заседание Думы были допущены представители городского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов И.С. Юрьев, И.П. Кузнецов, В.А. Малыгин и М.И. Молодцов.

Заседание открыл В.Ф. Попов, с негодованием поведав собравшимся о продолжающихся самочинных обысках по городу товаров и продуктов, а также о попытке «перевыборов Городской Думы». С.О. Латкин выступил с резкой речью о непризнании советских органов власти в городе. Началась перепалка между депутатами Думы и присутствующими членами городского Совета. И.С. Юрьев предъявил гласным подписные листы усть-сысольцев, одобдивших перевыборы Думы. Городской голова А.Е. Суханов, узнав о выборах нового городского головы, сложил с себя обязанности и подал в отставку. Собрание «встало», как написано в документе, и попросило городского голову остаться на должности. Суханов согласился остаться до очередного январского собрания. Гласный Г.Г. Кассандров призвал собравшихся «не доводить конфликт между Думой и Горсоветом до резких выступлений и насилий, как это наблюдается во многих городах»⁷. Кассандров предложил провести в городе референдум жителей об отношении к Думе и Совету. Заседание окончилось ничем, поскольку И.С. Юрьев и другие представители Совета ушли, заявив, что вопрос о референдуме они будут обсуждать отдельно у себя в Совете 14 января 1918 г.

Уже после образования уездных органов советской власти Дума продолжала работу. 22 января 1918 г. состоялось очередное ее заседание, посвященное в основном взаимоотношениям между созданным уездисполкомом и Городской Думой. Было принято решение организовать в городе «всенародный референдум посредством опроса городских избирателей для выяснения вопроса: признают ли они необходимым перевыборы нынешнего состава гласных Городской Думы»⁷. В заключение заседания председатель Думы В.Ф. Попов подал в отставку

«в силу переутомления и сложившихся обстоятельств», а городской голова А.Е. Суханов взял отпуск по болезни.

30 января 1918 г. Городская Дума вновь решала вопрос о «референдуме» (заседание вел зам. пред. Думы Г.Г. Кассандров). На заседании присутствовали с правом голоса представители уездисполкома И.С. Юрьев и С.П. Малыгин. Дума решила провести «референдум» в городе «путем подачи записок следующего текста: Голосую за избрание новой думы или Голосую за старую думу», в «референдуме» могли участвовать все граждане города с 18 лет⁸. В конце заседания гласный П.П. Ползунов ознакомил собравшихся с результатами своей поездки в Москву на Всероссийский съезд представителей земств и городов в поддержку Учредительного собрания. Большевики не разрешили проведение подобного форума, и Ползунов принял участие в целой серии частных московских совещаний 11-15 января, о чем и поведал собравшимся.

23-24 февраля (по нов. ст.) 1918 г. в Усть-Сысольске состоялись перевыборы Городской Думы. Было выбрано 24 новых гласных, из старого состава в Думу попали только двое (И.В. Фролов, И.Д. Заблоцкий). Первое заседание новой Думы открылось 25 февраля 1918 г. На заседании присутствовал временный комиссар Усть-Сысольского городского управления, левый эсер Н.П. Багин. Состоялись выборы председателя Думы и городского головы. Председателем стал А.В. Трубачев. На должность городского головы были выдвинуты кандидатуры Е.В. Коданева и Х.Ф. Кудинова, победил Коданев. В конце заседания был заслушан приговор граждан 6 десяти о замене гласного И.В. Фролова, «т.к. он был в прежнем составе Думы». Вместо Фролова в Думу был кооптирован И.П. Клыков. 26 февраля комиссия гласных новой Думы принимала кассу старой городской управы, в которой оказалось, например, 751 руб. 40 коп. «городского благотворительного капитала», 7575 руб. 86 коп. «запасного городского капитала», 3820 руб. 45 коп. «богадельного капитала» и т.д.⁹.

2 марта 1918 г. состоялось очередное заседание новой Думы, на котором гласные обсуждали многочисленные вопросы городского хозяйства. На заседании была зачитана телеграмма уездисполкома о необходимости решать все вопросы, имеющие «общественное значение», только в соответствующих комиссариатах уездного Совдепа. Под конец заседания гласные постановили впредь заседать не по будним дням, а исключительно по воскресеньям или по праздникам.

Последнее заседание Усть-Сысольской Городской Думы прошло 10 марта 1918 г. В мае 1918 г. Дума была официально закрыта.

В годы гражданской войны, когда белогвардейцы захватили Усть-Сысольск, Дума была на короткое время восстановлена. Общегородское собрание по выборам в уездное земство и Городскую Думу состоялось 18 ноября 1919 г. Присутствовало около 500 избирателей. Председателем собрания являлся Н.А.Суханов. Председателем Временной Усть-Сысольской уездной Земской управы был избран Венедикт Тентюков. В состав уездной управы избрали Н.А. Суханова (зам. председателя), В.П. Титова, Н.А. Забоева, Г.Д. Оплеснина, А.И. Безсонова, З.Д. Следникова, В.П. Кудинова, В.А. Прокопьева и др. Председателем Городской Думы стал П.А. Забоев, городским головой - И.П. Лыткин. Состав гласных Думы решено было не избирать - все, кто были выбраны в Думу последнего созыва, согласились работать в новых условиях. В течение двух недель Городская Дума функционировала: работали продовольственный, лесной и другие отделы.

Разгром белых привел к окончательной ликвидации дореволюционных органов городского управления. Усть-Сысольская городская Дума прекратила существование.

Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ №01-01-66006а/С.

***

1. «Югид туй», 12 марта 1926 г.
2. Государственный архив Вологодской области, Ф.788, Оп.1, Д.56, Л.83.
3. «Северное эхо», 20 августа 1917 г.
4. НАРК, Ф.120, оп.1, Д.125, Л.60.
5. Там же, Д.1272, Л.11.
6. Там же, Оп.3, Д.125, л.124-125.
7. Там же, Д.127, Л.19.
8. Там же, Л.29об.
9. Там же, Л.48.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УСТЬ-СЫСОЛЬСКОГО УЕЗДНОГО ОТДЕЛА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ ОТ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (1918-1921)

Сурков Н.И.

Коми педагогический институт

В ходе гражданской войны пострадали многие мирные жители. Одни лишились близких, другие вследствие военных действий и реквизиций потеряли свое имущество.

В этой связи на органы социального обеспечения было возложено оказание помощи семьям, пострадавшим от войны и контрреволюции. Для этой цели в сентябре 1918 г. при народном комиссариате социального обеспечения была образована Центральная комиссия из представителей комиссариатов: социального обеспечения внутренних дел, труда, здравоохранения, земледелия, государственного контроля, ВСНХ и ВЦИК. На местах предусматривалось создание соответствующих комиссий.

Центральной комиссии было вменено в обязанность распоряжаться отпускаемыми правительством средствами. Местные комиссии должны были расходовать выделенные средства по инструкциям и под контролем Центральной комиссии.

Задачи комиссии заключались в следующем:

1) удовлетворение нужды в крове, пище, одежде, медицинской помощи, работе;

2) восстановление уничтоженного имущества или расстроенного как общественного, так и частного хозяйства трудовых элементов города и деревни¹.

Помощь оказывалась натурой или деньгами. Что касается последних, то выдавались они в виде единовременного пособия, установленного на местах, в зависимости от прожиточного минимума и в пределах необходимой потребности; в виде ежемесячных пенсий потерявшим трудоспособность; в виде помощи на восстановление частного и общественного хозяйства. Распоряжением Наркомата социального обеспечения установлено, что при губернских и уездных отделах социального обеспечения организовываются такие же подразделения, которые призваны были оказывать помощь пострадавшим своей губернии или своего уезда.

Для объединения усилий по оказанию помощи пострадавшим в борьбе за революцию все учреждения и организации, которые занимались этим ранее, обязаны были сдать свои дела и средства созданным комиссиям. Жертвами контрреволюции считали:

а) советских работников и членов партии, борющихся за Советскую власть, если таковые пострадали от контрреволюции в той или иной форме;

б) политически амнистированных;

в) политических эмигрантов;

г) политических беженцев из местностей, занятых белогвардейцами².

Помощь оказывалась путем предоставления работы, снабжения одеждой, определения детей в приюты, учебные заведения, медицинской помощи больным, в случае нужды денежной помощью, пенсиями по нормам Народного комиссариата социального обеспечения.

14 ноября 1918 г. в Усть-Сысольске была образована коллегия, которой поручено оказывать помощь пострадавшим от контрреволюции. В ее состав вошли 6 человек: от исполнительного комитета - Я.П. Потапов, уездного комитета партии - И.И. Скрипов, отдела социального обеспечения - Д.Я. Попов, продовольственного отдела - П.Н. Камбалов, отдела труда - А.П. Гаврилов, медико-санитарного - И.С. Попов³.

Коллегию разделили на 2 секции: первая - по рассмотрению заявлений и вторая - по оказанию материальной и продовольственной помощи⁴.

Функции первой секции возлагались на представителей коллегии с правом командирования одного или нескольких по усмотрению коллегии на места для расследования.

Функции второй секции должны были решаться собираемой коллегией по мере надобности. Надо сказать, по мере разворачивания работы по оказанию помощи пострадавшим уточнялись и конкретизировались функции местных комиссий. Так, в положении об уездных комиссиях помощи жертвам контрреволюции было отмечено, что, в соответствии с возложенными на комиссию задачами, ей предоставляется принимать срочные меры:

а) размещать не имеющих крова путем необходимого уплотнения имеющихся в данном городе или районе жилых помещений;

б) в случае надобности устраивать в общежития, размещать больных в больницах, нетрудоспособных в инвалидные дома, беспризорных детей в приюты, школы и т.д.;

в) снабжать одеждой лишившихся таковой;

г) снабжать трудовое население продовольствием, а также устраивать столовые;

д) организовывать общественные работы для безработных;

е) организовывать медицинскую помощь и улучшать санитарные условия;

ж) принимать меры к восстановлению хозяйства, как общественного, так и частного, но лишь трудовых элементов города и деревни, или 5 денных источников существования⁵.

Примечание. В первую очередь уплотняются богатые квартиры, причем обстановка их реквизируется в меру надобности и в целях снабжения ею пострадавших трудящихся.

Уже на втором своем заседании, 19 ноября 1918 г., уездная коллегия по оказанию помощи пострадавшим от контрреволюции рассматривала вопрос распределения вещей из числа конфискованных, сумм контрибуции между пострадавшими и о составлении сметы для испрашивания в срочном порядке кредита на выдачу пособий и пенсий тем, кто пострадал. 10% отчислений от сумм контрибуционного сбора считались местными источниками помощи жертвам контрреволюции, и их нельзя было смешивать со сметными ассигнованиями, поступившими централизованным порядком.

Коллегия принимала на себя функцию распределения вещей. Для их хранения была выделена особая кладовая.

На коллегии рассматривались прошения родственников убитых, в частности жены Х. Кудинова, председателя земельного отдела горсовета. Выделили единовременное пособие - 500 руб. и возбуждено ходатайство о назначении его семье пособия «за прожитое время после потери мужа в размере месячного заработка, т.е. 20 руб. в день - 600 рублей»⁶.

Жене убитого секретаря Керчомского исполнительного комитета Александра Павловича Гичева - 500 руб. и возбуждалось ходатайство о назначении вдове пенсии 2400 рублей в год⁷.

Прежде чем дать пособие семьям пострадавших, выяснялось их семейное и имущественное положение.

Так, 23 ноября 1918 г. направлен запрос в Шемкинский волисполком о предоставлении сведений об убитых и раненых 14 ноября 1918 г. коммунистах Зырянской роты. Это убитые Сычев Степан Елизарович, Подиков Дмитрий, Коданев Яким и раненые, попавшие в плен к белым, - Попов Ефим, Урганов Яким, Елькин Михаил Егорович и Елькин Дмитрий Васильевич. Надо было дать информацию о их семейном положении - женаты ли, сколько детей, кто жена, и о материальном положении.

Спустя полмесяца со времени образования уездная коллегия помощи жертвам контрреволюции докладывала по инстанции соответствующему губернскому подотделу в г. Великий Устюг о том, что с 14 ноября по 1 декабря 1918 г. оказана помощь единовременным денежным пособием 9 семействам, в числе их двое убитых советских служащих, трое убитых коммунистов-добровольцев и четыре раненых, попавших в плен к белым. Единовременное пособие выдано, в соответствии с семейным и материальным положением просителей, на сумму 5850 руб.

Докладывая это, попутно просим губернское руководство открыть кредит согласно сметы на сумму 28 тыс. руб.⁸

В период гражданской войны имели место многочисленные факты перехода из одного лагеря в другой. Вот, к примеру, губернский подотдел помощи жертвам контрреволюции 4 апреля 1919 г. оповещал все уездные комиссии, что с находившегося в г. Шенкурске парохода «Лев Толстой» машинист Костров всей командой бежал к белым. Рекомендовалось принять к сведению об оказании помощи семьям лиц, служивших на этом пароходе, и «надлежит собирать подробные сведения о каждом в отдельности, так как добровольно ушедших элементов или сдавшихся белогвардейцам в плен, не следует относить к жертвам контрреволюции»⁹.

По мере развертывания работ по оказанию помощи пострадавшим от контрреволюции требовалось уточнение фактов, явлений, при которых необходимо было оказывать помощь пострадавшим от контрреволюции, а когда пострадавших не относить к этой категории, в каком случае в помощи отказывать или отнести пострадавших к другой категории. В этом случае вопрос оказания помощи решался иначе. Приведем некоторые из таких уточнений.

Не считали жертвами контрреволюции лиц, находившихся во время оккупации их родных мест белыми на заработках. Если их хозяйство пострадало от белых, то в этом случае помощь оказывалась в общем порядке. Разъяснялось также, что «прекращение охотничьего промысла в пределах Усть-Сысольского уезда вследствие отсутствия охотничьих принадлежностей считается явлением чисто экономического характера и пострадавших от этого явления граждан отнести к жертвам экономической разрухи, а не к лицам, пострадавшим от контрреволюции. Гибель хлеба на корню из-за заморозков считалось стихийным бедствием и помощь лицам, пострадавшим от него тоже нельзя было относить к помощи жертвам контрреволюции»¹⁰.

Семьи призванных красноармейцев, а также погибших должны были обращаться в пенсионные отделы, а не в комиссию помощи жертвам контрреволюции.

О том, какие несчастья выпадали на долю мирных жителей в военное время, можно судить по конкретным документам. 25 августа 1920 г. вдова Соломония Алексеевна Мишарина обращалась со своим горем в уездную комиссию по оказанию помощи жертвам контрреволюции, или, как во многих документах того времени писали, «пострадавшим от нашествия белых банд».

«В июле месяце 1914 г. мой муж Василий Лукич Мишарин, служивший в Надеждинском заводе в Филькинском лесничестве, был призван в действующую армию, где был 4 года. Возвратившись на место жительства в дер. Филькино, был выбран председателем исполкома, здесь прослужил 4 месяца. При наступлении белых эвакуировался на север по фронтовой полосе.

Я осталась в плену у белых с 3-мя малыми детьми без всяких средств. Зарабатывала себе и детям питание не брезгуя никаким тяжелым трудом.

От мужа целый год не имела известий. Через год, освободившись из плена, получила телеграмму и вызов приехать в гор. Усть-Сысольск. Похоронив 1 ребенка, с двумя приехала на вырученные за продажу коровы 3000 р. к мужу, а через 2 недели его отправили как коммуниста на Айкинский фронт, где и был расстрелян белыми. Я с детьми эвакуировалась до с. Иб, дальше ехать не имела денег, а конной подводы не давали.

Дети мои - Анатолий 8 лет, Василий 5 лет. Сама слаба здоровьем. За 6 лет такой жизни все, что имела, прожила.

Обращаюсь в комиссию с ходатайством оказать мне материальную помощь»¹¹.

4 сентября 1920 г. из фондов райсоюза Мишариной выделили 15 аршин мануфактуры.

В январе 1920 г. по постановлению общего собрания Союза советских служащих было предложено организовать сбор денег в пользу семьи убитого В.Л. Мишарина, бывшего председателя Усть-Сысольского горпродкома. По подписному листу собрали 425 руб. 45 коп.¹²

В мае 1921 г. вдова Щугорского учителя Клавдия Кирилловна Мартюшева обращалась в отдел социального обеспечения: «В 1919 г. во время белогвардейского восстания на Печоре мужа моего Александра Макаровича Мартюшева, прослужившего народным учителем в Усть-Сысольском уезде в течение 28 лет, и двух старших сыновей, Александра 22 лет, находившегося в должности волостного военного комиссара, и Алексея 19 лет, бывшего почтово-телеграфного надсмотрщика, белогвардейские разбойники расстреляли и наше имущество большей частью разграбили. Я осталась с тремя малолетними детьми (Анна 12 лет, Михаил 10 лет и Сергей 5 лет) без всяких средств к существованию и за эти годы совершенно износились, а потому прошу отдел социального обеспечения снабдить меня мануфактурой для белья из фонда, отпущенного пострадавшим от белогвардейского нашествия, принимая во внимание, что наиболее пострадавшее семейство, чем мое, трудно даже подыскать, и теперь, спасаясь от голодной смерти, я вынуждена была выехать из Печоры с семейством в г. Усть-Сысольск, но ни одного аршина мануфактуры мною до сих пор не получено»¹³.

Семье Мартюшевых выделено 40 аршин мануфактуры.

Отдел социального обеспечения за подписью управделами отдела выдал К.К. Мартюшевой удостоверение, в котором, в частности, было указано: «Предъявительница сего гражданка села Щугор Чердынского уезда Пермской губернии Мартюшева Клавдия Кирилловна (далее перечислялась ее семья) идут на жительство в Усть-Сысольский уезд

Северо-Двинской губернии к своим родным как пострадавшие от контрреволюции, убиты муж и два сына за службу в советских учреждениях, а потому просьба ко всем советским учреждениям и партийным организациям оказывать содействие в деле передвижения и подачи подвод»¹⁴.

Крестьянка села Мыелдино Хиония Петровна Мамонтова в своем заявлении указывала, что ее сын Андрей, внебрачный Паршуков, служил добровольцем в Красной Армии в течение семи месяцев. В апреле 1919 г. по болезни отпущен вовсе из армии. Когда пришли белые, то они провели насильственную мобилизацию мужчин от 18 до 34 лет. Белым стало известно, что он служил в Красной Армии. Во время конвоирования в Троицко-Печорск его расстреляли около реки Сойва. В марте 1920 г. Х. Мамонтова искала тело расстрелянного сына и его одежду - полушубок, теплую рубаху, 2 нательных рубахи, шаровары, 2 кальсон, валенки, полотенце и перчатки. Но ничего найти не удалось. «Теперь в моем семействе, - заявила Х. Мамонтова, - не осталось работников. Я сама хотя и не 50-летнего возраста, но не совсем здорова, а моей дочери Анне 12 лет, так же одежды и обуви совершенно не имеет, кроме изношенных, худых, а что было получше из одежды и обуви, пришлось променять на хлеб при нашествии белогвардейцев, т.к. нам тогда не давали хлеба ни одного фунта как семействам добровольцев»¹⁵.

Х. Мамонтовой выделено единовременное пособие и 50 аршин мануфактуры.

В июне 1921 г. обратился за помощью житель Деревинской волости Алексей Максимович Кирушев. В своем заявлении он писал: «Во время нашествия белых банд в 1919 г. в моем доме у белых солдат разорвалась ручная «бомба», которая причинила мне вред - все окна были разбиты. В настоящее время окна забиты досками и только половина окна дает свет, жить трудно. Я в настоящее время живу со своей женой. Мне 71 год, жене 66 лет, а трое сыновей находятся в Красной Армии. Сергей, красный офицер 33 лет, Николай 22 лет, Григорий 20 лет. Живу весьма бедно. В виду чего покорнейше прошу отпустить стекло, хотя бы четыре листа... В случае неудовлетворения я вынужден перейти на квартиру в чужой дом»¹⁶.

Устьнемский волостной военный комиссар Г. Попов представил в уездный отдел социального обеспечения «Оценочный список лошадям граждан Устьнемской волости, пострадавшим от контрреволюции во время разведки красноармейцами 9 роты 3 батальона стрелкового полка по Ксенофоновскому тракту»¹⁷.

В списке десять фамилий пострадавших. Указывалась цена лошади, цена сбруи и общая сумма. Так, Василий Григорьевич Напалков, Василий Стахиевич Тимушев потеряли лошадей стоимостью по 2 тыс. руб. и сбрую 500 и 200 руб.

У Федора Ануфриевича Матюшева лошадь оценили в 2 тыс. руб. и 100 руб. сбруя. Общая стоимость потерянных 10 лошадей 14500 руб., сбруи - 3300 руб. Итог потерь - 17800 руб.»¹⁸.

Граждане, подвергшиеся преследованиям, аресту со стороны белых, получали натуральную помощь в виде мануфактуры. Приведем сведения по трем волостям.

Для 19 арестованных граждан Усть-Куломской волости отпущено 190 аршин, в том числе:

21 3/4 арш. Диагонали	33р. 40 к.	726 р.45 к
121 арш. Ажурное	28р.	3388 р.
35 1/2 арш. Меланж	29р. 40 к.	1043 р. 70к.
11 3/4 арш. Муслину	25р.	293р. 75к.
Итого:		5451р. 90 к ¹⁹

Для 6 арестованных граждан Аныбской волости выделено мануфактуры:

18 арш. Диагонали	33р.40к.	601р.20к.
16 арш. Чесучи	27р.20к.	435р.20к.
12 арш. Муслину	25р.	300р.
14 арш. Ажурное	28р.	392р.
Итого:		1728 р.40к. ²⁰

Для 15 арестованных граждан Керчомской волости:

18 арш. Диагонали	33р.40к.	601р.20к.
28 арш. Бархату	68р.20к.	1910 р. 60 к.
26 арш. Ажурное	28р.	728р.
4 арш. Муслину	25р.	100р.
32 арш. Экстры	31р.70к.	1014р.40к.
42 арш. Чесучи	27р. 20к.	1142р.40к.
Итого:		5496 р. 60 к. ²¹

В апреле 1920 г. руководителем Помоздинской волости был составлен «Список пропавшим лошадям и вещам ямщиков Помоздинской волости по перевозке Лялинского хлеба при перевороте в с. Троицко-Печорск». В списке 60 фамилий пострадавших. Убыток выражен в сумме 357608 руб.

Приведем для примера лишь одно имя с полными сведениями о потерях в рублях:

Егор Ефимович Демин	Количество	Стоимость в руб.
Лошадь	1	1000
хомут, шлея и пуги	1	700
седелка и чересседельник	1	150
вожжи и дуга	1	370
Розвальни	1	300
совил и малица	2 шт.	2000
парце и топор	2 шт.	240
Веревка	20 ф.	30
Гимнастерка	1	300
Шуба	1	500
Валенки	1 п.	200
шаровары суконные из самодельного сукна	1	200
Колокольчики	1	50
рукавицы 1п., носки 1п.	2 п.	100
мешков порожних	3 шт.	60
Топор	1	40
		6240

Приведем документ, в котором указаны убытки из-за эвакуации перед приходом белых. В период гражданской войны молниеносно росли цены. В этом можно убедиться, сравнив их в апреле 1920 г. и в декабре того же года.

Сведения

об учреждениях, предприятиях и хозяйствах, пострадавших от нашествия белогвардейцев. Наименование учреждения или хозяйства.

Имя, отчество и фамилия.

Тихон Андреевич Тимушев.

Уезда Усть-Сысольского

вол. Керчемской

семейное положение 4 человека из них

2 нетрудоспособных

количество рогатого скота - нет

служит ли кто в рядах Красной Армии - нет

№ п/п	Что похищено и пропало и вообще в чем пострадал	Кол-во	Сумма		Примечание
			руб.	коп.	
1.	Эвакуировался в Пермскую губернию	700 в.			Комиссией возмещено за лошадь 30000 руб. и Усобе-сом 5400 р. един. пособие
2.	Во время эвакуации потерял свою соб. лошадь со всей сбруей	1	65000		
3.	Пришлось заколоть 2 овец и забрать мясо с собой	2	3000		
4.	Потерял: сено	10 воз	10000		
5.	куриц	2 шт.	2000		
6.	картофеля	25 п.	1250		
7.	брусники	5 п.	1000		
8.	капусты	5 п.	500		
9.	И остальной хозяйственный инвентарь на сумму -		5000		
10.	И одежда и обувь остались под руку белогвардейцам на сумму		10000		
11.	Деньгами на дороге израсход.		4800		
12.	Приостановлена зимняя зарплата в течение 4 мес.	4 мес.	2000		
13.	Во время пребывания на дороге износились у всего семейства:				
	пальто	4 шт.	2500		
	белье	8 пар	1600		
	валенки	4 п.	2000		
14.	Белогвардейцы разбили все имеющиеся в избе 4 окна	4 ок.	1200		
	Итого		111850 руб.		

Предисполкома
Член
Секретарь
Понятые:
Пострадавший

Л. Тарабукин
И. Тарабукин
Ив. Уляшов
Егор П. Лютоев
Т.А. Тимушев²³

О динамике цен можно судить и по следующему факту. 22 августа 1921 г. крестьянину Мыелдинской волости Паршукову Петру Михайловичу как пострадавшему при перевозке Лялинского хлеба выдали безвозмездную ссуду в сумме 200 тыс. руб.²⁴

Справедливости ради надо отметить, что крестьяне терпели убытки не только от конфискации их имущества белыми, но и от реквизиции в пользу Красной Армии.

Еще в 1918 г. Союз коммун Северной области обратился с воззванием, подписанным Г. Зиновьевым, ко всем должностным лицам, в котором были следующие строки: «Каждый красноармеец, который незаконно реквизирует пять фунтов картошки, каждый член исполкома, который грубо обращается с посетителями Совета, каждый советский чиновник, который разводит волокиту и канцелярщину, приносит больше вреда Советской власти, нежели сто белогвардейцев»²⁵.

Позднее, в феврале 1921 г., на основании приказа РВСР от 21 сентября 1920 г. при Усть-Сысольском уездном исполкоме была образована комиссия для удовлетворения граждан, пострадавших от реквизиций у них для нужд Красной Армии лошадей, повозок, упряжи, скота, фуража, продовольствия, топлива.

Был установлен порядок, на основании которого все претензии граждан о возмещении им убытков должны были удовлетворяться по представлении ими письменного заявления в местный исполком по месту реквизиции. В заявлении требовалось указать, какая воинская часть, учреждение или конкретное лицо произвели реквизицию. Если не было этих сведений, то факт реквизиции должны были подтвердить руководители местных исполкомов.

Оплата за реквизированное имущество производилась по твердым ценам, установленным для данной местности.

Оплате подлежали продукты, фураж, реквизированные как для довольствия людей, лошадей и рабочих животных, так и для довольствия скота, предназначенного на убой.

Подлежали оплате лишь реквизированные отдельные предметы довольствия, которые были употреблены для удовлетворения нужд Красной Армии.

Оказание помощи населению, которое понесло убытки от оперативных действий частей Красной Армии, подлежало ведению и разрешению органов социального обеспечения.

Поэтому реквизированные предметы, взятые у граждан отдельными лицами для личных надобностей, не могли оплачиваться и ходатайства об их возмещении надо было возбуждать перед местными органами социального обеспечения. Если у крестьянина были испорчены посевы частями Красной Армии, то ущерб должны восполнять опять же органы собесов²⁶.

***

1. ЦГА РК. Ф. 639, оп. I, д. 13, л. 94.
2. Там же, л. 96.
3. Там же, д. 10, л. 13.
4. Там же, л. 13.
5. Там же, д. 10, л. 16.
6. Там же, д. 10, л. 19-20.
7. Там же, д. 10, л. 50.
8. Там же, д. 10, л. 75.
9. Там же, д. 45, л. 23.
10. Там же, д. 45, л. 13.
11. Там же, д. 222, л. 20.
12. Там же, д. 211, л. 61.
13. Там же, д. 217, л. 102.
14. Там же, л. 103.
15. Там же, л. 101.
16. Там же, л. 108.
17. Там же, д. 223, л. 20.
18. Там же, л. 20.
19. Там же, д. 217, л. 40.
20. Там же, л. 41.
21. Там же, л. 38.
22. Там же, д. 226, л. 54.
23. Там же, л. 5.
24. Там же, д. 220, л. 58.
25. Там же, д. 49, л. 82.
26. Там же, д. 292, л. 8;

КООПЕРАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА (ВЗГЛЯДЫ ИСТОРИКОВ)

Шишкин А. А.

Национальный музей Республики Коми

К одним из первых русских экономистов-аграрников, которые увидели, что путь спасения крестьянина-труженика от нищеты - это кооперация, нужно отнести русского ученого Александра Васильевича Чаянова.

Самым значительным трудом, над которым работал А. В. Чаянов непосредственно после революции 1917 г., была книга «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации». Здесь он обобщил все, что говорил и писал раньше о крестьянской кооперации. Чаянов отмечал, что самыми распространенными являются две формы крестьянского хозяйства - капиталистическая и семейно-трудовая, капиталистическое строится на наемном труде, семейно-трудовое - на совершенно иной основе.

В книге «Организация крестьянского хозяйства» он писал: «Семейный состав прежде всего определяет собой высший и низший пределы объема ее хозяйственной деятельности. Рабочие силы трудового хозяйства всецело определяются наличностью работоспособных членов семьи. А потому возможный наивысший предел объема хозяйства зависит от размера той работы, которую могут дать эти рабочие силы при наибольшем своем использовании и напряжении»¹.

Поэтому, чтобы расширить свои хозяйственные возможности, развиваться дальше, есть единственный путь - объединение этих некапиталистических семейных коллективов в некапиталистические кооперативы. При этом он считал, что важнейшими принципами объединения в кооперативы должны быть: добровольность, независимость движения, демократичность управления и открытый характер организации, что в кооперативы должны объединяться только труженики.

Он отмечал, что «успех кооперации измеряется ростом доходов ее членов, а не прибылями самого кооператива». А. В. Чаянов делил кооперативы на следующие группы.

К первой категории он относил кооперативы, занимающиеся обработкой земли: машинные, мелиорационные и водные товарищества, товарищества совместной обработки земли.

Ко второй - кооперативы, в которых сконцентрировалось внимание на биологических процессах (семенные и селекционные).

В третью им были включены кооперативы, занимающиеся первичной переработкой сельскохозяйственных продуктов - маслодельные, молотильные, овощесушильные, картофелетерочные.

И, наконец, в четвертую категорию были объединены кооперативы, связывающие хозяйство с внешним миром, кооперативы закупочные и сбытовые, кредитные, земельные, арендные и страховые союзы.

Он считал, что путь кооперации более прогрессивен, чем артельное земледелие, потому что там довлеет уравниловка, действует принцип: «Зачем я буду работать больше, чем работает мой сосед, раз его и мое вознаграждение будет равно»².

Труды А.В. Чаянова, а также Кондратьева и Челинцева, которые также были привлечены по сфальсифицированному делу трудовой крестьянской партии, сыграли особенно большую роль в развитии кооперации в условиях НЭПа, когда продразверстка была заменена продналогом и крестьянин стал материально заинтересован в росте своего индивидуального трудового хозяйства, когда ведущей фигурой в деревне стал середняк. 66,4% крестьянских хозяйств в 1926/27 годах были середняками, а именно они в первую очередь являлись костяком кооперативов.

В 1925 г. выходит книга Чаянова «Краткий курс кооперации». В начале книги он писал: «Когда в наши дни говорят о будущем деревни, то чаще всего возлагают свои надежды на кооперацию, после двух предсмертных статей В. Ленина, этому посвященных, кооперация делается одной из основ нашей экономической политики». Заканчивая книгу, он писал: «Теперь по размаху своей работы русская кооперация первая в мире...». «На 1 января 1924 г. сельскохозяйственная кооперация РСФСР насчитывала около 25000 кооперативов всех видов, в которые входило около полутора миллионов крестьянских хозяйств по преимуществу средних и бедных слоев деревни» (12% всех крестьянских хозяйств)³.

В книге «История народного хозяйства СССР I-III» - автор П.И. Лященко - показана динамика роста кооперативов в целом по стране за 1921-1925 годы.

		1921	1922	1923	1924	1925
Всего сельскохозяйственных (в тыс.) кооперативов		24060	22021	31187	37872	54813
В том числе: Производственных в земледелии		16628	15440	14002	13523	15178
из них	сельскохозяйственные коммуны	3015	1943	1874	1571	1829
	трудовые земледельческие артели	9777	8459	6809	7381	8802

Рост кооперативов за этот период составил более двух раз.

Чаянов глубоко верил, что будущее развитие сельского хозяйства за кооперацией: «Только опираясь на союзное, кооперативное начало обобществленного хозяйства, крестьянство может на своих полях и стойлах использовать все завоевания агрономической науки, и на том месте, где растет теперь один колос, действительно - вырастет два, может сбросить со своих плеч бремя ростовщиков и перекупщиков, твердыми шагами пойти в лучшее будущее. Тогда перед нами вырастет невиданная доселе форма земледелия, построенная на принципе обобществления совершенной техники и научной организации производства»⁴.

Как же в этом отношении выглядела Коми автономия?

В отчете экономического совещания Автономной области Коми на 1-е апреля 1922 г. давались следующие данные: «...В кооперативном отношении Область разделена на 6 районов. В Усть-Сысольском организовано 24 потребительских общества, в Усть-Куломском 7, в Удорском 9, в Усть-Вымском 25, Объячевском 9 в Ижемском 21»⁵.

Товарообменный фонд, по сведениям Обпродкома, состоит из соли, чугунного литья, кос, серпов, топоров, табаку, спичек. Обсоюзом даны такие сведения: мануфактура, керосин, галантерея, сельскохозяйственные орудия, продукты, морская соленая рыба, чай, сахар, белая мука, мыло, табак. Излишков хлеба у крестьянина вообще не имеется. Что касается прочих сельскохозяйственных продуктов, то таковых тоже нет (за исключением разве картофеля)⁶. Первый опыт товарообмена принадлежит Обсоюзу, который приступил к работе в сентябре месяце. Охотно обменивалась цветная мануфактура, тяжелая (одежная), морская рыба, орудия сельского хозяйства, вещи домашнего обихода, соль, спички, кожевенные товары, керосин. Вообще сбыт находят все товары, так как население края во всем терпит нужду, но не охотно принимают такие товары, как белая мануфактура, предметы роскоши, белая мука и чай⁷.

Крестьянство страшно нуждается: а) в одежде, в особенности верхней, в обуви кожаной, мыле - бельевом, в табаке и курительной бумаге, а временно и местами в соли, а также б) в изделиях железных, скобяных, орудиях сельскохозяйственных, предметах домашнего обихода, упряжи, оконном стекле, красках, ружьях и огнеприпасах. Мелкими кустарными производствами могло быть дано населению: посуда деревянная и глиняная, смола, деготь и скипидар, промышленностью - только чугунное литье и лес⁸.

Из этого отчета мы видим, что в начале НЭПа в Коми только зарождалась сбыто-снабженческая кооперация. Всего в этот период насчитывалось 37733 крестьянских хозяйств, пашня составляла 27799 дес. (в 1920 г. было засеяно 19442), лошадей 33644, крупного рогатого скота 69354, мелкого скота 63773, оленей 15881⁹.

Как одну из мер по повышению сельскохозяйственного производства в мероприятиях по подъему сельского хозяйства в области предусматривалось создание сельскохозяйственных кооперативов.

В книге «Кооперация Вологодской и Северодвинской губерний к началу 1919 г.» приведены данные о численности кооперативов по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам. Так, в Усть-Сысольском всего было 96 кооперативов, из них: сельскохозяйственных - 9, кредитных - 4, лесопромышленных - 5, культурно-просветительных - 1. По Яренскому - 88, из них потребительских - 72, сельскохозяйственных - 9, кредитных - 1, лесопромышленных - 5¹⁰.

В 1927 г., накануне начала сплошной коллективизации, на основе гнездовой переписи из 2312 обследованных хозяйств областным статотделом дается следующая социальная картина: 7,9% были отнесены к разряду пролетарских (батрацких), 36,7% - полупролетарских (бедняцких), 52,5% - мелких товаропроизводителей (середняков) и 2,8% - мелкокапиталистических (кулаков).

В.Н. Давыдов в статье «Общественно-политическая жизнь коми деревни» писал: «В деревне шли упорные поиски новых форм организации производства и всей жизни трудового крестьянского населения. Партия направляла эти поиски по пути, указанному В.И. Лениным - по пути кооперирования...»¹¹.

Кооперация в то время в Коми области представляла из себя разветвленную сеть первичных организаций, объединенных союзом потребителей (Комиоблпотребсоюз) и областным союзом сельскохозяйственной, промысловой и кредитной кооперации (Комисельпромкредитсоюз).

«На 1 октября 1927 г. во всей сети насчитывалось 404 кооператива с 60557 членами... она организовывала массы бедноты и середнячества. В этом же направлении воздействовали на жизнь деревни крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. На 1 октября 1926 г. имелись областной комитет крестьянской общественной взаимопомощи, 4 уездных, 91 волостных и 15 сельских комитетов, в которых членами состояли 20,1 тыс. человек, что составляло по общему количеству крестьянских хозяйств почти половину»¹².

Помощь бедняцко-середняцким слоям шла и по линии государства, через ослабление и освобождение от налогообложения. В 1926/27 годах было полностью освобождено 23,3%, а в 1927/28г. - 31,1%, 1928/29 - 38,3% крестьянских хозяйств, а вместе с получавшими различные льготы полностью и частично - 42,7% всех крестьянских хозяйств¹³.

С 1926 по 1929 г. охват крестьянских хозяйств Коми области различными формами сельхозкооперации возрос с 31,15 до 71%, в том числе колхозами (коммунами, артелями, тозами) - с 1,42 до 6,8 %, подсобно-производственными объединениями (животноводческими артелями,

машинными, мелиоративными товариществами) - с 2,63 до 13,6, специальными (маслодельными, огородными) - с 0,42 до 4,7, кредитными - с 24,6 до 43,8, и только универсальными уменьшился - с 2,45 до 2,114.

Таким образом, в Коми, как и по всей России, шел рост числа кооперативов и развивались все его разновидности. XV съезд партии в 1927 г. поставил задачу охватить к концу первой пятилетки 85% крестьянских хозяйств различными видами кооперации, а у нас уже в 1929 г. было кооперировано 71% хозяйств.

Этот процесс подъема трудовых крестьянских хозяйств через кооперирование был насильственно прерван началом сплошной коллективизации, провозглашенной И.В. Сталиным вопреки решениям XV съезда ВКП(б), принятым в 1927 г.

В августе 1929 г. в журнале «Коми му» № 15 Коми обком ВКП(б) дал такую установку местным властям, какие хозяйства считать зажиточными низшей категории. Это наличие в хозяйстве:

а) 2 ската (телеги), плуг, соха-косуля, две бороны, наличие медной посуды

б) обеспечение живой рабочей силой (4-5 человек)

с) обеспечение крупным рогатым скотом (4-5 штук)

д) имеющие специальность, дающие хороший заработок.

В этих критериях нет ни одного признака, говорящего об эксплуататорском характере хозяйства (ни найма рабочей силы, ни ростовщичества, нет таких средств производства, которые бы позволяли эксплуатировать чужой труд, нет торговли и т.д.). Это просто нормальное трудовое крестьянское хозяйство, которое через кооперацию могло еще дальше развиваться и процветать. А они были разрушены, и сельское хозяйство отброшено назад и до сих пор не может подняться на ноги уже благодаря сегодняшним реформаторам.

***

1. Чайнов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., С.20.
2. Балязин В. Октябрь. 1988, №1, С.155-156.
3. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. С.143.
4. Балязин В. Октябрь. 1988, №1, С.162.
5. Отчет экономического совещания Автономной области Коми. Вятка. 1922. С.12.
6. Там же. С.12-13.
7. Там же. С.13.
8. Там же. С.12-13.
9. Там же. С.14.
10. Кооперация Вологодской и Северодвинской губерний к началу 1919 г. Вологда. 1919. С.11.

11. Давыдов В.Н. Общественно-политическая жизнь деревни. // Труды института языка, литературы, истории. Вып.25, 1982.
12. Там же. С.11.
13. Давыдов В.Н. Социально-экономические сдвиги в Коми деревне в 1926-1929 гг. С.136.
14. Там же. С.140.

ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Макеев А.В.

Офис Проекта ЮНИДО в Республике Коми

Проведение выставок и ярмарок, являющихся по своей сути многоцелевым средством предпринимательской коммуникации, тесно связано с политической, демографической, экономической и технологической конъюнктурой, формирующей факторы, которыми определяется количество, характер, географическое распределение проводимых мероприятий такого рода, а также политика их организаторов в отношении специализации и уровня представления производимой продукции и услуг.

Традиции проведения выставок и ярмарок уходят корнями вглубь веков, когда в крупных торговых центрах Ближнего Востока, Европы и России они, как правило, сопровождали различные религиозные праздники или были связаны с сезонными сельскохозяйственными работами. Выставки зародились в Европе в XVIII веке, когда в 1757 г. во Франции состоялась выставка художественных произведений, а в 1761 г. в Великобритании прошла выставка земледельческих машин. В 1791, 1798 годах в Париже были проведены еще две выставки, последняя из которых представляла французскую промышленность, а предыдущая носила универсальный характер¹.

Промышленная революция, улучшение средств связи заложили основы для рождения современной многоплановой формы выставок.

За превращение товарных ярмарок в выставки образцов последовали их специализация в отношении объекта экспонирования, сокращение времени их проведения и ограничение посещающей их публики более узким кругом посетителей-коммерсантов, в результате чего они приобрели форму чисто коммерческого предприятия.

В нынешней типологии выставок принято их следующее определение, автором которого является доктор коммерческих наук Венского коммерческого университета, специальный эксперт Международ-

ного торгового центра ЮНКТАД/ГАТТ Яннис Критсотакис. Под торговой (промышленной) выставкой понимается кратковременное, периодически проводимое в одном и том же месте, мероприятие, в рамках которого значительное число предприятий (экспоненты) с помощью образцов (экспонатов) дают представительную картину предложения товаров/услуг одной или нескольких отраслей и стремятся информировать конечных потребителей (или же и промежуточных) о своей фирме и ее продукции с конечной целью содействия продажам².

От стандартных в нашем понимании торговых ярмарок выставки отличаются следующим:

предложение представляемых продукции и услуг не отличается объективностью и является лишь представительным для одной или нескольких отраслей;

основной задачей является распространение информации с конечной целью поощрения продаж по образцам;

разрешен свободный вход частным лицам;

осуществление продаж по образцам конечным потребителям входит в обычную практику.

В глобальном экономическом аспекте выставки в настоящее время продолжают быть зеркалом технического развития, «биржей» информации, термометром цен, экономико-политическим форумом прогнозирования конъюнктурных изменений и социальным явлением с экономическим, политическим и культурным подтекстом.

Выставки, как, впрочем и ярмарки, делятся на нижеследующие категории по таким признакам:

По месту проведения:

региональные-межрегиональные

национальные

международные

всемирные

передвижные

По частоте проведения:

периодические (проводящиеся каждые 2-3 года)

ежегодные

сезонные

По направлению работы:

выставки/ярмарки по осуществлению продаж/заказов

информационные/ознакомительные

проводимые в целях развития коммуникации/контактов

По виду предложения:

универсальные

многоотраслевые

отраслевые

выставки потребительских товаров

По спросу:

товаров народного потребления

инвестиционных товаров

технологий

инвестиций и прочего

Таковы, вкратце, основополагающие моменты, понимание которых необходимо нам для рассмотрения темы последовательно.

Республика имеет богатые традиции выставочной деятельности. Еще в 1867 г. в Санкт-Петербурге состоялась первая выставка предметов с севера и одноименный раздел участвовал во Всемирной выставке в Париже. В 1923 г. прошла 1 Коми областная сельскохозяйственная выставка, с 1939 г. Коми АССР - постоянный участник Всесоюзной сельхозвыставки (будущая ВДНХ). В 1983 г. республика впервые представлена самостоятельным разделом на Международной ярмарке в Пловдиве (Болгария), а в 1997 г. в Хельсинки (Финляндия) успешно прошла универсальная республиканская выставка «Коми ЭКСПО-97». На следующий год информационные материалы о Республике Коми в электронном и печатном видах представлены в информцентре России на Всемирной выставке в Лиссабоне. За 1998-1999 гг. состоялись универсальные выставки экономического потенциала в Будапеште (Венгрия), Москве (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, ОАО «Газпром»), прошел промышленно-экономический форум «Дни Республики Коми в Кировской области». С 2000 г. в Сыктывкаре начала свою работу постоянно действующая универсальная выставка «Коми ЭКСПО».

Характеризуя выставочные процессы досоветского периода, следует отметить, что для их генезиса необходимые предпосылки сложились к началу второй половины XIX века.

Прежде всего, это развитие рыночного способа хозяйствования в пореформенный период. «В условиях невысокой товарности сельского хозяйства и отсутствия развитой фабрично-заводской промышленности большую роль в социально-экономическом развитии аграрно-промышленного края играла внешняя и внутренняя торговля, вовлекающая его в систему всероссийского рынка», - отмечают М.А. Мацук и В.В. Шаньгина³.

При населении края от 60 тысяч человек в 1833 г. до 175 тысяч человек в 1897 г., подавляющее большинство которых составляли государственные и посессионные крестьяне⁴, на его территории функционировали следующие формы торговли: периодичная ярмарочная, стационарная и непериодическая развозно-розничная. В середине XIX века на территории Коми края действуют 14 ярмарок⁵ (по другим данным 6)⁶. К 1892 г. их количество возросло до 22⁷. Однако ведущей фор-

мой торговли ко второй половине 90-х годов XIX века становится стационарная торговля, которая более отвечала нуждам капиталистического развития⁸.

Вопрос торговых связей края напрямую связан с темой настоящего исследования и поэтому представляет немалый интерес. В рассматриваемый период из края вывозились пушнина, дичь, рыба, лесные материалы, замша, кожа, изделия из оленьих шкур, точильного камня, продукция чугунолитейного завода⁹. Только в 1869 г. через Усть-Сысольск отправлено в Петербург и Москву, Вологду и Архангельск, на Нижегородскую ярмарку пушнины на 200 тысяч рублей¹⁰.

Продукция печорских замшеделов поступала на Пинежскую, Мезенскую, Ирбитскую ярмарки, в Москву, за границу, в том числе в Англию¹¹. Главным иностранным покупателем печорской замши была английская фирма «Дент и К». Размаху замшевой торговли способствовали устойчивые экономические, социальные связи коми и ненецкого населения края и сопредельных территорий¹².

Лес из Коми края вывозился в Англию, Голландию, Бельгию, Францию, Швецию, Германию, Данию¹³.

Необходимо также иметь в виду, что не только товары из Коми края отправлялись за рубеж, но и сама территория края и торговые ресурсы обеспечивали «транзитный коридор» в товарообмене между народами Азии и Скандинавии¹⁴.

С развитием капиталистического способа производства, а именно появляющейся и все более укрепляющейся тенденцией совершать торговые сделки по образцам товаров, вместо сосредоточения больших партий реализуемой продукции с целью прямой продажи, в эти процессы постепенно включался и Коми край. В 1867 г. «предметы с Севера» впервые экспонировались в Санкт-Петербурге и на Всемирной выставке в Париже¹⁵.

Анализ формирования и развития промышленности показывает, что под влиянием роста международных экономических, научно-технических и культурных связей, обусловленных образованием мирового рынка, возникает потребность в организации всемирных выставок, которые и появляются в середине XIX века. Первая Всемирная выставка, проходившая в 1851 г. в Лондоне, привлекла к участию 17 тысяч экспонентов¹⁶.

Всемирная выставка - это мероприятие, имеющее целью продемонстрировать средства, которыми располагает человечество для удовлетворения своих культурных потребностей, а также те, которые свидетельствуют о достигнутом им прогрессе или показательны для его будущих стремлений¹⁷. На Всемирных выставках впервые были продемонстрированы швейная машина «Зингер» (1851 г.), алюминий (1855 г.), пишущая машинка (1876 г.)¹⁸.

Без сомнения, Всемирные, да и национальные выставки в тот период носили не только экономический и культурно-образовательный характер, но и имели весомую методическую и информационную нагрузку. В программу выставок зачастую включалась работа педагогических отделов с предметами для наглядного обучения детей¹⁹.

Наряду с вышеперечисленными предпосылками развития выставочных процессов в Коми крае, к которым мы относим 1) развитие капиталистического способа хозяйствования, 2) наличие продукции для товарообмена, 3) развитие внутренней и внешней торговли, 4) наличие внутренних, национальных и международных выставок, необходимы были и две следующие: 5) наличие интереса - экономического, политического, социального - к товарам из Коми края, 6) наличие инициаторов выставочного дела.

Появление двух последних предпосылок позволило организовать успешную работу коми экспозиции в Петербурге и Париже (1867 г.).

Русский промышленник, купец, общественный деятель М.К. Сидоров во второй половине XIX века собирал выставочный материал и организовывал его экспонирование на различных выставочных мероприятиях.

Именно М.К. Сидоров устроил в 1867 г. впервые выставку предметов с Севера в Санкт-Петербурге, чтобы в том же году принять участие во Всемирной выставке в Париже. На обеих выставках экспонировались: (1) печорские лиственница, кедр, пихта; (2) изделия из брусно-точильного камня: точила, брусья, жернова; (3) олени шкуры в различных видах; (4) питательные вещества, употребляемые для замены хлеба при недостатке его в неурожайные годы населением реки Печоры: мох болотный, пихтовая древесная кора, мука из рябиновых листьев, мука из соломы, сосновая древесная кора и «праздничный хлеб» из сосновой коры наполовину с примесью рисовой муки²⁰; (5) шерстяные изделия: перчатки и рукавицы, вязанные крестьянками деревни Хабариха из местной овечьей шерсти, окрашенной местными красками²¹.

Выставку в Санкт-Петербурге посетили члены царствующей фамилии, сенаторы, министры, другие официальные лица. Выставка вызвала внимание и уважение²².

Парижская 1867 г. Всемирная выставка произведений земледелия, промышленности и художеств представила 52 тысячи экспонатов, в том числе 1382 российских, которые получили 476 наград.

К сожалению, отсутствуют данные о поощрении наградами выставки экспонируемых «предметов с севера».

На Всероссийской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге в 1870 г. М.К. Сидоровым в рамках специального павильона была

представлена следующая печорская продукция - медная и серебро-свинцовая руда с Усть-Цильмы, консервы (семга, огурцы) в банках, ягоды, грибы, хлеб. Павильон вновь был посещен членами царской семьи, сенаторами, а также министрами, учеными, иностранцами²³.

Политехническая выставка 1872 г., проходившая в Москве, в свою экспозицию включала 5 моделей плавающих на реке Печоре судов - барки, каюка, карбаса и 2 лодок²⁴.

Интерес к Коми краю (в теперешних границах) возрастает в ходе и по завершению Венской Всемирной выставки (1872 г.). На выставке М.К. Сидоров разместил отдельный павильон и экспонировал: (1) «нефтяные изделия» с реки Ухты: горную смолу, очищенную нефть, доманик и изделия из него, горные породы из буровой скважины; (2) фауну и флору Печоры²⁵, графит с Верхнего Енисея²⁶. Павильон почтили своим присутствием «государя: австрийский, российский, бельгийский, черногорский, братья австрийского императора, кронпринцы, ученые»²⁷.

Участие в этих выставочных мероприятиях было не бесследным. В 1872 г. на Печору прибывает австрийская экспедиция²⁸. В 1874-1875 гг. в Печорском крае работает английская экспедиция. Это один из результатов участия в Венской выставке. Дело в том, что в период работы павильона доверенные лица М.К. Сидорова В.Н. Латкин и Ю.И. Кушелевский обсуждали в числе прочих вопросов идею трассы соединения Оби и Печоры с заинтересованными лицами²⁹. Проект впоследствии не получил своего развития, так как власти не дали соответствующего разрешения.

Тем не менее, деятельность М.К. Сидорова по обеспечению участия Коми края в выставках продолжалась. Уже в 1876 г. на Филадельфийской Всемирной выставке в экспозиции М.К. Сидорова представлены: (1) горючие сланцы, (2) неочищенная нефть и нефтяная земля, (3) уголь с подземного пожара, продолжавшегося с 1700 г., (4) «манекены жителей Енисея, Печоры и Новой Земли в праздничных одеждах»³⁰.

К сожалению, отсутствует информация об участии «предметов с севера» в рамках экспозиции М.К. Сидорова или вне ее в последующих всемирных выставках: Парижских 1878, 1889, 1900 гг., Колумбийской выставке в Чикаго 1893 г.³¹

Следующие данные об участии Коми края в выставочных мероприятиях относятся лишь к 1912 г., когда в январе в Царском селе под Санкт-Петербургом состоялась Вторая Всероссийская выставка семян и машин, в которой участвовало 402 экспонента, выставивших около 14000 экспонатов в виде образцов семян, клубней, корнеплодов, машин, орудий, объектов научно-технического характера, коллекций

опытных полей, опытных станций и другого³². В выставке участвовала Печорская сельскохозяйственная опытная станция³³. Выставку семян и машин посетили члены Государственного Совета, Государственной Думы, руководители и специалисты профильных министерств, включая Главное управление землеустройства и земледелия, представители деловых кругов и другие³⁴.

В 1913 г. Департаментом земледелия на реке Печоре была организована плавучая выставка с двумя отделами - земледелия (представлены орудия, машины, семена) и молочного хозяйства (сепараторы, маслобойки и прочее)³⁵. Экспонаты проплыли 1200 километров вверх и вниз по Печоре. У селений организовывались демонстрации. В целом, плавучую выставку посетили 2526 человек, которыми было приобретено продукции на сумму 1415 рублей³⁶.

Таким образом, на досоветском этапе развития выставочной деятельности Коми край был представлен не только на национальных, но и на всемирных выставках, что в значительной степени связано с деятельностью М.К. Сидорова. На Печоре состоялась и первая привозная выставка.

Коми край стал известен на уровне России в мировых выставочных кругах, и не только благодаря определенному экзотическому шарму, но и благодаря экспонированию полезных ископаемых, попытке реализации глобального проекта соединения посредством трассы Оби и Печоры.

В то же самое время выставочная деятельность в данный период носила частный и довольно персонифицированный характер. На уровне края какое-либо государственное управление ею отсутствовало. Оно стало практиковаться на следующем этапе развития, начиная с 1923 года, когда партия и государство осознали возможности выставочной деятельности в пропагандистской работе по коммунистическому воспитанию трудящихся и образованию масс.

***

1. И.А. Мезенин. Парад всемирных выставок, С.3
2. Критсотакис Я.Г. Торговые выставки и ярмарки. Техника участия и коммуникации. М., 1997, С.25
3. М.А. Мацук, В.В. Шаньгина. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX веке. Сыктывкар, 1996, С.131
4. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955, т.1, С.202
5. М.А. Мацук, В.В. Шаньгина. Там же, С.162
6. Очерки по истории Коми АССР, С.210
7. М.А. Мацук, В.В. Шаньгина. Там же, С.163
8. Там же. С.197

9. Очерки по истории Коми АССР, С.41
10. Там же. С.40
11. Цой Ун-Ен. Сельское хозяйство Печорского края на рубеже XIX-XХ веков, - Серия препринтов «Научные доклады». Коми филиал АН СССР, 1979, вып.50. С.50
12. Л.Н. Жеребцов. Этнические и культурно-исторические связи коми с финноуграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974. С.13-14
13. В.В. Шаньгина. Торговые связи Коми края в пореформенные годы XIX века. - Вопросы социально-экономической истории Коми края. Труды ИЯЛИ. Выпуск 23. Сыктывкар, 1980. С.59
14. И. Мосшег. Коми народ как участник в мировой торговле в прошлом. - «Парма», 1991, №1. С.75
15. В.Н. Чупров. Усть-Цильма и Печорский край на Всероссийских и Всемирных выставках во второй половине XIX и начале XX веков. - «Красная Печора», 1992, 23 мая, №62, С.3
16. Я.Г. Критсотакис. Торговые выставки и ярмарки. Техника участия и коммуникации, С.33
17. Там же. С.33
18. Там же. С.4
19. Там же. С.23
20. В.Н. Чупров. Там же. С.3
21. И.А. Мезенин. Там же. С.39.
22. В.Н. Чупров. Там же. С.3
23. Там же. С.3
24. Там же. С.3
25. Там же. С.3
26. И.А. Мезенин. Там же. С.53
27. В.Н. Чупров. Там же С.3
28. Там же. С.3
29. И.А. Мезенин. Там же
30. Там же. С.56
31. Там же. С.59-88
32. Вторая Всероссийская выставка семян и машин. СПб., 1912. С.8
33. В.Н. Чупров. Там же. С.4
34. Вторая Всероссийская выставка семян и машин. Там же. С.8
35. В.Н. Чупров. Там же. С.4
36. Там же. С.4

КОМИ ИНО

Золотарев О.В.

Коми педагогический институт

С первых лет своего существования Советское государство начало проводить работу по подготовке новых учительских кадров. Строительство системы педагогического образования исходило из концепции советской образовательной системы, которая отводила ключевое место фигуре учителя в процессе создания новой школы. Кроме того, не надо забывать и о том, что роль учителя в новом обществе определялась прежде всего как ПРОВОДНИКА коммунистической идеологии.

Однако в первые месяцы Советской власти инерционные настроения основной массы учительства были еще сильны, оно не хотело, да и не могло работать в рамках новой образовательной парадигмы. Поэтому одной из первейших задач новой власти в области образования была задача создания качественно иного контингента педагогических кадров.

Решить эту проблему пытались двумя путями, и это совпадало политикой новой власти по отношению к интеллигенции в целом: во-первых, идеологическим и политическим воздействием на школьных работников, во-вторых, подготовкой новых учителей.

Подготовка новых педагогов велась по нескольким направлениям. Это - ускоренное обучение учителей через краткосрочные курсы. Оно практиковалось в основном в первые годы Советской власти. Однако эта форма подготовки не могла стать основной из-за невысокого качества знаний выпускников и относительной дороговизны. Еще один способ подготовки работников для школ (особенно для учебных заведений национальных районов, каким и был Коми край) - отправка молодежи на учебу в образовательные учреждения в центр страны. Например, юноши и девушки из Коми Автономии получали педагогическую профессию в начале 20-х годов в Москве, Вологде, Великом Устюге и т.д. Только в 1921 г. за пределами Коми области обучалось 60 человек. Это было даже больше, чем в других национальных регионах¹.

Так что этот способ подготовки учительских кадров применялся руководством Коми Автономии весьма активно.

Однако данные меры решить проблему все же не могли. Ведь положение усугублялось тем, что педагоги покидали школы как вследствие тяжелого материального положения (их жалованье было невысоким по сравнению с другими категориями трудящихся, а пайки скудные), так и из-за несогласия с политикой властей в образовательной сфере. В Коми крае положение осложнялось и попытками перевода

преподавания в школах на коми язык. Оно проводилось излишне поспешно и необдуманно. И русскоязычные учителя (составлявшие костяк контингента школьных работников) уходили с педагогических должностей. Результат - острая нехватка школьных работников в Коми крае. В августе 1920 года на заседании Бюро по созыву Всезырянского съезда по просвещению констатировалось, что для коми школ не хватает до пятисот работников для школ I ступени и до 150 - для школ II ступени. Это были громадные цифры. Они характеризовали бедственное положение с педагогическими кадрами в Усть-Сысольском и Яренском уездах. Кроме того, имеющийся контингент педагогов коми школ был чрезвычайно слаб. В том же 1920 г. только 15 % педагогов обладали специальной подготовкой, а стаж 60% школьных работников не превышал трех лет (последнее свидетельствовало о чрезвычайной текучести кадров)².

Проблему надо было срочно решать. А решить ее можно было только путем подготовки национальных кадров школьных работников. И делать это надо было как можно скорее. Это прекрасно понимали власти как на местах, так и в центре. Наркомпрос РСФСР признавал, что отсутствие школьных работников-специалистов весьма «мешает созданию социалистической трудовой школы»³.

Местные власти Коми края также понимали, что организация курсов, посылка людей на учебу за пределы области - это полумеры, которые полностью проблему нехватки педагогических кадров (а не хватало работников не только в школах, но и в детучреждениях, пунктах ликбеза и т.д.) решить не могли. Требовалось открытие новых педагогических заведений.

Это было тем более необходимо, если учесть, что педагогических работников для школ края готовили только две учительские семинарии, которые из-за нехватки средств пришлось в 1919 г. преобразовать в курсы с двухгодичным сроком обучения (срок учебы был сокращен в два раза). Это приводило к ухудшению и без того невысокого качества подготовки специалистов.

Создавшееся положение заставило состоявшийся в сентябре 1920 г. в Усть-Сысольске Губернский съезд по просвещению зырян принять решение об открытии Коми института народного образования (Коми ИНО). Данное решение было поддержано I Коми областной партийной конференцией РКП(б) (январь 1921 г.)⁴. Впрочем, принятие решения еще не означало, что институт будет действительно открыт. Находящейся в стадии образования Автономии не хватало средств, не было и достаточно квалифицированных педагогических кадров, которые могли бы вести занятия в высшем учебном заведении. Центральная же власть, сократившая в начале 20-х годов все расходы, в

том числе и на образование (это произошло вследствие жесткой финансовой политики, начавшейся после введения НЭПа), материальной поддержки практически не оказывала.

И все же в начале 1921 г. на базе Усть-Сысольских учительских курсов (тех, что ранее были учительской семинарией) был открыт Коми институт народного образования⁵. Занятия начались 28 января. Предполагалось, что институт будет обслуживать Усть-Сысольский и Яренский уезды Северо-Двинской губернии, Архангельскую губернию и часть Пермской, т.е. те районы, где проживало коми население. Он имел в своем составе три отделения и готовил учителей для школ I и II ступени и работников политико-просветительных учреждений. Несколько позднее при институте был открыт рабфак. Действовал при Коми ИНО и научно-исследовательский подотдел по изучению языка и культуры народа коми. Занятия в ИНО велись в основном в вечернее время.

Факт открытия института был восторженно встречен коми общественностью. В возвышенных тонах оценивал это событие и журнал «Жизнь национальностей» (издаваемый Наркомнацем): «Даже в мечтах коми народ не мог раньше представить себе существование своего национального высшего учебного заведения, а теперь коми институт - это высшая школа - подготавливает 300 молодых, сильных духом будущих учителей, которые должны будут поднять среди коми народа дело народного образования»⁶.

То, что открытие института было выдающимся событием в истории Коми края, понимали, как видим, не только местные, но и центральные власти. И даже пытались оказать посильную поддержку. Главпрофобр указывал, что необходимо «оказать полное содействие и поднятие на должную высоту этого первого социалистического культурного очага народа коми, долженствующего сыграть громадную роль в деле возрождения края и народа». Коми ИНО был по просьбе властей Автономии зачислен в разряд ударных⁷.

Следует напомнить, что после открытия института, в ноябре 1921 г., в Коми области возникло еще одно учебное заведение, готовившее школьных работников, - педтехникум. И казалось, что дело подготовки учительских кадров для Автономии постепенно налаживается. Однако ожидания были напрасны. Восторги по поводу открытия института оказались преждевременными. Надежды на помощь центральных властей не оправдались. Тяжелое экономическое и финансовое положение в котором очутилась область в связи с переходом страны к НЭПу, и невозможность для центра финансировать учебные заведения в регионах привели к острому кризису народного просвещения в области.

Естественно, данная ситуация не могла не отразиться на работе Коми ИНО. В основном вследствие нехватки средств его пришлось в апреле 1922 г. слить с педтехникумом и преобразовать в Практический институт народного образования (ПИНО). В нем обучалось свыше 300 человек⁸. Однако подготовка, которую получали учащиеся в Практическом институте, не соответствовала вузовскому уровню - не хватало квалифицированных преподавателей, а обращения в центр с просьбой помочь кадрами отклика не находили.

Институт был ориентирован на подготовку специалистов из местного населения, что, в общем, было вполне оправдано: край испытывал острую нехватку работников просвещения, знающих коми язык. Поэтому предпочтение при зачислении в ПИНО отдавалось лицам, уже принимавшим «действительное участие в работе по просвещению народа коми». Кроме того, необходимым условием ставилось и знание коми языка. Однако хорошо подготовленных для учебы в вузе абитуриентов в Коми области не хватало. И состав студентов был весьма разношерстным - были лица, получившие только начальное образование, и те, кто даже успел уже поучиться в педтехникуме⁹. Конечно, подобный состав создавал значительные трудности при преподавании и приводил к большому отсеву учащихся. Так, в 1922/23 учебном году в ПИНО было принято 415 слушателей. Однако к занятиям приступило только 290 человек. А к концу учебного года выбыло еще 98 человек¹⁰. Таким образом, осталось продолжать учебу менее половины из числа принятых в институт. Конечно, это было недопустимо большой отсев. Впрочем, подобное положение наблюдалось и во многих других учебных заведениях страны, ибо такой критерий, как наличие необходимого минимума знаний, при отборе учащихся отсутствовал.

Причинами отсева были не только слабые изначальные знания слушателей, но и острая нехватка средств на содержание института и слабое обеспечение учащихся (какую-либо материальную помощь получало лишь 45 человек, т.е. менее 15% учащихся). Финансовый кризис института был связан с общим кризисом народного просвещения в Коми области, который возник в результате перевода учреждений образования на скудный местный бюджет. Недостаток средств был столь ощутим, что пришлось значительно, более чем в два раза, сократить количество просветительских учреждений. Такой провал доказывал необходимость в тех условиях строгой централизованной политики финансирования учреждений образования.

Чтобы понять, в какой ситуации очутился ИНО, достаточно указать, что в 1922/23 учебном году институту было выделено только 3,2% от требуемой на его содержание суммы¹¹. Но некоторые материальные проблемы существования ИНО были все же решены. Так, институт имел

собственное здание: он размещался в прекрасном каменном здании, в котором ранее находилось духовное училище. Это здание было хорошо приспособлено для нужд образовательного учреждения. Однако его не удалось оборудовать ни кабинетами, ни нужными лабораториями. Не хватало и необходимых учебных пособий. Власти сетовали, что достать обстановку для оборудования кабинетов на местах не представляется возможным¹². И это соответствовало действительности. Но и центр мало чем мог в тот момент помочь - как по причине отсутствия средств, так и значительной удаленности Коми края.

Другой сложностью работы ИНО была острая нехватка квалифицированных преподавателей. И это произошло несмотря на то, что данному аспекту деятельности института уделялось значительное внимание. Еще губернский съезд по просвещению зырян, принявший решение об открытии Коми ИНО, указывал на необходимость сосредоточения в нем «наличных зырянских педагогических сил», а также обратиться в Наркомпрос и Наркомнац за недостающими преподавателями. Предполагалось пригласить на работу в институт и известных коми ученых - К.Ф. Жакова и В. Налимова. К.Ф. Жакову была даже направлена в Дерптский университет, в Эстонию, телеграмма, предлагающая работу в Коми ИНО. Но эти попытки оказались, по вполне понятным причинам, тщетны¹³.

Тем не менее, в преподавательском составе института были такие известные коми ученые, как В.А. Молодцов, А.Н. Грен, А.А. Чеусов и др. Председателем правления Коми ИНО был А.С. Сидоров. Всего в институте работало более сорока лекторов и преподавателей. Преподаватели ИНО вели, помимо учебной, и значительную научно-исследовательскую работу. Они, например, были в числе инициаторов создания «Общества изучения Коми края» (образовано в мае 1922 года). Власти пытались поддержать деятельность педагогов ИНО. Они стремились наладить снабжение преподавательского коллектива предметами первой необходимости и академическими пайками. Это в условиях того сложного времени было немаловажным фактором и требовало приложения больших усилий. Однако, несмотря на все старания властей, уровень педагогического персонала института все же не соответствовал тем требованиям, что предъявлялись высшим учебным заведениям. И это, как и невысокий стартовый уровень подготовки студентов ИНО, предопределяло низкое качество обучения в институте.

Именно эти причины: недостаток средств, квалифицированного преподавательского состава и слабая подготовка учащихся - и вынудили в 1923 г. преобразовать ПИНО в педтехникум повышенного типа. Несколько ранее, в апреле 1922 г., на базе рабфака ИНО была открыта областная совпартшкола.

Заккрытие Коми ИНО объяснилось общей линией в политике центральных властей, а не просто недостатками в работе именно Коми института. Почти все ИНО (которых вместе с Практическими институтами было по стране 26) были ликвидированы еще в 1921 г., практические институты - в 1923 г., в связи с общим сокращением числа педагогических учебных заведений. Ставка при подготовке педагогических кадров была сделана, начиная с 1924 г., на педтехникумы, которые стали ведущими учебными учреждениями, выпускающими учителей начальной школы¹⁴. Это решение представляется оправданным, ибо большинство ИНО не было в состоянии выполнить программу высших учебных учреждений. Верно это было и в отношении Коми ИНО.

Что же касается учительских кадров для школ Коми области, то их теперь готовили педтехникум повышенного типа (созданный на базе ИНО) и педтехникум нормального типа в Усть-Выми (в 1923 г. переведен в Усть-Сысольск). Но это последнее учебное заведение практически не было оборудовано и обеспечено квалифицированными работниками и находилось, по признанию властей, в весьма «бедственном положении»¹⁵.

Конечно, в такой ситуации основным учебным заведением, поставившим кадры для образовательных учреждений Автономии, стал педтехникум повышенного типа. Его работа постепенно улучшалась, что доказывает обоснованность преобразования ИНО в педтехникум: объем и содержание знаний выпускников приближались к нормам, предъявляемым к педагогическим техникумам. Улучшилось и преподавание, вводились новые методы обучения. Конечно, оставались и недостатки. В частности, особо отмечались слабые связи техникума с населением и школами. Несколько уменьшилось и число учащихся. В 1924 г. в двух педтехникумах обучалось 239 человек, было выпущено 60 учителей.

В 1925 г. выпуск возрос до 65 человек¹⁶.

Итак, первый опыт открытия высшего учебного заведения в Коми Автономии был недолговечен - институт смог просуществовать чуть более двух лет. В Коми области в это время просто не было необходимых условий для работы вуза: Автономия оказалась не в состоянии обеспечить работу института ни в материальном, ни в интеллектуальном плане. Не смогли помочь Коми краю в начале 20-х гг. и центральные власти, испытывавшие в тот момент острый недостаток как материальных ресурсов, так и квалифицированных кадров. Положение изменилось десятилетие спустя, и тогда, в 1932 г., был открыт Коми пединститут. И опыт работы Коми ИНО был учтен в первые годы работы пединститута.

***

1. Журнал заседаний 1-го съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми Автономной области. Усть-Сысольск, 1922. С.48.
2. Образование Коми автономной области. Сборник документов. Сыктывкар, 1971. С.47; Народное образование в Северо-Двинской губернии. Великий Устюг, 1922. С. 119-120.
3. Народный Комиссариат по просвещению. 1917 октябрь - 1920. Краткий отчет. М., 1920. С.44.
4. Очерки по истории Коми АССР. Т.2, Сыктывкар, 1962. С.86; Постановления Коми Областных партийных конференций /1-5/. Усть-Сысольск, 1929. С.4.
5. О Коми ИНО в исторической литературе даются в основном весьма скудные сведения, которые фактически сводятся к констатации факта его существования. См.: Очерки по истории Коми АССР. Т. II, Сыктывкар, 1962; Безносиков Я.Н. Культурная революция в Коми АССР, М., 1968; Он же. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар, 1973; Первенец высшей школы. Сыктывкар, 1982; Энциклопедия «Республика Коми». Т.2, Сыктывкар, 1999 и др.
6. Жизнь национальностей. 1923 год. Я. С.72. 7
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф.1565. Оп.6. Д.428. Л.1.
8. Первенец высшей школы. С.5.
9. Национальный архив Республики Коми (далее НА РК). Ф.235. Оп.1. Д.23. Л. 73.
10. НА РК. Ф.235. Оп.1. Д.16. ЛЛ.4,4об.
11. НА РК. Ф.235. Оп.1. Д.16. ЛЛ.4об, Ю.
12. Культурное строительство в Коми АССР. 1918-1937. Сборник документов. Сыктывкар, 1979. С.72.
13. См.: НА РК. Ф.235. Оп.1. Д.23. Л.148; Культурное строительство в Коми АССР. 1918-1937. С.61.
14. См.: Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в РСФСР. М., 1979, С.28; Деятельность Коммунистической партии по подготовке и воспитанию учительских кадров в период социалистического строительства. М. 1981. С.52.
15. НА РК. Ф.148. Оп.1. Д.323. Л. 306.
16. Отчет Областного исполнительного комитета Автономной области Коми за 1924/25 гг. Усть-Сысольск, 1925, С.273; Протоколы 4-го Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Коми области. Усть-Сысольск, 1925. С.214.

КУЗНИЦА КАДРОВ

*Хатанзейский Н.К.
Ижемский краеведческий музей*

Двадцать лет работал в Ижме зооветеринарный техникум. В двадцатых-сороковых годах Ижма была центром подготовки кадров для обширного Печорского края, и не только для него. На территории района продолжительный период функционировали зооветеринарный, педагогический, речной техникумы, школа, по подготовке советских работников, фабрично-заводское училище до подготовки судостроителей и судоремонтников, ремесленное училище, готовившее кадры для Печорского пароходства, окружная колхозная школа готовившая кадры для колхозов Печорского уезда. Была здесь и школа для подготовки медицинских сестер для больниц Печорского уезда. Ижемский краеведческий музей и районный архив продолжают сбор материалов о деятельности этих учебных заведений. Мы хотим подробнее рассказать о работе Ижемского зооветеринарного техникума, который был открыт в сентябре 1930 г. До марта 1933 г. он носил название Ижмо-Печорский оленеводческий техникум и являлся первым учебным заведением в СССР, которое готовило специалистов среднего звена для оленеводческих хозяйств Крайнего Севера России. В первые два года учебное заведение готовило только зоотехников (техников-олeneводоов). С марта 1933 г. у техникума стало три отделения, готовивших зоотехников для оленеводческих хозяйств (техников-олeneводоов), зоотехников для оседлого животноводства и ветеринарных фельдшеров. С этого времени техникум стал называться Ижемский зооветеринарный техникум.

Первые годы для техникума были крайне тяжелыми. Не хватало учебников, учебных пособий, квалифицированных преподавателей. Сильно затруднял учебный процесс языковой барьер. Абсолютное большинство студентов плохо владело русским языком. Обучение приходилось вести на русском и коми языках. Но и по коми языку, особенно по грамматике, у студентов были проблемы. Негативно сказывались здесь ошибки в области языкового строительства, связанные с неоднократной сменой алфавита коми письменности в 30-е годы прошлого века: перевод с молодцовского на латинизированный (в 1932-1935 г.), снова на молодцовский алфавит, и с 1938 г. на русскую графику.

В первые годы набор производился только из селений Ижемского района (до февраля 1932 г. в его состав входила территория нынешнего Усинского, Печорского и Интинского районов). Один Ижемский район при наличии в нем двух школ крестьянской молодежи не смог обеспечить набор. В сентябре 1931 г. при техникуме было создано подготовительное отделение, куда принимались юноши и девушки с

4-6-классным образованием. В течение двух лет они получали знания в объеме неполной средней школы и после сдачи экзаменов зачислялись на соответствующее отделение техникума.

На начало января 1932 г. в техникуме было 200 учащихся, в том числе 79 обучалось на подготовительном отделении, 34 на первом, 57 на втором, 30 на третьем курсе. Среди учащихся коми было 189, в том числе 29 женщин, русских 7, в том числе 2 женщины; ненцев 4, в том числе 1 женщина.

Со дня организации техникума и до середины января 1936 г. техникум возглавлял П.Е. Чупров, уроженец с. Бакур, пользовавшийся большим авторитетом среди преподавателей и студентов. Он много сделал по созданию студентам нормальных условий для занятий и отдыха, строительству большого учебного корпуса, созданию большого подсобного хозяйства, где насчитывалось до 25 коров, столько же телят, более 30 овец, много кроликов. На значительной площади выращивали картофель и овощи. Все это шло на питание студентов.

С вводом учебного корпуса были созданы кабинеты зоотехнии и оленеводства, биологии и химии, математики и физики, общественных дисциплин.

Будущие специалисты производственную практику проходили в оленеводческих хозяйствах Кажимского района и Ненецкого округа. Студенты составляли маршруты движения стад, характеристику выпасов, участвовали в проведении отельной кампании и сохранности приплода, учились оленьей езде. Студенты под руководством специалистов Ижемского ветинститута (создан в 1925 г.) проводили вакцинацию оленей против сибирской язвы. В 1931-1933 гг. многие студенты принимали активное участие в геоботанических экспедициях, проводимых Российской Академией наук в Большеземельной тундре.

Студенты техникума большую помощь оказывали колхозам в проведении весенне-полевых работ, зимовки скота. В ряде хозяйств района студенты проводили хронометраж различных видов работ в животноводстве и в полеводстве, на основе которых составлялись нормы выработки и основы оплаты труда. Учащиеся техникума проводили занятия в сельскохозяйственных кружках, при избах-читальнях, а также в кружках ликбеза (ликвидации безграмотности).

В июле 1933 г. состоялся первый выпуск. 29 человек успешно защитили дипломы техника-оленевода. В производственной характеристике Филипова Андрея Ильича, уроженца М..., 1913 г. рождения, написано: «За время пребывания в техникуме показал хорошую успеваемость в учебе. В течение трех лет выполнял общественные поручения, избирался секретарем, а за тем председателем профкома. Выдержан, политически хорошо развит. Настойчив. Общая развитость - выше средней».

Из 29 выпускников 21 получили путевки в наиболее крупные оленеводческие хозяйства, расположенные от Чукотки до Кольского по-

луострова. 2 выпускника были направлены в охотничьи хозяйства Дальневосточного края: К.Г. Бабилов и А.М. Семяшкин. На дорогу было им выдано по 2000 рублей.

Из 23 выпускников четырнадцать пали смертью храбрых на полях сражений в годы Великой Отечественной войны. Все оставшиеся в живых внесли немалый вклад в развитие районов Крайнего Севера России. П.И. Филинов более 20 лет возглавлял самое крупное оленеводческое хозяйство на Ямале, награжден орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, удостоен звания заслуженного зоотехника РСФСР. Тридцать два года проработал на Камчатке зоотехником, директором совхоза, председателем Елизовского Райисполкома Г.В. Канев. Он удостоен звания почетного гражданина Елизовского района, удостоен многих государственных наград. А.Н. Канев продолжительное время работал председателем Усть-Усинского райисполкома, пользовался большим авторитетом в районе. К.Г. Бабилов, работая секретарем Ижемского райкома партии, а затем председателем райисполкома по поднятию экономики и культуры района. А.И. Филипов с фронта возвратился инвалидом, долгое время работал редактором Ижемской районной газеты, затем председателем районной плановой комиссии.

В феврале 1935 г. комиссия областного комитета ВКП(б) обследовала работу техникума и сделала вывод: хозяйство техникума, учебный корпус, общежития студентов благодаря заботам директора техникума находятся в удовлетворительном состоянии. Комиссия положительно оценила не только деятельность директора техникума, но и большинства преподавателей.

В тридцатых годах в стране шел поход на «классового врага». Волна террора особенно быстро нарастала после убийства в Ленинграде С.М. Кирова. Эта волна коснулась и многих представителей национальной интеллигенции. В марте 1935 г. уволили с работы преподавателя общественных дисциплин, очень любимого студентами, М.С. Адского, уроженца с. Сизябск. Ему поставили в вину «троцкистское прошлое, неразоблачение троцкистских последышей». Уже находясь в лагере, он был осужден к высшей мере наказания.

В январе 1935 г. был арестован зав. учебной частью техникума А.Т. Канев, уроженец д. Вертеп. По воспоминаниям многих студентов, он был человеком незаурядных способностей, наделен природным умом, имел отличный голос. Это он создал мужской хор в техникуме. Его обвиняли в том, что «он не только не вел, но и не хотел вести борьбу с троцкистом Адским, наоборот поддерживал его, усыплял революционную бдительность студентов». По этим же причинам был снят с работы и осужден директор техникума П.Е. Чупров. После него техникум возглавлял В.Н. Коновалов, который также немало сделал

по укреплению учебной базы техникума, большое внимание придавал развитию лыжного и других видов спорта. К сожалению, Коновалов был оклеветан в буржуазном национализме, осенью 1940 г. покончил жизнь самоубийством. В 1936-1937 гг. были сняты с работы и арестованы по политическим мотивам зам. директора Хозяинов Д.А., преподаватели Терентьев Н.Д., Панев И.И.

По политическим мотивам были отчислены из техникума ряд студентов, в первую очередь дети «лишенцев» (так называли людей, лишенных избирательных прав), а также дети тех, кто участвовал в белогвардейском движении или был осужден за нанесение ущерба колхозу.

У техникума по тем временам была богатейшая библиотека. В сентябре 1933 г. в ней насчитывалось более 4700 книг. Огромную помощь в пополнении библиотеки нужными пособиями оказал ветбакинститут. Все годы своего существования на Ижемской земле техникум поддерживал самые тесные связи с этим институтом, который в 1935 г. был преобразован в научно-исследовательскую станцию по изучению болезней северных оленей (филиал Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии).

Все годы работы техникума исключительно большое внимание уделялось овладению студентами грамматикой русского языка, разговорной устной речью. В приказе по техникуму от 4 февраля 1936 г. говорилось: «Организовать борьбу с языковой безграмотностью. Ввести сетку часов 4 курса 50 часов на овладение студентами грамматикой русского языка». На каждом курсе проводились литературные вечера, диспуты, каждый курс выпускал свою стенную газету. Студенты тепло вспоминают преподавателя С.М. Морозова, будущего коми писателя, преподававшего русский и коми языки. Он старался ввести своих студентов в мир великих мастеров слова, в мир Пушкина, Толстого, Чехова, Горького... Студенты на этих вечерах познакомились и с произведениями коми писателей: Юхнина, Лебедева, Рочева...

В техникуме большое значение придавалось развитию спорта, оборонно-массовой работе. В каждую зиму проводились лыжные спортивные соревнования между студентами Мохчинского педтехникума, Щельяюрского речного и Ижемского зооветтехникума. Организатором этих состязаний были Алексей Николаевич Злобин и офицер запаса Амос Петрович Канев (погиб осенью 1941 г.). Студенты техникума принимали участие в лыжных переходах Ижма - Сыктывкар, Ижма - Усть-Цильма. В приказе по техникуму от 11 февраля 1936 г. говорится: «Сего числа считать освобожденным от занятий участников лыжного пробега Ижма-Сыктывкар студента 2 курса Канева Иосифа и Терентьева Ивана».

По воспоминаниям бывшего студента И.А. Канева, многие годы возглавлявшего ветеринарную службу в Усть-Цилемском районе, в техникуме были созданы все условия для развития спорта. Студенты

принимали участие в футбольных, волейбольных и городошных соревнованиях. Студенты сдавали нормы на значки «Ворошиловский стрелок», ГТО («Готов к труду и обороне»), ГСО («Готов к санитарной обороне»), ПВХО (Противовоздушная химическая оборона).

В техникуме активно работал драмкружок, ставили пьесы на коми и русском языках. Славился хор, который не раз выступал в клубах Ижмы, Мохчи, Бакура, Сизябска, Гама.

Организатором многих добрых дел был А.В. Филиппов, работавший преподавателем почти все годы существования техникума в Ижме. Алексей Васильевич был делегатом 1 Всероссийского съезда учителей, удостоен звания заслуженного учителя школ РСФСР, награжден орденом Трудового Красного Знамени. В.И. Чупров, более четверти века проработавший зоотехником в своем родном селе Сизябске и удостоенный звания заслуженного зоотехника РСФСР и заслуженного работника народного хозяйства Коми АССР, тепло вспоминает В.Н. Филиппова, который для многих студентов был не только учителем-наставником, но и учителем-другом. Уже вне стен учебного заведения бывшие студенты постоянно чувствовали необходимость общения с этим человеком, делились с ним своими радостями и горестями.

«Я убежден, - вспоминает Д.А. Терентьев, с именем которого связана целая эпоха развития сельского хозяйства в районе, - что общение с такими преподавателями, как И.П. Малахий, П.И. Кустышев, Д.М. Цыпанов для нас, студентов, было школой, заставляя задумываться о большой требовательности к себе. Закалка, полученная от них, помогла далеко не одному мне не поддаваться соблазну легких дорог, быть всегда верным своему делу, своему коллективу, своей мечте».

5 февраля 1947 г. учебный корпус техникума сгорел дотла. Оказавшись в очень трудном положении, техникум действовал на территории Ижемского района до 24 июля 1949 г. Приказом министра сельского хозяйства РСФСР от 20 июля 1949 г. Ижемский зооветеринарный техникум был объединен с Сыктывкарским строительным техникумом, переименованным в Сыктывкарский сельскохозяйственный техникум.

За двадцатилетний период работы техникума на ижемской земле он дал народному хозяйству 366 специалистов сельского хозяйства, в том числе 99 оленьтехников, 112 зоотехников, 115 ветеринарных фельдшеров. Оленьтехники направлялись отсюда во многие оленеводческие хозяйства Крайнего Севера России, зоотехники и ветеринарные фельдшеры после учебы получали путевки во все сельскохозяйственные районы Республики Коми. Очень многие из них за свой труд удостоены высоких государственных наград и почетных званий.

В Ижемском краеведческом музее будет стенд, посвященный работе техникума. Собраны интересные воспоминания, фотоснимки, архивные материалы.

ПОИСК. УЧИТЕЛЬСКАЯ ДИНАСТИЯ ФИЛИПОВЫХ

Наквасина Л. А.

Печорский краеведческий музей

Открытие первых школ в Ижмо-Печорском уезде связано с именами братьев Филипповых (в Ижме - Василий Иванович Филиппов, в с. Мохча - Егор Ильич Филиппов, в с. Бакур - Петр Исидорович Филиппов).

В экспозиции Печорского историко-краеведческого музея в зале «Печорский край до 1919 г.» на одном из стендов - фотография:

«Первые учителя из местных ижемских коми: Ф.О. Истомин, П.И. Филиппов». Узнать больше о Петре Исидоровиче Филиппове, учителе, первом заведующем советской школой 1 ступени в с. Бакур, родоначальнике большой учительской династии, помогли семейные архивы З.П. Пальшиной (дочери Петра Исидоровича), Л.Ф. Гридиной (его внучки).

Начало века. 18-летний Петр Филиппов, сын бедного крестьянина с. Мошьюга, после обучения и окончания Сизябского двухклассного приходского училища в 1900 г. стал работать учителем в школе грамоты в с. Мошьюга. Через 3 года - в школе 1 ступени с. Бакур, в которой трудился до 1949 г.

Заведующим школой тогда был Иосиф Распутин, священник, уделявший большое внимание не только обучению грамоте, но и песнопению.

Петр Исидорович, красивый, статный, имевший природный дар - прекрасный голос, с детства пел в церковном хоре. Став учителем, мечтал о совместном хоре взрослых и детей. Мечта осуществилась. Был создан мужской хор, который впоследствии с успехом выступал не только в окрестных селах, но и в г. Сыктывкаре, Москве.

После окончания курсов регентов в г. Перми сам стал руководителем церковного хора. Пели много, в репертуар включались и русские народные песни. В 1906 г. был награжден архиерейской грамотой. Красивый голос, умение играть на фисгармонии (имелись они в церковно-приходских школах Ижмы, Мохчи, Сизябска, Бакура), постоянное чтение художественной литературы позволили ему не только участвовать, но и организовывать концерты, спектакли, читать лекции, проводить беседы. Наряду с преподаванием в школе он вел занятия в пунктах ликбеза (ликвидация безграмотности), где постигали азы грамоты крестьяне и крестьянки. Петр Исидорович участвовал в работе 2-й конференции учителей Ижмо-Печорского уезда в 1919 г. в Усть-Цильме, был делегатом 6 краевого слета учителей-ударников Северного края, проходившем в г. Сыктывкаре. Он стал поистине народным просветителем и оставил о себе добрую память.

Его дело продолжили дети: Викентий, Елена, Елизавета, Зоя, Александр.

Старший сын Викентий после окончания педтехникума в Сыктывкаре работал в Кожвинском районе. Учился в ГПИ им. А.Герцена в Ленинграде, работал в Сибири, поступил в аспирантуру, но учебе помешала война... С фронта Викентий не вернулся...

Второй сын - Александр - много лет работал директором в Бакуринской школе. Это о том «необыкновенном директоре обыкновенной школы» писала газета «Советский спорт» в 1974 г. В его школе учился олимпийский чемпион Василий Рочев, и еще десять учеников стали мастерами спорта СССР. Его дети: Евгений, Александра, Татьяна, Владимир, Елена, Михаил - также избрали профессию учителя.

Елена Петровна, старшая из дочерей Петра Исидоровича, стала учительницей младших классов. Работала в Песчанке, Косью-Вом. Её муж - Федор Мартынович Вокуев - был директором Косьювомской школы, потом детского дома. Их дети - Генрих и Луиза - пошли по стопам родителей. Они учительствуют в нашем городе. Закончила Санкт-Петербургский университет дочь Луизы - Светлана, выпускница школы № 3. Она тоже стала преподавателем.

Елизавета свою жизнь посвятила дошкольникам. Ее дочери Дина и Альбина и дочь Дины Елена продолжили дело деда Петра Исидоровича. Зоя Петровна, ныне здравствующая - удивительный человек. Ее можно слушать часами. Великолепная память. Теплый рассказ не только о своей семье, но и об учителях, которых знала, о которых слышала в детстве (Стрелковы, Никонова, Колодежниковы, Большакова и др.). Более 30 лет Зоя Петровна отдала работе в школах Ижемского района. Она, как вспоминают ее ученики Герцен Филиппов, Герман Репин, Николай Братенков, известна не только в их районе, но и в республике. Была учительницей, воспитательницей, настоящим затейником в интересных и увлекательных ребячьих делах. Дочери Люба, Нина, Маргарита тоже учительницы, а Валентина - дочь Нины - учится в училище искусств в г. Сыктывкаре и поет в ансамбле «Асья кья».

77 лет прожил Петр Исидорович Филиппов, дело его жизни продолжают внуки и правнуки Филипповых, Вокуевых, Борзистых, Гридиных, Ахременко, Пальшиных, Чупровых, Терентьевых, Тюпенко.

Младшая из всех, Настя Ахременко, внучка Зои Петровны, учится в КГПИ (Коми государственный пединститут).

1994 г. Бакуринская школа отметила свое столетие. Чествовали династию Филипповых, в которой трудились и трудятся 23 педагога...

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛЕСНЫЕ РЕСУРСЫ КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Юшкова Н. А.

Национальный музей Республики Коми

С началом Великой Отечественной войны происходит перестройка народного хозяйства республики на военный лад. В военной экономике страны Коми АССР отводилась роль лесосырьевой и топливно-энергетической базы.

Еще в 1931 г. все лесные массивы СССР были разделены на зону лесопромышленного и зону лесокультурного значения. Управление лесопромышленной зоной отводилось созданному 10 января 1932 г. Наркомату лесной промышленности СССР. Леса Коми области вошли в лесопромышленную зону. А 19 февраля 1940 г. образован Народный Комиссариат лесной промышленности (Наркомлес) Коми АССР с местонахождением в г. Сыктывкаре.

В 1942 г. в связи с требованиями военного времени необходима была последующая реорганизация управления лесной промышленностью. Постановлением СНК Коми АССР от 27 ноября 1942 г. Наркомлес Коми АССР был ликвидирован. Вместо существовавших до этого трех самостоятельных лесозаготовительных организаций: «Комилес», «Вычегдалес» и Наркомлес Коми АССР - остался укрупненный трест «Комилес» в составе 15 предприятий, в т.ч. 12 леспромхозов; и вновь организован трест «Печорлес» с местом нахождения управления в поселке Ухта в пределах Северо-Печорской железнодорожной магистрали в составе восьми лесозаготовительных предприятий и одной сплавной конторы¹.

Ведущей лесозаготовительной организацией на территории Коми АССР был трест «Комилес», созданный в 1927 г. Управление и охрана лесного фонда треста «Комилес», проведение лесохозяйственных мероприятий на территории треста возлагались на лесохозяйственный аппарат «Комилеса». На военный лад перестраивалась вся деятельность треста, так как лес становится стратегическим сырьем.

Большая часть специалистов, постоянных и сезонных работников отрасли была мобилизована на фронт. Так, среднегодовая численность занятых в лесном хозяйстве в 1940 г. составила 2198 чел., в 1945 г. - 387 чел.²

Военнообязанным запаса в государственной лесной охране, а именно директорам лесхозов, инспекторам охраны лесов, старшим специалистам по лесному хозяйству в лесхозах, объездчикам и лесникам, предоставлялись отсрочки от призыва, о чем говорится в перечне должностей и профессий работников промышленности Наркомлеса на 1942 г.³

И фронт, и оборонная промышленность, и тыл требовали большого количества древесины для своих нужд, росли темпы лесозаготовок, которые, к сожалению, отставали от намеченных объемов, что объясняется сокращением производственных мощностей, так как часть гужевого и механизированного транспорта была мобилизована на фронт. Увеличилась потребность в специальной древесине: авиационной сосне, ели, лиственнице, березе, сосне палубной, сосне понтонной. Только в 1941 г. предприятия лесной промышленности дали стране около 1 млн. куб. м спецдревесины⁴.

Основными районами лесозаготовительной деятельности в военные годы были бассейны рек Вычегды и Печоры, причем лесозаготовки производились в непосредственной близости к берегам сплавных рек. Пуск в эксплуатацию Северо-Печорской железной дороги (в декабре 1941 г.) дал толчок развитию новых лесных массивов, тяготеющих либо непосредственно к железной дороге (с сухопутной вывозкой к ней), либо к сплавным рекам, пересекаемым линией Северо-Печорской железной дороги. Тем не менее реки Печорского бассейна продолжали оставаться основными транспортными путями, особенно для Троицко-Печорского, Усть-Усинского, Усть-Цилемского и Ижемского районов⁵. Объем сплава древесины по бассейнам рек Вычегды, Печоры, Мезени, Летки и Лузы составил в 1940 г. 3574 тыс. куб. м, в 1945 г. - 3151 тыс. куб. м.⁶

Производство основных видов продукции лесной промышленности за годы войны представлено в следующей таблице⁷:

(тыс. куб. м)

	1941	1942	1943	1944	1945
Вывозка древесины	7278	3507	4025	4159	4119
Производство деловой древесины	4083	1811	1799	2078	2219
Дрова	3195	1696	2226	2154	1999

В зимних условиях незаменимыми стали лыжи как для передвижения, так и для перевозки боевых орудий.

Десятого июня 1943 г. Бюро Коми Обкома ВКП(б) постановило: «Производство лыж для Красной Армии возложить на предприятия Наркомместпрома Коми АССР, промсоюза, Устьвымлага, а заготовку лыжного березового кряжа и болванок на трест «Комилес», Объячевский, Ношульский леспромхозы... Выделять необходимое количество с Сыктывкарского лесозавода отходов после распиловки авиадревесины для изготовления лыжных палок»⁸.

Надо заметить, что производство лыж для нужд обороны началось уже в 1941 г., и в этом же году было изготовлено 64,4 тыс. пар

лыж. С 1941 по 1945 гг. было произведено саней 28,7 тыс. штук, лыж - 164,1 тыс. пар⁹. Предприятия местной промышленности кроме лыж изготавливали также повозки, доски для разделки продуктов, лопаты хлебные и снеговые, сани. Спецзаданиями «Комилеса» были ружейная болванка, ствольная болванка, лыжная и клещевая болванка, спицы стандартные и военные, военные сани и другое¹⁰.

В немалой степени развитие экономики Коми было обеспечено за счет применения подневольного труда. Еще в довоенное время Коми АССР становится одним из основных районов размещения лагерей и спецпоселков, которые входили в разветвленную сеть лагерей системы НКВД. Спецпереселенцы работали на лесозаготовках, сплаве, сельскохозяйственных работах, в сфере обслуживания, на строительстве и ремонте дорог.

В войну в Коми АССР прибывают новые категории спецпереселенцев: репатрианты, «власовцы» (Русская Освободительная Армия), высланные из Поволжья немцы, депортированные поляки.

Спецпереселенцы работали и в леспромхозах треста «Комилес». Нехватка кадров приводила к тому, что на ответственные должности вынуждены были ставить специалистов из спецпереселенцев. Так, в Локчимском леспромхозе в 1943 г. на должности начальника лесохозяйственного отдела, заместителя главного бухгалтера, а также конюхами и уборщицами работали немцы - «совершенно чуждые советскому государству люди». За что директор леспромхоза Ширяев В.П. получил предупреждение, что «укомплектовывая аппарат немцами, он теряет всякое политическое чутье в условиях военного времени, чем вносит дезорганизацию в производство среди честных и преданных людей»¹¹. Немцы в должности начальника и зам. главного бухгалтера продолжали выполнять свои обязанности, а немцев со всех второстепенных постов было приказано поставить исключительно на заготовку леса. Как отмечает в своем исследовании Игнатова Н.М., немцы довольно быстро продвигались по служебной лестнице¹².

На лесозаготовках и сплаве кроме постоянного кадра рабочих работали колхозники, городское и эвакуированное население.

Много было женщин и молодежи. Например, численность женщин в составе промышленно-производственного персонала основных лесозаготовительных предприятий республики за 1941-1945 гг. увеличилась с 6565 до 10 561 человека¹³.

В целях стимулирования рабочих на лесозаготовках за выполнение и перевыполнение месячных норм решением ГКО от 1 ноября 1942 г. введено отоваривание рабочих промышленными и продовольственными товарами. Несмотря на то, что лесная промышленность Коми АССР план лесозаготовок перевыполняла, товары в Коми в полном объеме не поступали. Поэтому в докладной записке от 5 февраля 1943

г. председатель Совнаркома Коми АССР Турышев отмечал: «В случае дальнейшего срыва отоваривания есть опасность ухудшения настроения рабочих, что может отразиться и на плане лесозаготовок»¹⁴.

В годы войны продолжалось лесоустройство с целью организации лесных площадей, учета лесного фонда, изучения сырьевой базы Коми АССР и размещения лесозаготовительных предприятий. Внимание было сосредоточено главным образом на лесах бассейна Печоры, что объясняется потребностью в древесине в связи с развитием в республике угольной и нефтяной промышленности и строительством железной дороги Котлас-Воркута.

Были изучены площади следующих лесхозов: Железнодорожно-го, Ижемского, Кожвинского, Троицко-Печорского, Усть-Усинского, Усть-Цилемского и Ухтинского - с помощью аэровизуального обследования. С 1941 по 1945 гг. изученность лесного фонда составила 22530,4 тыс. га¹⁵.

Важнейшим документом для лесного хозяйства в военные годы стало постановление Правительства от 23 апреля 1943 г., в котором предусматривалось деление всех лесов страны по народнохозяйственному значению на 3 группы с установлением соответствующего режима ведения лесного хозяйства и лесопользования. Это дало возможность вести лесное хозяйство дифференцированно, с учетом экономических, лесоводственных и природных условий районов.

К первой группе были отнесены леса госзаповедников, полезащитные и курортные, леса зеленых зон вокруг промышленных предприятий и городов.

Ко второй отнесены леса, имеющие как эксплуатационное, так и защитное значение, расположенные в густонаселенных малолесных районах и в отдельных многолесных районах страны.

К третьей группе были отнесены остальные леса государственного лесного фонда.

Леса Коми АССР были отнесены к третьей группе, где промышленные рубки разрешались в неограниченных размерах¹⁶.

Также в 1943 г. было принято решение о выделении 500-метровых защитных лесных полос по обеим сторонам полотна железных дорог. В июле 1944 г. в лесных массивах, примыкающих к автомобильным дорогам союзного, республиканского и областного значения, тоже были выделены защитные полосы шириной 250 м по обеим сторонам дороги. Защитные полосы относились к лесам I группы, и в них было запрещено проведение сплошных рубок¹⁷.

В годы войны проводилась и противопожарная охрана лесов, которая находилась в неудовлетворительном состоянии. В связи с увеличением вырубаемых площадей происходит и увеличение неочищенных мест рубок, хотя лесозаготовители обязаны после заготовок сжи-

гать порубочные остатки. Так, в 1942 г. большая горимость лесов имела место в Усть-Куломском, Усть-Немском и Усть-Вымском леспромхозах треста «Комилес». Совнарком Коми АССР отмечал, что накопление неочищенных мест рубок достигло к 1 января 1942 г. 78 тыс. га.

К тому же штат лесной охраны был не укомплектован, имелась тенденция использовать лесную стражу на лесозаготовках и сплаве. Обеспечение противопожарным инвентарем было недостаточным. Все это приводило к высокой горимости лесов.

Для решения этих проблем постановлением СНК Коми АССР от 28 апреля 1942 г. предусматривалось:

«Немедленно произвести работы по очистке мест рубок текущего и прошлых лет. Укомплектовать штат лесной охраны. Обеспечить авиапатрулированием бассейны р. Печоры и верхней Вычегды. Проверить наличие противопожарного оборудования и инвентаря, отремонтировать его. Организовать тройки по борьбе с пожарами. Выделить необходимое количество людей из колхозов для полного укомплектования лесной охраны. Развернуть массовую работу по охране лесов и т.д.»¹⁸.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны работники лесного хозяйства и лесной промышленности выполняли военные заказы, охраняли леса от пожаров, проводили лесоустроительные и лесохозяйственные работы.

В военный период лес оставался всем: домом, источником пищи, защитником от врага и местом боевых действий. Историк В.О. Ключевский писал: «Лес оказывал русскому человеку разнообразные услуги: хозяйственные, политические и даже нравственные... Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки».

***

1. Национальный архив РК (в дальнейшем НА РК), ф.144, оп.1, д.154, л.12.
2. Госкомстат РК. Республика Коми к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. - Сыктывкар, 1995. С.64.
3. НА РК, ф.143, оп.1, д.75, л.20.
4. Дорогой борьбы и побед. Хроника Коми областной организации КПСС (1917-1981). - Сыктывкар, 1982. С.136.
5. НА РК, ф.144, оп.1, д.2051, л.16-17, 28.
6. Республика Коми к 50-летию Победы... С.42.
7. Там же. С.27.
8. НА РК, ф.144, оп.1, д.3252, л.18.
9. Республика Коми к 50-летию Победы... С.28.
10. НА РК, ф.605, оп.4, д.137, л.2.

11. НА РК, ф.144, оп.1, д.3253, л.5.
12. Игнатова Н.М. Горькие судьбы. // Покаяние. Мартиролог. - Т.1. - Сыктывкар, 1998. - С.254.
13. Александров А.Н. Трудные кубометры. // Грани отваги и стойкости. - Сыктывкар, 1975. С.195.
14. НА РК, ф.605, оп.1, д.1026, л.11-12.
15. НА РК, ф.1337, оп.1, д.16, л.28, д.17, л.2.
16. Двухсотлетие учреждения Лесного департамента (1798-1998). - Т.2. - М., 1998. С.88.
17. Там же. С.89.
18. НА РК, ф.143, оп.1, д.77, л.31.

ОДНА ПРОФЕССИЯ - СОЛДАТ

Кривошеева И.

Воркутинский краеведческий музей

В воркутинском краеведческом музее есть экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне. Это рассказ об участии наших земляков в боевых действиях на фронтах и о героическом труде воркутинцев во имя победы.

В архивах министерства внутренних дел хранится приказ по управлению воркутинского НКВД СССР № 276 от 8 июля 1941 г., где есть такие строки: «поселок Воркута: полагать, убывшими по мобилизации...» в списке 26 человек. Это первая группа ушедших на фронт. Кто эти люди, чем отмечена их до- и послевоенная жизнь? Федор Терентьев родился в 1909 г. в селе Краснобор Печорского уезда - прибыл в Воркуту в 1937 г. после окончания Свердловского горного института. Участвовал в закладке шахты-гиганта «Капитальная», затем был главным инженером проектного отдела. Федор Петрович вспоминает этот день - 8 июля 1941 г.:

«...После окончания работы уже дома застал меня человек из отдела кадров с извещением, чтобы я в течение двух часов получил полный расчет и явился в клуб на митинг, после которого сразу же отправят на фронт. Митинг проходил у здания старого управления комбината «Воркутауголь» на улице Комсомольской. Выступал А. Кухтиков, начальник политотдела.

К отправке уже были готовы два вагона на узкоколейке. После посадки каждому в дорогу дали 1 килограмм колбасы и по бутылке водки. Эти продукты в Воркуте в то время были дефицитом. По узкоколейке (64 км) доехали до Усть-Выма. Далее на юг добирались по реке Усе уже пароходом, затем по реке Печоре плыли до Кожвы, а

оттуда поездом по вновь построенной железной дороге до Вологды. Здесь всех разбили на две группы - политсостав и командный состав. Я попал в командный и был направлен в Архангельск на двухмесячные курсы в инженерно-военное училище. После их окончания мне присвоили звание младшего лейтенанта и с подразделением направили на Карельский фронт».

Федору Петровичу за четыре года войны приходилось участвовать в боевых действиях на трех фронтах: освобождал Карелию, Украину, Молдавию, Румынию, Югославию, Венгрию, Австрию... Завершил военный путь в Вене.

Имеет восемь правительственных наград, из них два ордена - «Красной звезды» и «Отечественной войны» и столько же благодарностей главнокомандующего - маршала Советского Союза Сталина.

Демобилизовался 14 августа 1945 г. и вновь вернулся в Воркуту на работу в комбинат «Воркутауголь» на руководящую должность, проработав на ней до 1965 г. (до ухода на пенсию).

За образцовое выполнение заданий правительства по развитию добычи угля и строительству шахт в Печорском угольном бассейне, а также долгую безупречную работу награжден правительственными наградами. С 1966 г. живет в Орле.

В 1940 г. в Воркуту прибыла группа молодых специалистов, выпускников Московского горного института: А.Потапов, Ю.Умнов, Б.Лейбевонг, Е.Пригожин, К.Черкашин. В своих стихах «Ответ пионерам Воркуты» Ефим Пригожин пишет о том времени:

«Тогда мы были молоды и дерзки, Володя, Боря, Костя, Саша, я. В краю снегов и северной березки Нам покорялась мерзлая земля.

Над тундрой уже копры светились, И уголь выдавался на гора, Когда по радио вдруг объявили, Что началась народная война».

Ефим Ильич вспоминает: «...После окончания института добирались до Воркуты вместе с женой Шуржиной (тоже горным инженером). Работал главным инженером шахты № 4 второго строительного; рабочие были совсем зеленые и опыта инженерной работы не имели, но обладали невероятным упорством.

Когда по радио объявили, что будет выступать Молотов, мы сразу поняли, что это война, что она будет тяжелой, но все верили в победу. В июле я был уже в действующей армии на Карельском фронте. Бои здесь были сильные. В октябре 1942 г. дивизия была переброшена на юг и вошла в состав создаваемого тогда Юго-западного фронта, который позднее был переименован в 3-й Украинский под командованием Малиновского. Участвовал в освобождении всей южной Украины, Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии. Закончил войну в Австрии. За участие в Великой Отечественной войне награжден многими правительственными наградами».

В мирное время к боевым наградам Пригожина добавились орде-

на: Ленина, Трудового Красного знамени, звание лауреата Ленинской премии. Имеет 26 изобретений. Долгое время возглавлял научно-исследовательскую организацию в г. Желтые Воды.

Александр Потапов - начальник участка шахты 1-го района, организовавший скоростную проходку горных выработок. В военное время в составе ордена Александра Невского 354 артполка участвовал в обороне и прорыве блокады Ленинграда. Комиссар полка, он прошел с боями до Берлина. Награжден орденами и медалями, в мирное время работал в комбинате «Тулауголь».

Юрий Умнов родился в 1915 г. в г.Казани. Вместе с другими молодыми специалистами направлен на работу на шахты «Воркутауголь». Работал начальником участка шахты 4-го района. Сражался на Брянском и Волховском фронтах. Был дважды ранен и контужен. Находился в госпиталях г. Куйбышев и г. Киров. Освобожден от воинской обязанности в звании старшего лейтенанта. С 1943 г. работал старшим инженером комбината «Воркутстрой», затем с 1952 по 1954 г. учился в Академии угольной промышленности. Вернувшись в Воркуту, работал в угольной системе - сперва начальником проектной конторы, а затем перевелся в филиал Ленинградского горного института, где возглавлял кафедру горного дела, когда уже был кандидатом технических наук, доцентом. Затем уходит на пенсию и уезжает в Москву.

В 1942 г. награжден орденом «Красной звезды». Отмечен и за безупречную работу по развитию Заполярной кочегарки - знаком «Шахтерская слава».

Константин Черкашин родился в декабре 1915 г. на Ленских приисках в ЯССР. После окончания школы работал чертежником-конструктором. Специального образования не имел. «Это у него от бога» - вспоминает брат Кости. Под руководством главного инженера прииска спроектировал обогатительную фабрику для обогащения россыпного золота. После окончания МГИ направлен в Воркуту и работал инженером технического отделения.

Это был человек большого обаяния, высоких деловых качеств и способностей, о чем говорит такой факт: после ухода Константина Михайловича на фронт его маме было выделено вознаграждение за очередное изобретение.

На фронте вступил в партию, был командующим противотанковой батареей, шел на самые трудные задания, совершил ряд подвигов. Извещение о его гибели было кратким: «Черкашин К.М. погиб смертью храбрых 13 августа 1942 г. и похоронен в дер. Гмилово Калининской области».

Вот так сложилась судьба пятерых воркутинцев из 26 ушедших первыми на фронт в первые дни войны, людей разных профессий. А 55 лет назад у них у всех была одна профессия - солдат, была одна забота - Родину защищать.

ТРУЖЕНИЦА ТЫЛА

Горская А.В.
Школа №12

**К 55-летию Победы
в Великой Отечественной войне
и 85-летию со дня рождения
Ксении Александровны Поповой**

Ксении Александровне Поповой было 29 лет, когда она пришла работать в школу № 12 имени Олега Кошевого. Тогда, в 1944 г., школа была просто мужской средней №12. И никак не именовалась. Правда, работать в ней было в то время сложно (мужская, одни мальчишки, в большинстве своем - безотцовщина, отцы на фронте!), и почетно: не во всех городах страны было в 1943 г. введено раздельное обучение мальчиков и девочек, а мужские школы можно было просто по пальцам пересчитать! Впрочем, девчонки, которые остались во второй (женской) школе, где Ксения Александровна проработала завучем с 1940 по 1944 г., часто задавали такие загадки, которые легко разрешались только в смешанной школе.

Там, во второй школе, ей пришлось не только выслушивать девчоночьи секреты, когда поделиться ими было большой удачей именно с молодой и привлекательной учительницей русского языка и литературы, но и работать вместе с ними во имя фронта, когда все для разгрома врага, все для победы...

Сколько она увидела сшитых девочками кисетов, рукавиц с двумя пальцами, сколько раз с болью выслушивала девчоночьи жалобы на боль в плече, когда девочки приходили с занятий по стрельбе! Ксения Александровна уже тогда безошибочно определяла, что в классе, куда она пришла на урок, с кем-то случилась та самая беда, которую называли похоронкой. И слов нет, и слез нет, одно в сознании - «всем сейчас трудно и плохо».

Так на всю жизнь и запомнился тот самый выпускной вечер во второй школе в июне 1941 г., когда было весело и беззаботно ... до утра. А затем - известие о войне. Сразу же отменили отпуска. Сразу же стали готовить школу к работе в военных условиях. Никто даже приблизительно не мог сказать, что будет с городом, со школой, со всеми, кто ей дорог. Одно было ясно: победа будет за нами. А какова ее цена?

Собрались учителя у директора школы в кабинете Попова Алексея Александровича, притихшие, взволнованные. Из статьи В. Ширяева «В ногу со временем»:

«В это грозное время ...А.А. Попову неоднократно пришлось орга-

низовывать и вести учителей и учащихся на сплав леса, на уборку урожая, заготовку кормов и топлива для школы. И решать множество подобных неотложных задач...» (Сб. «Народные учителя», сост. Н.И. Козлов, А.С. Макаров, изд. Сыктывкар, 1971 г.).

В первое же военное лето были четко распределены обязанности: на сплавные работы со старшеклассниками выезжает сам директор. Сельскохозяйственные работы возглавляет завуч К.А. Попова. Сначала надо было заготовить зелёные корма. Когда ребята работали в лесах возле Сыктывкара, Ксения Александровна могла им рассказать многое о лесе. Она училась не только в школе 2-й ступени, но и закончила в 1933 г. лесной техникум, даже успела поработать по специальности, но пришлось уйти, т.к. в 1934 она поступила на отделение русского языка и литературы в учительский институт, чтобы стать учителем неполной средней школы. Позднее, поняв, что она правильно угадала своё призвание, поработав два учебных года в школе села Мохча, получив прекрасную характеристику дирекции этой школы, Ксения Александровна поступает на третий курс педагогического института (в 1938 г.) и заканчивает его успешно в 1940 г.

И вот сразу же - суровые военные годы и испытания, которых не приходилось сдавать в институте. Мало надежды на то, что кто-то оценит твои усилия и наградит тебя хотя бы путевкой на экскурсию в Москву, как это было в 1938 г., когда ей как отличнице действительно выдали в конце учебного года такую путевку - Ксения Александровна вместе с учениками и учителями летом 1941 г. работала в колхозе села Кочпон. Ей приходится организовывать ученические бригады в 5-7 классах. Она присматривается к тем, кого дети изберут своими бригадирами. Ей работать вместе с ними, руководителями бригад. Учить прямо на поле трудной обязанности - руководить другими. Хорошо, что в институте была профоргом группы студентов, да и политинформации проводила достаточно доходчиво и интересно. Помогали в поле и в лесу классные руководители. Заложили несколько силосных ям, загрузив их березовыми ветками. Началась уборка картофеля. Пошли дожди. Дети стали мерзнуть, но с поля никто не уходил. Колхозники детей жалели. Но просили, очень просили не разжигать костров, чтобы испечь картошку. На это уходило много времени и продуктов. Самое большое лакомство, которое предлагали колхозники в первое военное лето и осень, - молоко. По пол-литра молока ежедневно полагалось каждому. Но позднее, в другие осени, такой роскоши уже не было. Больше того, стали строже порядки, а в 1944 г. даже иногда просили ребят показать свои котомки и карманы, чтобы никто не выносил с поля ни одного клубня картофеля...

На уроках в старших классах она слушала, как было трудно на сплаве. Часто случалось так, что стояли по пояс в холодной воде и

падали в эту самую воду, пока не приобрели определенные навыки.

В январе 1942 г. надо было включить в расписание занятия по основам сельского хозяйства для ребят, которые должны изучить вождение комбайна. Для старших школьников вводились и курсы сплавного дела. К школе были прикреплены специалисты из школы механизаторов. В один из классов на 1 этаже втащили через окно трактор как наглядное пособие. Это 4 часа в неделю. В основах сельского хозяйства предусматривалась и подготовка учеников 5-7 классов, их тоже надо было включить в расписание занятий с учетом работы преподавателя, приглашенного из педагогического института. Но это обычная рутинная работа завуча.

Сложнее было другое: зимой в школе необходимо было топить печи. Для печей нужны дрова. Довоенные запасы исчерпали себя быстро. Уже с лета 1942 г. дрова привозили к школе сами дети. Даже была определенная норма подвозки дров на класс, на каждого ученика. Зимой тех саней, что поставили в школу из специальной мастерской, не хватало, да и были эти самые сани немного великоваты для пятиклассников. Например: впрягались в них по несколько человек сразу, и тянули эти маленькие лошадки на себе дрова в школу. Но часто дети приходили на заготовку дров со своими довоенными саничками, так было легче и проще. Дрова доставляли с Красной горы, где работали бригады старшеклассников по их разделке. Резали большими плахами, в школе тоже работали бригады по распиловке дров, они-то и готовили эти дрова собственно для печей. Даже после войны старшеклассники занимались заготовкой дров.

Начали голодать, тогда выручал мяскокомбинат, привозили в бидонах суп из кишок. Кто пробовал, тот знает, что это такое, но голод - не тетка, ели, чтобы окончательно не ослабнуть. И ненавидели фашистов... Хотели скорейшего их разгрома. И готовы были терпеть до окончательной победы.

Правда, Ксению Александровну и ее семью выручал огород возле дома. Но огород и отнимал много сил и времени. Запасались в основном картошкой. Тогда у многих сыктывкарцев были свои небольшие огородики прямо в городе, на свободных от строений землях. Например, преподаватели пединститута разбили грядки прямо под окнами своего учреждения, там, где сейчас памятник афганцам. Картошки не хватало до нового урожая, потому что это была основная еда. Многие не выбрасывали картофельную кожуру. Её сушили, иногда из неё получали крахмал, а чаще оставляли про запас. Был такой запасной мешочек и в доме Синцовых-Поповых на улице Ленина, 23...

Тревога не оставляла сердце молодой учительницы: две дочери, больной муж, изо всех сил державшийся с достоинством перед студен-

тами педучилища, взяв на себя обязанности военрука, отец, вернувшийся постаревшим и больным из лагеря, куда попал по чьей-то недоброй воле. Так и жила, стараясь хоть как-то облегчить жизнь близким людям.

Год 1944 стал для К.А. Поповой особенным.

Отец Александр Дмитриевич Синцов умер 10 февраля 1944 г. Ему было 62 года. Очень тяжело осознавать, что его труд для сыктывкарцев был оценён так неблагодарно. Работал заведующим в ремесленной школе, первым в городе соорудил мини-электростанцию с динамомашинной постоянной тока, мощностью в 3,5 квт. И станция работала до 1938 г. Александр Дмитриевич мог гордиться: пример того, как можно осветить город электрическим светом, есть! А его арестовывают и отправляют на лесоповал в Архангельскую область. Доказательств какой-либо вины нет и не может быть. В 1943 г. Александра Дмитриевича освобождают, он возвращается домой, больной и постаревший. (Материал по публикации в газете «Республика» от 27 февраля 1997 г.).

Ксения Александровна продолжает работать во второй школе, ставшей в 1943 г. женской. Стало выясняться, что раздельное обучение мальчиков и девочек несет в себе элементы разболтанности и даже анархизма. Всё-таки поддерживали друг друга в смешанных школах эти юные мужчины и женщины, и, тем не менее, по ходу событий пришлось изучать опыт старых гимназий, думать об особенностях воспитания и обучения девочек. И заботиться о них. В школе ввели бесплатные завтраки. Каждая девочка получала по полколомка, раздачей занимались только классные руководители. Ежедневно в каждый класс вносили подносы с разрезанными пополам колобками... По очереди давали талоны на бесплатные обеды в столовой, что находилась на углу улиц Куратова и Кирова. Там встречались мальчики двенадцатой и девочки второй школ. Иногда возникали конфликты и недопонимания. Ксения Александровна, разбирая эти конфликты, думала об особенностях воспитания мальчиков. Поэтому нет ничего удивительного в том, что она вскоре, в том же 1944 г., перешла на работу в двенадцатую мужскую школу. И осталась в этой школе до тех пор, пока не подошла пора пенсии.

Ксения Александровна работала в школе №12 преподавателем русского языка и литературы. Проблем с дисциплиной у неё никогда не было. Не всякая учительница могла справиться с такой работой. Изучая тщательно историю школы № 12, мы сейчас знаем случаи, когда учителя покидали эту школу именно в силу беспомощности, они просто не могли наладить порядок на своих уроках.

Итак, Приказ № 92 от 20 сентября 1944 г.

§1 Учительницу Попову К.А. перевести на работу преподаватель-

ницей русского языка и литературы в среднюю школу № 12. Зав. горно Попова А.А.

До нее в двенадцатой школе уроки литературы в старших классах вела Александра Николаевна Панова. Она перешла на другую работу. Преподавание в старших классах поручили Ксении Александровне. Ребята ее встретили с интересом и настороженно. В мужской школе непременно проверяли молодых учителей на выносливость. А вдруг у неё плохие нервы? А может, она побежит жаловаться на учеников к директору либо к классному руководителю? Может, начнет с того, что будет беспощадно ставить двойки, тройки! До января 1944 г. были просто оценки «плохо», «посредственно» и «хорошо», «отлично». Ну когда уж совсем не вмоготу - получай «очень плохо». С третьей же четверти 1944 г. все пошло на счёт: 5, 4, 3, 2, 1. А Ксения Александровна и не думала о проверке своих возможностей. Она знала другое: ребята вернулись с летних работ. Старшеклассники летом 1944 г. работали на лесозаводе (приказ № 83 от 1 июля 1944 г. по школе). Результаты работы рассматривались не только директором и педсоветом, но и комитетом комсомола. Ксения Александровна уже знала, что, например, в 10 классе, где она будет работать, ребята получили благодарность от директора школы Ивана Ивановича Липина. Она уже знает, что сидящие у окна Игорь Тихонов и его одноклассник Борис Шешуков отмечены в этом приказе особо. А спортивного вида юноша сам работает с младшими мальчиками по физкультуре и военному делу. И действительно, когда военрук и преподавателя физкультуры призвали в армию, Павел Тютюник, несмотря на то, что он был десятиклассником, был назначен директором И.И. Липиным на должность военрук во 2, 3, 4 классы с 20 ноября 1944 г. (приказ по школе от 25 ноября 1944 г. за № 80). В 10 классе учились очень интересные ребята. Был среди них Володя Плотников, мальчик, эвакуированный из блокадного Ленинграда. Этот ученик был горазд на самые бесстрашные проделки, хотя и любил трудиться. Позднее Ксения Александровна убедится, что всё, за что берется Володя, исполнено добросовестно, до конца. К 1 Мая были проведены очередные субботники. Иван Иванович издал особый приказ, объявив благодарность Плотникову, который самостоятельно уложил в штабеля 15800 досок, валявшихся во дворе школы. Но кто может поручиться, что действовал Володя не только ради примера в труде для других, но и на спор с кем-нибудь! Ксения Александровна помнит, как её старались вывести из себя в этом классе. Она готовила уроки по творчеству В.В.Маяковского. Поэзию любила, любила рассказывать о раннем творчестве поэта. Однажды, войдя в класс, увидела, что Володя сидит к ней спиной. Наступила тишина такая, что стало ясно: все ждут её следующего хода. Как в шахматах... Она сразу же решила сделать вид, что ничего особенного не происходит. И тогда

Плотников сделал следующий ход сам: он повернулся к ней, и она увидела вывернутую наизнанку куртку, прицепленный к ней какой-то бантик из дамского шарфика и торчащую из кармана ложку. Все с интересом замерли. Быстро пришла догадка: она рассказывала о футуризме Маяковского, о том самом знаменитом его эпатаже - вот Плотников проверяет её на этом самом учебном материале. И Ксения Александровна ... рассмеялась. Почему? Может, потому что рада была узнать - её в этом классе хорошо слышат, может, потому что на самом деле было смешно... А Владимир Плотников, закончив школу в 1945 г., стал первым школьным золотым медалистом. И она этому обстоятельству была очень рада.

И снова та же работа: уроки, распиловка дров, подготовка к сельхозработам, строительство нового физкультурного зала (уже после войны), поездки с ребятами на экскурсии в разные города страны...

Война закончилась, но так и не отпустила от себя К.А. Попову. В конце 1945 г. вышла из печати книга А.А. Фадеева «Молодая гвардия». Ксения Александровна прочла её в издании «Роман-газеты», кажется, первой в школе. Принесла ребятам. Стали читать вслух, после уроков собирались желающие услышать о подвиге молодогвардейцев. Читали почти весь 1946 год. Обсуждали. Одновременно радовались, что вскоре появится книга матери Олега Кошевого «Повесть о сыне». После прочтения книги Фадеева собрались комсомольцы в комитете комсомола школы. Написали в Краснодон матери Елене Николаевне Кошевой. Обратились к педсовету с просьбой ходатайствовать перед вышестоящими организациями о присвоении школе имени Олега Кошевого. 27 апреля 1947 г. Президиум Верховного Совета Коми АССР постановил присвоить имя комиссара «Молодой гвардии» Олега Васильевича Кошевого средней школе № 12 г. Сыктывкара.

А через несколько дней пришло от Елены Николаевны Кошевой письмо с фотографией Олега и автографом матери от 30 апреля 1947 г. Эту реликвию бережно хранит теперь музей школы. Ксения Александровна не выпускает из своих рук руководство всем, что теперь будет связано с именем школы и мероприятиями, посвященными памяти молодогвардейцев. Так стали закрепляться лучшие традиции патриотического воспитания в двенадцатой школе.

В 1948 г., едва кончился учебный год, стали собираться в Краснодон. Надо представить себе ту смелость, с которой решились на такую поездку (Сыктывкар-Краснодон). Волновались все, особенно Ксения Александровна, хотя в первой делегации было-то всего три человека. На партийном собрании коммунисты школы решили командировать в Краснодон самого секретаря парторганизации Надежду Степановну Старцеву (Андрееву). Полагали, что такую ответственность надо возложить только на коммуниста и строго спросить с него,

если что-нибудь случится в поездке. Комитет ВЛКСМ постановил направить в Краснодар членов комитета Колегова Владимира и Башкина Вячеслава, строго наказав им быть предельно дисциплинированными и любознательными. Предполагалось, что увеселительного и развлекательного в этой поездке не должно быть...

Когда вернулись из Краснодона, Ксения Александровна долго разговаривала с Надеждой Степановной, которая в деталях изложила ей всё, что узнали и увидели в этой поездке. Ксения Александровна знала, что её коллега сердцем прочувствует ту драму, которая разыгралась в этом южном городке в годы только что прошедшей войны. Муж Надежды Степановны, направленный математиком на работу в двенадцатую школу, уже в августе 1941 г. ушёл на фронт. Из статьи Н. Иванова «Сорок трудных лет»: «На руках осталось двое детей: одной было четыре, другой - два года. В суровые годы войны Надежда Степановна преподавала математику в школах № 2 и 12 г. Сыктывкара. Трудное было время. Надо было не только учить, но и помогать своим трудом фронту. Надежда Степановна вспоминала:

«Не успеет прозвенеть звонок с последнего урока, как мы уже собираемся на работу. Трудились мы везде: с весны до глубокой осени помогали колхозам, летом сплавляли лес, зимой собирали тёплые вещи для фронта, сами вязали носки и варежки для солдат. Домой приходила страшно уставшая. А дома ожидали голодные дети, их надо прибрать, помыть, накормить...» (Сборник «Народные учителя», изд. Сыктр, 1971 г., стр.65).

Муж Надежды Степановны, Михаил Иванович, погиб 23 августа 1943 г., т.е. в тот же год, что и ребята из города Краснодона. В 1948 г. после этой первой поездки на родину молодогвардейцев Ксения Александровна решила выпускать в школе рукописный журнал. Ребята предложили назвать его «Юность». Согласилась с ними сразу и стала собирать их «литературные труды». К её удивлению, талантов оказалось так много, что пришлось отбирать в первый номер журнала самые талантливые работы. Это и размышления о подвиге краснодонцев, и различные стихи, в том числе посвященные Олегу Кошевому, и работы к пятилетней годовщине памяти молодогвардейцев. Появилась даже песня об Олеге Кошевом, авторами которой были талантливые Андрей Виктор и Эрвин Гетман, её ученики. Она внимательно изучила написанные Андреем Виктором ноты к этой песне, потому что не только знала нотную грамоту, но и сама в редкие минуты отдыха садилась за фортепиано, с 1915 г. стоящее в их доме. Ноты появились в первом номере журнала. Сейчас мало кто пропускает этот экземпляр рукописного журнала, когда приходит в музей школы № 12. Там же была опубликована первая часть отчёта о поездке в Крас-

нодон. Это часть дневника будущего министра культуры нашей республики Владимира Константиновича Колегова.

Шли годы, Ксения Александровна следила за развернувшейся перепиской с оставшимися в живых молодогвардейцами, родственниками героев, с родителями, особенно с матерью Олега Еленой Николаевной и бабушкой Верой Васильевной Коростелевой.

Школьный художник Женя Трошев написал портрет Олега Кошевого, закончил школу, стал известным художником. А портрет стал переходить из класса в класс, оставаясь только там, где дела с учёбой, трудом и дисциплиной удовлетворяли педсовет и комитет комсомола. Чаще всего это происходило с тем классом, где классным руководителем была Ксения Александровна Попова.

Когда осмысливаешь этот педагогический опыт, невольно думаешь о том, что учительница К.А.Попова, как и многие другие, став однажды труженицей тыла, так и осталась ею на всю жизнь.

В 1958 г. умер ее муж, тогда работавший директором института усовершенствования учителей, Палиевкт Павлович Попов. После долгих лет вдовства она встретила хорошего человека, ветерана Великой Отечественной войны Петра Георгиевича Костюхина, тоже овдовевшего... И судьба соединила их, оказалось, что, уже немолодые, они близки друг к другу по взглядам на жизнь, одинаково оценивают различные жизненные ситуации.

В 1998 г. ушёл из жизни и Петр Георгиевич. Почти тридцать лет прожили они душа в душу, она помогала ему вести переписку с однополчанами, участвовала во встречах во время юбилеев и в обычные дни.

Уважение, которым пользуется К.А. Попова, подтверждается ее многочисленными наградами. Множество грамот от органов просвещения и общественных организаций (она вела огромную работу по профсоюзной линии в школе, городе, республике), она награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», медалью «За трудовое отличие» (1951), медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970), медалью «Ветеран труда» (1985), юбилейной медалью «50 лет победы советского народа в Отечественной войне 1941-1945 годов» (7 февраля 1995 - Президиумом съезда народных депутатов СССР), юбилейной медалью «50 лет победы в Великой Отечественной войне в 1941-1945 года» (22 марта 1995 г. - Указом Президента РФ). Ксения Александровна Попова - Заслуженный учитель школы Коми АССР (1964), Заслуженный учитель школы РСФСР (1967), отличник народного просвещения РСФСР (1957 г.).

Но дороже всего для нее та добрая память, что сохраняют о ней и ее уроках ее ученики.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕШАРТСКОГО ФАНЕРНОГО ЗАВОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Юшкова Н.А.

Национальный музей Республики Коми

С началом Великой Отечественной войны Коми республика продолжала оставаться лесосырьевой и топливно-энергетической базой страны, в связи с чем объясняется строительство фанерного завода в Коми - для истребительной авиации необходима была авиафанера.

Строительство Жешартского фанерного завода началось в Усть-Вымском районе на р. Вычегде у с. Жешарт в конце 1941 г. Заказчиком стройки был Наркомлес СССР, который задумывал построить Жешартский деревообрабатывающий комбинат, состоящий из трех заводов: лесопильного на 6 лесопильных рам, фанерного и спичечной фабрики с одним автоматом.

Первой очередью строительства являлся лесопильный завод, однако для выполнения этой задачи было абсолютно недостаточно рабочей силы, транспорта, механизмов, инструмента. Не было генерального плана стройки, а также планов и смет на отдельные узлы строительства, плана жилого поселка, что привело, например, к закладке фундамента жилого барака №1 на территории запланированных спичечной фабрики и фанерного завода. Площадка под сушилку газогенераторной чурки была выстроена также не на месте. Эти строительные участки пришлось разбирать и вновь устанавливать на других местах¹.

Поэтому 3 июня 1943 г. Государственный Комитет Обороны издал постановление о строительстве Жешартского фанерного завода, определив срок ввода в эксплуатацию 1 июля 1944 г., который был сорван. В итоге первоочередной задачей стал фанерный завод, а строительство лесопильного завода было законсервировано. Весь объем работ, обеспечивающий пуск фанерного завода, по предварительной смете составлял 15 млн. руб².

С начала 1942 г. строительство производится подрядным способом через специально созданное управление - Спецжешартстрой, входящее в систему Главного строительного управления (Главстрой) Наркомлеса СССР. На 1944 г. начальником Спецжешартстроя был Немцов Б.Б., главным инженером - Кучарин Г.Т., директором фанерного завода - Юдашкин Ефим Яковлевич.

Главной проблемой и головной болью стройки была рабочая сила. Согласно решения ГКО Наркомат Обороны должен был мобилизовать на строительство завода 2000 рабочих. Мобилизацию в промышлен-

ность проводили райвоенкоматы, военнообязанных не годных к службе в армии, но годных к физическому труду отправляли в Спецжешартстрой. Наряд на мобилизацию рабочих был спущен Архангельскому военному округу, последний вместо разверстки пропорционально на Архангельскую, Вологодскую области и Коми АССР спустил весь наряд на Коми АССР. В результате - нехватка рабочей силы и отсутствие до августа 1943 г. квалифицированных специалистов. По состоянию на 21 января 1944 г. на стройке работало 1200 человек, а потребность в рабочей силе составляла 2500 человек³. К тому же положение рабочих на этой стройке было известно почти всему взрослому мужскому населению республики, что затрудняло дальнейшую мобилизацию и передачу людей в Спецжешартстрой по наряду Округа⁴.

Кроме трудармейцев, на стройке работали немцы, поляки, заключенные. Так, например, попал на стройку Гренц Роман Богданович, немец по национальности. Когда началась война, Роман Богданович учился в военно-политическом училище в г. Старобельске, по окончании которого получил звание младшего политрука. Однако немцев на фронт не взяли: 15 сентября 1941 г., как вспоминает Гренц, вышел секретный приказ Сталина, по которому все лица немецкой национальности были демобилизованы с военной службы и отправлены в тыл. Роману Богдановичу сказали, что он может возвращаться домой, но Гренц отказался, так как незадолго до этого им была получена открытка от отца, который сообщал, что их семью выслали с Поволжья. Поиски семьи привели на небольшую станцию, затем был Котлас, где Гренц и два его брата в составе трудармии были направлены в Жешарт.

На 15 марта 1944 г. на строительстве завода работало 1009 чел. рабочих и служащих, из них: из бывших заключенных - 394 чел., членов семей изменников Родины - 84 чел., бывших польских граждан - 228 чел⁵.

Ежедневно по разным причинам не выходили на работу до 400 и более человек. Большинство из них не работало из-за болезней, отсутствия одежды и обуви, особенно разутые и раздетые поступали на стройку из лагерей. Часть рабочих сознательно не выходила на работу, как, например, 12 декабря 1943 г. не вышло на работу 467 человек⁶.

По состоянию на 1 февраля 1944 г. 300 человек не имели зимней одежды, обуви, белья и другой необходимой одежды, хотя значительная часть промтоваров, одежды и обуви поступали в централизованном порядке на Спецжешартстрой, но они расхищались и разбазаривались.

На строительстве фанерного завода была высокая смертность, причина которой - истощение. Кроме хлеба никаких продуктов на руки рабочие не получали, а чтобы получить хлеб, люди ежедневно про-

стояли в очередях по 3-4 часа. В столовых за получением обеда стояли по 2-3 часа. Питание было плохого качества, двухразовым: с 5 до 7 часов - завтрак и с 17 часов - обед-ужин. Сахар рабочим по установленным нормам на руки не выдавался, а передавался в столовую, которая отпускала сладкий чай, и то только стахановцам, ударникам и инженерно-техническим работникам. 400 г картофеля, который выдавали вместо удерживаемых 100 г хлеба, рабочие также получали не на руки, а через столовую в готовом виде, что вызывало недовольство рабочих. В результате такого питания происходило истощение организма и люди становились недееспособными. Так, за 1943 и январь 1944 г. на Спецжешартстрое умерло больше 100 человек.

Рабочим своевременно не оказывалась медицинская помощь, была распространена вшивость. Жилищно-бытовые условия отсутствовали. Большинство рабочих жили в землянках и бараках, которые были сырыми, грязными и холодными, окна забивались фанерой, вместо света - коптилки, кипяченая вода отсутствовала, одеял не было совершенно, постельных принадлежностей не хватало, не было возможности высушить одежду и обувь после работы.

Перебои с финансированием приводили к несвоевременной выдаче зарплаты рабочим. В результате вышесказанного среди рабочих на стройке, в бараках и землянках, в очередях в столовой и магазинах были распространены грабеж, воровство и спекуляция.

Спецжешартстрой на протяжении всей стройки не был своевременно обеспечен стройматериалами, пиломатериалами, механизмами, огнеупорным кирпичом, железом, цементом, гвоздями, стеклом, плотницко-столярными и слесарно-монтажными инструментами. Локомотив, пилорама, шпалорезка и строительный станок работали с большими перебоями, поэтому все делалось вручную, что требовало большего количества рабочих рук и затрат средств. Вручную строились главный фанерный корпус, локомотивная, цех смол и котельная. Главный фанерный корпус представлял собой небольшое деревянное здание, которое, по словам Гренца Р.Б., больше походило на конюшню, чем на завод.

Строительство также не располагало транспортными средствами. Собственный обоз составлял 8 лошадей, которые полностью были выведены из строя, и мобилизованных республиканскими организациями - 54 лошади. Колхозные лошади были истощены и также выведены из строя. К тому же все лошади были заражены чесоткой. Республиканские организации могли бы оказывать помощь в гужевой силе, но Наркомлес не выделял для этого необходимый фураж. Из имеющихся девяти тракторов с большими перебоями работали 2-3, из четырех автомашин на ходу была только одна, остальные раскомп-

лектованы, а необходимых деталей для их восстановления Наркомлес не отпускал. В итоге подвозка материалов производилась только гужевой силой и вручную.

Пока велось строительство, необходимо было подготовить сырьевую базу (березу) фанерного завода для переработки ее на фанеру. Наркомлес не дал задания тресту «Комилес» по заготовке березы, потребность завода в которой должна составить более 22 тыс. куб. м в год, что могло привести к простоям завода после сдачи его в эксплуатацию. Поэтому с 1944 г., как отмечал в докладной записке председатель СНК Коми АССР Турышев, необходимо было обязать Наркомлес заготовить и приплавить 22 тыс. куб. м березы, чтобы обеспечить выполнение заводом установленной ему проектной программы 9 тыс. куб. м фанеры в год, в том числе 1 тыс. куб. м авиафанеры⁷.

Таким образом, изначально строительство Жешартского фанерного завода не было подготовлено: сметы, технологическое оборудование, материалы, механизация строительства, транспорт - все это либо отсутствовало, либо было в удручающем виде. Поэтому вся нагрузка легла на плечи трудармейцев, которые были мобилизованы на эту стройку, положение которых было как у лагерных заключенных, несмотря на тяготы военного времени.

И только после войны, в 1946 г., Жешартский фанерный завод дал свою первую продукцию.

***

1. Национальный архив РК (далее НА РК), ф.605, оп.4, д.91, л.89.
2. НА РК, ф.605, оп.1, д.1104, л.169-170.
3. Там же, л.170.
4. Там же, оп.4, д.161, л.1.
5. Там же, л.60.
6. Там же, л.53.
7. Там же, оп.1, д.1104, л.172.

ЖИЛ ХУДОЖНИК МИТЮШОВ

Кублицкий В.В.

Музей леса при лесном институте

Пантелеймон Михайлович Митюшов входил в плеяду художников, с чьими именами связано становление и развитие Живописной страницы в истории изобразительного искусства нашей республики. Умер Митюшов в 1995 г. в возрасте 80-и лет.

Уроженец села Визинга волею судеб оказался студентом живописного факультета Киевского государственного художественного института, откуда и ушел на фронт.

В коллектив художников республики Митюшов пришел в середине 40-х годов, эти годы, а затем и 50-е отмечены значительным оживлением художественной жизни Коми. Сыктывкарские художники, помимо частных выставок, стали участниками московских экспозиций. Активным участником творческого подъема в изобразительном искусстве республики стал и Митюшов. Он много ездит по районам, рисует, пишет этюды, часто на страницах местных газет можно было увидеть его быстрые репортажные по характеру зарисовки: «В агитпункте села Ижмы», «Портрет знатной колхозницы Чупровой» и др. Помимо творческой работы, как квалифицированный специалист он много внимания уделяет занятиям с молодыми художниками - ведет изостудию при Товариществе художников, созданном в 1916 г.

Уже с 1946 г. Митюшов становится участником традиционных республиканских художественных выставок. Первые же творческие выступления Митюшова показали, что он с большим увлечением отдается жанру тематической картины. Среди первых таких работ были: «Строительство железной дороги на Севере», «Подъем целины в колхозе», «Ленин в Разливе», «Беседа». Последняя картина, показанная в 1955 г. на 11-й выставке работ художников Коми, была в местной прессе названа лучшей из всего представленного на выставке. Композиция картины, изображающая беседу двух подруг, привлекает человечностью, ненадуманностью мизансцены с хорошим живописным исполнением.

Творческий метод Митюшова можно охарактеризовать как традиционный сугубо реалистический. Живопись его сдержана, избегает ярких пятен. Он редко до тонкостей выписывает детали, отчего его холсты по характеру исполнения нередко напоминают этюды.

С середины 50-х годов у живописцев коми несколько снизился интерес к жанру тематической картины. Сказалось это и в творчестве Митюшова. Он чаще стал обращаться к портрету. Чаще всего это изоб-

ражения рабочих и колхозников: «Портрет стахановки лесозавода М.Шамановой», «Женщина в красном платке», «Портрет знатной доярки Сивергиной». В настоящее время в постоянной экспозиции Национальной картинной галереи показан портрет коми поэта Серафима Попова, исполненный художником в 1957 г. Написанный в холодной голубоватой гамме, он сродни так называемым парадным портретам. Но нарочитость позы поэта чуть подавшегося вперед, с карандашом в одно руке и рукопись - в другой, удачно передает характер не столько поэта-лирика, сколько поэта-гражданина, каковым Серафим Попов и проявляет себя в большинстве своих творений.

Участие Пантелеймона Митюшова на художественных выставках продолжается вплоть до середины 70-х годов. Иногда это были ретроспективные выступления. Так, в различных экспозициях юбилейного характера 60-х и 70-х годов зрители вновь встречались с его картинами «В родные края» (из жизни молодежи послевоенных лет), с картиной «Беседа» и упомянутым портретом С. Попова. За одно из таких выступлений на 17-й республиканской выставке председатель правления Союза художников Коми АССР В.И. Краев вручил Митюшову каталог выставки, на обложке которого была надпись, выражавшая благодарность от Союза художников Пантелеймону Михайловичу за участие в экспозиции.

Появлялись в эти годы и новые картины Митюшова. Из них обращает на себя внимание композиция «Вести из Питера». В полутемной баньке сидят крестьянин и солдат с костылем. Они внимают третьему персонажу, читающему письмо. Очень хорошо передана световоздушная среда, переход от глубокой черноты углов к свету от крохотного оконца, освещающего лица и страничку посланий из Питера. Струится дым от тлеющей сигарки. Настроением сосредоточенности и духовной близости собравшихся здесь людей проникнуто полотно. Хранится это произведение в фондах Национального музея РК.

Сотрудничество Митюшова с краеведческим музеем - особая статья в его творчестве. Достаточно сказать, что в фонде изобразительного искусства музея находится несколько десятков работ Митюшова. Уже в 1947 г. он исполняет акварелью и сангиной для музейной экспозиции галерею портретов революционеров и Лауреатов Сталинской премии. Строго говоря, эти заказные портреты нельзя причислить к творческим достижениям автора. Но среди них есть заслуживающие внимания, такие как «Портрет Пукит Берты Антоновны» - первого председателя Яренского Укома и «Портрет Зайкова» - организатора советской власти в Усть-Сысольске. На протяжении многих лет, вплоть до конца 80-х годов продолжалась работа Митюшова для краеведческого музея. В большинстве своем это небольшие композиции из исто-

рии края, исполненные маслом, акварелью и карандашом. Каждая из них многофигурна, до предела насыщена действующими лицами. Из наиболее интересных можно назвать «Отказ крестьян Вотчинской волости от постройки монастыря в 1695 г.», «Волнение рабочих Кажимского завода», «Бой сереговских крестьян с монахами Соловецкого монастыря в 1684 г.». Несмотря на обилие персонажей, в каждой из работ Митюшов достигает цельности, умело строя мизансцены, режиссируя действие в целом, причем нужно отметить, что большинство участников событий в его композициях - это убедительные и интересные типажи.

В числе такого рода работ были и посвященные повседневной жизни республики: «Цех гормолзавода» (1956), «Клеевой цех на жешартском фанерном заводе» (1956). В первом из названных холстов все внимание зрителя обращено на тщательно выписанные сверкающие детали и узлы нового оборудования, на то, что сильно впечатлило самого художника. А во втором - Митюшов ближе к своему творческому кредо. Хотя в композиции есть оборудование, масса хрустящего, излучающего золотистый свет шпона, явная симпатия автора отдана людям живым и полнокровным - работникам цеха.

В произведениях Пантелеймона Михайловича всегда присутствует человек, и часто на фоне пейзажей родного края. Одно из произведений Митюшова последних лет ныне украшает интерьер Центра народного творчества в Сыктывкаре. Это - «Рябинушка» вытянутое по вертикали холсте изображена молодая, по-крестьянски крепкая женщина в ярком национальном наряде. Композиция излучает оранжевое великолепие северной осени. На переднем плане - тонкие сочные прутики молодой рябинки. С большим лирическим чувством писал эту картину художник. Сейчас уже не спросишь его, какой замысел двигал его кистью. Но это, пожалуй, и не нужно. Явно видно, что здесь Пантелеймон Михайлович пытался выразить с помощью живописи свои сокровенные представления о прекрасном, воплотить свой идеал гармонии человека и природы. Есть в этом холсте какое-то языческое поклонение автора женщине, огненным сполохам осенней рябины.

Художника больше нет. Тем более нет места пустым дебатам, сколь значительно или обыкновенно его творчество. Остались его работы, которые суть свидетельство и неустанного труда, и места Пантелеймона Михайловича Митюшова в изобразительном искусстве Коми республики.

ТЕРМИН *ПЕРМСКИЙ* В РАБОТАХ И.А. КУРАТОВА

Тираспольский Г.И.

Коми педагогический институт

Термин *пермский* в трудах Куратова встречается редко. По моим подсчётам, в дошедших до нас куратовских рукописях он употреблен только шесть раз [1, С.37]. Однако есть основания считать, что это слово в среднеазиатский период жизни Куратова стало для него одним из наиболее важных обозначений со сложной смысловой нагрузкой. В настоящей заметке предпринимается попытка уяснить семантические особенности названного термина в работах Куратова и тем самым полнее обрисовать его научно-просветительские убеждения.

В усть-сысольский период (1861-1865 гг.) Куратов употреблял слово *пермский* в его общепринятых значениях: 1) «относящийся к пермской группе финно-угорских языков» и 2) «относящийся к коми-пермяцкому языку». Так, в работе «Зырянский язык», впервые опубликованной в 1865-66 гг. в газете «Вологодские губернские ведомости», читаем: «Биармский, или пермский, разряд составляют языки вотский (вотчкский), пермский (пермякский) и зырянский [здесь и далее в цитатах слова выделены мной - Г.Т.]» [2, с. 30]. Термин *пермский* в его втором значении «относящийся к коми-пермяцкому языку», Куратов, как видим, сопровождает уточняющим его синонимом *пермякский*. Последний был известен Куратову и в варианте *пермяцкий*. Именно так назван коми-пермяцкий язык Н.А. Роговым, автором книги «Опыт грамматики пермяцкого языка» (СПб, 1860), 1-й на которую Куратов ссылается в «рукописи своего коми перевода с русского языка 1-й главы Евангелия от Луки» [1, с.95]. Ни в одной из куратовских работ усть-сысольского периода мы не встретим термин *пермский* в значении «коми-зырянский».

Изменения в семантике этого слова происходят в среднеазиатский период жизни Куратова, когда он работает над своим главным лингвистическим сочинением, которое впервые было издано в 1939 г; по неисправной и отрывочной рукописи, озаглавленной публикаторами «Грамматика зырянского языка». Каким было авторское название этого труда, доподлинно не известно. Есть, однако, веские основания считать, что указанная текстом задуманного синтаксиса пермского (зырянского) языка касается завершённого текста, то он, по-видимому, вообще не был подготовлен Куратовым из-за его скоротечной болезни.

Название «Синтаксис пермского (зырянского) языка» упоминается в следующей утраченной заметке Куратова: «Односложность пермского языка есть главное его свойство, которое приближает его к китайскому и японскому. Это свойство в некоторой мере мною объяснено в 1865 г. в статье «Зыр. язык» (Вол. губ. №№). Статье весьма, однако же, слабой, написанной наскоро, для наживы нескольких рублей в пору крайней нужды. Тщательнее этот предмет обработан в готовом сочинении моем «Синтаксис пермского (зырянского) языка». Пермский язык есть первообраз всех алтайских языков» [2, с. 134].

В цитированной заметке «Синтаксис пермского (зырянского) языка» назван «готовым сочинением». Не противоречит ли это высказанному предположению о том, что указанная работа Куратова могла представлять собой черновой или неотделанный беловой текст? Думается, что нет. В слово «готовый» Куратов, как можно полагать, вкладывал смысл «подготовленный к редакционной доработке с целью последующего издания». В пользу этого свидетельствует следующее сообщение из некролога о Куратове: «Нам хорошо известно, что за несколько месяцев до смерти Иван Алексеевич собирался испросить разрешение у главного начальника края на отпечатание в местной типографии зырянской грамматики, и только поход в Кокан и усилившиеся страдания помешали Ивану Алексеевичу осуществить задуманное намерение» [3, с. 1]. Как видим, Куратов не только не представил в типографию окончательный текст рукописи, но даже не получил разрешения на её публикацию. Это значит, что готовая рукопись «Синтаксиса пермского (зырянского) языка» могла не раз подвергаться авторским переделкам, не ограниченным полиграфическими и иными внешними условиями.

В названии указанной работы термин *пермский* употребляется в качестве абсолютного синонима слова *зырянский*. Такое употребление необычно как для лингвистических сочинений других авторов, так и для предшествующих сочинений Куратова. Что же побудило Куратова не только применить этот термин в необычном значении, но и демонстративно употребить слово *пермский* в названии своей главной лингвистической работы?

Для ответа на этот вопрос важно принять во внимание, что одновременно с работой над «Синтаксисом пермского (зырянского) языка» Куратов выполнял уже упомянутый перевод с русского языка на коми 1-й главы Евангелия от Луки. Сохранилась дневниковая по своему жанру запись Куратова, проливающая свет на некоторые обстоятельства работы над этим переводом. Вот она: «Я имею под рукою Новый Завет на 25 языках. Из них три перевода на пермский [коми-зырянский], переводы русский, славянский [церковно-славянский],

болгарский [старославянский], латинский, французский, английский и немецкий будут мне способны [полезны] к уразумению смысла писания; древнегреческий экземпляр будет для меня в этом отношении особенно важен. Кроме того, в изданиях французском, английском и немецком я имею отличный запас параллельных мест и ссылок, которые возьму в мой перевод. Превосходные же переводы дерптско-эстонский, финский, в особенности венгерский и турецкий принесут мне неоценимую пользу указанием аналогичных примеров для постройки правильной пермской речи...» [1, с.39].

При внимательном чтении этой заметки возникает впечатление её бесполезности для самого Куратова. В самом деле, он подробно и заботливо рассказывает здесь себе о том, что ему самому и без того известно. Если же допустить, что эта заметка представляет собой набросок предисловия к переводу Евангелия и, стало быть, адресована будущему читателю, не посвящённому в секреты переводческой техники Куратова, то всё становится на свои места. Подробный рассказ о приёмах переводчика в этом случае вполне оправдан и необходим для лучшего читательского восприятия новизны куратовского перевода.

Если это предположение верно, можно считать, что Куратов в будущем намеревался опубликовать свой евангельский перевод. Между тем в цитированном некрологе сказано о намерении Куратова отпечатать в типографии только «зырянскую грамматику», т.е. «Синтаксис пермского (зырянского) языка». Не значит ли это, что евангельский перевод Куратов хотел издать не отдельно, а в составе своего грамматического труда? Полагаю, что так и было. В пользу этого свидетельствуют не только приведенные факты, но и то обстоятельство, что во времена Куратова было обычным публиковать в составе коми грамматик переводы Евангелий на коми язык. Примечательно, что и в тексте цитированной заметки, и в заглавии последней лингвистической работы коми язык одинаково именуется пермским. Попутно отметим, что этот же термин употреблен Куратовым в заглавии «Материалов для пермского толкового словаря», работа над которым велась преимущественно в среднеазиатский период (обоснование такой датировки см. в работе [1, с.77]). Это даёт основание предполагать, что если не весь корпус словаря, то какая-то его часть должна была, по замыслу Куратова, войти в состав «Синтаксиса пермского (зырянского) языка». Включение словарных материалов в грамматический трактат не противоречило жанру грамматик того времени. В этой связи можно сослаться, например, на «Первоначальные сведения о грамматике зырянского языка» М.А.Кастрена [4], содержащей в приложении коми-латинский словарь, который освещает лексику ижемского диалекта.

Однако если даже Куратов и не предполагал вводить в «Синтаксис пермского (зырянского) языка» словарные материалы и текст перевода на коми язык 1-й главы Евангелия от Луки, не подлежит сомнению другое: и названный грамматический труд, и толковый словарь, и евангельский текст представляли собой части литературного цикла, подчиненного грандиозной задаче просвещения коми народа. Слово же *пермский* получило здесь роль эмблемы, своего рода пароля, понятного всякому, кто был осведомлен в истории Коми края и разделял просветительские устремления Куратова.

Содержание этого пароля было намечено еще в усть-сысольской работе Куратова «Зырянский язык» в следующем высказывании: «Некоторым кажется странным и бесполезным занятие зырянским языком. Епифан[ий], жизнеописатель Стефана [Пермского], пишет (вероятно, по случаю переводов просветителя зырян): Неции, скудни суще умом, реша: «Почто сотворена суть книги пермскыя грамоты?. Таких совопросников и теперь немало» [2, с.71-72]. Таким образом, Куратов прямо соотносит термин *пермский* с культурно-просветительской, в первую очередь - с филологической деятельностью среди коми народа. Ясно, что словосочетание *пермский язык*, примененное Куратовым к коми-зырянскому языку 2-й половины XIX в., означало «язык, служащий и объектом, и средством просветительской деятельности, подобно тому, как это было во времена Стефана Пермского».

Не значит ли это, что Куратов видел себя своего рода новым Стефаном-просветителем, культуртрегером Коми края? Если и так, то ничего предосудительного в этом нет. Культуртрегерские задачи открыто брали на себя такие, например, предшественники и современники Куратова на этом поприще, как Ф. Козлов, А. Флёров, Г.С. Лыткин. Последний при этом прямо связывал свою просветительскую работу с деятельностью Стефана Пермского и его последователей, ср. название книги Г.С. Лыткина «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» (СПб, 1889). Провозглашение себя прямым последователем Стефана Пермского не только тешило здоровые амбиции коми просветителей XIX в., но и придавало их деятельности особую внушительность, освященную к тому же авторитетом церковных и светских властей.

Остаётся решить вопрос, почему рассмотренные изменения в сознании и терминологии Куратова произошли именно в среднеазиатский период, а не раньше, в Коми крае, когда условия его культуртрегерской работы были внешне более благоприятными.

Существуют по меньшей мере две причины этого. Первая из них - и главная - состоит в том, что в среднеазиатский период Куратов как

творческая личность достиг той интеллектуальной зрелости, которая необходима для осознания целей собственной деятельности и возможностей их достижения. Второй причиной было внешнее влияние на Куратова со стороны тех, кто уже работал над решением подобной задачи, в первую очередь Николая Ивановича Ильминского (1822-1891).

Несмотря на отсутствие прямых документальных свидетельств о контактах Куратова и Н.И. Ильминского, есть веские основания считать, что такие контакты существовали (обоснование этого предположения см. в работе [5, с.83-87]).

В творческой жизни П. И. Ильминского просветительская деятельность занимала главное место. Он является автором первого грамматического наставления по русскому языку для казахов [6] (до 1917 г. их называли «киргизами» или «киргиз-кайсаками»). Это пособие стало также первой сопоставительной грамматикой русского и казахского языков. Важную роль сыграл Н.И. Ильминский в воспитании и образовании крупного казахского просветителя, фольклориста и этнографа Ибрая Алтынсарина (1841-1889). Тесная дружба связывала Н.И. Ильминского с Иваном Яковлевичем Яковлевым (1848-1930), который в 1868 г. основал в Симбирске учительскую школу для чувашей. Именно общение с Н.И. Ильминским побудило И.Я. Яковлева посвятить жизнь просвещению своего народа. Это же общение укрепило в просветительских намерениях и Куратова.

Вести просветительскую деятельность среди коми народа, находясь в Средней Азии, практически невозможно. Хотел ли Куратов вернуться в Коми край, чтобы осуществить свои намерения? Судя по всему, хотел. Волею судьбы, однако, просветительские идеи Куратова стали известны в Коми крае лишь полвека спустя после его кончины вдали от родины.

***

1. Тираспольский Г.И. Над рукописями И.А.Куратова. Сыктывкар, 1985.
2. Куратов И.А. Лингвистические работы. Сыктывкар, 1939.
3. Туркестанские ведомости, 1876, № 1, от 2-го янв. Отдел официальный.
4. Castren M.A. Elementa grammatice Syrjaenae. Helsingforsiae, 1844.
5. Тираспольский Г.И. И.А.Куратов и учёные дореволюционной Казани // Куратовские чтения, т. 5. Сыктывкар, 1989.
6. Ильминский Н.И. Самоучитель русской грамоты для киргизов. Казань, 1861.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИГРА КАК ТЕМА, МОТИВ И МЕТАФОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К.Ф.ЖАКОВА

Котылев А.Ю.

Коми педагогический институт

Описания, изображения, упоминания музыки, музыкальной игры, музыкального звучания можно найти во многих произведениях К.Ф. Жакова. Особенно часто «музыкальная тема» звучит в его итоговых художественных работах: автобиографическом романе «Сквозь строй жизни» и литературном эпосе «Биармия»¹. Сопоставление всех вариантов данной темы, встречающихся у этого известного писателя и мыслителя, дает возможность выявить не только его отношение к музыкальной игре как культурному феномену, но и важные черты его мировоззренческой системы.

«Музыкальная тема» разрабатывается Жаковым на различных уровнях: от бытового до космического. Она порождает разнообразные культурные смыслы, окрашенные различными проявлениями авторского «я»: от интимного переживания до философского размышления.

Бытовой уровень изображения музыкальной игры непосредственно связан с жизнеописанием писателя и, прежде всего, с его воспоминаниями о родном крае. В жаковском романе исследуемая тема встречается уже на первых страницах, в рассказе о брате - «мудром Мамонте», игравшем для потехи взрослых на доске с дырками и певшем мотив без слов². Каждому возрасту героя (и автора) романа соответствует свой музыкальный инструмент и своя музыка. Так, в раннем детстве он участвует в строительстве колокольни со звонкими глиняными колоколами; в юности обзаводится «огнезвучной гармоникой», игрой на которой он «веселит девушек Выльгорта, ближних и дальних»; а в зрелом возрасте его слуху открывается «небесная музыка», исполненная на неземных инструментах³.

Музыка родины устойчиво связывалась Жаковым со звучанием гармоник: под ее аккомпанемент он отправляется на свидания, под ее воздействием приходит в неистовство его дядя Нялай, на ней играет alter ego автора - мировой странник. Она несет веселье и радость, и когда через много лет, страниц и километров герой романа оказывается на другом конце света, в Хабаровске, лучшей наградой ему за труды жизни оказывается гармонь⁴. В то же время игра на гармонике связана в его произведениях с темой «малокультурности» коми, с мотивом избыточного бесцельного удальства, которое часто приводит к трагедиям. В рассказах о Степане Васильевиче, сменившем в конце гармонику на Библию, и о Нялае⁵ музыка выражает стихийность народного характера, стихийность, во многом присущую и нраву самого Жакова.

Научный уровень бытия текста требовал от писателя использования иного языка и сюжетных ходов - в частности, исторического описания изучаемого явления. Соответственно, в этнографических произведениях Жакова акценты расставлены по-другому. Опираясь на собранные факты, Жаков-этнолог вынужден констатировать почти полное отсутствие у коми собственных парадных инструментов, как и песен. Любимая народом гармоника заимствована вместе с мелодиями, которые на ней играют⁶.

Заключения, которые сделал этнолог, безусловно, повлияли на произведения сказочника и мифолога. В своих сказках, стилизованных под фольклор, Жаков наделяет своих героев более архаичными музыкальными инструментами, такими как гусли, свирель⁷. То же верно для его эпической поэмы - один из ее главных героев играет на «чудесной домре»⁸. На мифологическом уровне музыкальная игра приобретает универсальные магические качества. Посредством музыки герои воздействуют не только на психику людей, но и на любые реалии окружающего мира.

«Рокот струн - был он подобен
Грому неба с выси дальней
В синеоблачных вершинах.
Расплескались напитки,
Яура дом покачнулся,
Расшатались горы в пармах,
На дворе разбились камни.
Тут умолкли звери, птицы,
Задрожали все герои»⁹.

Все музыканты сказок и эпоса у Жакова названы волшебниками, колдунами, тунами. В этом контексте по-другому выглядят якобы чисто бытовые образы в его рассказах и автобиографии. Брат Мамонт обладал пророческим даром: «Он знал грядущее и настоящее». Степан Васильевич обучался игре на гармонике, ломая и вновь собирая ее. Точно так же поступал с этим инструментом дух-банник, когда к нему приходили учиться игре¹⁰. Чрезмерное буйство, свойственное жаковскому герою, может быть объяснено его причастностью к хтоническому миру. В любом случае можно утверждать, что писатель видел реальный мир через призму мифологического сознания и его произведения ждут тщательного изучения в этом ключе.

Мифология музыки у Жакова не ограничивается только использованием характерных сюжетов и образов. Поскольку мыслитель не удовлетворялся сочинением художественных произведений, но пытался представить мироустройство в целом, постольку он создает свою космологию, при описании которой активно разрабатывается «музы-

кальная тема». Идея «Космической музыки», гармоничного звучания небесных сфер существует в античной культуре со времен античности, получив первое осмысление в философии Пифагора, на свою интеллектуальную связь с которым указывает Жаков¹¹. Метафорой мира во многих произведениях писателя стал гигантский музыкальный инструмент: «великая гармоника» или «арфа мира»¹². Пытаясь передать сопричастность всех частей мира друг другу, описать гармоничное сочетание всех элементов Вселенной, Жаков изображает космологическую систему, которая, подобно музыкальному инструменту, порождает небесную музыку. Эта музыка, или «великий ритм», «всемирный ритм»¹³ есть выражение постоянного упорядоченного движения, идея которого занимает важное место в философии Жакова. Не случайно мыслитель также часто вводит в текст метафору океана, моря, волны. Образы моря и музыки передают ритмическую сущность жизни как отдельного человека, так и всего мира. Вечная пульсация: подъем и падение, разгорание и угасание, усиление и ослабление есть, по Жакову, универсальный закон жизни, смысл которого заключается в вечном движении вперед, в переходе на новые уровни и достижениях новых вершин всемирной эволюции¹⁴.

Метафора музыки применима ко всем уровням мироздания, поскольку все они пронизаны единым ритмом развития, но особенно активно писатель использует ее на личностном уровне. Человек, его душа, его сердце также уподобляются им музыкальным инструментам¹⁵. Сопричастность человека миру делает возможным творчество, страдающий человек находит утешение «в звуках невидимых гусель, созвучия которых натянуты в межпланетных пространствах по сю и по ту сторону окраины мира и также незримо проведены тонкой паутиной сквозь души певцов»¹⁶. Жаков говорит о своего рода психотерапии посредством «небесных звуков», которые, в данном контексте, обозначают творческую потенцию. Идея спасения через творчество от мук жизни, от безумия, идея пересоздания мира созвучны психологическим увлечениям интеллектуальной России начала века. Поэт, философ в творческом экстазе ощущают себя равными миру. «Странник мира» претендует на бессмертие, соучаствуя в космогонистическом акте, играя на «великой гармонике»¹⁷.

В то же время Жаков чувствует иллюзорность своих «космогонистических претензий»: творческий акт кратковременен, он не преобразует мира здесь и сейчас. Взлетев в порыве вдохновения, поэт обречен на падение и новое страдание, он только странник, тут же теряющий то, что нашел. Жизнь человека так же подчинена мировому ритму, как и все остальное. Характерен в этой связи эпизод из этнографических зарисовок Жакова, завершающий рассказ о жизни иньвенских пермяков. Автор встречает в лесу неизвестного музыканта-крестьянина, писатель пытается привлечь его внимание: окликает и зовет к

себе, но тот не отзывается и скрывается так же как и появился, играя на своей гармонике мелодии разных народов. Данный эпизод, вне зависимости от своей историчности, является метафорой жизни самого Жакова: лес символизирует потерянную родину, а музыкант - он сам, шагающий под музыку по миру в поисках самого себя, но проходящий мимо, не заметив, когда эта встреча наконец могла состояться.

Увлечение К.Ф.Жакова «музыкальной темой» не является чем-то уникальным для российской культуры первой трети XX века. Многие философы, писатели, художники и композиторы были заняты в то время поисками звуковой гармонии, открытиями вселенских ритмов, изучением музыкальной основы синтеза искусств. В этой связи можно привести известные имена Вяч. Иванова, А.Блока, В.Мейерхольда и многих других. Но особо следует отметить близость некоторых жаковских образов идеям и творчеству А.Скрябина и В.Кандинского. Описывая звучание музыки, Жаков настойчиво проводит параллель между звуками и красками, цветами. «Слышу звуки отдаленные. Голубые, фиолетовые звуки льются с неба, темно-красные и пурпурные идут с земли и сливаются они в аккорды червонного золота»¹⁹. Подобное отождествление звука и цвета является одним из выражений синтетической системы Жакова, системы, в которой преодолеваются не только границы между различными науками, философией и религией, наукой и искусствами, но и между разумом и чувством, различными способами восприятия и творческого воплощения мира.

Подобное преодоление границ между сферами культуры и различными дисциплинами характерна для переходных периодов вообще и для первой трети двадцатого столетия в частности. Сходные поиски цвета и звука, примерно в те же годы, но более последовательно и продуктивно, чем Жаков, вели В.Кандинский и А.Скрябин. Первый шел от живописи, а второй от музыки, в результате Кандинский создал свой вариант абстрактной живописи, а Скрябин - образец «высокой» светомузыки²⁰.

Представления Жакова о зримом образе музыки, таким образом, идеально вписываются в культурный контекст его эпохи, в контекст не только российский, но и европейский (так, цвето-звуковыми ассоциациями увлекался еще в конце девятнадцатого века французский поэт А.Рембо). Взгляды К.Жакова на музыку не являются ни национальными, ни региональными, ни оригинальными. Но он сумел развить «музыкальную тему» настолько многообразно и разножанрово, насколько это вряд ли удалось какому-нибудь другому писателю и мыслителю. Во-первых, Жаков оставил нам яркие этнографические зарисовки того, что представляла собой музыкальная игра конкретного народа в определенный период, причем эти зарисовки сделаны не посторонним наблюдателем, а участником культурных событий, описанных с учетом мифологических представлений коми. Во-вторых,

он активно использует мотив музыкальной игры при создании художественных произведений, где музыкальный ритм становится не только содержательным, но и структурным элементом. Так, «Биармия» строится по принципу матрешки - текст поэмы представлен как песня, внутри которой развивается еще песня, внутри которой исполняются еще песни, подобно тому как в музыкальном произведении один мотив вплетается в другой. Сложный ритм романа «Сквозь строй жизни» задается чередованием повествовательных частей и различного рода отступлений, очень напоминая организацию авангардных музыкальных произведений. Очевидно, что писатель всегда придавал большое значение ритмическому рисунку своих произведений, постоянно экспериментируя в этом направлении²¹.

В-третьих, музыка предстает в произведениях Жакова в роли концептуального понятия и метафоры, выявляя целый ряд культурных смыслов: космологических, философских, психологических, эстетических и этических. Музыкальные сравнения, проходя через все творчество мыслителя, образуют один из его лейтмотивов.

В заключение следует обратить внимание на вторую половину словосочетания «музыкальная игра», поскольку понятие «игра» было отнюдь не случайным в культурном языке жаковской эпохи. Первая треть XX века возрождает и порождает огромное количество вариантов игры, среди которых до революции доминирует игра театральная - наиболее соответствующая синтезирующей ориентации культуры. Жаков, по всей видимости, остается достаточно равнодушным к театру, что может быть связано с отсутствием данного вида искусства у коми, как и у большинства малых «новых» народов, к которым он проявлял наибольший интерес. П. Сорокин полагает, что отсутствие театра у коми полностью компенсируется яркой зрелищностью религиозных и народных обрядов²². Считая себя представителем народа коми, Жаков не удовлетворяется условностью театральной игры, он ищет более «подлинных» ощущений и находит их, участвуя в языческих обрядах вотяков²³. Музыкальная игра для Жакова была не только метафорой, но и основным синтезирующим элементом, выражением вселенского ритуала, в котором принимают участие все элементы мироздания. В своей «эволюционной религии» мыслитель пытался раскрыть содержание этого ритуала, который он наделял значением высшей подлинности. Языки музыки, математики, философии, поэзии были нужны писателю для того, чтобы показать универсальность вселенского обряда, чтобы сыграть в культуре свою неповторимую тему, доводя до читателей свою истину.

***

1. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Роман. - Сыктывкар, 1996. Жаков К.Ф. Биармия: Коми культурный эпос. - Сыктывкар, 1993.

2. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. С.21.
3. Там же. С.30,54.
4. Там же. С.46, 76, 343.
5. Жаков К.Ф. Удалец и музыкант Степан Васильевич. //Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. - Сыктывкар, 1990. С.91-97. Жаков К.Ф. Нялай. // Там же. С.392.
6. Жаков К.Ф. Этнологический очерк зырян. // Там же. С.343.
7. Жаков К.Ф. Бегство северных богов. // Там же. С.392. Жаков К.Ф. Майбыр. // Там же. С.396.
8. Жаков К.Ф. Биармия. С.33.
9. Там же. С.89.
10. Сигудэк. // Мифология коми / Н.Д.Конаков и др. - М., 1998. С.338.
11. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. С.202
12. Там же. С.45, 76, 128.
13. Там же. С.106, 148.
14. Там же. С.106, 152.
15. Там же. С.189.
16. Жаков К.Ф. Бегство северных богов. С.392.
17. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. С.76.
18. Там же. С.216.
19. Там же. С.76.
20. Ванечкина И.Л. Галеев Б.М. Кандинский и Скрябин: мифы и реальность. // Многогранный мир Кандинского. - М., 1999. С.131-144.
21. Орлицкий Ю.Б. Стихи и проза К.Ф.Жакова в контексте художественных поисков русской культуры нач. ХХ в. // К.Ф.Жаков. Проблемы творчества. - Сыктывкар, 1993. С.33
22. Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. - Сыктывкар, 1991. С.28-30.
23. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. С.221-222.

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ АРХИВА В.Т.ЧИСТАЛЕВА.

Кызьюров Л.А.

Коми республиканский государственный архив

Обращение к теме судьбы архива В.Т. Чисталева (Тима Веня) для меня было совершенно случайным. Дело в том, что во время работы в Коми республиканском государственном архиве общественно-политических движений и формирований (Коми РГАОПДФ) и Национальном архиве Республики Коми (НА РК) мне неоднократно приходилось сталкиваться или с документами В.Т. Чисталева, или с упоминаниями о его личном фонде. Особый интерес эта тема вызвала после знакомства с рядом документов, написанных рукой В.Т. Чисталева еще в 1918

г., ранее никогда не упоминавшихся в исследованиях о Тима Вене и раскрывающих отдельные, еще не известные факты из его биографии. При проверке этих фактов (о них речь пойдет ниже) в различных публикациях о жизни В.Т. Чисталева я обратил внимание, что, во-первых, даже сейчас, на рубеже веков, все еще не написано полное и подробное «жизнеописание» Тима Веня; во-вторых, в последние годы почему-то утвердилось неверное мнение о судьбе личного архива Чисталева.

В 1995 г. вышла книга В.М. Полещикова «За семью печатями. Из архива КГБ», в которой автор утверждает: «библиотека писателя, его рукописи и все перечисленное (выделено авт.) в протоколе обыска в 1946 г. органами НКВД было уничтожено». Здесь идет речь об описи вещей, ценностей и документов, изъятых при аресте В.Т. Чисталева 27 ноября 1937 г. Краевед М.Д. Игнатов в 1999 г. в статье «Написано кровью и слезами...», опубликованной во 2-м томе мартиролога «Покаяние», повторяет мнение Полещикова о полном уничтожении архива писателя.

Так как в дальнейшем речь пойдет о книгах, рукописях и других документах, изъятых при аресте В.Т. Чисталева, то приведу некоторые данные из протокола обыска. В описи изъятого значатся: под №№ 2-10 - различного рода «контрреволюционная литература» (книги, брошюры, журналы), № 12 - личная переписка (5 пачек писем), № 13 - общие тетради с записями (всего 17), № 14 - папки с рукописями и черновиками (всего 24), № 15 - фотокарточки (111 штук), № 21 - архив документов бывшей Помоздинской волости (3 папки).

Действительно ли в 1946 г. были уничтожены абсолютно все документы из личного архива В.Т. Чисталева? Факты говорят, что если архив и был уничтожен, то только частично.

Прежде всего, судьба архива В.Т. Чисталева связана с особенностями в уголовном деле писателя. По приговору судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Коми АССР от 25 января 1939 г. В.Т. Чисталев был осужден к 3 годам лишения свободы, для отбытия приговора он был отправлен в Верхне-Човскую ИТК. А 23 июня 1939 г. судебная коллегия Верховного суда РСФСР отменила приговор, дело Чисталева было направлено для дополнительного расследования. Но 13 октября 1939 г. Тима Веня умер в Сыктывкарской тюрьме, так и не дождавшись окончательного решения суда. Дело в его отношении так и не было доведено до конца, а т.к. окончательного решения суда об объявлении Чисталева «врагом народа» не было, то и его личный архив не подлежал неминуемому уничтожению, что произошло с документами большинства репрессированных в 1930-е годы. Естественно, что вся «контрреволюционная» литература (книги, брошюры), изъятая из личной библиотеки В.Т. Чисталева, была уничтожена в 1946 г., а может и ранее. В этом я полностью согласен с В.М. Полещиковым. Но судьба личного архива В.Т. Чисталева мне представляется иной.

В апреле 1957 г. в Центральный государственный архив (ЦГА) Коми АССР поступили документы В.Т. Чисталева и его брата И.Т. Чисталева. Это были рукописи стихов, рассказов, пьес на русском и коми языках обоих братьев, причем значительное большинство принадлежало перу Тима Веня. Откуда вдруг появились эти «уничтоженные» документы? Ведь родственники писателя ничего не передавали в архив. Конечно, только из архива МВД Коми АССР... Сначала все документы чисталевского архива были определены в отдел секретных фондов (ОСФ) ЦГА Коми АССР, там они были обработаны, сформированы в дела, на них составлены архивные описи, а затем документы поступили на общее, т.е. открытое, хранение в июле 1958 г. Всего было сформировано около 20 дел (единиц хранения), которые были включены в фонды № Р-965 (личный фонд В.Т. Чисталева) и № Р-966 (личный фонд И.Т. Чисталева).

Конечно, далеко не все документы, изъятые при аресте Чисталева, сохранились, но, по моему мнению, это было связано не с «полным уничтожением архива», а с другой причиной. В архивном деле существовал в 1950-е годы и существует поныне термин - документы, не представляющие исторической и практической ценности. Вот под эту категорию, частично в 1946 г., частично позднее - в 1950-е годы, и могли попасть некоторые документы из архива Чисталева, упомянутые в протоколе обыска в 1937 г.: личная переписка, общие тетради с записями, фотографии (не исключено, что часть фотографий была возвращена родным писателя). Ведь отбором документов на постоянное хранение, т.е. их экспертизой ценности, в архиве НКВД - МВД занимались люди «политически грамотные и идейно подкованные», но далекие от вопросов истории родного края. Кстати, даже в ЦГА Коми АССР примерно в эти годы было уничтожено большое количество дел, как «не представляющие практической и исторической ценности», в т.ч. метрические книги за 18 - 1-ю половину 19 века.

Конечно, сейчас трудно сказать, насколько полно сохранились рукописи и черновики В.Т. Чисталева, ведь подробной, полистной описи изъятых документов так и не было сделано.

Кроме рукописей братьев Чисталевых, сохранился и другой комплект документов, упомянутый в протоколе обыска - «Архив документов бывшей Помоздинской волости». Возможно, В.Т. Чисталев собирал материалы по истории села Помоздино и Помоздинской волости, чтобы когда-нибудь написать историю родного края. Часть этих документов попала в Коми областной партархив, и уже позднее, в 1975 г., некоторые из них были переданы в ЦГА Коми АССР (документы Помоздинского волисполкома за 1917-1921 годы в количестве 38 листов). Часть документов Помоздинской волости осталась в партархиве и была включена в фонд Истпарта.

Именно эти документы, в основном, позволили узнать новые, ранее

неизвестные, факты из биографии В.Т. Чисталева.

Из публикации короткеросского краеведа А. Панюкова в газете "Парма гор" (26 января 1995 г.) известно, что В.Т. Чисталев вернулся из армии осенью 1917 года. Но несколько очень значительных месяцев его жизни, вплоть до конца января 1918 года, совершенно не отражены в публикациях.

Благодаря нескольким сохранившимся архивным документам за декабрь 1917 - январь 1918 года сейчас можно несколько дополнить биографию великого коми писателя, особенно его работу на общественном поприще, до этого неизвестную вообще. Особую ценность этим документам придает тот факт, что большинство из них написаны рукой самого В.Т. Чисталева.

Помоздинские крестьяне всегда очень ценили Вениамина Чисталева как учителя и человека. Теперь, когда он вернулся с фронта осенью 1917 года, доверие народа к нему выразилось в избрании В.Т. Чисталева на пост председателя Помоздинской волостной земской управы - самый высокий выборный пост в волости. Сведений о работе Чисталева на этой должности практически не осталось, кроме одного документа. Он очень небольшой, поэтому приведу текст полностью:

"Выписка из постановления очередного собрания Помоздинского Волостного Земства от 19 декабря 1917 года.

СЛУШАЛИ: Предложение Исполнительного Комитета Совета Крестьянских депутатов Устьсысольского уезда = обсудить = о насильственных действиях большевиков над членами Учредительного Собрания.

ПОСТАНОВИЛИ: Настаивать о немедленном созыве Учредительного Собрания, как единственного хозяина Великой Свободной России, и выразить готовность защищать Учредительное Собрание от посягательств на его неприкосновенность, с какой бы стороны они не последовали.

С подлинным верно:

Председатель упр. В. Чисталев" (Коми РГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.8, л.2).

Думаю, что подпись Чисталева под этим постановлением, если судить по антибольшевистской направленности документа, в 1937 году сильно осложнила жизнь нашего земляка.

Сохранившиеся документы позволили установить еще один интересный факт из биографии писателя. Оказывается, арест в 1937 году был не первым в жизни В.Т. Чисталева. Почти за 20 лет до него Чисталев уже находился под арестом. Об обстоятельствах этого ареста можно узнать из сохранившихся архивных документов. В январе 1918 года председатель Помоздинской волостной земской управы В. Чисталев вступил в конфликт с крестьянами волости. Сейчас, спустя десятки лет, трудно разобраться, кто был прав, кто виноват... Поэтому

лучше всего выслушать обе конфликтующие стороны, тем более что, к счастью, сохранились документы, характеризующие и объясняющие позиции обеих сторон: протокол собрания граждан Помоздинской волости от 18 января 1918 года, на котором В.Т. Чисталев был отстранен от должности председателя земской управы и подвергнут аресту (см. приложение 1) и письмо самого Чисталева с объяснением случившегося (приложение 2).

Через несколько дней после ареста В.Т. Чисталев был освобожден по требованию председателя Усть-Сысольского уездного Совета А.Мартюшева. История освобождения Тима Вени частично отражена в письме его брата - И.Т. Чисталева (см. приложение 3). А уже в конце января 1918 г. В.Т. Чисталев подает прошение о зачислении его на работу в Помоздинское училище.

Надеюсь, что приведенные в данной публикации архивные документы пусть немного, но помогли расширить наше представление о Тима Вени и его жизни. И еще надеюсь, что все же найдутся исследователи, которые когда-нибудь напишут полную биографию В.Т. Чисталева - одного из крупнейших представителей коми национальной культуры.

Приложение 1.

Выписки из протокола собрания граждан Помоздинской волости и общества 18 января 1918 г. (текст приведен со значительными сокращениями, с сохранением стиля и орфографии документа):

«Имеем суждение о том, что Председатель Волостной Земской Управы В. Чисталев как в составлении приговора по поводу освобождения (им из - авт.) под ареста граждан присужденных нами по постановлению от 3 сего января к аресту (далее названы 4 фамилии - авт.), так и к обсуждению о решении этого вопроса отказался, выражаясь разными неприличными словами

А потому по обсуждении этого вопроса мы все граждане единогласно ПОСТАНОВИЛИ:

Председателя Вол. Земской управы В. Чисталева от занимаемой должности временно удалить... При чем же созвать 20 сего января Волостное Земское собрание которому предложить о немедленном выборе нового Председателя Волостной Земской Управы...

Признали его (т.е. Чисталева - авт.) виновным и деяние преступным, так как они были посажены нами, то Председатель Волуправы В. Чисталев не имел права освободить их без нас.

А потому упомянутых граждан завтра же посадить обратно под арест для отбытия ими наказания... А бывшего Председателя Волостной Земской Управы В. Чисталева за упомянутый выше проступок, т.е. за самовольное освобождение из под ареста упомянутых граждан, а также за то что он позволил себе пред всеми нами на сем собрании

выражаться разными не приличными словами ПОСТАНОВИЛИ АРЕСТОВАТЬ Председателя Волостной Земской Управы Вениамина Чисталева на два месяца при Волостной Земской Управе, поручив это дело Волостной Милиции при помощи сельских милиционеров, срок ареста Чисталеву считать с 19 сего января. В подтверждении приговора подписуемся» (далее следует 8 листов подписей). (НАРК, ф. Р-65, оп. 1, д. 1, лл. 20об.-22об.).

Приложение 2.

Письмо В. Т. Чисталева Помоздинскому Волостному Экстренному Земскому собранию гласных.

«Товарищи гласные! Несколько месяцев тому назад Вам угодно было избрать меня в руководители и работники вновь нарождающегося волостного земского дела... Вам угодно было вверить мне судьбу и благополучие волости...

С глубокой благодарностью в душе я принял это решение - исполнил волю Народа с чистым сердцем, питая в душе осуществить высокие идеи стремлений человечества - свободы, братства и равенства, культурно - просветительных стремлений Коми народа, правового его и экономического благополучия и свято храня и глубоко любя в то же время и все его заветы - высокую любовь народа и привязанность к своей стране - к природе (лесу), охоте, свободному независимому труду...

Я хотел, я желал всего этого не ради корыстных целей, не ради славы... Клянусь, что нет и нет, хотя и обвиняют меня в этом и будто я властелином волости хочу быть...

С такими же высокими чувствами я работал и раньше в дни учительства в школе, но тогда, известно Вам товарищи, какая была работа под гнетом царского правительства. А теперь, теперь я не то ожидал...

Эта война, ужасная мировая война, продолжающаяся уже 3,5 года довела страну, весь мир до полного экономического и всякого развала, а людей до отчаяния, так что и свобода добытая таким трудом и морями крови и слез не помогла и начались неурядицы, анархия. Работать стало невозможно. Виновников видят только здесь на месте, как будто все это исходит все зло от земства и его работников. Еще бы это ничего, но разлад, несогласие, насилие одних над другими и все, и все...

Я не виню товарищей солдат, я знаю сколько им пришлось претерпеть на военной службе, сколько холода и голода и всяких лишений там перенесли.

Я знаю - все они возвращаются оттуда больные и душой и телом, с разбитыми надеждами на здоровую трудовую жизнь, на счастье семейное; истощенные до последней крайности, с расстроенными нервами, с желчью в сердце, которой нет исхода ни в чем другом, как на человеке же. - Я знаю все это, я сам домой возвращался таким. И вот

я не выдержал. Слабый физически, истощенный до крайности этой проклятой военной службой, я не мог уже быть таким крепким, терпеливым как раньше. Я не могу больше здесь работать; не могу разорваться на тысячу частей, не могу идти за всяким желанием и каждого, а лишь общего. В свободной стране, среди свободных людей я не могу допустить насилия, не могу лишать свободы свободных граждан. Какая же тогда свобода, если будешь друг - друга арестовывать.

Не стало доверия, не верят мне. Думают, что я служу не народу, а какому-то начальству. Я сам не признаю никакой власти, никакого начальства, так как нет его теперь и не должно быть в свободной стране, а есть только ЗАКОН и его исполнители, но не закон Николаевского бесправного времени, а революционного.

Товарищи солдаты опираются на большевиков, на их учение и т.п. Я сам в душе большевик, во мне, в моем сердце тысяча большевиков, но не таких. Я не той тактики (действий) держусь!..

Я сын народа, я кровь его, я вырос среди таких же как все Вы товарищи, за черной работой, люблю с детства труд и уважаю глубоко всякого трудящегося человека, всего больше пахаря - крестьянина, но... Небольшая разница, и это мое счастье и несчастье, это то, что получил небольшое образование и с помощью его открыт мне другой (моим глазам) другой мир, наряду с Вашим душевным взглядом.

А меня на собрании 18-го января обвинили в таких делах, каких и в помыслах моих не было. Будто я приверженец старого гнилого царского строя;

бросили мне в лицо будто я взяточник и нечестный и тому подобное. Меня глубоко оскорбили, мою честь попрали, насильовали быть председателем и решать Суд от которого я отказался.

После такой вопиющей неправды, такого оскорбления я не мог сдержать себя и действительно в порыве глубокого негодования я произнес такое слово, какое за всю мою жизнь не произносил... И меня обвинили в этом и постановили арестовать, лишитъ свободы. Я подчинюсь этому приговору, если будет воля большинства народа, потому что воля его для меня священна.

Я не виню никого, ни на кого зла не имею. Я прощаю тем от всей души, кто меня так глубоко оскорбил, также и сам надеюсь, что меня и народ простит. Я жаловаться никому не буду, защиты искать со стороны от начальства тоже не намерен и не буду. Еще раз повторяю, что злобы во мне ни на кого нет, а лишь глубоко жалею, глубоко скорбю душой, и прощаю, прощаю.

Много бы еще мог сказать, но и из того, что здесь сказано Вам товарищи, я думаю понятно и из того что кругом происходит. Я сегодня пригласил Вас, товарищи, чтобы Вы меня освободили от занимаемой мною должности Председателя Волостной Земской Управы также свободно, как волею Вашей от имени всего народа был избираем.

Председатель Помоздинской Волостной Земской Упр. Вен. Чисталев.

20 января 1918 г. с. Помоздино».

(Коми РГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.8, лл.32-37).

Приложение 3.

*Копия письма И. Т. Чисталева, написанного 18 января 1918 г.
(выполнена с подлинника рукой В. Т. Чисталева).*

«Дорогой брат Веня!

В 12 час. дня сегодня получил твою телеграмму о твоём аресте. Телеграмму огласил на собрании. В виду того, что в уезде только вчера организовали верховную власть из представителей Земского собрания, делегатов продовольственного и кооперативного съездов, солдат местного гарнизона, мещан, разных союзов и организаций, то телеграмма была передана органу этой власти, названному Устьсыольским Советом крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. Этот Совет с широкими правами и полномочиями и имеет характер полуавтономной Зырянской организации, признающей центральную (Питерскую, Вологодскую) власть постольку, поскольку распоряжения и декреты последней клонятся в пользу трудосвого населения уезда, вместе с тем Совет подчиняет себе все учреждения и заведения, контролирует и направляет их деятельность. Совету предоставлено право издавать приказы и обязательные постановления; право высшего правосудия. Одним словом, это - верховная власть уезда.

Когда я пишу письмо, ты, вероятно, читаешь уже телеграмму, посланную на имя Волостного Земства Председателем Совета Алексеем Макаровичем Мартюшевым. Если арестовавшие не будут признавать этой телеграммы, то объясни им, что Совет опирается на все население уезда, и, таким образом, они могут оказаться вне закона, так как Совет - единственная законная власть в уезде, и власть сильная, твердая, даже суровая, которая не остановится на полдороге к прекращению действий какой-нибудь части населения, нарушающих постановления Совета. Пусть они забудут, что есть какая то другая власть несогласная с властью Совета.

В городе спокойно, образование власти внесло успокоение. С утра до поздней ночи заседания то Земского собрания, то продовольственного съезда, то по организации власти. Везде приходится присутствовать. Подробности узнаешь от делегатов волости Ивана Ильича и Михаила Васильевича.

«Твой брат Иона» (Коми РГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.8, лл.38-39).

**«ВИХРЕМ ПРОМЧАЛИСЯ ГОДЫ, ГРЕМУЧИЕ ГОДЫ МОИ...»
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.Г. ТАРАКАНОВА)**

Холопова Д.Г.

Национальный музей Республики Коми

16 февраля 2000 года исполнилось 100 лет со дня рождения видного общественного деятеля Коми-Пермяцкого национального округа и Республики Коми, одного из основателей коми-пермяцкой литературы Федора Гавриловича Тараканова.

Ф.Г.Тараканов родился 16 февраля 1900 года в селе Юсьва Кудымкарского уезда Пермской области. Обучался в Кудымкарском четырехклассном училище, затем в 1918 году окончил Красноуфимское промышленное училище и стал агрономом.

Ф.Тараканов радостно встретил известие об Октябрьской революции, а в 1918 году вступил в ряды большевиков.

В годы гражданской войны добровольцем ушел воевать на Восточный фронт. В феврале 1920 г. Ф.Тараканов направляется на учебу в Пермский университет на агрономический факультет, далее обучается в Московском университете на факультете общественных наук. Одновременно проводит большую работу по самоопределению коми-пермяков. В феврале 1925 г. постановлением ВЦИК Коми-Пермяцкий национальный округ был выделен в самостоятельную административную единицу.

Вернувшись из Москвы, Тараканов возглавил земельный отдел в округе, затем окружной отдел народного образования, приложив много сил и старания для развития коми-пермяцкой письменности, школы и национальной литературы.

В июле 1928 г. по решению ЦК партии работает в Коми области сначала заведующим областным отделом земельного управления, затем с марта 1930 г. по июнь 1933 г. председателем облисполкома.

С 1933 года по 1937 год Ф.Г. Тараканов работал в краевой партийной организации г. Архангельска. На всех ответственных постах проявил себя опытным и умелым руководителем.

В годы сталинских репрессий Ф. Тараканов более 10 лет провел в тюрьмах, лагерях и ссылке. Только благодаря нестигаемому характеру ему удалось выжить. Скончался он на 98-м году жизни, 26 ноября 1997 года, в г.Сыктывкаре.

До последних дней жизни Ф.Г. Тараканов был полон бодрости, оптимизма, энергии, запомнился современникам волевым, решительным, неутомимым человеком. Его многие знали, почитали и любили и в Республике Коми, и в Коми-Пермяцком национальном округе.

К годовщине со дня смерти сын Ф.Г. Тараканова Владимир Федорович передал в литературно-мемориальный музей И.А. Куратова коллекцию материалов из личного архива отца - документы, награды, фотографии, книги. Среди материалов большой интерес представляют рукописные тетради с литературными произведениями Ф.Г. Тараканова с 30-х годов по 90-й год. Они содержат стихи и поэму «Кудымкар» на русском языке, поэму «Пашко» на коми-пермяцком языке и текст воспоминаний об образовании Коми-Пермяцкого национального округа. Воспоминания об образовании округа были изданы отдельной книгой под названием «Борьба за округ» в 1990 году Пермским книжным издательством.

Рукописные тетради со стихами Ф.Г. Тараканова являются подлинными документами о его трагической судьбе, переживаниях, взглядах на жизнь. Возможно, со временем они будут изданы, и о поэтических достоинствах или недостатках скажут литературоведы. Цель данного сообщения иная - проследить жизнь человека длиною почти век через его лирические стихи.

Первая тетрадь с пожелтевшими от времени страницами с надписью «В домашний архив. Русские стихи» содержит 88 стихотворений и поэму «Кудымкар». Затем эти же стихи автор позднее переписал в другую тетрадь и разделил их на циклы по следующим названиям: «Тюрьмы с 18 августа 1937 года по 13 августа 1954 год», «Воля. С августа 1950 года по 1965 год», «Автобиографические стихи» и «Посвящения». Названия говорят сами за себя - в большей части своих стихов автор говорит о его 17 годах жизни в тюрьмах, лагерях ГУЛАГа и ссылке в Сибири.

Итак, 18 августа 1937 года Ф.Г. Тараканов был арестован в Архангельске УНКВД по Северной области. В тетради появляется первое стихотворение «Разлука» с отметкой «Архангельск. Тюрьма. Ноябрь 1937», где говорится о тяжелых минутах расставания с женой и сыном:

Мне не забыть тот миг прощанья,
Когда отверженный судьбой
Его невинное дыханье
Я с поцелуем брал с собой.
И уходя во мраке ночи,
Я запечатлел, как тяжкий сон,
Жены заплаканные очи
И Спартака прощальный сон.

После многочисленных ночных допросов для дальнейшего ведения следствия зимой 1937 года он был этапирован в НКВД Коми

АССР. В пути жене написал: «Рассчитывал на освобождение еще в Архангельске, т.к. состава преступления в моем деле по существу нет. Не буду писать о том, что пережито, но знай, что я не враг народа и не буду им никогда»... (из документальной повести Ф.Тараканова «Без вины над пропастью»).

В 1939 году в сыктывкарской тюрьме пишет стихотворение «Далеко»:

Далеко в краю зырянском,
Где кругом одни леса,
В городке республиканском
Стоит новая тюрьма.
В каждой камере зловонной
Чахнет множество людей,
Здесь содержат заключенных
Много строже, чем зверей.
Каждый думает о воле,
Каждый ждет свободы час.
И на звезды сквозь решетки
Смотрит много грустных глаз.

Оптимизмом, верой в справедливость и надеждой проникнуты следующие строчки:

Разломал бы решетки железные,
Раскатал бы тюрьму по бревну,
Да нет нужды в том, други любезные,
И без этого волю верну.

г. Сыктывкар. Тюрьма. 1940 г.

Ф.Г.Тараканов возлагал большие надежды на Верховный суд Коми АССР, но он отказался рассматривать дело и вернул его в НКВД. Вскоре его известили, что дело направлено в Особое совещание в НКВД. После этого Тараканов пишет стихи:

Люди найдутся разумные,
Дело мое разберут.
Раскроют ошибки безумные,
Ворота тюрьмы распахнут.

Далее пошли дни ожидания решения Особого совещания. В это же время Ф.Тараканов получает первую посылку и известие от мате-

ри о том, что отец тоже арестован и осужден на 10 лет. Через некоторое время жена сообщила о смерти ее родителей и сына Вовы, а также о рождении сына Феди. Такая весть всколыхнула всю его душу, на сердце было невыносимо тяжело от мыслей о том, отчего умер Вова и на какие муки будет обречен появившийся на свет Федя. И вновь рождаются стихи:

Вовочка! Вова!
Мой сыночек милый!
Без отца родного
Ты ушел в могилу.
Как цветок осенний,
Ты поник главою.
Смерть тебя скосила
Острою косою.
И не мог я, крошка,
В битве одинокой
Подоспеть на помощь
Из страны далекой...
«На смерть сына»
О твоём рожденьи
Весть меня сразила:
Не сдержал я слезы,
Не хватило силы.
На тюремных нарах,
За семью замками,
Я твоё рожденье
Запивал слезами...
«На рожденье Феди»

г. Сыктывкар. Тюрма. 1940 г.

В конце февраля 1940 года Ф.Г. Тараканов за участие в антисоветской организации Особым Совещанием НКВД СССР был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в СевПечлаге. Лагпункт располагался у речки Каменки в сосновом бору. Не раз Ф. Тараканов, тоскуя по родным местам и думая о воле, сидел на берегу и любовался красотой этой речушки - ее прозрачной водой, перекатами. Сами собой родились строчки стихотворения «Над Каменкой»:

Я сидел над Каменкой,
Под большой сосной,

Каменка играла
Золотой волной.
Солнце озаряло
Весь печорский лес.
Вдруг раздались крики
В синеве небес.
Надо мной летела
Стая журавлей,
Радостно встречаясь
С родиной своей.
Журавли кричали:
-Что сидишь? Лети!
Рад бы улететь я,
Да крыльев не найти.

Печорлаг, р. Каменка. 1940 г.

Наступил 1941 год. Началась Великая Отечественная война. Ф. Тараканов работал на строительстве Северной железной дороги. Об этом он рассказал в своем стихотворении «На фронте бескровном»:

... Здесь танки не рыщут,
Здесь пули не свищут
И кровь не струится рекой.
Здесь дебри лесные,
Болота гнилые
Мы так же как дзоты
Берем.
И с песней победной
Дорогой железной
Немецких захватчиков
Бьем.

Печорлаг. 1941 г.

Опубликовано в лагерной газете.

В 1942 году Ф.Г. Тараканова в соответствии с решением НКВД и прокуратуры СССР освободили, но до конца войны оставили вольнонаемным. Из писем жены он знал о больших трудностях семьи. Вскоре ему удастся перевезти жену с детьми на Печору. До осени 1946 года Ф.Тараканов работает агрономом, экономистом в совхозах «Косью» и «Сынью». Затем, в этом же году, с целью лечения детей с семьей переезжает в Краснодарский край. В 1950 году Ф.Г. Тараканов обра-

щается к Маленкову с заявлением о реабилитации. Но вместо ответа последовал новый арест:

Опять далекая дорога,
Опять разлука и печаль,
Объятая, слезы у порога,
А за порогом мрак и даль.
Ведут в тюрьму опять невинным,
В смятении вся моя душа,
По чьим-то замыслам звериным
Расправу дикую верша.

Снова камера и дороги. Ф. Тараканов не раз спрашивал следователя: за что? Затем состоялась встреча с прокурором, который пояснил, что арестован по старому делу для отправления на вечное поселение в Сибирь:

Сибирская вьюга ревет за окном,
Срывая убогую крышу,
А думы мои все о друге своем,
Что не вижу его и не слышу.
Между нами леса, между нами снега.
Между нами сибирские степи.
Связан я по рукам и ногам
«Вольной» незримою цепью...

1951 г., декабрь, д. Покатеево.

Деревня Покатеево находилась в Красноярском крае на реке Бирюсе. Здесь Ф. Тараканов работал сначала на лесоповале, а потом агрономом. Ему не давали покоя мысли о семье. Знал, что снова из-за него и жене, и детям пришлось испытать и голод, и моральные унижения. И появляется стихотворение «Нате»:

...Злобно воют сибирские вьюги.
Их никто, мой дружок, не уймет,
Наши горькие слезы, подруга,
На чужбине никто не поймет.
Не печалься, моя дорогая!
Слез горючих напрасно не лей!
Все силы в борьбе напрягая,
На победу надежды лелей!

д. Покатеево, 1952 год.

В 1953 году был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии. Хотя Ф.Г. Тараканов попадал под действие данного Указа, но освободить его не очень спешили. В июне 1954 года он был вынужден обратиться к Министру внутренних дел с просьбой об амнистии. Только после этого 16 июля 1954 года ему вручили справку об освобождении из ссылки:

Лети быстрее ЗИС проворный,
Неси меня к родным местам,
На труд, на подвиг благородный
Найду я снова силы там.

Реабилитировали Ф.Г. Тараканова в 1955 году. С 1960 года Федор Гаврилович находился на пенсии и жил в Сыктывкаре, занимаясь литературной и общественной деятельностью. В 1971 году пишет посвящение своей первой учительнице Обняновой О.Н.:

Вихрем промчались годы,
Гремучие годы мои,
Тяжкие муки и злые невзгоды,
Где-то покой обрели.
По прихоти моря на берег скалистый
Выброшен дерзкий пловец
И, с бурями больше не споря,
Нашел свой бесславный конец.
Сидя на круче лесистой,
Я мокрые ризы сушу,
А образ Ваш ясный и чистый
Бережно в сердце ношу.
Не знаю, поверьте, не знаю,
Кого из вас больше люблю,
О маме когда вспоминаю,
О Вас уже песню пою.
В прекрасном неведомом друге
Я вижу святые черты.
Здесь на курортном досуге
Сбылися о встрече мечты.

Курорт Усть-Качка.

2 ноября 1971 года, 4 часа утра.

Муза Федора Гавриловича посещала до преклонных лет. Ему было уже за семьдесят лет, когда им было написано стихотворение о любви:

Снова сердце, дорогая,
Бьется радостно в груди,
С нетерпением ожидая
Нашу встречу впереди.
Где и как она случится
Не хочу теперь гадать.
Пусть скорее время мчится,
Легче будет ожидать.
Я хотел бы стать крылатым,
Чтоб орлом к тебе лететь.
Светлой радостью объятый,
На тебя, мой друг, глядеть.
Посадить тебя на крылья
И лететь в чудесный край,
Где без всякого усилия
Я пойду с тобою в рай.

В 80-е годы создает посвящения русским и коми поэтам и прозаикам А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Л.Н. Смоленцеву, И.Г. Торопову и Ю.К. Васютову. А в 1989 году пишет стихотворение «И я умру»:

И я умру. Настанет время,
Ударит мой последний час.
И жизни радостное бремя
Я сброшу людям на показ.
И под могильною плитою
Я обрету себе покой
И все долги себе покрою
Самим удобренной землей.
Когда умру, никто не знает,
И сам не силюся узнать.
Живу, тружусь, люблю, страдаю
Готовый вечно воевать.

16 февраля 1989 года.

Республиканская больница.

Это стихотворение было написано Федором Гавриловичем в день своего 89-летия, а через 9 лет его не стало. Вот таким и останется Ф.Г. Тараканов в памяти тех, кто его знал - трудолюбивым, равнодушным, честным и порядочным человеком.

НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В КОМИ ГОСУДАРСТВЕН- НОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

*Афанасьева Н.Л.
Коми педагогический институт*

Национально-региональный компонент системы высшего образования позволяет формировать у студентов более полные и всесторонние знания по изучаемым предметам, решать задачи просвещения и воспитания будущих специалистов. Полученные в вузе знания по научному краеведению являются теоретической основой для проведения учителями школьной краеведческой работы. От того, насколько качественно студент» подготовлен в институте к этому виду деятельности, зависит успех нравственного воспитания, развития познавательных интересов и исследовательских способностей учащихся в школе.

Изучение и осмысление фактов истории региона активизирует мыслительную деятельность студентов, вырабатывает систему теоретических представлений и понятий, влияя тем самым на формирование научного исторического сознания. Знание истории своего края воспитывает гражданские качества, национальное достоинство, уважение к своему народу, помогает понять неразрывную связь поколений и осознать свое место в жизни, придает стабильность в настоящем и уверенность в будущем.

В ноябре 1987 г. на заседании кафедры истории и экономической теории Коми государственного педагогического института по инициативе Л.А. Жданова было принято решение о необходимости введения на всех факультетах спецкурса по истории Коми Республики, которое было поддержано ректоратом и деканатами вуза. В разные года данный спецкурс по авторским программам читали ученые СГУ, КГПИ, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН: О.Е. Бондаренко, Т.М. Хорунжая, А.А. Попов, М.Д. Кравцова, Т.А. Малкова, Н.Л. Афанасьева и другие.

Довольно сложной является проблема изложения огромного фактического материала по истории Коми края с древнейших времен до наших дней в пяти-шести лекциях. Требуется тщательный отбор наиболее значимых и ярких фактов, выявление основных тенденций в социально-экономическом, политическом, культурном развитии с тем, чтобы создать целостное представление об историческом прошлом Коми края. Программа спецкурса включает такие темы, как древнейшее прошлое Коми края, присоединение Коми края к Русскому государству, Коми край в составе Российского государства в XVI - начале

XX вв. (формирование этнической территории коми, социально-экономическое развитие, культура, образование, здравоохранение), установление Советской власти и гражданская война в Коми крае, советский период в истории Коми Республики, Коми Республика в 90-е годы XX века.

В связи с ограниченностью времени, выделяемого на спецкурс, одни проблемы удается изложить достаточно подробно, другие - обзорно с учетом того, что отдельные аспекты их рассматриваются в спецкурсах по истории, географии, экономике и культуре Коми Республики. Так, на факультете педагогики и методики начального образования, где половина студентов получает вторую специальность «Учитель коми языка и литературы», девять преподавателей читают четырнадцать спецкурсов по национально-региональной тематике: профессор О.В. Золотарев - два спецкурса «Советская школьная политика и ее осуществление в Коми Автономии» и «История народного образования в Республике Коми», доцент Д.А. Коновалов - спецкурс «Экономика Коми Республики», доцент О.В. Ведерникова - спецкурсы «Изучение коми фольклора на интегрированной основе» и «Коми фольклор в культурологическом аспекте», доцент А.Е. Оксенюк - спецкурсы «Идеи и традиции этнокультуры народа коми», «Коми изобразительный фольклор», «Этнографические аспекты культуры коми» и другие.

На всех факультетах КГПИ преподаватели кафедры географии: профессор Б.А. Мальков, доценты Б.И. Конов, А.П. Обедков, Э.С. Вербаков - читают спецкурс «География Республики Коми». Проблемы научных, географических, этнографических исследований Коми края раскрываются в спецкурсе доцента В.И. Силина «Историческое краеведение» на географо-биологическом факультете.

На филологическом факультете спецкурс профессора А.А. Попова посвящен истории национально-государственного строительства Коми Республики. Проблемы литературного краеведения раскрываются в спецкурсе доцента З.Я. Немшиловой. На индустриально-педагогическом факультете специализация студентов по декоративно-прикладному искусству коми осуществляется под руководством профессора В.Ф. Канева.

Темы спецкурсов по национально-региональным проблемам очень разнообразны, но они неравномерно распределены по факультетам, что связано с особенностями подготовки специалистов и научными интересами преподавателей этих факультетов. Важной является задача координации и согласования программ по национально-региональной тематике. От преподавателя, ведущего спецкурс по истории Коми

Республики, требуется гибкий учет специфики факультета, читаемых на нем спецкурсов по национально-региональным проблемам с тем, чтобы знания студентов по истории являлись основой формирования научного мировоззрения.

Углубленному изучению истории Коми края способствуют экскурсии в Национальный музей, музей археологии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, музей просвещения и культуры Коми края СГУ, музей истории КГПИ. Эти экскурсии дополняют те вопросы лекций по региональной истории, которые излагаются обзорно, придают им образность, наглядность, эмоциональность, позволяют соприкоснуться с ушедшей эпохой, способствуют воспитанию музейной культуры будущих учителей. Вузовскую лекцию «Древнейшее прошлое Коми края» прекрасно иллюстрирует экспозиция Национального музея «Первобытнообщинный строй на территории Коми края». Тематика музейных экскурсий позволяет учитывать специфику факультетов КГПИ. Для студентов индустриально-педагогического факультета, специализирующихся по декоративно-прикладному искусству, познавательной является экскурсия «Художественная обработка дерева», для студентов коми отделения факультета педагогики и методики начального образования - лекция в отделе этнографии «Семейный быт и духовная культура народа коми. Конец XIX-нач. XX вв.» для студентов филологического факультета - лекции о жизни и творчестве И.А. Куратова, К.Ф. Жакова, В.А. Савина, о репрессиях коми писателей в музее И.А. Куратова.

В пединституте доброй традицией стало проведение первого семинарского занятия по учебному курсу истории на всех факультетах в музее КГПИ, где бережно сохраняется память о преподавателях и выпускниках вуза. Нередко студенты узнают среди них своих учителей, родственников или знакомых. О становлении КГПИ, истории факультетов, поколениях студентов, их особенностях, ученых, знаменитых выпускниках на экскурсии рассказывают заведующий кафедрой истории и экономической теории, директор музея истории КГПИ Л.А. Жданов, сотрудник Национального музея Э.В. Роттэ. Знакомство с историей и традициями пединститута способствует воспитанию уважения к учительскому труду, гордости за выбранную профессию.

Практическим результатом краеведческой работы являются рефераты, доклады, выступления студентов на семинарах, студенческих поточных конференциях по курсу истории. Интерес студентов вызывают такие темы, как «Присоединение Коми края к Русскому государству», «Стефан Пермский - просветитель коми народа», «Гражданская война в Коми крае», «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны» и другие. Рефераты по истории своего села, как правило,

отличает самостоятельный, исследовательский подход к прошлому своей малой родины. В работах студентов факультета педагогики и методики начального образования В. Носовой «История села Визинга», В. Амосовой «История села Важгорт», Е. Паниной «Короткое путешествие в прошлое Усть-Куломского района», В. Лапшиной «История села Чухлом» были использованы материалы школьных музеев, публикации районных газет, воспоминания односельчан.

Отдельные вопросы по истории Коми Республики включаются в планы семинарских занятий и в экзаменационные билеты по курсу истории мировых цивилизаций. Однако введение этого предмета вместо курса отечественной истории резко ограничило возможности изучения в нем региональной тематики. Кафедра истории и экономической теории КГПИ ставит вопрос о необходимости возвращения к преподаванию истории России и увеличения часов на его изучение, что соответствует современной концепции высшего образования, предусматривающей его гуманизацию и гуманитаризацию. Тем самым будут расширены возможности изучения истории Коми Республики в общем учебном курсе. Это будет способствовать всестороннему познанию исторического прошлого своего народа в контексте истории России, воспитанию будущих учителей как хранителей социокультурных ценностей народов Коми края.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

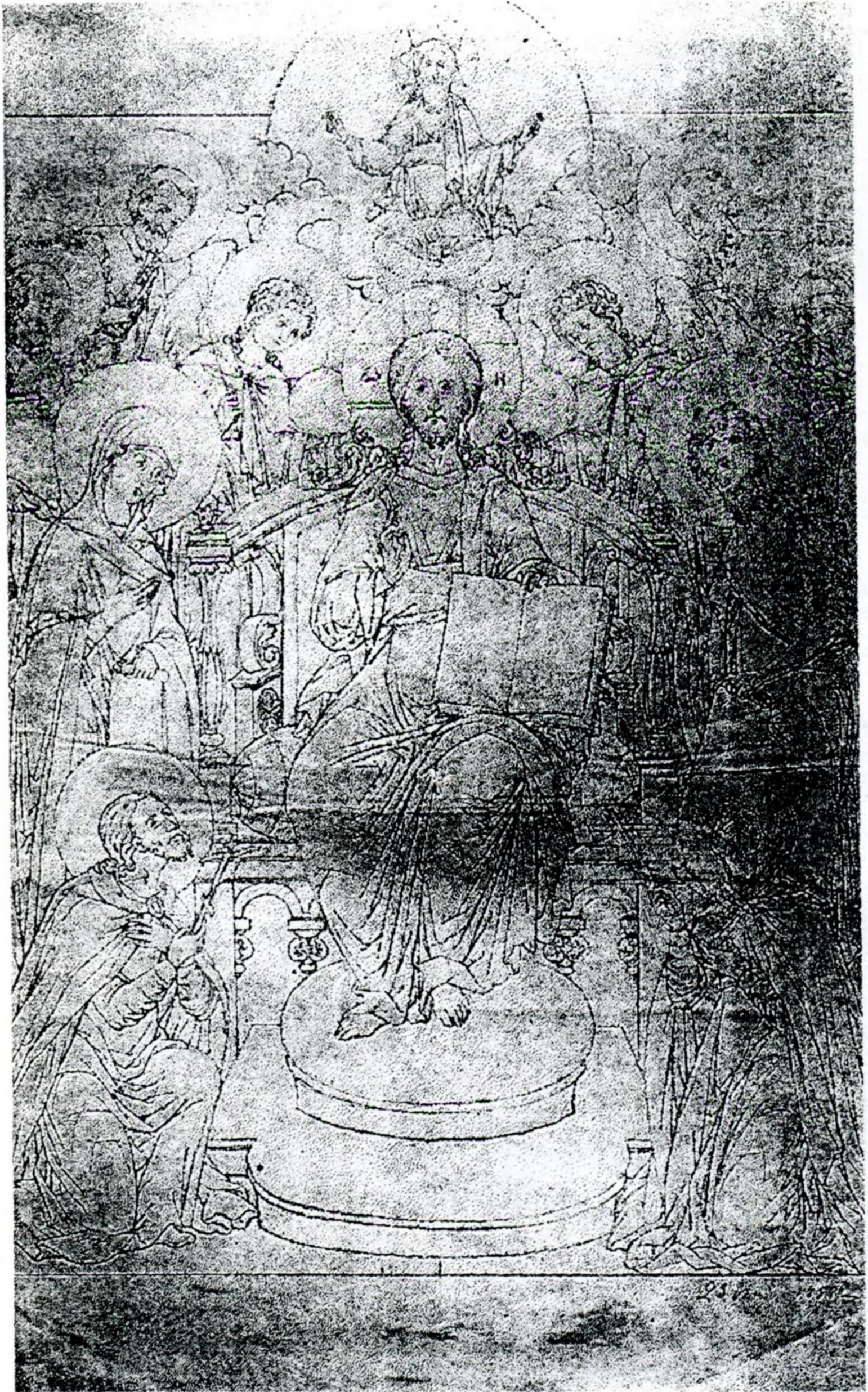

Рис. 4

Рис.5

Плаксина Н.Е. (Иконные прориси С.Е. Шармонова из фондов Национального музея республики Коми.)

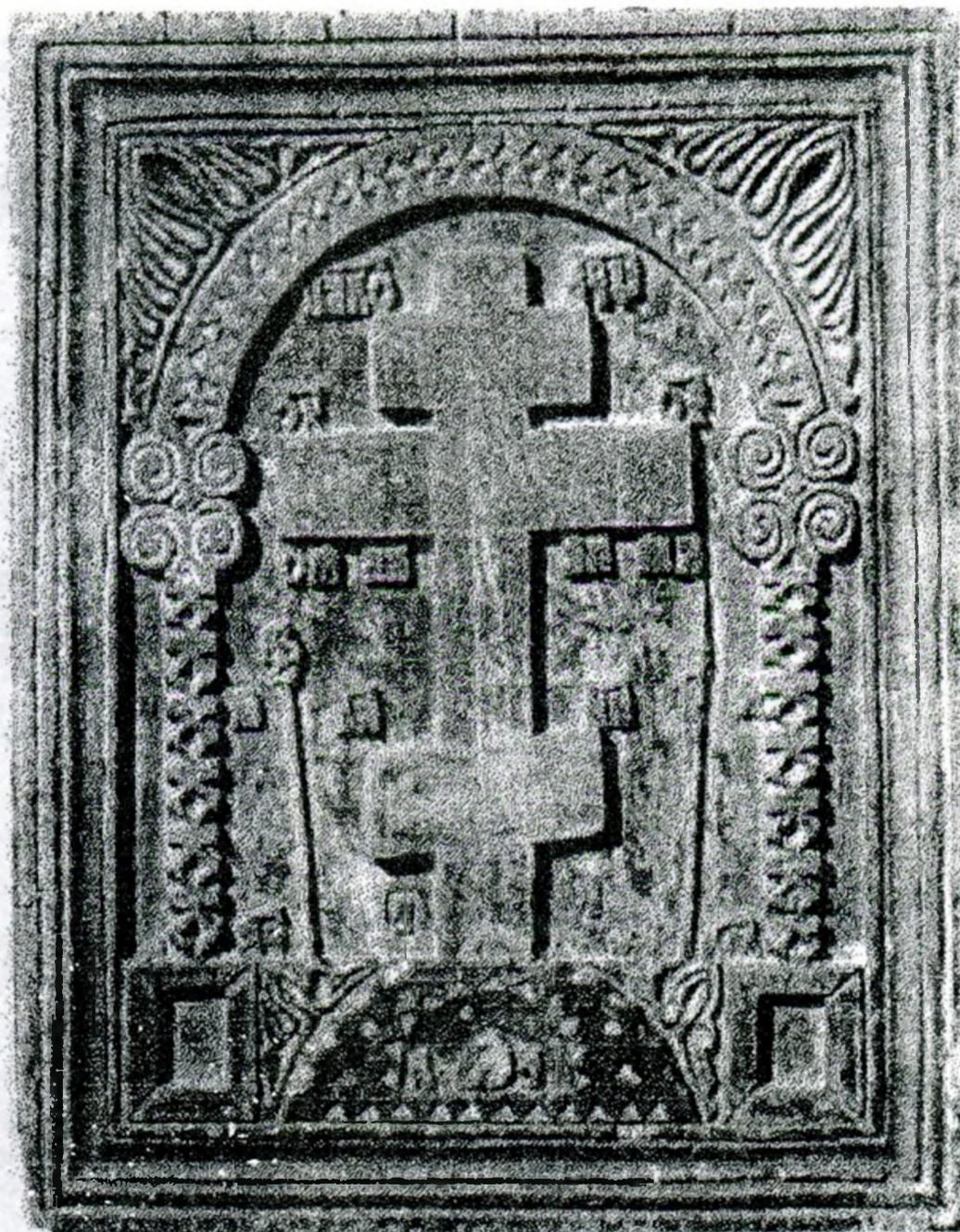
Рис. 6

Плаксина Н.Е. (Иконные прорисы С.Е. Шармонова из фондов
Национального музея республики Коми.)

Рис.7.
Репродукция рисунка А.А.Рылова. Паршуков В.Ф.
(Возвращение Ненилы)

Фото 1.
Резная намогильная икона.
Середина XIX века,
с. Важгорт,
Удорский район

Фото 2.
Резная намогильная икона.
Начало XX века,
Усть-Вымский район
Республики Коми.
Фонды НМРК.

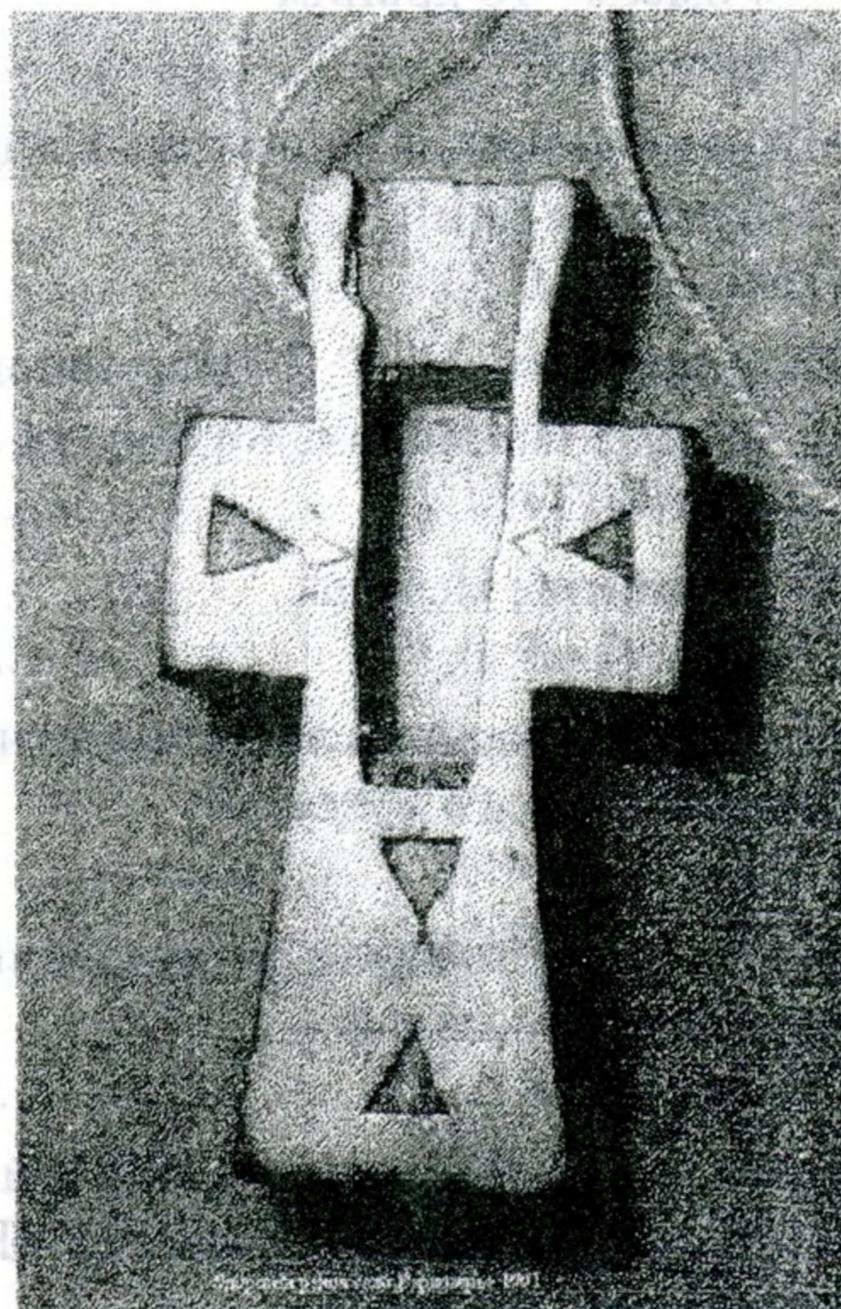
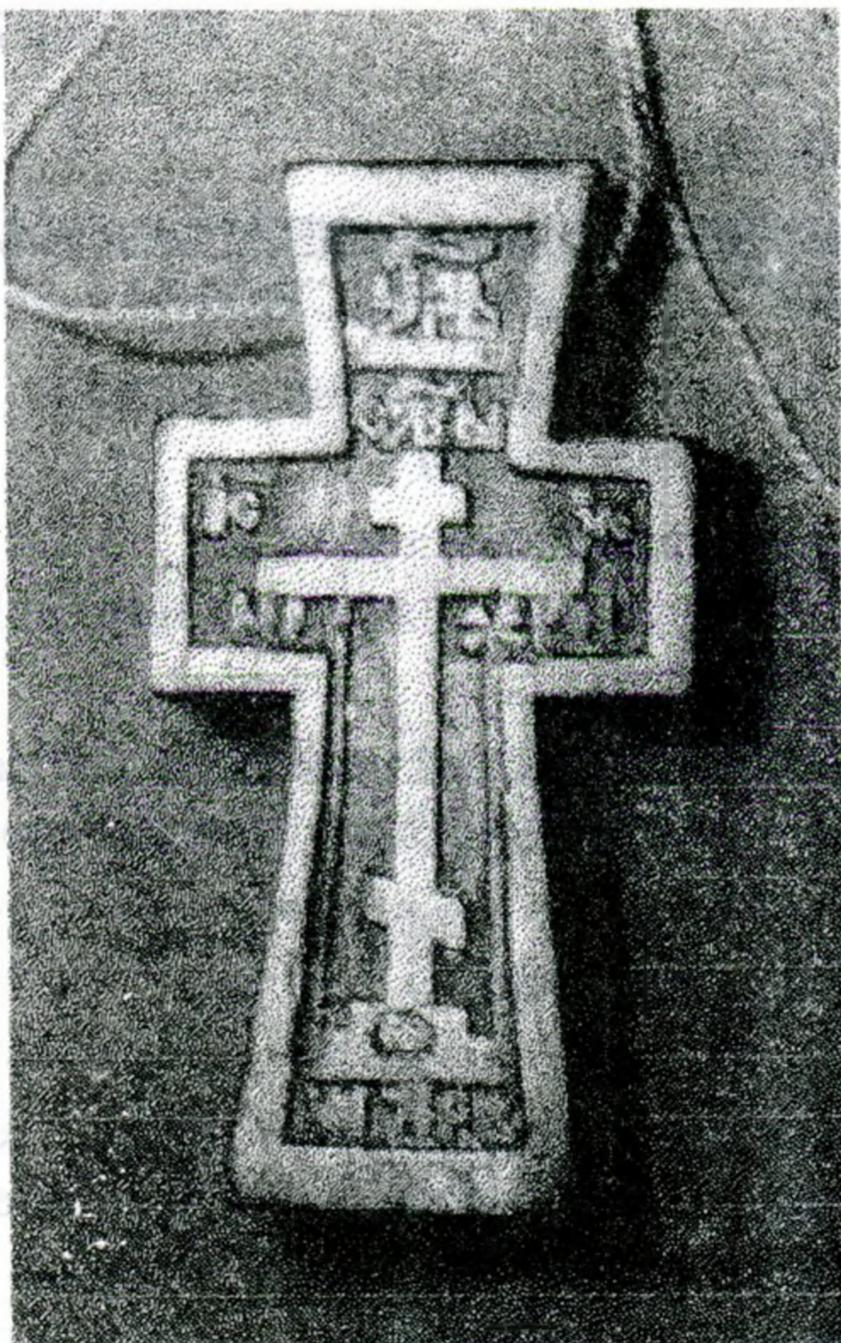

Фото 3.
Резная намогильная икона.
Начало XX века,
с. Даниловка,
Троицко-Печорский район
Республики Коми, 1994 г.
Фото В. Э. Шаранова.

Фото 4.
Резная намогильная икона.
Начало XX века,
с. Аранец, Троицко-
Печорский район
Республики Коми, 1996 г.
Фото А. А. Чувьюрова

Фото 5, 6
Старообрядческий
крест-мошевик, хранившийся в
красном углу заброшенного дома.
Середина XIX века,
с. Верхозерье, Удорский район
Республики Коми, 1992 г.
Фото В.Э. Шарпова.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ: ПЕРСОНАЛИИ, КОЛЛЕКЦИИ, ЭКСПОЗИЦИИ, ВЫСТАВКИ.....	4
Перелистывая страницы истории (<i>Стрекалова В. М.</i>)	4
Подвижник краеведения (к 95-летию со дня рождения С.А. Попова) (<i>Сова В. А.</i>).....	10
Республиканский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны (<i>Сова В. А.</i>)	17
Первопроходец (<i>Сова В. А.</i>).....	25
Организация музейного дела на территории Европейского Севера (1917 – конец 20 – х гг.) (<i>Патова Е. М.</i>).....	32
Что имеем - то храним (<i>Титова Н. В.</i>).....	42
Нумизматическая коллекция Национального музея Республики Коми (<i>Бандура С. В.</i>).....	46
Иконные прориси С. Е. Шармонова из фондов Национального музея Республики Коми (<i>Плаксина Н. Е.</i>).....	48
Возвращение Ненилы (<i>Паршуков В. Ф.</i>).....	66
Отражение жизни и деятельности А. А. Чернова в коллекциях Национального музея РК (<i>Трусова О. А.</i>).....	68
История и источники формирования коллекции нювчимского литья (<i>Зеленский В. С.</i>).....	71
Христианский аспект в народной культуре коми по материалам коллекций икон НМРК (<i>Смирнова О. Н.</i>).....	73

Фотолетопись жизни города (<i>Ларукова Р.И., Потолицына Е.Н.</i>).....	93
“Портреты и судьбы”: опыт исторической реконструкции музейной экспозиции (<i>Котылев А.Ю., Котылева И.Н.</i>).....	97
“Дерево счастья”. Экспериментальная программа по работе с детьми на базе отдела этнографии НМРК. Первые итоги (<i>Пьянкова Т.А.</i>).....	104
Тема защиты Отечества на экспозиции отдела истории (до 1917 г.) (<i>Люосева Л.Д.</i>).....	110
Из истории проведения городских краеведческих олимпиад (<i>Косолапова Т.А.</i>).....	123
У каждого музея свой праздник (<i>Усатова Е.А.</i>).....	126
Ненецкий окружной краеведческий музей – сокровищница культурных ценностей (<i>Журавлева Т.Ю.</i>).....	129
Письменные источники XIX – начала XX веков в фондах Ненецкого окружного краеведческого музея (<i>Белова Т.Ю.</i>).....	136
ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	141
Проблемы археологии Интинского района и роль краеведческого музея в их планомерном решении на современном этапе и в перспективе (<i>Селезнева О.М.</i>).....	141
Административно – территориальное деление Коми края в конце XV – 70-х годах XVI века (<i>Жеребцов И.Л.</i>).....	143
История заселения и административно-территориального деления верховьев Печоры (<i>Сивоха И.Н.</i>).....	152
Государственное и сословное налогообложение крестьян Коми края в конце XVIII – первой половине XIX в. (<i>Котов П.П.</i>).....	167

Символика цвета и числа в гончарстве коми (зырян) (Чудова Т.И.).....	179
Заветные праздники коми – зырян (Чувьюров А.А.).....	183
О традиции изготовления резных деревянных икон и нательных крестов у коми – старообрядцев беспоповцев (Шарапов В.Э.).....	191
Трепала в контексте космогонических представлений о создании нити/полотна (на примере коллекции трепал из собрания Национального музея Республики Коми) (Котылева И.Н.).....	198
Из истории Ношульского одноклассного училища (Боле Е.Н.).....	204
К истории строительства Усть – Сысольского Троицкого собора (Потолицына Е.Н.).....	220
К истории бытования медного художественного литья среди русского и ненецкого населения Европейских тундр в XIX – нач. XX вв. (Меньшакова Е.Г.).....	231
Печорская опытная сельскохозяйственная станция. Начало пути (Рочева Л.К.).....	237
Жители Печорского уезда – участники первой мировой войны (Носова В.П.).....	242
Усть – Сысольская городская Дума в годы революции и гражданской войны (1917 – 1919 гг.) (Таскаев М.В.).....	244
Деятельность Усть – Сысольского уездного отдела социального обеспечения по оказанию помощи пострадавшим от военных действий (1918 – 1921) (Сурков Н.И.).....	250
Кооперация как важнейший инструмент развития индивидуального крестьянского хозяйства (взгляды историков) (Шшикин А.А.).....	261

Выставочная деятельность на территории современной Республики Коми в дореволюционный период (Макеев А.В.).....	266
Коми ИНО (Золотарёв О.В.).....	274
Кузница кадров (Хатанзейский Н.К.).....	281
Поиск. Учительская династия Филипповых (Наквасина Л.А.).....	286
Лесное хозяйство и лесные ресурсы Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (Юшкова Н.А.).....	288
Одна профессия – солдат (Кривошеева И.).....	293
Труженица тыла (Горская А.В.).....	296
Строительство Жешартского фанерного завода в годы Великой Отечественной войны (Юшкова Н.А.).....	304
Жил художник Митюшов (Кублицкий В.В.).....	308
Термин <i>пермский</i> в работах И.А. Куратова (Тираспольский Г.И.).....	311
Музыкальная игра как тема, мотив и метафора в произведениях К.Ф. Жакова (Котылев А.Ю.).....	316
К вопросу о судьбе архива В.Т. Чисталёва (Кызьюров Л.А.).....	321
“Вихрем промчались годы, гремучие годы мои...” (к 100- летию со дня рождения Ф.Г. Тараканова) (Холопова Д.Г.).....	329
Национально-региональный компонент в преподавании истории в Коми государственном педагогическом институте (Афанасьева Н.Л.).....	337
Содержание	348

Издательство «Миян Кыв»
167000 г.Сыктывкар, ул.Интернациональная, 157
Телефон (8212) 44-62-49
Лицензия КР № 0055 от 01.09.1999 г.
Отпечатано на ризографе. Бумага офсетная.
Заказ № 1568. Тираж 230 экз.